
Анна Веммер
В этой сказке
принцев нет...
18+
#Золушка
в постель
Современный любовный роман

#Золушка в постель

Анна Веммер

Аннотация
Анна Веммер. #Золушка в постель
Предисловие
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Эпилог

Аннотация

Книги Анны Веммер – новое слово в жанре современной сентиментальной прозы. Каждый роман автора – это трогательная история о семейных ценностях, дружбе и любви.

Аня Калинина – сирота, ей приходится работать горничной, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Игорь Крестовский – успешный бизнесмен и глава уважаемой семьи. Он привык держать все под контролем.

Выполняя завещание своего покойного отца, он приглашает Аню к себе домой. Кто она такая? И почему отец решил оставить ей часть наследства? Игорь обязательно выяснит это. Вот только почему его так сильно тянет к этой девушке?

Анна Веммер
#Zолушка в постель

Предисловие

Когда-то эта книга называлась «Звездный ветер». Но я почему-то считала, что это название ей не подходит.

Однажды молодой человек принес мне кофе в постель. Как в кино, дымящуюся чашку и конфетку в яркой обертке, мою любимую. Утреннее солнце, ароматный кофе, романтика и забота — было приятно, не спорю. Только вот обратная сторона романтической сказки оказалась… прозаичной.

Сначала оглушительно громко работала кофемашина, потом раздался «бздынь!» и следом за ним «блин!» — так погибла кружка из любимого сервиза, потом я обнаружила, что пить кофе с нечищеными зубами совсем невкусно, а вместо конфетки желудок требует хотя бы бутерброд.

Вечером я села и поменяла название файла на «#Золушка в постель». Как кофе в постель: красивая картинка для соцсетей — разочаровывающая реальность. Сказка об удачливой Золушке — непростая жизнь в мире, где ей совсем не рады.

Конечно, это всего лишь красивая история

любви. Я вообще предпочитаю писать о любви, потому что писать о ненависти желающих и без меня достаточно. Но еще эта книга о том, что мне бы хотелось прокричать так громко, как только возможно. А автор всегда говорит через своих героев.

Аня Калинина должна понять, что любые отношения требуют работы. Что можно нести свет даже в абсолютной темноте, и вскоре непременно из нее выбраться. Что не все, кого мы называем друзьями, являются таковыми на самом деле, а некоторые враги могут оказаться самыми близкими людьми. И что не всегда мы такие, как о нас думают люди вокруг.

Игорь Крестовский — это история о том, как меняет людей ответственность за семью. И как сложно эту ответственность принимать. О том, как тяжело сохранять баланс между любовью и строгостью по отношению к тем, кого хочешь защитить.

Самая сложная для меня линия в этой книге — Кристина Крестовская. На первый взгляд она вызывает неприязнь, на второй — презрение. «Нельзя о таком писать!» — первая мысль, которая возникнет, когда вы дойдете до середины девятой главы. Но если дочитаете до конца, то,

хочется верить, я сумею вас удивить. И, может, вы если не полюбите ее, то хотя бы поймете.

Потому что история Кристины, она о том, как важно родителям любить своих детей. Что никакие деньги не заменят родительской заботы. Что порой детям не нужно все самое лучшее, им нужно немного тепла. Ну и заботы не только о физическом, но и о ментальном здоровье — оно в случае Крис даже чуть более важно.

Может показаться, что книга — сборник нравоучений от автора, но нет. В первую очередь это сказка о Золушке. Только не той, что сбежала с бала в полночь. Здесь вместо феи-крестной — бездушное завещание, вместо принца — совсем не идеальный богач, вместо злобных сестер — избалованные наследники, а вместо превращающейся в карету тыквы страшная тайна прошлого, спустя много лет связавшая судьбы Ани и семьи Крестовских.

Ах да, еще здесь есть Алекс… но, если захотите, его историю я расскажу отдельно, она стоит того.

С любовью к своим читателям, коллегам и команде, давшей «#Золушке» шанс покорить ваши книжные полки.

Анна Веммер

Глава 1

Папа нередко называл меня звездным ветром. За веселый характер, за синие глаза и любовь к блесткам. О, я просто обожала эти маленькие мерцающие частички. Они казались приветом из другого мира. Благополучного, сытого, счастливого. Там, где дети носили сверкающие платья, все было иначе, нежели у нас. Но, несмотря на все трудности, я любила это прозвище, и особенно интонацию, с которой его произносил отец. Ласково и тепло.

Уже больше года никто меня так не называл.

Воспоминания, как всегда, накатывают не вовремя. За рулем или пока красишь ресницы. Или когда драишь унитаз в очередном, кажется, десятом по счету, гостиничном номере.

Я трясу головой, чтобы избавиться от накатившей тоски, и иду к тележке за одноразовым шампунем и щетками. Номер блестит, но кому есть до этого дело? Я даже не знаю, заедет ли кто-то сюда сегодня. В голове лишь мысли о том, что вот-вот закончится смена и я упаду в постель без задних ног. О, блаженствует тот, у кого впереди

выходной!

— Аня… — слышу я из коридора и узнаю голос Анзурат — еще одной горничной.

Она держится за живот и морщится, будто от боли. Хмурюсь:

— Тебе плохо?

— Да, что-то желудок болит.

Вздыхаю. Анзурат начисто игнорирует все мои попытки объяснить, к чему ведет плохое питание. Я знаю, что она отправляет деньги старенькой маме, но все равно злюсь, потому что теперь мне придется убирать и ее номера.

— Мне остался только люкс, — говорит она. — Поможешь? Смену пополам.

Снова вздыхаю, но знаю, что соглашусь. Не отправлять же ее работать больную, да и лишняя копеечка не помешает. Хоть она и в прямом смысле копеечка, ведь Анзурат платят еще меньше, чем мне.

«Настоящая дискриминация», — думаю я, поднимаясь на двадцать пятый этаж, к люксам и студиям. В огромном штате горничных большинство — приезжие. Такие, как Анзурат, берущиеся за любую работу, чтобы хоть немного денег отправить семье. И такие, как я, — девицы без образования и жилья. Нам хоть и не надо

отправлять никому деньги, все равно живется не слишком кучеряво.

Из люкса недавно выехала вполне приличная семейная пара. Кажется, они были туристами из Лондона. В любом случае они оставили номер практически в идеальном состоянии, и я резво берусь за уборку. За окном уже давно стемнело, и на меня смотрит огромная луна. В центре города, где нет заводов и смога, ее видно очень хорошо. Задвигаю шторы: мне немного неуютно в ее свете.

Шумит пылесос, я напеваю под нос какую-то дурацкую песенку, а потому не слышу за своей спиной тяжелые шаги. Ковролин глушит все звуки, и, когда мне на плечо опускается рука, я вскрикиваю и отпрыгиваю в сторону — мне адски страшно. Сердце бухает в груди как сумасшедшее.

— Простите, — говорит незнакомец.

Я выключаю пылесос и украдкой его рассматриваю. Он выше меня на две головы, четко очерченные скулы, темные, почти черные глаза и тонкие губы придают ему немного суровый вид. Наглухо застегнутое драповое пальто идеально: на нем ни пылинки, ни капельки дождя.

— Извините, — почему-то я говорю это почти

шепотом.

Он пугает меня. Пугает пристальным взглядом, пугает видом. Один мир вдруг столкнулся с другим, а такие касания никогда не несут ничего хорошего.

— Это мой номер, — говорит он.

— О… прошу прощения. Я не успела его убрать, у вас ранний заезд?

— Да, я приехал внезапно.

— Все будет готово через тридцать минут. Дальше по коридору вы можете пройти в ВИП-гостиную, вам подадут кофе или другие напитки, закуски и свежую прессу.

— Спасибо. — Он все так же не сводит с меня глаз.

Мы стоим и совершенно по-идиотски пялимся друг на друга. Он не двигается с места, а моя рука замерла над кнопкой включения пылесоса.

Это то, что я ненавижу: его взгляд буквально ощупывает меня с ног до головы. Как ученый под микроскопом изучает клетку, богач рассматривает прислугу, традиционно задерживая взгляд на голых коленках. Я подавляю желание одернуть юбку и, как барон Мюнхгаузен, вытаскиваю себя за косичку из болота: включаю пылесос и начинаю обрабатывать диван.

Краем уха слышу, как он уходит, и с ужасом понимаю, что сердце бьется прямо у горла, отчего меня слегка мутит.

На самом деле только в кино симпатичную горничную увозит страстный миллионер и они живут долго и счастливо. В нашем сериале иной сюжет: мы — невидимки. Редко кто обращает внимание на худеньких девочек, снующих туда-сюда в бело-голубых платьях. Ну, это если не нужно наорать за какой-нибудь промах, конечно. Тут мы в первых рядах, отгребаем больше, чем можем унести.

Обычно я убираюсь намного медленнее. На уборку номера нам дают два часа, и за эти два часа мы должны вылизать все. Но в этот раз почему-то хочется закончить как можно скорее. Усталость забыта, я летаю по комнате с тряпкой и тщательно вытираю каждую поверхность. А когда заканчиваю, понимаю, что уложилась минута в минуту: стрелка на часах останавливается на цифре восемь.

Окидываю номер оценивающим взглядом и киваю: все убрано почти идеально. Отваливается спина, гудят ноги, но близость окончания смены толкает вперед, уговаривает потерпеть еще чуть-чуть. Я отвожу тележку и иду в гостиную, чтобы

сказать гостю об окончании уборки.

Он пьет красное вино, а из удобного кожаного кресла открывается потрясающий вид на город. Я так редко бываю в ВИП-гостиной, что этот вид завораживает меня, захватывает дух.

Мужчина видит меня в отражении в окне и оборачивается.

— Номер готов, у вас будут ко мне какие-то просьбы?

— Будет… — Его голос хриплый, низкий, окутывает странным жаром. — Как тебя зовут?

— Анна.

— А фамилия?

Хмурюсь: ему совершенно незачем знать обо мне больше, чем имя на бейджике. Тем более что завтра его номер будет убирать совсем другая девушка.

— Извините меня, но у нас строгие правила. Я не могу беседовать с гостем на отвлеченные темы.

Кошусь на бармена за стойкой, но он не то действительно нас не слышит, не то делает вид.

— Хорошо. — Гость поднимается и ставит бокал на стойку. — Покажи, где номер, я не очень хорошо у вас ориентируюсь.

Выхожу из гостиной. Чувствую затылком его

внимательный взгляд и стараюсь идти ровно и спокойно.

Не сказать чтобы внимание гостя для горничной было в новинку: пошутить и пофлиртовать с хорошенькой девчонкой хотят нередко. Но от обычного гостя легко отшутиться, ему можно улыбнуться — и уйти работать дальше, отчасти даже испытывая радость от неожиданного комплимента.

С ним не работает. С ним чувствуешь себя не легко, а словно во сне, с трудом преодолеваешь бесконечный коридор. Каждый шаг требует таких затрат энергии, что, остановившись перед дверью его номера, я на миг касаюсь ладонью холодного дерева.

— Все в порядке? — спрашивает он. — Анна, ты кажешься бледной. Тебе надо сесть.

Я пытаюсь протестовать, но его пальцы смыкаются на моем плече. Хватка настолько сильная, что ничего другого не остается: я вхожу в номер и падаю в кресло, к которому он меня подводит.

— Со мной все в порядке, правда, — делаю вялую попытку подняться. — Я устала под конец смены, мне надо успеть на метро…

— Метро будет работать еще долго, — отрезает гость. — Сиди.

Наливает в высокий стакан воды и протягивает мне. Я молюсь, чтобы он не заметил, как дрожит рука.

— Тебе следует больше отдыхать. В двадцать кажется, что здоровье бесконечно, однако это не всегда так.

Я делаю глоток воды, и тут меня озаряет: откуда он знает мой возраст?! Я бормочу слова благодарности и поднимаюсь. Хочу сбежать отсюда раз и навсегда, но моя попытка прерывается его… нет, не криком и не приказом, а каким-то глухим рыком:

— Сиди!

— Что за…

— Сиди, Анна, мне нужно с тобой поговорить.

— О чем? Я вас не знаю, и учтите, у меня есть рация, и вы не можете держать меня здесь силой!

— А у меня есть деньги, чтобы заткнуть твоей рации рот. Посиди немного и послушай. Тебе говорит что-нибудь фамилия Крестовский?

Качаю головой, окончательно переставая что-либо понимать.

— Хорошо, а Ампилов?

— Это… это фамилия папы.

Он знает отца? Слишком молод, чтобы быть его другом или знакомым. Слишком взрослый, чтобы

быть воспитанником. Кто?

— Отлично. Значит, я не ошибся. Ты дочь Ампилова.

Снова киваю, сжимая стакан. Он наверняка вот-вот разлетится на тысячу маленьких осколков.

— Меня зовут Игорь Крестовский, я — сын Олега Крестовского. Отец умер, и теперь ты — ключ к его завещанию и моим деньгам.

Приехали. Кажется, я схожу с ума.

— Вы что-то путаете. Я не могу иметь отношение к каким-то деньгам. У меня нет родных, друзей, а папа был школьным учителем. Вряд ли он прятал золото в школьном спортзале.

Я чувствую, как тиски страха немного разжимаются, и снова получаю способность защищаться. Этот человек рушит мой привычный мир, а еще он враждебен. Я чувствую это и внутренне напрягаюсь. Ничего хорошего ждать не приходится.

— Боюсь, что я ничего не путаю, — говорит он. — Мой отец умер полгода назад.

— Соболезную, — говорю я и тут же осекаюсь под недовольным взглядом — призывом не перебивать.

— В его завещании было условие. Мы получим все деньги лишь в том случае, если разыщем тебя, Калинину Анну Артемовну, и ближайшие

пять лет будем обеспечивать. Там много разных условий, подробнее сможешь ознакомиться с текстом в машине.

— В к-какой машине?

— Ты едешь со мной.

Он говорит это так легко и просто, словно речь идет о чем-то рядовом. Показать дорогу или посидеть денек с ребенком. Вот только речь идет не о работе няни, а о… впрочем, я даже не знаю о чем.

— Почему ваш отец поставил такое условие? Я ведь никогда о нем не слышала.

— Не имею ни малейшего понятия. — Он перестает буравить меня взглядом и отворачивается к окну.

Страх ослабевает еще немного.

— Нужно будет сделать ДНК-тест. После него, возможно, что-то прояснится.

— Что прояснится?

— Не знаю. — Он пожимает плечами: — Может, мой отец знал твою мать, а твой отец ходил с рогами. Всякое бывает.

— Не смейте так про мою семью!

— Ой, — Крестовский морщится, — давай только без пафоса. Я не знаю, почему мой отец заставил нас тебя обеспечивать. И не уверен, что хочу знать. Сейчас моя задача — организовать

все с наименьшими потерями.

— А что насчет моих потерь?

— Ну конечно, будет обидно потерять такое теплое местечко в штате этого клоповника, — язвительно произносит он.

Я задумчиво смотрю на мужчину и думаю, что внешняя красота совсем не обязательно отражает внутреннюю. Или деньги — это яд, который медленно отравляет организм? С самого рождения крохотными дозами уничтожает внутри что-то хорошее, что есть даже в усталой и хмурой уборщице Анзурат, но почему-то нет в этом холеном и красивом мужчине.

— Ты меня слушаешь вообще? — Он сердится.

Я понимаю, что за размышлениями практически отключилась.

— Я говорю, что предлагаю тебе сделку. Ты побудешь хорошей девочкой на обеспечении богатой семьи, а я тебе за это заплачу. И не придется унитазы драить — тоже несомненный плюс.

Уехать в неизвестность с тем, кто поманил деньгами? Нет, я слишком хорошо знаю, чем заканчиваются подобные авантюры. Девушки, которых никто не будет искать, бедные, готовые взяться за любую работу — лакомый кусочек для проходимцев.

Я стараюсь не думать о том, что Крестовский нашел меня словно специально, выяснил так много подробностей. Я стараюсь сообразить, как сбежать отсюда. Кошусь на дверь, но она заперта.

— Ты вообще представляешь, о каких деньгах идет речь? Одной сотой этой суммы хватит тебе и твоим детям на безбедную жизнь.

— И ради денег я, по-вашему, брошу все, сорвусь и буду жить в неизвестно чьем доме по воле незнакомого мертвого мужика? Да и воле, подкрепленной пока только вашими словами? Вы запираете меня в комнате, говорите странные вещи, неужели всерьез надеетесь, что я забуду об осторожности и поведусь на сказку о Золушке? Сяду в вашу машину и уеду в неизвестность? Если вы сейчас же не отпустите меня, я вызову полицию!

У меня нет с собой телефона, есть только рация, по которой можно связаться с консьержем, но Крестовский об этом не знает. Сердце гулко стучит, я надеюсь, что он испугается, но на лице его не отражается ни единой эмоции. Кроме, может быть, легкого раздражения.

— Понятно. На то, что будет просто, я даже не надеялся.

Мы некоторое время молчим, но мое терпение на исходе. Первое впечатление, произведенное этим Крестовским, уходит. Я снова становлюсь собой, я готова к бою. Но он или знает это, или просто не хочет связываться. Пожимает плечами:

— С тобой свяжется мой адвокат.

Я думаю, что вряд ли стану с ним разговаривать, но вслух это не произношу. Поднимаюсь и коротко прощаюсь. Карта-ключ от номера лежит на столе, я беру ее и крепко сжимаю. Вот мой путь на свободу. Едва я окажусь за дверями номера, спрятаться будет проще. В голове вертятся смутные воспоминания о каких-то бесплатных юридических консультациях и центрах по борьбе с мошенничеством, но ничего конкретного я вспомнить не могу. Дома можно будет залезть в интернет и поискать, наверняка… Хотя о чем я? Не существует ответа на вопрос: «Что делать, если какой-то псих утверждает, что ты вписана в завещание его отца?»

Всю дорогу до комнаты персонала (Анзурат еще называет ее на английский манер «стафф-рум», так, ей кажется, звучит престижнее), из скудных знаний о юриспруденции я пытаюсь понять, могут ли по завещанию совершенно постороннего человека заставить что-то меня сделать.

Логика говорит, что нет, но червячок сомнения неспешно подтачивает уверенность и спокойствие.

— Аня! — старшая горничная радуется, увидев меня. — Я думала, ты уже ушла.

— В люксе была куча работы. Требовательный клиент.

Я достаю из шкафчика сумку и начинаю переодеваться.

— Слушай, а на пару часов еще не останешься? В двенадцати номерах был поздний выезд, а завтра приезжает группа китайцев, человек тридцать! Девочки не справляются. Я тебе дополнительно ночные часы поставлю, побольше.

Замираю, так и не успев натянуть свитер. Очень хочется домой: я устала, растеряна, голова начинает болеть, а еще в ней прочно поселился этот Игорь Крестовский. Но дополнительные ночные часы — это дополнительные деньги. А усталость не такая уж и сильная, бывало и хуже.

— Пожалуйста! — просит старшая. — Завтра все равно выходной, отоспишься!

Наконец я вздыхаю:

— Ладно, давайте номера.

Снова натягиваю изрядно надоевшее платье и надеюсь, что работа отвлечет от неприятного и

странного разговора.

* * *

Я выхожу за час до закрытия метро и несусь через гостиничный парк как сумасшедшая. Ехать мне минут сорок, а пробок в это время почти не бывает, но я все равно тороплюсь. Ночью в центре уютно и не страшно: иллюминация и круглосуточные заведения создают иллюзию безопасности, толпы. Там, где я и еще две девчонки снимаем комнаты, конечно, район жутковат.

От метро меня отделяет лишь четырехполосная магистраль. Сейчас на ней мало машин, а светофор почему-то не работает. Издеваясь, мигает противным желтым светом. Смотрю по сторонам и решаю пропустить черную иномарку, а потом совершить марш-бросок до станции.

За несколько метров до меня машина начинает тормозить. Редко такое случается в центре, обычно водители не спешат пропускать пешеходов. Я благодарно улыбаюсь и ступаю на зебру.

Я всецело поглощена целью и не замечаю, как дверь пассажирского сиденья открывается. Лишь уловив движение позади себя, оборачиваюсь. Но сделать уже ничего не успеваю. Мощный и огромный мужчина в черном костюме буквально

сгребает меня в охапку и тащит к машине.

Несколько секунд я лишь бесшумно пытаюсь вдохнуть, охваченная паникой. Затем кричу, но совсем недолго. Мне закрывают рот. Несколько секунд — и я внутри, а щелчок возвещает о блокировке дверей. Амбал, запихнувший меня в нее, по-прежнему следит рядом. Очевидно, чтобы я не повредила его хозяину.

Которым оказывается не кто иной, как Игорь Крестовский.

А еще ему, по ходу, весело. Черт!

— Вам это с рук не сойдет!

Он невозмутимо кивает.

— Отпустите меня!

— Боюсь, это невозможно. Я хотел с тобой договориться, ты не шла на контакт. Я был вынужден применить силу.

— В полиции будете рассказывать. На что вы надеетесь? Запрете меня в подвале и заставите читать документы? Или что?

— Документы прочитаешь в машине. Потом мы приедем в мой дом, там ты будешь жить до двадцати пяти лет. Об остальном поговорим позже.

— Как у вас все просто. Вот так приеду, буду жить, и поболтаем. И как вам живется в волшебной стране, где исполняются все желания? Вы же

понимаете, что удержать меня будет нереально. Я сбегу, пойду в полицию, буду орать и вырываться. Вы совершаете преступление!

— Всего лишь потенциально дорогое правонарушение. В моей среде нет преступлений, есть поступки, которые ты можешь оплатить и которые нет. Я могу оплатить любые.

Я в буквальном смысле лишаюсь дара речи от такой наглости и уверенности в собственной безнаказанности! А еще с ужасом понимаю, что, скорее всего, он прав. У таких хватает денег откупаться от всех обвинений в свой адрес, заставить его ответить по закону будет архисложно.

Но не невозможно же! Голова начинает лихорадочно соображать. Так, патрульные службы — не вариант. Наверняка такие машины и не останавливают вовсе. Обычные отделения полиции — уже вероятнее, не может же Крестовский дать взятки вообще всем. Хоть где-то найдется человек, который мне поможет!

Основная проблема лишь в том, чтобы выбраться из машины и сбежать. Амбал рядом не выглядит воинственным, но я чувствую и знаю, что он настороже. Пытаюсь понять, куда мы едем, но на самом деле не знаю даже примерно. Я передвигаюсь только на метро и от этого совершенно

не ориентируюсь на местности.

Загорается свет. Мужчина копается в черном кожаном дипломате, а меня, глядя на смартфон, лежащий рядом на сиденье, осеняет: интернет! Крестовский может щедро раздавать взятки, не пускать меня в полицию, но рано или поздно мне представится шанс выйти в интернет. Такой случай наверняка вызовет резонанс, а от тысяч пользователей, следящих за ситуацией, откупиться не выйдет. Я не раз видела, как громкие преступления, в том числе и похищения, вызывали подобный ажиотаж.

— Вот, — он протягивает мне толстую папку с бумагой, — это полный текст завещания, в том числе и указания, касающиеся тебя. Ознакомься.

Я открываю документы. Мне на самом деле интересно: я не верю, что этот Игорь похитил меня с какой-то жуткой целью. Я не верю ни в сексуальное рабство, ни в продажу органов или что там еще крутят по любимым каналам Анзурат.

Завещание начинается скучно и непонятно. Куча фамилий, имен, каких-то активов и акций. Перечисление недвижимости, имущества вроде машин и даже (тут я непроизвольно открыла рот) самолета, вертолета и реанимобиля (зачем вообще он нужен?).

Основными наследниками покойного Крестовского О. А. значатся, как я понимаю, дети:

Крестовский Игорь Олегович, 1986 года рождения;

Крестовский Сергей Олегович, 1994 года рождения;

Крестовская Кристина Олеговна, 1998 года рождения;

Крестовский Александр Олегович, 2000 года рождения.

Целых три миллиона получает некая Тодорова Лиана Михайловна, 1978 года рождения, а…

Я тру глаза, чтобы удостовериться, что мне не привиделось, но буквы неизменно, пока я перечитываю их несколько раз, складываются в мое собственное имя: Калинина Анна Артемовна, 1998 года рождения, согласно завещанию, получает десять процентов от состояния при выполнении некоторых условий. О них написано отдельно.

Вплоть до двадцатипятилетия, чтобы получить наследство, я должна жить в доме Игоря Крестовского (с регистрацией) и получать образование. Относиться к обучению с ответственностью, не допускать оценок «неудовлетворительно» и как минимум получить диплом бакалавра. Специ-

альность на мое усмотрение.

— Бред какой-то, — заключаю я, мельком просмотрев остальные страницы. — Я не знаю вашего отца, не знаю вас, я ничего не понимаю!

— Я понимаю не больше тебя. Однако для меня там есть условия: я обеспечиваю тебя, контролирую учебу и только в этом случае имею доступ к деньгам. Если я не выполняю обязательств, то основная часть наследства перейдет к Сергею, как и обязанности в отношении тебя.

— Бред! — Похоже, только это слово осталось в моем лексиконе. — Нельзя так просто заставить одного человека жить в доме другого! Даже с деньгами всего мира!

— Ты вообще понимаешь, что такое десять процентов? Представляешь, сколько получишь?

— Бесплатный сыр бывает в мышеловке.

— Все условия в завещании.

— Я не понимаю причин.

— Я тоже, именно для этого ты сделаешь ДНК-тест. Ставлю на то, что ты — внебрачная дочь отца. И под старость лет ему стало стыдно, вот и вписал тебя в завещание. Мне пришлось потратить кучу времени, чтобы тебя найти. Я дал тебе всю информацию, которой располагаю. Сама видишь, в какой я ситуации.

Его голос звучит так холодно, что у меня сомнений не остается: не лжет. Условия отца ему противны, я вызываю только досаду. Но он, в отличие от меня, отказаться не может.

А могу ли я?

— Не сказать, чтобы вам совсем ничего не досталось, — хмыкаю, снова перечитывая документы.

— Я хочу все.

— Не сомневаюсь.

Некоторое время мы снова молчим. Я перечитываю абзацы про себя несколько раз, но ни на йоту не приближаюсь к разгадке этой тайны. Совершенно точно, что фамилию Крестовских я никогда не слышала, но вот Олег Крестовский, очевидно, хорошо меня знал. Как минимум он знал отца, поэтому и оставил его данные для моего поиска.

Идея с родством? Бред. Я не похожа на папу, но лишь потому, что мамина копия. Когда мы жили с отцом, я видела ее фотографии. Лет в тридцать наверняка буду выглядеть так же.

А еще я видела их фото с мамой, и если кто-то попытается убедить меня, что мама изменяла отцу, я с уверенностью скажу — наглая ложь. Они были счастливы настолько, насколько вообще могут быть счастливы двое. Мамина рука

чувствовалась в квартире даже спустя много лет после ее смерти.

Может, кто-то из бывших учеников? Или друг, давний однокурсник, достигший высот, узнал о сироте и решил помочь. Но почему с такими условиями? Почему после смерти?

— Как умер ваш отец? — спрашиваю я.

— Проблемы с сердцем. — Игорь пожимает плечами: — Ничего особенного. А что, появились гениальные идеи?

— Нет, — вздыхаю и отдаю папку амбалу. Тот, к моему удивлению, беспрекословно ее куда-то убирает. — Может, они вместе учились или работали. Или папа учил кого-то близкого вашему отцу.

— Ага, и в благодарность он оставил тебе десять процентов от состояния. Ты действительно ничего не знаешь о моем отце.

— Рада, что убедила вас в этом, — холодно парирую и отворачиваюсь к окну.

Мы едем долго, несмотря на поздний час. Выезжаем за город и катим по уютной двухполосной дороге, с обеих сторон окруженной пушистыми елками. Мне хочется вдохнуть запах хвои, но окно заблокировано. Мысленно закатываю глаза: неужели им в голову пришла мысль, что я

попробую сбежать через окно? Большего бреда и вообразить нельзя.

Однако стоит признаться самой себе: сбежать вообще не выйдет, разве что пешком через лес тащиться. На протяжении всей дороги я не вижу ни одного автобуса. А когда из утреннего тумана начинают появляться очертания особняков, понимаю, что мы находимся в одном из коттеджных поселков в черте города. И да — рейсовых автобусов здесь нет, потому что каждый обитатель таких домов (наверное, даже домашние коты) имеет машину.

Мы сворачиваем у особенно высокого монолитного забора, водитель выходит из машины и лично набирает код открытия ворот. Медленно две тяжеленные пластины разъезжаются, пропуская нас на огромную территорию дома. Дома? Дворца! Я видела такие лишь в кино.

Поместье Крестовских (я назвала его именно так, ибо называть эту громадину домом не поворачивается язык) расположено в глубине сада. На первый взгляд сад можно принять за обычный лес, но ухоженные асфальтированные дорожки, незаметные фонари среди листвы и несколько садовников, подстригающих кусты, развенчивают это впечатление.

Амбал выходит первым и открывает дверь с моей стороны. Сидеть, надувшись, внутри глупо, и я выхожу. Случается долгожданное: я вдыхаю вожделенный запах хвои, от которого кружится голова. Хотя скорее кружится она от кислорода и чистого воздуха. В городе такого не почувствуешь.

— Пошли, у меня мало времени, — бросает Игорь.

Не оборачиваясь, он идет по направлению к дому, и мне ничего не остается, как последовать за ним.

Глава 2

Меня не покидает ощущение, что мы в музее. Я смотрю на большую лестницу и не понимаю, как вообще оказалась в этом доме. Он… странный и очень богатый.

Никогда не разбиралась в стилях интерьера, но этот обозвала бы европейской деревней. Все вокруг деревянное, блестящее от лака и пахнущее свежей мебелью. Новая? Тщательно ухоженная? Как бы то ни было, в простоте и отсутствии лишней мебели этот дом смотрится сошедшим с картинки журнала. Нет ничего, что выдавало бы хозяев: раскиданной обуви, книг, тарелок. Слева виднеется часть гостиной и — тут я замираю, ибо видела такое лишь в кино, — огромного панорамного окна. Мне хочется увидеть всю комнату, хочется против воли разума, иррационально. Я осознаю, что смотрюсь как те умилительно-бедные дети, что смотрят на витрины магазинов сладостей, не имея возможности ничего купить.

Но я ничего не могу поделать с этим чувством. Этот дом не подходит мне, а я не подхожу ему. Мы из разных миров, а когда они встречаются,

происходит катастрофа.

В данный момент катастрофа происходит в семье Крестовских.

— Серж! — кричит Игорь. — Алекс, Крис! Спускайтесь немедленно, у меня всего пара минут, я и так опоздал!

Я проглатываю замечание о том, что мог бы и не опаздывать — если бы не похищал ни в чем не повинных девиц. Наверху слышатся шаги, и перед нами появляются двое: девушка и парень.

Девушка невероятно красива. Ее светлые волосы уложены небрежными крупными кольцами, а классическое черное платье дополняет ярко-красный пиджак. Я всегда удивлялась подобному чувству стиля. Мне бы и в голову не пришло так соединить эти вещи, а у нее получилось шикарно. Я даже немного завидую.

— Где Серж? — спрашивает Игорь.

Оба молчат, в упор рассматривают меня. Минута слабости берет верх, и я пытаюсь спрятаться за амбала, но вдруг обнаруживаю, что он куда-то бесшумно исчез. Прятаться некуда.

— Где Серж? — Голос Крестовского становится громче.

— А я знаю? — огрызается девушка. — Я не нянька.

— Понятно. Крис, Алекс — это Анна Калинина, я вам о ней говорил. У меня нет времени водить ее по дому, так что организуйте тут экскурсию и покажите ей ее комнату. Анна, — поворачивается ко мне, — Алекс и Крис — мои брат и сестра. Вечером обсудим все моменты нашего сотрудничества.

— Погодите-ка… — начинаю я, но отвлекаюсь: Крис первая разворачивается и несется по лестнице наверх, за ней следует и брат.

Их враждебность я ощущаю даже на расстоянии.

— Я сказал до вечера, — отрезает Игорь. — Можешь попробовать сбежать. Через лес не рекомендую, долго и холодно, а по дороге ездит патруль, и я их предупредил. Так что давай-ка по-хорошему. Так всем будет проще. Все, располагайся. Про еду спроси у Крис.

С этими словами он уходит. С грохотом захлопывается дверь, а я… я стою посреди этого огромного дома совершенно одна.

Не имея понятия, что делать дальше.

С горечью понимаю, что мужчина был прав: идти пешком до города — вариант не из лучших. Я не знаю дороги, а телефон даже если и покажет ее, все равно зарядка не продержится долго.

Останусь посреди леса. Или в полиции… что еще больше разозлит этого психа-миллионера.

— Наро-о-од? — осторожно зову. — Может, покажете, куда идти?

Ответом мне становится тишина, и она же приносит с собой злость. Или даже ярость — я готова что-нибудь сломать, так сильно во мне кипит возмущение! Я должна их выручить, я — ключ к их наследству, но ощущаю себя какой-то Золушкой во дворце у злобной мачехи.

Я совсем не думаю в этот момент о других условиях завещания. После бессонной ночи мне хочется лечь и закрыть глаза. Может, все окажется сном? Я очнусь в комнате на окраине, позавтракаю осточертевшей гречкой и поеду на работу: драить непрекращающуюся череду унитазов.

Думать, что все это странный сон, — легко и приятно. Я решаюсь побродить по дому и первым делом направляюсь в ту комнату с панорамным окном. Это гостиная: половину стены занимает огромный плазменный телевизор. А под ним… Я зачарованно смотрю на камин, где весело пляшут языки пламени. Он весь украшен причудливой резьбой, это великолепие завораживает. Вкупе с огромным окном камин кажется мне и впрямь

атрибутом королевского дворца.

Здесь же стоит диван, на вид крайне удобный и мягкий. Несколько секунд я колеблюсь, но потом бросаю сумку на пол и сажусь. В конце концов, их проблемы, что я не знаю, куда можно присесть. И что никто не удосужился показать, где можно разуться.

Сил думать о произошедшем просто нет. От голода и недосыпа меня тошнит. Я лишь на секунду, крохотную частичку времени, закрываю глаза, чтобы справиться с головокружением, как проваливаюсь в темноту.

* * *

— Проснись! — Голос врывается в реальность и вытаскивает меня из сладкого глубокого сна. — Проснись, я сказал!

Я с трудом фокусирую взгляд и очень долго вспоминаю, где вообще нахожусь. Сначала сердце пропускает удар: неужели я уснула на работе?! Затем снова бьется, когда видит камин, окно…

Надо мной стоит Игорь Крестовский, мрачный, как сама смерть. Он сложил руки на груди и явно недоволен.

— Какого черта ты здесь делаешь, да еще и с вещами? Я, кажется, велел тебе идти к себе.

— Во-первых, не велел, а просил, — нарочито долго зеваю и улыбаюсь: — Я же не ваша собственность. Во-вторых, к сожалению, в школе мне забыли выдать диплом телепата, так что определить, какая из комнат предназначена для моих вещей, я не смогла. Подайте в суд на Министерство образования.

— Что ты имеешь в виду?

— Где уборная, не подскажете?

Он молча, взирая на меня, как удав на кролика перед обедом, показывает в сторону коридора, на неприметную дверь в углу. Мелькает глупая мысль, что в таком огромном доме на туалетах обязательно должны быть таблички. На самом деле эта провинциальность веселит даже саму меня. А вот Крестовского, похоже, раздражает. Можно представить, как он зол на отца за это завещание.

Я долго умываюсь и жалею, что не взяла с собой расческу. Из зеркала на меня смотрит изможденное и усталое лицо. Сон в положении сидя не пошел на пользу, а еще я с трудом поворачиваю голову. Должно быть, шею продуло.

Жалкое зрелище. Неудивительно, что Крестовский чуть ли не кривится, когда меня видит.

Когда я возвращаюсь, он холодно интересу-

ется:

— Итак, поясни, по какой причине ты здесь разлеглась и почему ты не в своей комнате.

— Потому что я понятия не имею, где находится моя комната. Ваши родственники не пожелали мне ее показать, а бродить по дому, открывая наугад все двери, не имею никакого желания. Вдруг случайно наткнусь на пару семейных скелетов?

Я чувствую, что злюсь. Он похитил меня, силой привез сюда, собирается заставить тут жить и еще недоволен, что я уснула в гостиной? Пусть скажет спасибо, что не поставила на уши весь интернет! Так и вижу заголовки: миллионер, похитивший сироту, заключен под стражу.

Наверное, на моем лице отражается все это, потому что Крестовский хмурится:

— Иди за мной. В следующий раз не показывайся лишний раз в гостиной. Я могу вернуться не один.

— Вы что, хотите сделать из меня Гарри Поттера? Поселить в каморке и скрывать от окружающих? А потом сдадите в какой-нибудь Хогвартс и всем будете говорить, что слегка прибабахнутая племяшка учится в школе для дебилов?

— Идея отличная. Правда, каморкой я бы эту комнату не назвал, но тебе виднее, наверняка

в общаге для гастарбайтеров апартаменты роскошнее.

Я вхожу в комнату, на которую он показывает, и лишаюсь дара речи.

Она большая. Нет, черт подери, она огромная! Куда больше люксов, которые я привыкла убирать. Визуально комната поделена на две части, разделенные встроенным стеллажом. В одной части находится огромная кровать с балдахином и даже небольшим пуфиком. Рядом с кроватью я вижу маленький, но камин! Почти такой же, как в гостиной.

По другую сторону, напротив панорамного окна, высотой от пола до самого потолка, что-то типа гостиного уголка: книжный шкаф, два кресла с чайным столиком и телевизор. Я не вижу нигде шкафа для вещей и недоуменно осматриваюсь. Наконец замечаю две дверцы. Одна ведет в гардеробную — она оказывается как раз размером с ту комнату, что я снимала в складчину. Вторая дверь — ванной, и такой шикарной ванной я еще не видела в своей жизни. Даже на снимках в журналах.

Дизайнер, проектировавший комнаты, явно обладал страстью к большим окнам, потому что в ванной оно тоже есть, прямо напротив

большой джакузи. Против воли (мне очень хочется сохранить достоинство перед Крестовским) я восхищенно осматриваю все, от бронзовой фурнитуры до мягких белоснежных полотенец. Наверное, здорово лежать в такой ванне и смотреть на лес.

Но еще немного жутковато.

— А окно…

— С той стороны оно тонированное. Тебя никто не видит.

Я думаю, что все равно очень странно будет смотреть из ванной на прогуливающийся по дорожкам народ. Хотя, наверное, здесь мало кто гуляет. Дом не выглядит многолюдным.

— Правила этого дома просты, но если тебе сложно запомнить — записывай. — Меж тем Крестовский по-хозяйски проходит и садится в кресло. — Если ты хочешь куда-то пойти, то должна предупредить меня. Если я говорю «нет», то это значит «нет». Ты должна сообщать, во сколько вернешься и куда подать машину, чтобы тебя забрать. Отныне ты не будешь ездить на метро или в общественном транспорте. Если хочешь кого-то пригласить, ты должна спросить, аналогично, получив отказ, не канючишь и не ноешь, а молча запоминаешь, что этот человек не переступит

порог дома. Я не желаю здесь видеть никаких твоих подружек-нищебродок.

Я вспыхиваю и готовлю гневную тираду, но Крестовский, будто ожидая чего-то подобного, небрежным движением руки меня останавливает:

— Оставь возмущения при себе и дослушай до конца. Разумеется, ты должна бережно относиться к дому и имуществу в нем. Узнаю, что ты что-нибудь продала, — выпорю ремнем, и я сейчас серьезно.

— Вы псих! Я здесь не останусь! Немедленно отвезите меня домой!

— Это невозможно, мы уже обсуждали. Отставь в сторону свою гордость, девочка, я не знаю тебя, но вынужден впустить в свой дом. По-моему, честно будет сразу обрисовать перспективы. Так вот. Твоя задача на ближайшие месяцы: выбрать университет, в котором ты хочешь учиться.

— Я не сдавала экзамены, — напоминаю я. — И никуда уже не успею поступить. До сентября осталось два месяца.

Крестовский только отмахивается:

— Это наименьшая из всех проблем. Просто ткни своим пальчиком…

Он запнулся, осмотрев меня с ног до головы.

— Завтра я пришлю помощницу, поедете с ней приводить тебя в порядок. Маникюр и какие там у вас еще бабские штучки. Иначе обо мне пойдут странные слухи.

— Поразительно! — Я даже слов не могу подобрать. — Впервые в жизни вижу такого самонадеянного и циничного человека!

— Добро пожаловать в семью, Анна, — совершенно серьезно отвечает Игорь. — На полке найдешь ноутбук, в ежедневнике на тумбочке записан пароль от вай-фая. Вся твоя история просмотров мониторится моей службой безопасности, так что не вздумай с кем-нибудь поделиться.

— Мои друзья будут спрашивать, куда я пропала. И поднимут шум, если я не выйду на связь.

— Скажешь, что тебя нашли родственники и теперь ты живешь с ними. Придумай что-нибудь, это не мои проблемы. Так вот, распорядок дня оставляю на твое усмотрение, однако Марине — экономке — лучше сказать, во сколько ты желаешь завтракать. Относись к ней уважительно, она работает у нас всю жизнь. Обедать можешь в комнате, в кухне, в столовой или в саду. На ужин, если я дома, принято спускаться в столовую. Это не обсуждается. Даже если у тебя температура

тридцать восемь, если я дома — в девять часов ты спускаешься вниз. Внешний вид соответствующий. Иногда в доме устраивают вечеринки и приемы. Категорически, слышишь, категорически запрещаю тебе выходить во время них из комнаты.

Он тяжело вздыхает, словно я — досадная проблема, которая буквально ворвалась в привычный и размеренный мир. А затем встает.

— Сегодня можешь ужинать здесь, Марина принесет. Завтра жду тебя внизу. Занимайся собой и выбирай университет. Чем раньше мы со всем покончим, тем раньше разойдемся. Воспринимай это как подарок судьбы. Я не собираюсь обеспечивать тебе сказочную жизнь, но и возможность получать хорошее образование, не думая о еде и жилье, в наше время дорогого стоит.

Он уже идет к выходу, но вдруг останавливается:

— Да, совсем забыл. После ужина и до самого утра ничего не ешь и не пей. Перед походом по магазинам заедете и сдадите ДНК-тест. Вот. Пин найдешь в том же планере, где и пароль.

Он бросает на столик золотую пластиковую карту, на которой я узнаю логотип крупного банка.

— Развлекайся, — усмехается он, заметив мой

ошеломленный взгляд.

Дверь закрывается, оставляя меня в совершенной тишине. Я до сих пор не верю, что это происходит со мной. Беру в руки карту и читаю имя владельца:

IGOR KRESTOVKYI

Боже, неужели все это правда? И на ближайшие годы эта комната — и дом, и тюрьма? Я чувствую, как начинает болеть голова. Отлично, а у меня с собой даже нет таблеток. Нужно написать девчонкам, что со мной все в порядке, они наверняка волнуются.

Телефон, разумеется, разряжен в ноль. Я быстро нахожу зарядку на соседней полке с ноутбуком. Подавляю желание открыть тоненький и стильный серо-красный аппарат. Мой старенький смарт выглядит жалко в окружении суперсовременной техники.

Несколько пропущенных и пара эсэмэсок. Я придумываю слабенькую историю о том, что на меня вышли родственники и я погощу пока у них. Не знаю, верят мне или нет, но более убедительного объяснения придумать не выходит.

Затем, когда разговоры стихают, я оставляю телефон заряжаться и бреду в ванную, чтобы надеть

халат, который приметила, когда осматривала здесь все. Он такой мягкий, что хочется упасть на постель, свернуться клубочком и забыться. Но едва соблазн пересиливает, раздается стук в дверь:

— Анна Артемовна? Вы не спите? Я принесла ужин.

Это женщина в темно-сером строгом платье. Она держит в руках поднос, заставленный всевозможной едой. Женщина красива, хоть и в возрасте. Она совсем не выглядит как прислуга из фильмов о богатых семьях.

Я вдруг понимаю, что стою и пялюсь на нее, как дурочка.

— Ой! Извините! Спасибо!

Она улыбается, опуская поднос на столик.

— Если что-то будет нужно, мой телефон записан в вашем ежедневнике. Обычно меня можно найти в кухне, но, если что, мобильный всегда при мне. Зовут меня Марина, я экономка. Анна Артемовна, у вас будут какие-то пожелания относительно завтрака и обеда на завтра?

Я с трудом заставляю себя вникнуть в смысл ее слов. Мне очень неловко. Я всегда была по ту сторону баррикад, это я спрашивала у клиентов о пожеланиях или претензиях, это я приносила им завтраки и ужины в номер. Теперь же изо всех

сил старалась вспомнить, как они себя при этом ведут, и не облажаться.

— О… Марина… то есть вы можете звать меня просто Аней. Но я хотела попросить… а нет у вас таблетки от головы? Я боюсь, не смогу уснуть.

— Да, конечно. — Она улыбается. — Сейчас принесу. Тогда позвольте я заберу кофейник и вместо кофе заварю для вас чай с чабрецом. Пожалуй, при головной боли он будет эффективнее.

— Да, спасибо! — Я неловко улыбаюсь и не знаю, куда себя деть.

Так странно и пугающе. Но — себе нет смысла лгать — очень приятно.

Она уходит, прихватив пузатый керамический кофейник, а я сажусь за стол и вдруг понимаю, что от голода меня даже тошнит. Мы приехали сюда ранним утром, даже, я бы сказала, еще ночью. Выходит, я не ела немногим меньше суток.

От подноса так умопомрачительно пахнет, что я хватаю вилку и на полчаса выпадаю из жизни. Не думаю ни о чем, только наслаждаюсь нежнейшим крем-супом, куриным рулетом со сливочным сыром и зеленью, салатом из свежих овощей и потрясающе ароматным горячим хлебом, который буквально тает во рту.

На десерт меня ждет симпатичная тарталетка

с каким-то кремом и огромной горой голубики. На самом деле я никогда не пробовала такого, во всяком случае, что касается крем-супа и десерта. Мы часто готовили с девочками курицу, но в основном покупали одну тушку и разделывали, чтобы хватило и на горячее, и на супы. Деликатесы вроде нежного рулета и сливочного соуса — лакомство не для всех. Утолив первый голод, я с наслаждением жую, глядя на темный лес.

Возвращается Марина с френч-прессом и маленькой коробочкой.

— Это от головы, примите одну на ночь. Хорошее средство. А это чай с чабрецом, он тоже успокаивает и расслабляет. Вам все понравилось? Если хотите, я принесу добавки.

— О нет, спасибо! Это потрясающе вкусно, но я больше не могу!

— Ну ладно, — улыбается женщина. — Если хотите, спускайтесь к девяти на завтрак. Сегодня я привезла от мамы шикарное вишневое варенье и завтра буду делать вафли. Их лучше есть горячими.

— Я обязательно спущусь, спасибо большое.

— Отдыхайте и пейте чай. Я заберу посуду, когда вы уснете.

Она тихо закрывает за собой дверь, как раз

когда я заканчиваю с горячим и перехожу к десерту. Мне вдруг становится тяжело дышать от резко накативших эмоций. Чтобы успокоиться, я делаю несколько кругов по комнате и снова сажусь в кресло. Мне не хочется спать, потому что я проспала весь день. Едва таблетка начинает действовать, я убираю поднос с посудой на полку и ставлю на столик ноутбук. Чтобы ненароком не опрокинуть кружку с чаем на чужую технику, я оставляю ее на полу.

Дома у нас был старенький компьютер с большим, неповоротливым экраном, но он сломался, как раз пока папа болел. На новый денег не было, и я довольствовалась смартфоном. Такой быстрой и современной системы, конечно, не было даже в отеле, где иногда, в свободные часы, можно было посидеть за компом в тайм-кафе.

Полчаса уходит у меня на то, чтобы освоиться с техникой, а потом я нахожу пароль от вай-фая и погружаюсь в интернет. Я читаю десятки статей о Крестовских, но не нахожу никаких упоминаний папы или мамы. Мы — призраки этого мира, информации о нас нет нигде. Жизнь Крестовских скрыта от посторонних глаз за забором элитного коттеджного поселка, но все же они — медийные личности. Я набредаю на блог Кристины

Крестовской и, к собственному неудовольствию, испытываю зависть. Не к красоте богатой наследницы, не к шикарной машине, подаренной на Новый год, и не к брендовой сумке, а к ее постам из путешествий. При виде лазурного моря я чувствую, как сжимается сердце. Как же я устала!

Какой невидимой нитью мой мир оказался связан с их миром, лишенным забот и проблем?

Я понимаю, что больше ни минуты не высижу перед экраном. Нужно ложиться, постараться если не уснуть, то хотя бы прийти в себя, потому что завтра будет еще сложнее. Мне предстоит решить, что делать дальше, а еще я твердо намерена выяснить, как оказалась в завещании Крестовского-старшего.

Мне кажется, что я не смогу уснуть, но, едва падаю на мягкую и прохладную постель, тут же отключаюсь.

Глава 3

Мечты о свежих вафлях с вишневым вареньем разбиваются в прах. Утром, едва звенит будильник, зевая и морщась, я ползу в душ. Очень странно мыться прямо перед окном с видом на лес и тропинки. Я думаю, что стоит попросить повесить шторы, и стараюсь закончить помывку как можно скорее.

На самом деле часть меня надеялась, что все это сон и я проснусь в своей комнатушке на старой, шатающейся кровати. А потом, едва я выхожу из ванной, вдруг понимаю: будильник накануне не заводила.

Я так увлечена поиском часов, которые меня разбудили, что не замечаю девушку, сидящую в кресле возле столика. В изящной руке, увешанной тонкими золотыми браслетами, лежит смартфон.

— Это ищешь, милая? Собирайся, Игорь сказал, тебя нужно отвезти сначала в медицинский центр, а потом по магазинам и салонам. На самом деле я жуть как рада, что ты вдруг появилась, потому что сегодня у него встреча с китайцами, а

они дико невоспитанные и неаккуратные. У тебя пять минут.

Я, открыв рот, смотрю на эту красотку — блондинку в темно-синем коротком платье. У нее такие длинные ноги, что я, должно быть, смотрюсь рядом как хоббит.

Она красивая, сексуальная, и каждая деталь в ее облике об этом буквально кричит: от стильных босоножек на высоченной танкетке до яркого вызывающего макияжа.

— Меня зовут Стася. Станислава то есть. А ты, значит, Анна.

Она усмехается, наблюдая, как я заправляю постель.

— Ну и давно ты с ним спишь?

Я давлюсь воздухом и кашляю.

— С кем? — Голос звучит сдавленно.

— С Игорем, естественно.

— Я с ним не сплю, с чего ты взяла?

— Тогда ты ведьма. Потому что Игорь не водил в свой дом даже любовниц, а тебя поселил в этой комнате и меня приставил. Чем ты его так зацепила?

— Не его. — Я вздыхаю: — А его отца.

Сначала я опасаюсь рассказывать Стасе об условиях завещания, а потом думаю — да какого

черта?! Пусть Крестовский решает проблемы, а у меня их нет. Ну, за исключением того, что вся жизнь пошла кувырком.

Поэтому я рассказываю помощнице Крестовского о завещании и даже испытываю удовольствие, видя, как ее лицо удивленно вытягивается. И, разумеется, она задает логичный вопрос:

— Так ты сестра Игоря?

— Нет. — Я уверенно качаю головой. — Не сестра. Здесь что-то другое, но что именно — я не знаю. И он не знает, поэтому бесится.

— О да, это в его духе. Ну ладно, пойдем.

Она внимательно смотрит на мой наряд и цокает языком.

— Понятно, почему он просил меня тебя приодеть. Милая, с таким видом тебя в этой семье заклюют.

— Да, уж ты-то наверняка знаешь. — Я не сдерживаюсь, в голосе звучит досада.

Я знаю, зачем начальники и бизнесмены берут в помощницы таких девушек, и удивляюсь тому, как Стася легко предположила, что я любовница. По ее виду не скажешь, что на работу она ходит исключительно перебирать бумажки.

Мне думается, что надо отращивать зубы, както ставить на место тех, кто считает, что я не их

круга, но, по сути, это действительно так.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я. — Чем ты занимаешься у Крестовского?

Стася заразительно хохочет:

— Ой, да спроси уже прямо, ты как из института благородных девиц. Нет, я с ним не сплю. Хотя была бы не против. Но Игорь знает меня с детства, я дочка их семейного врача, поэтому для него это все равно что трахать сестренку.

Она делано морщится, но быстро возвращает ослепительную улыбку:

— Все, мы опаздываем, водитель уже ждет. Вернешься другим человеком, это я обещаю!

— А мне бы хотелось остаться тем же, — бормочу я, следуя за Станиславой.

В коридоре мы встречаем Игоря. Он явно собирается на работу, потому что уже надел штаны и рубашку, но все еще босой и взъерошенный. Я впервые вижу Крестовского одетого не с иголочки и почему-то внимательно его рассматриваю. Так он кажется живым, простым… хотя нет, простым не кажется ни разу, но хотя бы это свидетельствует о том, что он все-таки человек.

Его взгляд скользит сначала по мне, мимоходом, стремительно. А затем останавливается на Стасе, и я могу поклясться, что глаза Крестовского

темнеют. Такого голоса, какой я слышу в следующий момент, не слышала даже вчера, когда он был зол.

— Анна, спустись вниз и позавтракай с Мариной, — рычит он.

— А медицинский…

— Завтра сходишь!

Он смотрит своим тяжелым, пронизывающим насквозь взглядом на Стасю, и та стремительно бледнеет. Выдержки у нее намного больше, чем у меня, поэтому я быстро проскальзываю к лестнице, не желая оставаться в коридоре и знать, что между этими двумя будет происходить дальше.

В кухне витают ароматы вишни, сдобы и кофе. На самом деле я радуюсь неожиданному разрешению позавтракать, потому что уже очень давно не завтракала вот так: свежими вафлями, зерновым кофе. Когда были живы родители, по субботам и воскресеньям мы готовили блины или сырники, и я обожала эти утренние часы.

На кухне суетится Марина, доделывая последние вафли, а за большим столом сидят два парня и девушка. Двоих из них я видела раньше, Крестовский представил их как Алекс и Крис. Третий, наверное, Сергей, еще один сын Крестовского-старшего, его имя я прочитала в завещании. Они

не видят меня, и я очень сожалею, что невидимкой нельзя побыть подольше.

— Доброе утро, — здороваюсь.

Крис и Алекс мгновенно вскидывают головы. В их глазах светится обжигающая ненависть, словно я обманом влезла в их карман. Они мгновенно бросают недоеденный завтрак и демонстративно презрительно покидают кухню. Остается только Сергей, он невозмутимо поглощает, наверное, тройную порцию вафель.

— Анна Артемовна, садитесь. — Марина, не дрогнув, убирает тарелки Алекса и Крис, словно подобные фокусы они выделывают регулярно.

Если бы я попробовала так бросить завтрак, папа, наверное, дал мне подзатыльник, потому что в утренних вафлях концентрируется вся родительская любовь.

— Не видели Игоря Олеговича? — спрашивает Марина.

Она ставит передо мной тарелку с умопомрачительно пахнущими вафлями. Я чувствую на себе внимательный взгляд Сергея, но не смотрю на него, занимаюсь едой. Боже, какое шикарное вишневое варенье! Не приторное, с кислинкой, и целыми ягодками вишни. А кофе! Такого потрясного кофе я не пробовала в своей жизни вообще.

— Он наверху… м-м-м… со Стасей, — бормочу я.

— Стася приехала? А я ее не видела, прошмыгнула как быстро, надо же. И что, под горячую руку хозяина попалась? Ох, Стаська, когда-нибудь найдет на мягкое место приключений.

— Так она их и ищет. — Серж фыркает: — Затянулся поиск-то.

Экономка накрывает за столом еще два места, для Игоря и помощницы. Судя по всему, в этом неприветливом доме Марине нравится. Или привыкла? Я бы не смогла вот так год за годом готовить и убирать у тех, кто считает тебя человеком второго сорта.

Хотя мне придется так пять лет жить… чем оно лучше? Только что сортиры убирать не заставляют, так это пока. Нет, если станет совсем невыносимо, сбегу. Не властелин же мира этот Крестовский. Уеду в глухую деревню, не найдет. В Самару, к маминой тетке… или в Челябинск, просто потому что он далеко и там где-то рядом горы. Горы, они как-то успокаивают.

Мы в полной тишине едим, когда возвращаются Игорь и Стася. Я едва удерживаюсь, чтобы не уронить вилку, потому что помощница выглядит так, словно… ну, не знаю. Я с трудом прячу улыбку.

С лица исчезла вся косметика, теперь это лицо не сексапильной красотки, а молодой симпатичной девушки. Вместо вызывающе откровенного синего платья на ней строгое черное, закрывающее коленки, а вместо каблучищ — черные лаковые балетки. Она улыбается мне и подмигивает, садясь рядом.

— Не зашел, — морщит аккуратный носик.

— Кто не зашел?

— Прикид.

Она показывает Игорю язык и хихикает, но на лице того не возникает даже тени улыбки.

— Еще раз увижу тебя в своем доме разодетую как шлюха — выпорю.

Он, похоже, всем это обещает. Фантазия, что ли, какая мучает.

Но Стася совсем не боится грозного шефа. Десять минут назад она играла раскованную светскую львицу, а сейчас, словно маленькая девочка, перемазалась вареньем и ест вафлю прямо руками, забавно оттопырив мизинчики. На самом деле такая Стася мне нравится куда больше, и я чувствую себя раскованнее.

— Нет, спасибо, — Игорь отставляет тарелку, — только кофе.

Марина беспрекословно убирает вафли, но

Сергей, справившийся со своей горой, отбирает у нее тарелку брата и принимается уничтожать добавку.

— Так, все! — объявляет Стася. — Мы опаздываем, Аньк. Я договорилась с классным мастером, он примет нас до открытия салона, так что надо лететь-лететь. Игореша, ты нам вертолет не дашь, а то правда опаздываем?

— Еще раз назовешь меня Игорешей, пойдешь пешком.

Стася только отмахивается и чмокает начальника в щеку. Непосредственная девица, явно очень близкая к семье, простой помощнице не разрешают себя так вести.

— Завтра с утра, — говорит Игорь мне, — в медцентр, поняла? Натощак.

Тут до меня доходит.

— А зачем для теста ДНК сдавать кровь натощак? — спрашиваю я. — ДНК-то от вафельки не меняется.

— А затем, что сдашь еще заодно анализы на ВИЧ, гепатит и все остальное. Я без понятия, как ты там работала и чем подрабатывала, но должен знать, кого пускаю в дом.

Я задыхаюсь от возмущения, руки сжимаются в кулаки от бессильной злости. Он сам привел

меня в дом! Если я такая ненадежная и больная, зачем вообще весь этот цирк?!

Сама не зная, что делаю, я вдруг хватаю со стола перечницу, одним движением откручиваю крышку и высыпаю весь перец прямо в кофе Крестовского на глазах ошеломленных Марины, Стаси и Сергея.

Затем задираю нос — получается немного смешно и нелепо — и иду вслед за помощницей. Мне в спину доносятся редкие аплодисменты и смех Сергея, но они совсем не ободряют, и я спешу выскользнуть на улицу, где от смеха пополам складывается Стася.

— В следующий раз, — когда мы садимся в машину, говорит она, — сделай это, пока он не видит.

— Чего он ко мне прицепился? — бурчу недовольно. — Я не просила везти меня сюда и делать наследницей, я впервые в жизни слышу о Крестовских! И нет у меня никакого гепатита…

Мы выезжаем за пределы особняка, и я тоскливо думаю о том, что от Стаси сбежать будет очень легко. Вот только как уехать из города? При мне нет денег, только кредитка Крестовского, а по ней он найдет меня мгновенно. Занять у девчонок на автобус или поезд? Да бред, вот так все бросать и

срываться, слишком рискованно.

И еще — себе врать бессмысленно — передо мной, как морковка перед осликом, висит шанс на образование. Рядом с отелем есть универ, и частенько я приходила на работу вместе с первыми, особо усердными, студентами. Я с завистью смотрела, как они тащат на проверки огромные тубусы с чертежами, стоят в очереди на распечатку курсовых. Мне хотелось хотя бы на секундочку прикоснуться к их миру. Папа с нетерпением ждал, когда я поступлю, он любил говорить, что студенчество — самая беззаботная и веселая пора.

Отказаться от шанса оказывается так же сложно, как отпилить себе ногу.

— Ладно, ты мне нравишься, — хмыкает Стася и вырывает меня из невеселых раздумий, — я тебе помогу.

— С чем?

— Выжить в их семействе, разумеется. Итак, твои главные враги на ближайшие пять лет — Крестовские. Не надейся, что они тебя полюбят или примут, я хорошо их знаю. Одна мысль о том, чтобы отдать кусок своего состояния неизвестно кому, доводит их до зубовного скрежета. Но с ними вполне можно сосуществовать, особенно если

доказать, что тебя голыми руками не возьмешь. Серж — пофигист. Он из них самый… как бы так сказать… приветливый. Обычно его не колышет ничего, что происходит вокруг, максимум — вставит ехидный комментарий. Сержа заботят его девки, стритрейсинг и любимый спортклуб, Олег Александрович подарил ему на двадцать лет. Он там царь и бог. Как-нибудь сходим в гости.

Я сомневаюсь, что у меня возникнет желание идти в гости к кому-то из Крестовских, но молчу и слушаю, потому что Стасина инфа и правда может быть полезной.

— Крис — типичная богатая сука. Любит шмотки, бухать, отрываться, дорогие тачки и брюлики. Смыслом своего существования видит просрать как можно больше папочкиных денег. Правда, как-то отцу удалось засунуть ее в прошлом году в универ. Минусы: Крис может серьезно осложнить жизнь, эта тварь не имеет тормозов. Плюсы: она тупая. Ну, то есть вообще, вряд ли ее мозга хватит на что-то, кроме собачьей какашки под дверью, что неприятно, но не смертельно.

Я прячу улыбку. Стасе Крис совершенно очевидно не нравится. Не то чтобы наследница Крестовского понравилась мне, просто следует запомнить, что как минимум в отношении Крис

Станислава не объективна.

— Алекс — это такая малолетняя богатая шпана. В основном пропадает на вписках и тусовках, в этом году тоже поступает, так что на пять лет геморрой, куда девать братика, Игореше не светит.

— А что сам Игорь? — спрашиваю я.

Мне действительно интересно, какую характеристику даст ему Стася, учитывая ее явную симпатию к шефу. Именно из-за этого ее слова удивляют:

— А Игорь — мудак. Я серьезно и без прикрас, два года назад его подружка угрожала покончить с собой. Орала в трубку «я спрыгну с крыши, сволочь», на что он ей сообщил, что на улице прохладно и стоит надеть куртку. А потом отключился.

— И она спрыгнула? — ахаю я.

— Да нет, — Стася отмахивается, — сказала, что ради такой сволочи асфальт марать не будет, и забухала с каким-то негром на Кипре, всю ленту заспамила.

Я, наверное, никогда не привыкну к прямоте этой девицы.

— Но Игорь-то не знал, что так будет. В общем, если он не в настроении, достается всем. Ну а после смерти отца он как с цепи сорвался. Ну и,

конечно, твое появление его не обрадовало. Я-то думала, ты любовница, а оно вон как… но я знаю Олега Александровича. Если он хотел, чтобы ты отучилась и получила целое состояние, ты его получишь, а все Крестовские будут молча беситься.

Я качаю головой и смотрю в окно, на проносящиеся мимо деревья и знаки. В такой машине скорость совсем не чувствуется, а на спидометр мне просто страшно смотреть.

— А вообще, — Стася улыбается во все белоснежные зубы, — добро пожаловать в банку с пауками, Аня.

* * *

— Игорь Олегович, ваш кофе. — Марина ставит перед ним новую кружку с обжигающим напитком.

Надо выпить. Спокойно выпить кофе, пожелать экономке приятного дня и доехать до офиса. Только там можно дать волю эмоциям и расколотить пару чашек. Стаська как раз купила новый сервиз, прошлый он расколотил за эту неделю.

Проклятая девка! Наглая, невоспитанная! Если бы не свидетели, он заставил бы ее выпить этот кофе, а потом как следует выпорол, чтобы остаток своего срока Калинина ходила, опустив глазки, и

говорила, только когда разрешат.

Так, надо успокоиться. Надо как-то взять себя в руки и просто методично исполнять собственный план. Проверить ее у врача, узнать все о здоровье, чтобы ни одна болячка не проскочила мимо него. Сделать ДНК-тест и уже выяснить, сестра она ему или нет. Приодеть, отмыть, засунуть в какую-нибудь шарагу и забыть на пять лет, а потом уничтожить. Она, идиотка, профукает все, что получит от отца, за пару лет, а потом он позаботится, чтобы Анна Калинина и ее история не попались на глаза прессе или врагам.

Он помнил, как впервые к нему пришел Майк — адвокат отца. Вообще его звали Михаилом, Майком его прозвал Крестовский-старший, за сходство с музыкантом его юности.

Игорь тогда сидел за столом в кабинете отца, изучал дела, компанию, отчеты. Он не спал двое суток и, кажется, пил третью за утро кружку кофе. Сердце колотилось как бешеное от дозы кофеина и ярости, смешанной с болью. Как отец мог оставить его наедине со всем этим? Почему не подготовил? Почему они все были такими слепыми идиотами и не поняли, что он болен?

— Завещание, Игорь. — Майк положил перед ним папку.

Проклятый ублюдок, он знал, что скоро сдохнет, и никому не сказал!

Некоторое время — может, пять минут, а может, целую вечность — Игорь всматривался в текст завещания. У него глюки начались с недосыпа? Или он действительно видит это?

— Майк, какого хрена?! Кто она такая?

— Понятия не имею. Думаешь, я не спрашивал? Миллион раз. Олег говорил, что я не хочу этого знать. Надеялся, что никто никогда не узнает.

— Это бред какой-то. Даже Лиана получила свои отступные и уже наверняка планирует отпуск с новым любовничком. Кто эта Калинина такая? Шлюха? Внебрачная дочь? Кто, Майк?!

Но адвокат только качал головой.

Еще одно предательство отца, еще одна тайна, которую он не счел нужным раскрыть главному наследнику. Бросил, как кость собаке. Разбирайся со всем сам, Игорь, а я больше не у дел.

— Это можно как-то оспорить? Закон разве позволяет вот так распорядиться, где жить и учиться чужому человеку?

— Можно, юридически завещание очень спорное.

— Составляй иск.

Уважать последнюю волю отца? Трижды «ха».

Он хоть раз позаботился о детях? Хоть на минуту подумал, каково будет разгребать все это в одиночестве?

— На этот счет Олег просил меня сделать кое-что. Извини, Игорь, ты знаешь, что он для меня сделал и чем я обязан. Ты знаешь, что я его никогда не предам. Если ты оспоришь это завещание и не заберешь девушку, то все состояние Крестовского-старшего отойдет благотворительному фонду. Он составил второе завещание, которое просил обнародовать, если ты откажешься забирать Калинину или… если что-то пойдет не так.

— Не так?! — Игорь почти рычал. — А если эта Калинина сама откажется от наследства? Она, между прочим, имеет на это право!

— Убеди. Десять процентов — это восемьсот миллионов. Она такие деньги не то что не видела, вряд ли даже слышала. Переведи ей в рубли и напиши на бумажке количество нулей. Олег говорил, девушка очень бедная, так что с этим не должно быть проблем.

Игорь так стиснул зубы, что показалось, они сейчас раскрошатся. Денег ему не было жалко. Прикажи отец отдать почти миллиард на благотворительность, без раздумий подписал бы бумаги. Что значит строчка в рейтинге богатей-

ших людей страны? Подумаешь, одной выше, одной ниже. Потеря десяти процентов опустит семью Крестовских на некоторое время, но Игорь закроет дыру за несколько лет, если не будет идиотом.

Нет, потеря денег здесь не играла никакой роли. Унижение — вот что он чувствовал, вчитываясь в завещание. Даже после смерти отец распоряжался его жизнью, жизнью всех своих детей. Поселить Калинину в доме, контролировать ее учебу, сделать отдельные счета и следить за их сохранностью. Даже сдохнув, он связал Игорю руки и выставил свои условия.

— Просто сделай то, что он просил, — от чистого сердца тогда посоветовал Майк. — Олег никогда не был идеальным отцом, как, впрочем, и другом. Но это было для него важно. Он каждую нашу встречу буквально умолял, чтобы я заставил тебя найти Калинину и сделать все, как он просил. Почему-то это было для него очень важно.

— Ладно, ищи ее. Дай ребятам задание, пусть узнают все об этой Калининой. Где живет, с кем живет, что жрет, с кем спит. Сначала дело ко мне на стол, потом я сам решу, как и когда с ней говорить.

Уходя, Майк обернулся:

— Это… Игорех, ты на отца не злись. Он не потому оставил тебе это, что наказать хотел, а потому, что доверял. Не знаю, почему она так была ему нужна, но поверь, он словно крышей тронулся в последние месяцы.

Сам того не зная, Майк сделал еще хуже. Значит, отец делился переживаниями с другом, но не счел нужным даже намекнуть сыну о грядущих переменах. Несколько лет Игорь провел в Штатах, развивая западный филиал, и только со смертью отца вернулся в Россию. Не успел выдохнуть, как Майк огорошил его этой Калининой.

В следующий раз адвокат пришел через неделю. Впрочем, слово «адвокат» мало подходило давнему другу семьи, ведь он держал целый штат юристов, экономистов, консультантов и детективов. Порой Майк разруливал такие дела, что оставалось только охреневать от того, как у него это получалось.

— Нашел? — сразу же спросил Игорь.

— Калинина Анна Артемовна, двадцать лет. Сирота, образование — одиннадцать классов, работает горничной в отеле.

— И как с ней связан отец?

— Понятия не имею. Я поднял все: ее родителей, родственников, друзей. Мать умерла пять лет на-

зад, отец скончался год назад от онкологии, еще год до этого Калинина за ним ухаживала. Когда он умер, устроилась горничной и с тех пор место работы не меняла. Снимает квартиру вместе с другими девушками, довольно скромно живет, в скандалах и незаконных делишках не замечена. Перебивается с хлеба на воду, но в целом производит впечатление адекватной девицы.

— Почти лярд долларов кого хочешь превратит в неадекватного.

— Ох и завидую я этой девке, — усмехнулся Майк. — Почти Золушка.

— Золушка, — передразнил Игорь. — Золушка тут я. Пашу как конь, а платья и бал всем остальным достаются. Дай мне копию завещания, на неделе съезжу, поговорю с этой Калининой.

— А она симпатичная. Грязненькая, конечно, несуразная, в идиотских драных кедах, но симпатичная. Может, оставишь капиталы в семье? Приберешь к рукам вместе с наследством.

Игорь скривился. Вот уж меньше всего он хотел окучивать дурочку, случайно получившую состояние. Десять процентов — значительная часть денег семьи, но не такая большая, чтобы так напрягаться. Он хотел свести общение с Калининой к минимуму. Только необходимые усилия. Дать

ей денег, комнату, оплатить обучение, скрыть от прессы, чтобы ни одна тварь не понесла в массы чудесное превращение из оборванки в принцессу.

— Пусть твои займутся прессой и безопасностью. Подчистите все, что может быть использовано против нас, — распорядился он. — Через неделю освободи вечер, нужно будет, чтобы она подписала контракт и ознакомилась с условиями завещания.

Майк кивал, записывая план действий в смартфон, а Игорь привычно раскладывал задачу на составляющие. Если все сделать правильно, это будет просто.

А потом он поехал на нее посмотреть. Остановился на ВИП-парковке рядом со служебным входом в отель и ждал. Даже музыку в салоне не включил, чтобы ни на что не отвлекаться. У Игоря не было фото, он забыл его в кабинете, в папке с личным делом. Все, что он помнил, — каштановые волосы. Обычные, как у сотен таких же, как она. У девок, которые не имеют возможности ходить к стилисту, не делают модные процедуры и не сверкают шевелюрой, как в рекламе шампуня. Просто волосы. Просто девка.

Сколько так сидел, не понял, но недолго. Когда

схлынул основной поток народу, появилась она. Торопилась, почти бежала, сжимая в руке смартфон, из которого торчали старые, замотанные скотчем наушники.

И нет, у нее были не каштановые волосы. Это был шоколад с карамелью, густая копна вьющихся волос, отдающих на солнце рыжиной. Перехваченные в небрежный хвост, они не сдавались и выбивались из прически непослушными прядями. Ни грамма косметики. Темные прямые джинсы, старые кеды с серебряными звездочками, белая майка и тонкий серебристый браслет на худом запястье.

Твою мать!

Скольких он перепробовал, пока наслаждался беззаботной жизнью богатого наследника? Десятки точно, на сотни, может, счет уже пошел. Он безошибочно определял тип, видел, что скрывается за брендовыми шмотками. Сущность не спрятать и не замазать косметикой. Под оберткой или шваль, или вот такая, как она. Там, где он отдыхал, такие редко встречались. Подружки приводили или сами пытались вкусить новой, тусовочной, жизни. Наденет мини, начешет колтун, подведет сажей глаза и, черт подери, смотрится охрененно, но внутри-то все та же простушка, по-

срать на каблуки и мохито, потому что сущность — кеды и апельсин. Или бутылка кефира, сдобная булка и мерцающие мальдивские звезды. Почему мальдивские? Откуда на Мальдивах кефир? А поди ж ты, фантазия так ярко ворвалась в голову, что захлестнуло дикое возбуждение.

Она зашла в отель, а Игорь достал планшет и забронировал там люксы на конец недели. Сразу все, ровно пять штук. Чтобы вариантов не осталось, чтобы увидеть ее вблизи, этот шоколад с карамелью.

А она, чтоб ее, люксы не убирает! Вот эта вот охренительно красивая девка убирает нищебродские стандарты, в то время как в люксах ковыряется мужиковатая тетка. Идиот у них там управляющий, что ли? Одно хорошо: мизерные зарплаты. Тетка чуть из кед не выпала, когда он предложил ей оранжевую купюру за то, чтобы та поменялась с Калининой номерами.

— А вы… вам Аня зачем? — спросила она.

Игорь чувствовал жгучее, терпкое раздражение. Боже, тебе-то какая разница? Трахнуть ее хочу. В люксе с видом на центр и панорамным окном. Чтобы весь, мать его, отель слышал, чтобы забыла собственное имя и выполняла все, что он прикажет, чтобы избавиться от навязчивых

мыслей о том, как именно она выбила из отца такое наследство.

Невольно горничная подала ему идею, от которой каждая клеточка горела огнем. В таких отелях нередко горничные соглашаются развлечь богатого клиента за доплату. Интересно, если он предложит Калининой скрасить ночку, это избавит от мыслей о ней? Он перестанет вспоминать ее гребаные кеды и шоколадные волосы?

Калинина стояла к нему спиной, когда он вошел. Она склонилась с пылесосом, собирая пыль под креслом, и мешковатая форма горничной обтянула крепкие ягодицы. Из хвоста снова выбилось несколько прядок волос. Игорь стоял на пороге комнаты так долго, что пришлось делать над собой усилие.

Кто ты, мать твою, кто ты такая, шоколад с карамелью, и как связана с его отцом?

Глава 4

Стася — королева шопинга и веселья. Это я понимаю уже спустя час нашего похода по магазинам. Она готова смеяться по любому поводу и способна превратить выбор одежды в развлечение.

Я, словно в трансе, перебираю платья, каждое из которых стоит как моя зарплата, а она носится по магазину и щебечет:

«Вау, смотри, какая сумка!.. Ой, нет, я «Диор» не люблю, а вот косметика у них ничего такая, тоже зайдем, у меня пудра закончилась».

«Ой, жуть какая, повесь обратно, это не платье, а чехол от него».

«Смотри, какое платье, как у Меган Маркл… у порноверсии Меган Маркл».

Но перед тем как мы отправляемся за одеждой, заезжаем в какой-то салон, где меня целых два часа мучает забавный лысый дядечка маленького роста. Он носит ярко-красные очки и все время суетится, а еще зачем-то предупреждает, едва ли не с порога:

— Отвечаю сразу, милочка, я — натурал. Поэто-

му я знаю, что нравится мужчинам, и не спорь со мной!

Стася тут же вылезла:

— Может, ее покрасить в блонд?

Дядечка закатывает глаза, лицо его приобретает выражение крайней муки.

— Станислава, деточка моя, то, что ты вылезла из инкубатора одинаковых девиц, не значит, что все остальные должны следовать твоему примеру. Сделай мне подарок, солнышко, сядь вон в то креслице, плесни себе в кофе коньячку и не мешай.

Я не сдерживаюсь и фыркаю, а Стаська, кажется, с видимым удовольствием подчиняется. Меня усаживают в кресло перед большим зеркалом и долго рассматривают.

— Хм-хм… да, пожалуй, это мы оставим. Здесь уберем. Ногти, да. Нюд. Матовый нюд и, возможно, сваровски, но по штучке на безымянный. Цвет шикарный, не вздумай красить волосы, мой сердечный приступ будет на твоей совести. Так, все, голову мыть, руки и ноги готовить.

Через два часа я смотрю на себя в зеркало, поражаясь, как маленькие изменения могут преобразить человека. Волосам придали форму, чуть подровняли и уложили их крупными

волнами. При каждом движении они красиво ложатся на плечи. Каждый раз по-разному, но неизменно эффектно. Макияжа нет… с виду. То есть он есть, но я могу рассмотреть только тушь. Девчонки на работе красили ресницы, брови, губы, кто-то хорошо, кто-то неумело, но их макияж был виден, а я словно такой и проснулась. Чтобы рассмотреть невесомый и тонкий слой пудры, надо подойти вплотную и потереть мою щеку мокрым пальцем.

Ногти на ногах покрыты бесцветным лаком, а на руках красуется чуть розоватый матовый лак. На ногти безымянных пальцев наклеили по крошечному стразику.

В общем, теперь футболка, джинсы и кеды смотрятся на мне как-то… несуразно.

По окончании процедур меня поят вкусным чаем, дают наказ пить не меньше двух литров воды в сутки, хорошо спать, берут обещание каждые две недели приходить на обязательные процедуры типа маникюра, депиляции и чего-то там еще, выдают целый ворох уходовой косметики для всех частей тела и выпроваживают со словами «скоро первый клиент, девочки, вам пора».

— Так, это отдай Ване, — распоряжается Стася, — он все сложит в багажник и вечером выгру-

зит прямо тебе в комнату. Поехали закупаться шмотками. Игорь, скотина такая, испортил мне синее платье, так что придется купить новое.

Ваней оказывается амбал, который сидит за рулем. Я, к собственному стыду, не могу вспомнить, он привез меня в дом Крестовских или нет. Но сочувствую: вот работка у человека, возить малолетних наследниц по магазинам.

В конце концов я просто позволяю помощнице Крестовского рулить этим сумасшедшим утром. От меня все равно ничего не зависит, и даже если бы я захотела закупиться одеждой в каком-нибудь масс-маркете типа «Остина», никто этого не позволит. Рядом просто нет магазинов, в которые я обычно хожу. И все вокруг в огромном, но почему-то полупустом ТЦ сверкает роскошью. Тот самый тип торговых, где у обычного человека хватает денег только на футболку, и то — для собачки.

Не сказать чтобы это мне не нравится. Будет совсем лицемерно утверждать, что я бы с большим удовольствием померила платья на рынке и все эти роскошные наряды не вызывают во мне чисто девичий восторг. Просто ощущается это как внезапно свалившийся подарок. Как будто ты выиграла айфон за репост и кажется, что в

самом этом факте кроется подвох. Мне предстоит потратить не свои деньги на вещи, в которых я ничего не понимаю. Это разбавляет искреннюю девичью радость.

Впрочем, у Стаси ее хватает на двоих.

Вот и сейчас, пока я стою и рассматриваю ценники (ничего не могу с собой поделать), Стаська прикладывает к себе платья и хмурится:

— Аньк, ну ты долго? Ты что, ничего не выбрала?! Слушай, мы тут уже час! Тебе ничего не нравится? Пойдем в другой магазин. Здесь есть «Шанель».

— Я чувствую себя странно, — признаюсь. — Может, не стоит сразу тратить целое состояние? Я не говорю о том, чтобы купить в Стоке, но… в «Заре»? Или… что там еще есть.

Помощница Крестовского закатывает глаза:

— Они сожрут тебя. Если ты не будешь соответствовать их кругу, то тебя сожрут.

Эти слова оставляют неприятную горечь.

— И что, я должна всю жизнь скакать на задних лапах, чтобы меня не сожрали?

— Ладно, объясняю по-другому. Ты можешь носить все, что хочется, и выглядеть так, как хочется. Ты от этого не поменяешься, но отношение многих мудаков вокруг — да. Когда ты прихо-

дишь в крупную фирму работать, ты одеваешься в костюмы и рубашки, когда ты едешь в Эмираты, ты не носишь бикини на улицах города, а когда ты идешь на утренник к ребенку, не надеваешь стрипы и прозрачное платье. Хотя Волочкова надевает. Но тебе до нее жрать и жрать. Так вот, можешь сейчас развернуться и пойти в свою «Зару», накупить там барахла и радостно его носить. И да, только ленивый не пройдется по твоему стилю. Если купишь то, что выбираю я, то просто избежишь неприятных моментов. Учитывая, сколько у тебя денег, я бы выбрала второй вариант.

Я долго молчу, перед глазами пляшут космические ценники. Но с тоской признаю, что Стася права. В мире людей, где моя месячная зарплата — это всего лишь балетки, я буду белой вороной. И как бы ни хотелось гордо показать всем характер, жить в постоянном прессинге сложно.

— Одежда — не самая страшная уступка, Ань, — неожиданно серьезно говорит Стася. — Тебе придется научиться себя подавать. Через пять лет у тебя будут миллионы. Ты думаешь, отец Игоря сдал тебя ему для того, чтобы дать тебе образование? Да еще и с непременным условием жизни в их семье? Он понимал, что если

такая, как ты, окажется наедине с огромными деньгами, они ее погубят. Эти пять лет — время, чтобы ты нарастила зубы и научилась себя защищать. Себя, деньги. Игорь ненавидит отца за это завещание, но поверь, пока оно действует, ты под надежной защитой. Используй это время. Научись выглядеть сногсшибательно. Научись вести себя достойно. Прокачай мозги. Изучай людей. Пользуйся защитой Крестовских, потому что через пять лет ты окажешься одна в лесу, полном голодных волков.

— Убедила. — Я ежусь. — Тогда выбирай сама, что тут у вас носят. Я буду мерить и…

Я снова кошусь на черное платье с вырезом-лодочкой.

— …радоваться. Клевый магазин.

Стася смеется. Мы меряем тонны платьев, хохочем в примерочных, вызывая у консультантов невольные улыбки. Я мерю короткие платья, длинные, яркие и темные. Выясняю, что оттенки бежевого совершенно не мои, а красный, черный и голубой смотрятся потрясно. Стаська порхает вокруг, дает советы, совершенно удивительным образом комбинируя вещи и аксессуары. Она в своей стихии, ей это нравится, и я невольно проникаюсь энтузиазмом. Мне становится плохо,

когда я пытаюсь подсчитать, сколько все это будет стоить.

— Крис спускает в три раза больше за неделю, так что не удивлюсь, если тебя встретят вопросом: «Ты что, купила только пижаму?»

Приветливая девушка несет все на кассу, чтобы упаковать и посчитать. Стася расплачивается за свои покупки, а я достаю кредитку Игоря и с ужасом понимаю, что пин-код, оставшийся в ежедневнике, совершенно не помню.

Блин!

— Я забыла пин-код, — вздыхаю в ответ на удивленный взгляд Стаси.

Та понимающе усмехается:

— Как мне нравится твой шок. Ща, погоди.

Она берет мой смартфон и что-то набирает.

— Вот, «Телеграм» Игоря. Спрашивай.

Я закусываю губу, живо представляя его реакцию.

— А может, я домой съезжу?

— Во-о-олки-и-и, Анна Артемовна, волки. Тебе придется говорить «нет, я не дам вам денег», «отвали, старый хрен» и «я вас всех, идиотов, уволю, если еще раз накосячите». Спросить пин-код — твой первый шажок к самоактуализации. Короче, не дрейфь. У нас еще впереди куча всего.

Вздохнув, я пишу на номер, который пока еще не имеет имени и аватарки, но в скором времени явно пропишется в моем телефоне. На самом деле я втайне надеюсь, что Игорь не ответит.

«Здравствуйте. Это Анна. Мне нужно оплатить одежду, а я, к сожалению, забыла пин-код от карты».

Не отвечай! Брось меня в бан! Ну пожалуйста-а-а!

Набирает сообщение. Боже, у меня сейчас случится сердечный приступ. Стаська хохочет.

«3118».

«Спасибо».

Фу-у-ух, это не страшно. И меня даже не окатили презрением.

— Ну вот и все.

Таким образом мы посещаем еще несколько магазинов. Я становлюсь обладательницей минимум десятка пар обуви, кучи платьев, рубашек, юбок, джинс, брючных костюмов.

— Меня очень напрягают суммы.

— Тогда я тебя добью. Игорь не давал указаний насчет этого сейчас, но рано или поздно тебе придется выбрать что-то из ювелирки. Без украшений в приличном обществе не появишься.

В этом я сомневаюсь, потому что ювелирку мне

носить некуда. На самом деле я тихо надеюсь, что мое присутствие в доме станут тщательно скрывать и все эти наряды я буду носить в институт. Я и выбираю платья, в которых будет не стыдно появиться на парах. Пока Стася мерила одно из платьев, я тайком погуглила образы британских герцогинь, чтобы знать, на что ориентироваться. На мой вкус, получилось очень неплохо.

— Осеннюю одежду выберем потом, сейчас еще не сезон и нормальных коллекций нет, обувь тоже. Так, спортивная форма.

С этим соглашаюсь без проблем, в универе наверняка будут пары физры.

— Ты чем-нибудь занимаешься? — спрашивает Стася.

Качаю головой.

— А такая тощая…

— А ты поживи на пятнадцать тысяч в месяц, при этом бегая по всей гостинице с пылесосом.

— Пятнадцать?! — ахает девушка. — Блин, ни фига себе зарплаты, и как на это жить?

— «А такая тощая», — передразниваю ее я.

— Ну, как бы то ни было, на готовке тети Марины ты быстро превратишься в колобка. Значит, закончим с магазинами и поедем записывать тебя на спорт.

Я мысленно только стону, пока мы выбираем несколько спортивных костюмов, три купальника для плавания и зачем-то пульсометр. Бедный Ваня только и успевает таскать пакеты в машину, а я размышляю, влезем ли в нее мы со Стаськой или придется ехать на метро.

— Теперь пляж.

— Эй, притормози, откуда у нас пляж?

— Солнышко, у тебя куча денег, ты собираешься поступать, неужели тебе не захочется съездить с подружками на море?

Я молчу, потому что признаться, что никогда там не была, стыдно.

— Прости, красотка, но Игорь сказал упаковать тебя на все случаи жизни.

— Тогда пойдем купим свадебное платье. Если меня будут хоронить, то пригодится, — бурчу я.

— Ты что, девственница?

А теперь краснею. Стася снова хихикает.

Мы покупаем четыре (мне реально становится плохо) пляжных купальника.

— Раздельный белый, чтобы подчеркивать загар, — поясняет Стася. — Раздельный фиолетовый, чтобы цеплять мужиков, купальное платье в горошек, чтобы хулиганить, и танкини, просто потому, что они в этом сезоне модные.

К купальникам идет всякая мелочовка, на которую я даже не обращаю внимания. День только перевалил за полдень, а у меня болят ноги. Хочется есть, присесть и закрыть глаза, чтобы не видеть бренды-тренды-луки.

— Ну, вроде все. — Стася просматривает список в телефоне. — Одежда есть, обувь есть, спортивное есть, пляжное есть. Так… О, белье!

— У меня есть белье. — Я даже обижаюсь, потому что совсем недавно обновила все белье с очередной халтурки.

Может, я и небогатая, но точно ухоженная.

— И что, ты собираешься под платье от «Диор» нацепить лифчик от костромского текстиля? — мрачно интересуется Стася.

— Не от костромского, а от ивановского, — бурчу я. — Кто его увидит?

— Ну а вдруг? — философски фыркает девушка, и мы отправляемся в магазин нижнего белья.

Как и везде, нас встречают радостно и тут же предлагают кучу вариантов.

Вот белье — вообще не мое, я чувствую себя очень странно среди этого кружева, ленточек, страз и бусин. Большинство из того, что здесь выставлено, кажется мне жутко откровенным. Я понимаю, что это лишь внутренние комплексы,

но не могу себя заставить хоть что-то выбрать. В дело вступает Стася:

— Тебе кто нравится? Игорь, Серж или Алекс?

— Что? Стася!

— Да шучу я, шучу, расслабься. Так, белое не смотри — жутко безвкусно. Под светлое бери айвори. Красный классический тоже не для тебя, ты же не из эскорта. Черное… да, пожалуй. Самые актуальные цвета: вот этот, серый металлик, фиолетовый и темно-зеленый. У тебя, наверное, двоечка… значит, вот это, это и это. И еще принесите всяких там сорочек, халатиков и прочего по размеру.

Я не спорю, лишь думая, что половину из всего выбранного Стасей никогда в жизни не надену. Или очень нескоро, будучи замужем, решусь порадовать мужа вот, например, этим темно-синим полупрозрачным комплектом.

— Кажется, все!

Наконец я выдыхаю. Пока бедняга водитель пропадает на стоянке, утрамбовывая покупки, мы сидим у большого фонтана в холле и пьем лимонад. Его нам принесли аж из ресторана прямо в магазин с бельем, потому что в какой-то момент стало так жарко, что я чуть сознание не потеряла. Стася копается в смартфоне, а я переживаю все

произошедшее. Очень странные, новые и непонятные впечатления.

С одной стороны, я словно ребенок, получивший кучу подарков. Мне на самом деле не терпится все-все рассмотреть и примерить, отфоткать, сбросить девчонкам.

С другой — я не слишком понимаю, что со всем этим делать дальше. Обертку для конфетки сделали, а начинку в нее положить забыли.

— Так, к вечеру Игорь велел тебя привезти к нему в офис, на встречу с адвокатом. Тогда поехали к Сержу в клуб, запишем тебя на спорт, там и пообедаем. Хочешь что-нибудь купить еще?

Я пожимаю плечами. Хочу. Но молчу.

— А-а-ань? — чуткая Стася все чувствует. — По лицу вижу, хочешь.

— Игорь… Олегович сказал купить одежду и все такое, я купила. Остальное фигня.

— Ну мне-то по секрету скажешь?

Я вздыхаю:

— Книги. Я давно не брала бумажные книги. Вечерами очень скучно, а от ноута болят глаза.

— Я музычку слушаю, — беспечно откликается Стася. — В универе перечитала половину публички, нажралась на годы вперед. Я же филологический окончила. Вся такая из себя.

Закончила и поняла, что на хрен никому не нужна со своей духовной организацией. Папа был изначально против филологии, поэтому я полгода помыкалась да и попросила пристроить меня куда-нибудь. Как раз Игорь дела принимал, местечко секретарши освободилось. Правда, прошлая с шефом спала, а я, как дура, сестренок его одеваю. Хотя с тобой интереснее, чем с Крис.

Она вдруг выхватывает у меня из рук смартфон и отбегает на несколько метров.

— Ты чего? — удивляюсь я.

Но Стася что-то быстро печатает. Я не сразу догадываюсь, кому она пишет, а когда понимаю, подскакиваю и бросаюсь за ней. Стася хохочет:

— Не бегай, я же упаду и лоб разобью!

— Поделом тебе!

Ноги так болят, что я вряд ли догоню неожиданно резвую и спортивную девицу, но, на мое счастье, возвращается Ваня. Он ловко ловит ее и отдает мне смартфон.

— Предатель, — бурчит Стася.

Но выглядит довольной.

Я смотрю «Телеграм». В переписке с Игорем появились новые сообщения:

«Я очень хочу купить книги. Можно?»

«Это твоя карточка, покупай что хочешь, и будь

добра, прекрати ставить меня в известность о каждом своем чихе».

«Игореша, ты козел. Девочка тебя уважает. Книжек просит. Нет в тебе романтики».

— Стася!

«Станислава, если девочка хочет книжек, купи ей книжек, а я, мать твою, работаю. Еще раз напишешь с чужого телефона, уволю, и будешь у отца «утки» выносить, поняла?»

— Да не кипятись ты, он понял, что это я, — фыркает Стася.

Я отчаянно краснею.

— Но в целом я согласна. Поверь, когда Игорь решит, что ты тратишь лишку, он просто ограничит твой лимит. У него же все расходы в телефоне, о каждом списании эсэмэска. Пилик — купила туфли. Пилик — купила платье. Пилик — поела. А когда закупается Крис, там как выпрямившаяся кардиограмма «Пи-и-и-и-к!». Нон-стопом полчаса списывают. В общем, съездим в спортклуб, запишемся, пообедаем и поедем за книжками. Кстати, раз ты поступаешь, не забудь про всякие тетрадки и ручки и… ой! Анька! Сумки! Мы же тебе ни одного клатча не взяли!

Я чувствую острое желание утопиться в фонтане. Кажется, Ваня думает о том же, потому что

мы переглядываемся и медленно плетемся вслед за Стасей.

Поездку в спортклуб я воспринимаю как избавление от пытки. В машине можно вытянуть ноги и закрыть глаза.

— Это клуб Сержа? А нельзя пойти в другой? Ему может быть неприятно, что я туда хожу.

— Сержу? Ему пофиг. Там понимаешь, как все хитро… В общем, только не пали, что я тебе все рассказала. Олег Александрович поощрял в детях благородные порывы типа открыть свое дело или заняться благотворительностью. Игоря он сразу готовил себе на замену, ну, тот в Штатах и жил, занимаясь филиалом. К нему вопросов не было, Игорь унаследовал компанию, шестьдесят процентов капитала и кучу недвижки. Короче, он теперь неженатый сексуальный миллиардер с говеным характером. А Серж не унаследовал ни хера.

Я удивленно распахиваю глаза:

— Как это?

— Нет, ну не совсем, конечно. Пятикомнатная квартира в центре, вилла в Италии, что там еще?.. Тройка машин, драгоценности, семейные реликвии, коллекционные предметы, там завещание-то на триста страниц. Но не миллиарды.

Свой капитал Серж получил уже давно, когда открывал клуб. Они так и условились, что Серж получает наследство заочно, открывает свое дело и дальше или его развивает без вливаний отца, или крутится как хочет. Он и открыл клуб. Только это не три зала и батут, а четыре корпуса. Каток, бассейн, фитнес-центр и тренажерка. Там же есть конференц-залы, теннисный корт, зал для выступлений, всякие пилон-студии, фитнес-ресторан, банкетные залы. В общем, это хороший загородный клуб.

— «Эдеа-Элит»? — Я вдруг вспоминаю известное и раскрученное название.

— Ага, он. Крутое место, туда ходят все наши. И Серж совершенно счастлив. Поэтому ему плевать на все, что происходит. Не знаю, почему он еще живет в доме со всеми. Удобнее, наверное, хотя, как по мне, лучше быть хозяином в своей квартире, чем иметь пару комнат во дворце.

Я перевариваю полученную информацию и понимаю, что мне предстоит еще много узнать о семье Крестовских.

— А что с Крис и Алексом?

— О, это самая мякотка, — усмехается Стася. — У обоих в завещании написано, само собой, закончить универ с дипломом. Кстати, неофициально

— Игорю запрещено покупать им дипломы. Так вот, но мало Олегу Александровичу было дипломов, так он еще и требует от каждого открыть и раскрутить свое дело. Ну то есть там такая схема: не хочешь дело — живи в доме Крестовских, получай отчисления и радуйся жизни, но под боком старшего братика. Хочешь отпочковаться от семьи, открой свой бизнес и получай свои миллионы.

— И как открыть бизнес без вложений?

— Ну там свои схемы, Игорь даст каждому из них, стоит только попросить. Но пока что Крис и Алекс предпочитают истекать ядом. Хотя, как по мне, они оба не в накладе. Оставь таким по восемьсот лямов просто так, они их просрут и прибегут за добавкой.

— Восемьсот миллионов?

— Ага, по десять процентов каждому. Шестьдесят процентов Игорю, десять процентов Крис, десять — Алексу, десять — тебе, еще пять процентов идут на погашение каких-то там личных долгов, отступные любовнице, приятные подарки друзьям, организация похорон и все такое, пять процентов фондам, которые он курировал, ну там всякие благотворительные. Вся недвижка остается в семье, кроме недвижки Сержа, а драго-

ценности покойной Крестовской переходят всем поровну. Для Крис и для будущих жен парней.

— Вот это да. — Мне сложно осознать размеры такого состояния. Не очень-то укладывается в голове, как человек способен столько заработать.

— Восемьсот миллионов… десять процентов… Значит, состояние Крестовского было восемь миллиардов?

— Долларов, — кивает Стася. — Игорьку осталось чуть меньше пяти, и мы с нетерпением ждем, просрет он их или вернет к прежнему уровню. Но по справедливости там не только деньги, но и сами фирмы. Не думаю, что у Крестовских чистыми лежит бюджет небольшой страны. В обороте, в бизнесе, в недвижимости.

— Восемьсот миллионов… — Я перевожу эту сумму в рубли и понимаю, что скоро сойду с ума от непонимания, почему я?!

Ошибка исключена, такой, как Игорь, проверил все десять раз. Но почему?! Почему для его отца было важно оставить мне эти деньги? Неужели у них с мамой действительно был роман?

Снова начинает болеть голова. Шея в постоянном напряжении, с тех пор как я стала работать горничной, частенько болел позвоночник. Бассейн придется весьма кстати.

Мы выходим из машины. Клуб Сержа действительно очень большой, а еще на территорию не пускают машины, и Ване приходится высадить нас и ехать на парковку. Перед четырьмя двухэтажными комплексами раскинулся огромный ухоженный сад.

Вход на территорию — только по пропускам. В главном корпусе, за стойкой администратора, нас встречает красивая рыжеволосая девушка. Я ступаю по зеркально натертому полу и, кажется, понимаю, о чем говорила Стася. Мне очень неловко стоять посреди этой роскоши в старых кедах и футболке.

— Машунь, привет, солнце. Знакомься, Анька. Ей надо на спорт какой-нибудь, ну и так, клубную карту максимального ранга.

От меня не укрывается, как скептически Маша меня осматривает.

— Стасеныш, я тебя люблю, но…

Ага, мы приближаемся к знаменитой сцене из «Красотки». Мне начинать выгребать из карманов смятые купюры или можно сразу начать рыдать?

— Машка, ща Серегу позову, честное слово! — хмурится Стася. — Будешь выделываться. Давай, шевели задницей, у этой «но» бабла больше, чем

у тебя в сиськах силикона.

Она вдруг набирает воздуха в легкие и орет:

— СЕЕЕЕРЖ! СЕРЕГА!

— Тихо ты, шеф занят! — шипит Маша. — Давай сюда паспорт своей Аньки, если сможет оплатить, хоть годовую карту сделаю.

— Платиновую, пожалуйста, — улыбается Станислава.

С явным сомнением Маша пожимает плечами. Она долго рассматривает мой паспорт. А меж тем за ее спиной вдруг открывается неприметная дверь и появляется Серж.

— Стаська, чего орешь?

— Твоя стерва не дает мне клубную карту.

— Так ты бы предупредила заранее. Сложно, что ли, пару слов в эсэмэске черкнуть? Я бы встретил.

Тут он замечает меня.

— Ох ты, какие люди в Голливуде. Машунь, сделай ей годовую платиновую, денег не бери.

— Но…

Он останавливает мои возражения насмешливым взглядом:

— Чего, будем внутри семьи туда-сюда бабло перекладывать?

Маша отрывается от паспорта и недоуменно

смотрит на Сержа.

— Чего глазками хлопаешь? — смеется он. — Сестренка моя новая. Папенька в дом привел, теперь она Крестовская.

— Калинина, — тихо поправляю я.

— Да это мелочи. Пошли, родственница, покажу владения.

— Мы есть хотим, — жалобно пропищала Стася.

— Вот как раз и пожрем, а то я тоже чет задолбался. Все мозги вытрахали. Ща, тока позвоню на кухню, чтобы перечницу со стола убрали.

Он смотрит на меня и фыркает, я краснею, а Стася заливисто смеется.

— В общем, карта у тебя платиновая, действует год, потом придешь, обновишь. Можешь ходить куда угодно и сколько угодно без записи. По умолчанию твое место на тренировках всегда держат. Здесь у нас на втором этаже залы для всяких пилатесов и фитнесов, на первом пилоны, силовые и тренажерка. Тебе что нравится?

— Не знаю. — Я чувствую себя крошечной в огромном светлом помещении.

Очень уютный и дорогой клуб. Мне действительно хочется сюда начать ходить.

— Танцы хочешь? Недавно девочку взял, тан-

цует — супер, видела бы ты, как с детьми ладит, а задница — орех!

— Последнее особенно важно, — хмыкаю я.

— Ну, сестреныш, слушай, я ж не знаю, по девкам ты или нет, вдруг новоиспеченная наследница любит пошалить с подружками?

— Кажется, сейчас она уронит тебе на ногу чугунный блин… — медленно произносит Стася.

— Ну, нет так нет. — Серж пожимает плечами. — Пошли дальше.

Мы выходим из корпуса и переходим во второй.

— Каток. Его надо бронировать, если хочешь кататься совсем одна. Есть общие часы, места обычно хватает всем. Есть групповые и индивидуальные по фигурному, синхронному и хоккею. Но женского хоккея нет, богатые дамочки не любят щеголять без зубов.

— Я не очень хорошо катаюсь, — признаюсь я.

— Тогда договоришься на индивидуальные, научат.

Затем мы оказываемся в новом корпусе, там, где бассейн. Он совсем не похож на тот, куда нас водили в школе. Весь зал стилизован под пещеру, помимо самого бассейна тут есть столики, сауна и несколько красивых джакузи. Играет ненавяз-

чивая музыка.

— Ну, вот примерно и все. Думай, выбирай. Ходи везде, потом определишься. Но как человек, который в этом деле давно, даю совет: занимайся регулярно. Пусть бассейн будет по субботам, но регулярно. Иначе толку не будет. Ну и тренерам мозги сношай, они тут для этого. Если чего, звони. Пошлите в четвертый, поедим, и у меня встреча с новыми тренерами, оставлю вас развлекаться.

— Да не, — Стася качает головой, — мы потом в книжный, а потом Игорь требует на ковер.

Серж одаряет девушку таким взглядом, что я невольно дергаюсь.

— Я бы от тебя на ковре не отказался.

Но Стасю не так-то просто смутить.

— Мечтай, Крестовский.

Ресторан разделен на две части: летняя терраса, за перилами которой раскинулся очаровательный пруд и просторный светлый зал, способный вместить пару футбольных команд вместе с болельщиками. К моему восторгу, мы садимся в летней части. Свежий ветерок приятно развевает волосы, а неподалеку журчит фонтан.

— Картой пользоваться просто: показала официанту, администратору или тренеру — и вперед. На платиновые они у меня надрочены так, что

чуть ли не кланяются. Если карту забыла, тут уже геморрой, потому что вас, «випов», у меня больше сотки и всех не запомнишь. Так что или звони мне, или показывай админу паспорт. Если у тебя платиновая карта, ни за что платить не нужно. Кроме организации конференций и банкетов.

— Да я вроде не планирую, — вздыхаю я, думая, что еще банкетов мне не хватало.

— Ну, это пока. У меня тут любят отжигать звезды кино и безделья.

Мы заказываем обед, и Стаська весело щебечет о какой-то ерунде. Я украдкой осматриваюсь. Это не ускользает от внимания Сержа. Он словно препарирует меня взглядом, но куда менее враждебно, чем его брат. Пожалуй, этот взгляд скорее заинтересованный, чем угрожающий.

Обед удивительно вкусный, так что я предпочитаю молча жевать и слушать их разговоры. Имена, фамилии и события ничего не говорят мне, но все равно быть невольным наблюдателем иной жизни очень интересно. Наконец, когда на десерт нам приносят по фруктовому салату с мороженым, Серж поднимается:

— Ладно, девочки, я убег, у меня собеседование с новым тренером.

— Это у которой жопа как орех? — невозмутимо

интересуется Стася.

— Нет, это у которой папа в администрации города, — с явным неудовольствием морщится Серж. — Пока, Стаська, и не прогуливай тренировки, а не то не видать тебе братика, как собственных коленок, если пузо отрастишь. Калинина, до встречи за ужином, не забудь про него, а не то мы будем весь вечер лицезреть постную рожу Игоря.

Когда он уходит, я замечаю:

— Он кажется довольно дружелюбным.

— Ну да, — пожимает плечами Стася, — потому что ему пофиг. В буквальном смысле на все. Ты — не его проблема, не претендуешь на его деньги, симпатичная, живешь рядом, значит, есть шанс, что обломится, поэтому он будет мил и обходителен.

— Обломится что? — с подозрением спрашиваю я.

Стася только вздыхает и машет рукой. Мол, что с нее, с провинциалки, взять.

После обеда Ваня везет нас в книжный, и тут-то я радуюсь. Потому что отдельных книжных для богатых просто не существует.

Ну то есть нас привозят в самый большой книжный город: три этажа литературы на свой

вкус. И новинки, и старые, подчас антикварные, издания. Но все же здесь ходят обычные люди. Девчонки в джинсах и майках, дети в перепачканных мороженым футболках, изнывающие от жары взрослые. Никто здесь не смотрит на меня, как на диковинную зверушку, и не прикидывает стоимость моих ботинок.

Я бы бродила здесь часами, но, к сожалению, у нас осталось совсем немного времени.

— Аньк, поехали, пока пробки не начались, Игорь ненавидит, когда опаздывают. Чего ты тут копаешься, минут десять уже стоишь!

— Думаю, — отвечаю я. — Эту брать или эту?

Увесистый томик фэнтезийного цикла про магов, приключения и любовь или мудреный детектив в стиле «Касла»? Я действительно не знаю, какую из книг взяла бы почитать на досуге.

— О господи! — Стася закатывает глаза, выхватывает у меня книги. — Эту. Эту. И еще вот эту. Эту. Эту. И возьми вот эту почитай, тоже интересная.

— Но… — Я пытаюсь возразить, что шесть книг — слишком много.

Затем вспоминаю, сколько мы потратили на одежду, и прикидываю, что уж от двух тысяч Крестовские точно не обеднеют. Хотя цены все

равно кажутся мне дикими, раньше о бумажных книгах не приходилось и мечтать.

А теперь они лежат на заднем сиденье машины. Просто потому, что уже не влезли в багажник, забитый одеждой и обувью. Я предвкушаю, как вечером рассмотрю все покупки и обязательно напишу девчонкам. Пусть это будет легенда о внезапно нашедшихся родственниках, но все же очень хочется поделиться хотя бы частью произошедшего.

Еще в компании книг не так страшно ехать прямо в пасть к чудовищу.

Глава 5

У Стаси сегодня день веселья: она смеется, когда я пораженно рассматриваю высоченное офисное здание, сверкающее в лучах летнего солнца. Я хорошо знаю эту высотку: наверху расположена самая большая в городе смотровая площадка. Летом там стоят столики и подают прохладительные напитки, осенью опускают стеклянные панели, чтобы защитить гостей от ветра и холода, а летний бар становится кофейней, зимой заливают каток и готовят прямо на глазах у публики пончики и всякие горячие напитки типа глинтвейна. Еще были живы родители, и каждый день рождения мы ходили сюда. Меня восхищал вид на город с такой высоты. Наверное, чтобы оплатить три билета и угостить меня вкусностями, мама и папа долго откладывали деньги со скромных зарплат. Но каждый день рождения, будь то папин, мамин или мой, мы оказывались за уютным столиком и наслаждались выходным.

Воспоминания отравляют тоской. Таких дней рождения больше не будет. Наверное, теперь я могу снять всю площадку, чтобы никто не втор-

гался в мой личный праздник, но в нем не будет мамы и папы, ощущения дикой радости, сбывшегося предвкушения. Ничего не будет, кроме слабого, неубедительного удовлетворения от того, что копить на празднование дня рождения больше не нужно.

Мы проходим к девушкам за стойкой. Стася достает свой пропуск, а мою фамилию ищут в базе.

— Калинина Анна Артемовна? К Игорю Олеговичу?

Я киваю и получаю временный пропуск. Стася хмурится:

— Надо сделать постоянный.

— Здесь несколько организаций?

— Да, здание принадлежит Крестовским, но первые пятнадцать этажей они сдают. Всяким редакциям модных журналов, суперпсихологам и так далее. Всем, кто тянет космическую цену аренды.

— А чем занимается вообще компания? На чем они делают деньги?

— Металлургия. Всякая-разная.

Мы мчимся на скоростном лифте на самый верх. Я невольно думаю о том, что при пожаре эта стеклянная свечка может стать смертельной ловушкой. Но потом думаю, что уж с такими

деньгами и арендаторами наверняка этот вопрос решили. Надо будет как-нибудь спросить… аккуратно, чтобы не показаться идиоткой.

— Вообще знаешь, есть тип людей, который может делать деньги на всем. От банального: занялся животноводством, открыл стейк-ресторан, потом доставку, потом школу для поваров, потом очнулся — и вот ты уже занимаешься строительством. Поэтому у них есть до фига разных дел.

— И их отец требовал, чтобы дети открыли еще что-то? — поражаюсь я.

— Ну да. Он же постоянно осваивал новые направления. Кофейни, бары, клубы, перевозки, что там еще… банк, медцентры, вот Серж спортивный клуб держит. Олег Александрович надеялся, его дети будут развивать империю. Но пока они способны ее только развалить.

Мы идем по коридору, наверное, раза три проходя через различные турникеты и наглухо запертые двери. И вдруг неожиданно оказываемся в большой светлой приемной. Где у окна стоит стол, заваленный бумагами, а на диване сидит грузный мужчина средних лет с пышными седыми усами.

— Ой, Михаил Сергеевич! — улыбается моя спутница.

— Стасенька, привет, красавица! Сделай старому дураку кофейку, а? Как ты умеешь, а то я тут себе наворотил, пить невозможно.

— Конечно, сейчас все будет. Аньк, тебе кофе?

У меня и без кофе бьется сердце так, словно хочет выскочить из груди.

— Анна Артемовна, — говорит мужчина, — очень рад вас видеть. Меня зовут Михаил Сергеевич Селехов, я — семейный адвокат Крестовских. Всеми юридическими вопросами занимаемся мы с сотрудниками. Сейчас Игорь Олегович закончит встречу, и мы пройдем в его кабинет, чтобы все обсудить.

Я киваю, но все силы уходят на то, чтобы не показывать волнения. Почему я волнуюсь? Понятия не имею. Может, боюсь очевидной враждебности Игоря, проявленной в нестандартной обстановке. Может, просто слишком много всего навалилось и нервная система не справляется с количеством информации. У нас в классе была девочка, на каждую контрольную реагировавшая лихорадкой. Совершенно здоровая, красивая девчонка, почему-то очень тяжело переживающая все стрессы. Сейчас я себе напоминаю ее.

Стася приносит кофе Селехову и чашку с мятным чаем мне. Подмигивает и садится за стол.

— Ну и бумаг накидали, — беззлобно ворчит девушка. — Стоит взять один отгул, как всем срочно нужно что-то подписать, заполнить, заплатить, провести. Кошмар!

Пока она ворчит, из кабинета выходят несколько мужчин. Никто из них не замечает меня, а вот Игорь мрачно и долго рассматривает, а затем поворачивается к Стасе:

— Ты что, ее не переодела?

Та замирает над бумагами и удивленно поднимает одну бровь:

— А что, это настолько срочно, что нам надо было ныкаться в туалете, чтобы нацепить платье за две тыщи баксов?

— Ох, Стаська, как дерзить научилась, — смеется адвокат.

— Так и безработной стать недолго, — хмыкает Игорь и кивает, чтобы мы вошли в кабинет.

Он разделен на две части большой стеклянной перегородкой. В одной части стоит большой стол напротив интерактивного экрана, а во второй обычный письменный, с двумя стульями. Игорь ведет нас к большому, и я этому радуюсь. Можно отсесть подальше и почувствовать себя увереннее.

— Что ж, Анна Артемовна, давайте по порядку.

Первое: завещание. Вы знаете об условиях, верно? Проживание под опекой Игоря Олеговича и получение образования. Как только все условия будут выполнены, приходите сразу ко мне и подпишите документы о вступлении в наследство. Дальше мы подумаем, как выделить вашу часть денег. Я подготовил контракт, для вас и Игоря Олеговича. Вы оба должны быть связаны взаимными обязательствами, чтобы у вас не возникло желания нарушить условия завещания, а у Игоря Олеговича… м-м-м…

— Смухлевать, — вырывается у меня.

Адвокат смеется:

— Да, типа того. Я зачитаю вам тезисно все пункты, а затем можете ознакомиться с контрактом. Итак, со стороны Игоря Олеговича действуют следующие обязательства: контролировать выполнение требований завещания Олега Александровича, а именно предоставить вам условия для проживания в доме по указанному адресу и обеспечить учебу в выбранном заведении. Он берет на себя обязательства по материальному обеспечению на все время учебы. Он и все остальные фигуранты завещания обязуются хранить в тайне ваши личные данные, переписку, фотографии, не обсуждать вас с прессой и не доводить

ваше финансовое состояние до общественности. В отношении Игоря Олеговича действует ответственность за средства, замороженные в качестве вашего наследства. То есть распорядиться ими по своему усмотрению он не сможет и должен будет сохранить. Проценты с вложенного капитала он обязуется использовать на ваше содержание, однако траты на вас не ограничиваются размером процентов. То есть без медицинской помощи, оплаты за учебу или путешествия вы не останетесь ни в коем случае. Есть вопросы?

Мне хочется спросить, нельзя ли в его контракте прописать, чтобы Крестовские меня не задирали, но я понимаю, что это нереально, и только качаю головой. А я думала, Игорь максимально себя обезопасит, чтобы не быть мне должным.

— Теперь что касается ваших обязанностей, здесь тоже все просто. Первое: жить в доме Крестовских и получить образование на свой выбор. Добросовестно учиться вплоть до получения диплома.

Я киваю, это мне уже объяснили.

— Действует также раздел о неразглашении. Вам запрещено сливать в Сеть фото кого-либо из Крестовских без их прямого разрешения, за-

прещено общаться с прессой, за исключением случаев, одобренных Игорем Олеговичем, запрещено разглашать финансовую сторону вопроса. Ну и соответственно все зеркально предыдущему разделу. Теперь о некоторых… особых условиях контракта.

Я напрягаюсь. Игорь следит за мной своим пронизывающим насквозь взглядом. Я бы с удовольствием попросила его не пялиться, но не решаюсь вступить в открытый конфликт при постороннем.

— Есть некоторые условия жизни в доме Крестовских. Конечно, бережное отношение к имуществу, соблюдение норм безопасности и так далее. Уважительное отношение ко всем, кто живет в доме. Категорический запрет на внос в дом алкоголя и наркотиков.

— У нас, если что, свои девать некуда, — саркастично вставляет Игорь.

К собственному удивлению, мне хочется рассмеяться.

— И последний пункт. Это беспрекословное выполнение прямых указаний Игоря Олеговича, направленных на ваше воспитание, саморазвитие и обучение.

— Простите. — Я хмурюсь. — Немного не поня-

ла, о каких указаниях идет речь?

— Анна Артемовна, вы — юны и неопытны. В скором времени вы получите состояние и войдете в круг людей, которые… довольно жестко встречают новичков. Игорь Олегович поможет вам адаптироваться в новой среде. Воспитание включает в себя финансовую грамотность, деловой этикет, переписку — все, что понадобится вам в новой жизни. Считайте это своеобразными курсами для новоиспеченных миллионеров. Данный пункт не затрагивает ваше свободное время, хобби и другие аспекты. Еще есть какие-то вопросы?

— А если я нарушу контракт? Какие санкции ко мне применят?

— В зависимости от тяжести проступка. В случае наркотической зависимости Игорь Олегович имеет право принять решение о принудительной реабилитации, например. В случае причинения ущерба дому или имуществу вы будете должны компенсировать его в указанный срок — обычно это происходит уже после принятия наследства. В случае каких-то личных конфликтов, поскольку за соблюдение условий завещания ответственен я, будем решать все совместно.

Я набираю в грудь воздуха и спрашиваю:

— Что будет, если я не подпишу и откажусь от наследства?

— Игорь Олегович лишится своей части. Главным наследником станет Сергей Олегович, а если и ему не удастся убедить вас принять верное решение, то Кристина Олеговна и Александр Олегович. Если и они не сумеют выполнить условия завещания, то все состояние отходит благотворительным фондам.

Меня забавляет одна мысль о том, что эти напыщенные Крестовские вмиг лишатся своих денег и поедут в какую-нибудь хрущевку спального района. Я вижу в таком исходе сразу три плюса.

Во-первых, Крестовские узнают, что такое настоящая жизнь. Во-вторых, я вернусь к привычным делам и забуду все как страшный сон. В-третьих, благотворительные фонды получат тонну бабла и спасут тысячи жизней.

Потом я натыкаюсь на взгляд Игоря и чувствую, что мне становится нехорошо. В темных глазах плещется бездна, она обещает мне самые страшные муки, стоит только оступиться, принять решение, неугодное этому дьяволу во плоти.

— Хорошо, — медленно говорю я. — Можно прочесть?

Я быстро читаю то, что он протягивает. Навер-

ное, внутренне жду подвоха. Мне кажется, Игорь просто обязан попытаться как-то меня обмануть, чтобы не отдавать деньги своего отца, но это действительно просто бумажка, в которой написано, что я ознакомилась с завещанием. Что ж, обман не имеет смысла — если бы Крестовский хотел, он бы сделал все гораздо раньше и не одевал бы меня, как куклу, в дорогие шмотки.

Завещание лежит рядом, все части, где говорится обо мне, помечены стикерами. Там действительно под три сотни страниц, как и говорила Стася. Вся недвижимость, драгоценности, машины и так далее. Но меня касается лишь часть про деньги.

— Хорошо, Анна Артемовна. Еще один аспект. Пресса, безусловно, начнет копать, и к этому вы должны быть готовы. Впрочем, дети олигархов — не самый лакомый кусочек. Если хотите полезный совет: не участвуйте в скандалах и не пытайтесь пробиться на эстраду.

Он многозначительно хмыкает собственным мыслям.

— С этим мы разобрались. У вас есть вопросы?

— Почему я? — вырывается у меня.

Селехов вздыхает:

— Не знаю, Анна Артемовна. Но я вас уверяю,

мы ищем ответы. И очень надеемся найти раньше, чем о вас пронюхает пресса. У вас нет никаких идей?

Качаю головой:

— Я не могу быть дочерью Олега Александровича, это исключено, я знаю, что вы мне не верите, но…

Игорь многозначительно усмехается, я одариваю его гневным взглядом, телепатически пытаясь напомнить об утренней перечнице. Но этого не пронять.

— В этом мы скоро убедимся, но я прошу вас подумать хорошенько. Может, знакомство родителей? Может, у вашей мамы или у вашего папы был одноклассник по имени Олег? Друг? Знакомый, которому они помогли давным-давно? Связь определенно существует. Думаю, нам всем хочется узнать какая.

Я киваю, но больше из вежливости. Прошло столько времени… конечно, я не помню ни одного друга или знакомого родителей с именем Олег. Тем более такого богатого.

— Тогда еще один момент, и вы свободны. Вот моя визитка, запишите номер и звоните в любое время. В целях безопасности я проверяю и веду все договоры Крестовских. Если будут какие-то

сделки, открытия счетов, иски или штрафы, звоните мне. Соответственно, если вдруг случится арест, можете тоже звонить сразу мне.

— А лучше мне, — добавляет Игорь, — чтобы я успел как следует наподдать.

— Я не собираюсь попадать под арест.

— Попадать или попадаться?

Я стискиваю зубы и перевожу взгляд на адвоката, но он поднимается и убирает бумаги в папку.

— Пришлю вам с курьером вторые экземпляры контракта и завещания. Поздравляю, Анна Артемовна, совсем скоро вы станете очень богатой молодой девушкой.

— Спасибо, — бормочу я.

А сама думаю: что с этим богатством вообще буду делать?

Игорь вызывает Стасю:

— Отпусти Ивана домой, Анна едет в моей машине. Завтра меня не будет до обеда.

Он поднимается, мне ничего не остается, как последовать за ним. По правде говоря, я предпочла бы ехать одна или вовсе на метро, но теперь о таком остается только мечтать. Я могла отказаться, хотя бы попытаться, удрать или отбиться от неожиданного подарка судьбы, но согласилась и теперь глупо бунтовать на ровном месте. Ну

и Ваню жалко. Он, бедняга, целый день пакеты таскал, пусть хоть немного передохнет.

В машине, этой жутко огромной махине (кажется, даже бронированной), ужасно тесно. Я вжимаюсь в дверь и старательно смотрю в окно, чтобы не видеть, не слышать и не чувствовать присутствие Крестовского. Хотя и не выходит. Здесь все принадлежит ему. Запах окутывает меня, касается кожи и навечно на ней остается.

Игорь смотрит что-то в планшете, не обращая на меня внимания, и я расслабляюсь. Но, как выясняется, зря.

Машина заезжает во двор и останавливается у входа, я отстегиваю ремень и собираюсь выходить, но дверь не открывается. Водитель выходит, но не спешит меня выпускать.

— Что такое? — поворачиваюсь к Игорю.

Он задумчиво на меня смотрит. Затем медленно протягивает руку и приподнимает мою голову за подбородок, чтобы я взглянула ему в глаза.

— Сначала, — непривычным, бархатистым и чуть хрипловатым голосом говорит он, — я выясню, кто ты такая и как оказалась в жизни моего отца. А потом мы поговорим о том, чему я тебя научу.

Усилием воли я стряхиваю оцепенение, а вме-

сте с ним и руку Крестовского.

— Что ж, от меня вам тоже лучше кое-чему научиться.

— Интересно, чему же? — с усмешкой интересуется он.

— Человечности, — бросаю я и стучу в окно, чтобы меня уже выпустили из этой проклятой машины.

Я слышу, как Крестовский смеется, и мне хочется его убить. Сама не знаю, почему безобидные подколки вызывают во мне бурю эмоций. Порой с девчонками мы шутим друг над другом и грубее.

А здесь я вспыхиваю мгновенно и потом долго прокручиваю в голове несостоявшиеся диалоги, придумываю ставшие ненужными колкие фразы.

Вслед за Игорем я захожу в дом. По привычке собираюсь разуться, но вспоминаю, что здесь действуют иные правила. Конечно, Крестовские не ходят по дому в уличной обуви, как в кино, но и не носят тапочки. Как я поняла, у каждого из них есть обувь для дома. Стася взяла мне целых три пары мягких тканевых балеток. Очень удобных и довольно милых.

— Переоденься к ужину во что-то приличное, — бросает мне Игорь.

У меня даже нет сил огрызаться, к тому же джинсы и футболка за день мне изрядно надоели. Я поднимаюсь наверх, к себе в комнату, куда Ваня уже принес все покупки.

Сумочек, пакетов и коробок столько, что ими завалена вся вторая часть комнаты. Причем сначала водитель явно старался, аккуратно расставляя все на столике и креслах, а вот потом уже бросал все сверху и совсем из последних сил тащил книжки — их он положил на кровать. Я тоже понятия не имею, в каком из этих пакетиков что, беру ближайший, обнаруживаю в нем белое, в голубую полоску, платье-рубашку и решаю, что сойдет.

Платье отличное, из плотного хлопка, совсем не облегает, но сидит очень хорошо. Я закатываю рукава до локтя, собираю волосы в высокий хвост и спустя некоторое время нахожу балетки. Новая Анна Калинина, смотрящая из зеркала, мне нравится.

Крестовские ужинают в столовой — большом зале, смежном с тем, где я в первый день уснула. Стол, рассчитанный как минимум на десяток человек, смотрится пустым. Во главе сидит Игорь, по его правую руку — Серж, а напротив с хмурым видом ковыряются в тарелке Алекс и Крис. При-

боры для меня стоят рядом с Сергеем.

— Добрый вечер, — здороваюсь я, — приятного аппетита.

Серж, не отрываясь от мяса, машет мне ножом, Игорь едва заметно кивает. Алекс игнорирует, словно меня здесь нет, а вот Крис…

Крис обжигает меня ненавидящим взглядом и резко встает, едва я подхожу к столу.

— Я наелась. — Голос у нее такой ледяной, что мне не по себе.

— Сидеть! — рычит Игорь, и я невольно подчиняюсь, хотя рычит он не на меня.

— Я не буду есть за одним столом с ней!

— Можешь не есть, но сидеть будешь, пока я не разрешу уйти. Напомнить, куда я обещал тебя отправить жить, если будешь меня бесить? Однушка в Вишневинках тебя ждет, перспективный микрорайон, новый, на стенах в подъезде, наверное, даже слово «хуй» еще не нарисовали. Сколько там сейчас стипендия? Две пятьсот повышенная? Ты, конечно, на повышенную не тянешь, но так и быть, докину до социального максимума.

Красная от злости, Крис медленно опускается на стул.

— Что ж, вновь знакомлю. Это Анна Калинина,

с этого дня она будет жить в этом доме. Любить не прошу, но жаловаться не позволю. Я не жду, что вы станете дружной семьей, но рассчитываю, что этот дом обойдется без свар и скандалов.

«Иначе выпорю», — совершенно не к месту приходит в голову.

— Анна проживет здесь пять лет. Затем получит свое наследство и будет вольна им распоряжаться. Пока же все ее расходы оплачиваю я. Поясняю, что это значит. Если в порыве бессильной злобушки кто-нибудь из вас решит сделать ей гадость, поцарапать машину или что-то такое, то считайте, что на бабки вы подставили меня. Один раз я, может, и прощу, а вот второй… Вишневинки и стипендия. Всем ясно?

Раздался нестройный и унылый хор голосов. Зачем он заставляет меня это слушать? Неужели не может поговорить с семьей наедине?

— Так хотел отец, для него это было важно, поэтому давайте уважать волю того, кто сделал вас миллионерами.

— Вас, — поправляет его Крис. — Нам с Алексом он показал огромный волосатый хер, а не наследство. Почему ей не поставили условие открытия бизнеса? Я, значит, должна копаться в этом дерьме, а она поживи пять лет рядышком и

получи свою долю?

— Ну, тут вариантов два. Либо папа считал ее разумнее тебя, что, в общем-то, довольно вероятно, либо ему было плевать, как она разбазарит наследство, а за тебя он переживал. Выбери сама вариант, который тебе нравится, и прекрати трахать мне мозги, Крис. Я уже говорил, я понятия не имею, почему он оставил Анне деньги. Мои люди работают над этой загадкой, может, мы и докопаемся до правды. А может, нет. Папа умел хранить секреты. Но как бы то ни было, Анна теперь живет рядом с вами, ест за одним столом с вами, тратит деньги наравне с вами и получает, в случае косяка, тоже наравне с вами.

— Что, отправишь ее в Вишневинки? — усмехается Крис. — Нарушишь завещание?

— Ее Вишневинки не пугают, она выросла в сарайке. Для нее отдельная система наказаний.

— Не хочу знать, оставь свои фантазии при себе, — кривится Крис.

Игорь поднимает брови. Я краснею. Серж улыбается в тарелку, а Алекс стандартно мрачен.

— И еще. Анна едет с нами в августе.

— Что? — вскипает Крис. — Игорь, это слишком!

— Одну ее здесь я не оставлю. Сбежит еще. Ре-

шение не обсуждается. Всем приятного аппетита, кто наелся, может быть свободен, но услышу, что лезете ночью на кухню, — установлю лимит на картах.

Крис и Алекс, с грохотом отодвинув стулья, уходят наверх. Серж… Серж методично и спокойно уничтожает еду. Вот уж у кого нервная система в порядке, мне-то кусок в горло не лезет.

— Куда я еду? — спрашиваю я.

— В отпуск. Я выкроил несколько дней, чтобы съездить на море. Это не обсуждается и идет под грифом «обязательное мероприятие».

— Но отпуск — семейное событие. Я никуда не сбегу, я ведь подписала все ваши контракты, и… ну, будем честны, сбегать от восьми сотен миллионов как-то не слишком разумно.

— Рад, что ты это понимаешь, однако я не хочу оставлять тебя одну. Я тебя не знаю, Марина и прислуга тоже берут отпуска, нанимать отдельную няньку я не собираюсь. Прими как подарок судьбы. Греция в августе весьма занимательна.

Я замираю, не зная, возмутиться, что меня не спросили, или поблагодарить, потому что… черт, это же море! И не Краснодарский край, не Ростов, а настоящее Средиземное море. Говорят, оно очень синее, а еще теплое, и там растут пальмы,

и… четверо Крестовских в соседних комнатах.

Но, пожалуй, даже их я смогу потерпеть ради таких впечатлений.

Мы ужинаем в полном молчании. Серж просто уплетает все, до чего может дотянуться, работа явно выматывает его по полной. Когда парень не жует, он клюет носом. И я даже завидую, потому что сама еще не скоро усну, переживая вновь все события этого дня. Для нервной системы, пожалуй, такие стремительные перемены — перебор.

Наконец Серж вливает в себя большую кружку чая и прощается:

— Ладно, задолбался я как-то сегодня. Пойду часок в соньку зарублюсь и спать.

Игорь кивает, мы остаемся наедине, и мне тоже очень хочется быстро сбежать, но я еще не доела, и это будет смотреться глупо. К счастью, Игорь сам заканчивает вперед, поднимается и идет в другой конец столовой, к небольшому секретеру, в котором обнаруживаются бар и мини-холодильник.

Я быстро заканчиваю.

— Спасибо за ужин, все было очень вкусно. Убрать со стола?

— Марина уберет, — отмахивается он.

У меня нет сил возражать, я дико устала и

очень не хочу оставаться с ним наедине дольше положенного. Но меня останавливает голос Крестовского:

— Покажи еще, — вдруг говорит он, затем достает бутылку с коньяком и наливает в бокал с холодными металлическими шариками.

— Что? — не понимаю я.

— Покажи еще что-нибудь из того, что ты купила. Хочу увидеть, на что пошли мои деньги, вроде как имею на это право.

Я не двигаюсь с места, ошеломленная просьбой. Как он себе это представляет? Я вот так вот буду прыгать туда-сюда в разных нарядах? Нашел себе бесплатное шоу.

— Можете подняться и лично разобрать все пакеты. Что не подойдет, выбросите.

— Я хочу увидеть на тебе. То, что на одной смотрится прилично, на второй может быть вульгарным. Поэтому выбери несколько платьев и примерь. В конце концов, я же не белье тебя прошу показать. Давай шустрее, уже поздно, завтра с утра ты едешь к врачу.

Я долго раздумываю, что бы такого сказать в ответ, но потом понимаю, что сил спорить уже не осталось. Ну, хочется ему выяснить, каких платьев я накупила, — окей, покажу. Вдруг моя

любовь к блесткам приобрела бы невероятные размеры. Я изрядно веселюсь, пока иду наверх и представляю себя в расшитом розовыми пайетками комбинезоне в строгих и лощеных интерьерах офиса Крестовских.

В куче пакетов не так-то просто найти нужные вещи, но в итоге я надеваю симпатичное черное платье. Оно довольно простое, с v-образным вырезом. Чуть выше колена, с короткими рукавами. Приталенное, но не вызывающее, с немного расклешенной юбкой. Мне нравится, как оно сидит, будет здорово пойти в чем-то таком в первый день учебы.

Подходящие туфли найти не могу, остаюсь в домашних балетках. Внутри все сжимается от какого-то странного, совсем лишнего, не то страха, не то волнения. Будто я жду одобрения Крестовского. Или просто боюсь новой порции насмешек. Кеды и джинсы отстаивать легко: в таком стиле я проходила всю сознательную жизнь. Наверное, рано или поздно переход от девочки в кедах к девушке в «кэжуал» платье должен был случиться, но из-за внешних обстоятельств немного затянулся.

Как бы то ни было, в этом платье я одновременно и новая, и прежняя. Странное чувство.

Я спускаюсь вниз, где Крестовский развалился на диване перед камином. Том самом, на котором я отрубилась. Как же давно это было-то! Хотя на самом деле прошло всего два дня.

— Они все такие, — каким-то жалобным голосом говорю я.

— Что, три десятка одинаковых платьев? — Игорь усмехается.

От мысли, что мне придется померить три десятка нарядов и с каждым выступить перед ним, начинает подташнивать. Зря я съела столько кусков лазаньи.

Тяжелым взглядом Крестовский медленно рассматривает меня с ног до головы. Глаза мужчины, темные и опасные, поблескивают от выпитого. Он допивает коньяк одним махом и поднимается.

Невольно я отшатываюсь, но быстро беру себя в руки. Что за дурь? Контракт, что мы подписали, обязывает его заботиться обо мне. Ничего Крестовский сделать не сможет. Только высмеять, поиздеваться. Но неужели к этому я не привыкла? Не он первый, не он последний. Моя способность выпускать колючки раскрылась еще в то время, пока папа болел. В бесплатной медицине без колючек никак.

Он проходит мимо меня к секретеру, наливает

еще коньяка. Правда, совсем чуть-чуть.

— Можно я не буду мерить остальные? Я устала.

Игорь ничего не отвечает. Пьет, не сводя с меня глаз, потом хмуро кивает. Я с облегчением выдыхаю. А Крестовский, внезапно оказавшись рядом, вдруг поднимает руку и легким касанием кончиками пальцев проводит вдоль выреза платья. От шеи по ключице и к самому началу ложбинки.

Разряд тока — теперь я знаю, как он ощущается. Словно сунула пальцы в розетку и как следует приложилась. Стремительный, яркий разряд, от которого остается мелкая дрожь.

— Не хватает аксессуаров, — будничным тоном произносит Игорь.

И затем приказывает:

— Купи.

— Как-нибудь, — бормочу я. — Спокойной ночи. Завтра рано вставать.

Не знаю, смотрит он вслед или нет, но я со скоростью звука убегаю к себе, закрываю дверь и только потом закрываю глаза.

Черт! Это будет адски сложно. Жить здесь, находиться рядом с ними, чувствовать их презрение и в то же время неподдельный, живой интерес. Так и читалось в глазах: что в ней такого? Поче-

му именно она стала наследницей? А в глазах Игоря еще и постоянно светилась угроза. Скрытая, неявная — прямая агрессия уступила место настороженности, он отдавал приказы, коротко и отрывисто, не сомневаясь, что я их исполню, и словно проверял пределы моей прочности.

Как оказалось, прочности не было совсем.

Чтобы отвлечься и успокоиться, я иду в душ. Долго стою под горячими струями, наслаждаюсь приятной усталостью в теле. А затем размышляю, рассмотреть покупки или все же лечь спать, а всем этим заняться утром.

И все же — утром. Сил почти не осталось.

Я с трудом нахожу пакет с известным логотипом. В нем одежда для сна и белье. Сейчас я очень печалюсь, что в магазине белья мне стало плохо и Стася выбрала для меня покупки сама, лишь сверив размер. Потому что среди них нет ничего, в чем можно было бы лечь спать.

Вернее, что я сочла бы приличным для сна.

Ни мягких фланелевых пижам, ни тонких хлопковых сорочек, ни даже какой-нибудь завалящей футболки или майки. Только атлас, шелк, кружево и все прочее в стиле «мне тридцать, и я даже ночью рассчитываю кого-нибудь закадрить». Я долго перебираю покупки и наконец выбираю

то, в чем хотя бы теоретически можно спать — атласный комплект, состоящий из сорочки и короткого халатика с поясом.

Очень непривычно и очень неуютно, но… жутко красиво. Мне нравится, как золотистый атлас мягко касается кожи, не облегая, а скользя. Нравится изящное кружево вдоль подола сорочки. Нравится вырез, совсем неглубокий, но очень женственный. Может, действительно стоит привыкнуть к новой жизни. Или хотя бы ненадолго ощутить ее на вкус. Какая разница, что будет завтра? Может, Игорь оспорит завещание. Может, выяснится, что все это чья-то шутка. А может, мне на голову упадет кирпич. Но сейчас-то я здесь, и у меня есть возможность внести в жизнь крохотные частички радости.

Врут все, кто утверждает, что деньги ничего не решают. Может, они и не приносят абсолютного счастья. Но совершенно точно олицетворяют собой уверенность в завтрашнем дне.

Пока я размышляю перед зеркалом, дверь вдруг открывается. Я подскакиваю, чувствуя, как в груди сердце несколько раз переворачивается и замирает. Игорь с интересом рассматривает мой наряд, скользит взглядом по кружеву, по изгибам атласной ткани и голым ногам.

Опомнившись, я хватаю халат и кутаюсь в него.

— Что тебе нужно?

Так и общаемся. Я то перехожу на «ты», то снова выкаю, забывая, как обращалась к Крестовскому еще пару минут назад.

— Пошли, — говорит он. — Дело есть. На две минуты.

Он не собирается меня ждать, поэтому о том, чтобы переодеться, не идет и речи. На ходу, прыгая и держась за стены, я кое-как надеваю балетки. Интересно, что ему нужно? Придумал очередное поручение?

Я понятия не имею, куда тянется коридор, по которому меня ведет Крестовский, но проклинаю всех богов и злодейку-судьбу, когда одна из многочисленных дверей вдруг открывается и выпускает Сержа.

Конечно, он не упускает возможности поязвить на тему неожиданной встречи.

Серж дарит мне одновременно насмешливый и восхищенный взгляд, а потом смотрит на брата:

— Быстро ты. Уважаю.

— Мы идем в библиотеку, — недовольно поясняет Игорь.

— Ну да, я сразу так и подумал. И вариантов

других не было, смотрю — идут, точно, думаю, в библиотеку, — продолжает издеваться Серж. — Ладно, книголюбы, смотрите, не наделайте там читателей, я еще не готов к такому расширению книжного фонда.

Посмеиваясь, он уходит, а мы останавливаемся перед большими двустворчатыми дверями. Мне хочется спросить, все ли шутки у Сержа на одну тему, но я не успеваю. Игорь входит в помещение, и мы оказываемся в библиотеке.

Что думает человек, когда слышит о библиотеке в частном доме? Я лично представляю себе уютную комнату с мебелью из красного дерева. Такой обезличенный роскошный интерьер. У окна, завешенного темными плотными шторами, стоит письменный стол, потому что библиотека — это еще и рабочий кабинет. Вдоль стен стоят шкафы с книгами.

Так вот, Крестовские плюют на все мои представления. Мы стоим в зале, который действительно можно назвать библиотекой. Шкафы здесь расположены не вдоль стен, а рядами, и на них сотни книг! Самых разных, но определенно очень дорогих. Комната светлая и просторная, несмотря на обилие стеллажей. Вообще она кажется какой-то чужеродной в доме, изобилую-

щем массивной мебелью, декоративным камнем и каминами.

И еще — чистый восторг! — в комнате укрепленные широкие подоконники с подушками.

— Вот это да, — не могу удержаться и восхищенно обвожу пространство взглядом.

— Это библиотека. Будет время, разбери здесь завалы.

— Завалы? — не понимаю я.

— Книги не перебирали много лет. Сюда никто не заходит, только Марина убирается раз в неделю. Если начнешь маяться от скуки, можешь разобраться, что тут за коллекция: что выкинуть, что оставить, что вообще не пригодно к чтению. Все, что найдешь, — твое.

Он задумчиво подходит к одному из окон, возле которого стоит красивый белый глобус, расписанный под старину. С легким щелчком Игорь вдруг приподнимает верхнюю половинку глобуса и демонстрирует мне бутылки, искусно спрятанные внутри.

— Вот видишь. Повезло. Ух ты, ликер. И срок годности нормальный. Ну вот, повеселишься.

Мне на самом деле хочется здесь побродить, посидеть, рассмотреть книжную коллекцию Крестовских. А еще очень любопытно, почему никто

сюда не заходит. Не то чтобы они походили на любителей чтения, но… по лицу Игоря я вдруг понимаю, что лучше не спрашивать, по крайней мере сейчас.

В полном молчании мы возвращаемся обратно, и я тут же засыпаю, едва забравшись под одеяло. Очень длинный и странный день.

Глава 6

По молодости, будучи студентами, не обремененными ни заботами, ни моралью, ни бедностью, они, перетрахав всех знакомых девок, развлекались довольно своеобразным способом.

Выбиралась простушка из кругов, максимально далеких от тусовочных. Какая-нибудь студентка первых курсов, приехавшая из деревни. Или молодая библиотекарша. Или хорошенькая кассирша из супермаркета рядом с домом. В общем, что-то такое невзрачное, задолбанное серыми буднями, но симпатичное и скромное.

Девчонку окружали сказкой: водили в рестораны, клубы, на модные тусовки, покупали цацки и шмотки. Имели во всех позах, куда ж без этого. Обычно девки воображали себя эдакими Джулиями Робертс. Вряд ли они осознанно отдавались за ресторан и туфли, но будь этот Игорь Крестовский грузчиком из той же «Пятерочки», так легко бы ему не давали.

Веселье заключалось в том, что у каждой из этих простушек не было ни вкуса, ни опыта, ни чувства меры. Зато вдруг оказывалась безлимит-

ная кредитка и необходимость выглядеть дорого и шикарно.

Развлечение заключалось в том, чтобы предоставлять простушкам полную свободу и ржать над тем, как безвкусно, глупо и аляписто они одеваются. А еще глупее — себя ведут. Они и не подозревали, что за ними наблюдает целая компания парней, чтобы потом, наедине, со смехом обсудить каждую сказанную глупость, каждое идиотское, усыпанное стразами, ультракороткое платье.

Тогда Игорю не было их жалко. Он справедливо рассуждал, что, имея на руках безлимитную карту и хоть какое-то количество мозгов, можно выглядеть не как дешевая шлюха. За все годы учебы, пожалуй, только несколько девиц похорошели, получив кучу денег. Большинство превращалось в разрисованных кукол в синтетических платьях. Даже те, с кем на этапе знакомства было интересно поговорить, становились одинаково тупыми, сладкими, набившими оскомину пустышками.

И вот теперь на диване в приемной клиники сидит Калинина. В сиреневом платье с открытыми плечами, длиной чуть пониже колен. С крупными локонами, спадающими на шею, ласкающими и щекочущими тонкую светлую кожу.

Рядом валяется сумка в тон туфлям — бежевая. Девушка нервно теребит смартфон тонкими пальчиками с ноготками, покрытыми нежным матовым лаком.

Почему система дала сбой на ней? Почему вечером он увидел нежнейшее создание в этой длинной рубашке, которая скрывала все изгибы, но давала охренительный толчок фантазии? Почему потом она спустилась не в безвкусном клочке блестящей стрейчевой ткани, а в черном платье, которое тут же захотелось снять, чтобы увидеть, что там, дальше, за застегнутыми пуговицами? Почему сейчас она не в шортах и каком-нибудь корсете, а в нежном девичьем платье, юбку которого смешно прижимала к ногам, выходя из машины на ветренную сторону парковки?

Итак, полный провал.

Она очаровывает всех, с кем знакомится. Стаська, кажется, искренне ей помогла, раз схватила телефон и влезла в их диалог. Эд сделал из нее красотку, хотя, по сути, только отмыл и причесал. Серж, говорят, был весьма мил, насколько вообще может быть милым средний Крестовский. Даже Иван как-то уж слишком заботливо открывал перед ней дверь и поддерживал за руку, пока

она спрыгивала с высокой ступеньки машины. Надо напомнить ему о том, какое место должен занимать водитель и охранник.

И теперь вот при виде Анны даже Стаськин отец превратился в заботливого дядюшку со стетоскопом.

— Что ж, Анна Артемовна, никаких серьезных проблем со здоровьем я не вижу…

Он осекается, красноречиво смотря на Игоря, но тот не намерен оставлять их одних. Ему нужна полная информация о Калининой. По взгляду врач это явно понимает.

— У вас легкая степень гастрита, вам срочно нужно начать правильно питаться. Небольшой шейный остеохондроз, мы сделаем МРТ, и походите к нам на массаж, у нас отличный мануальщик. Недостаток витаминов, я распишу, как и что нужно принимать. Пожалуй, вот и все. Настоятельно рекомендую не перегружать нервную систему, соблюдать режим сна и отдыха, режим питания, водный режим и умеренно заниматься спортом. Лучше всего подойдет бассейн, только плавайте правильно, не нагружая шейный отдел. Вот список дополнительных анализов, там расписаны даты и подготовка. Вот рецепты на витамины. Вот моя визитка, можете звонить и консульти-

роваться в любое время суток. В нашем центре прекрасные специалисты. Надеемся, вы будете выбирать нас в дальнейшем.

Игорь усмехается. Ага, Стаська уже рассказала папочке, какую жемчужину прибило к берегу Крестовских. Вот он и рассыпается в комплиментах, чтобы не уплыл перспективно богатый клиент.

Но пока что счета Калининой оплачивает он, так что…

— Игорь! — возмущенно восклицает врач, когда он берет со стола папку с исследованием.

— Я ее опекун, — отрезает он. — И имею право знать состояние ее здоровья.

Спорить не решается. Вздыхает, напоследок улыбается Ане и скрывается в кабинете — на подходе следующий пациент, какая-то скандальная тетка с жуткой золотистой сумкой.

Игорь быстро листает карту. Ничего особенного, здоровая, без инфекций. Несколько штук, правда, еще не готовы. Но он не верит, что у Калининой ВИЧ или что-то такое, все-таки это бы нашли раньше. Она не походит на тех, кто…

Он запинается, когда доходит до заключения гинеколога. Вот тебе и привет.

— Значит, ты с ним не спала, — бормочет он.

Калинина вскидывает голову, глаза яростно блестят:

— Что?! Вы что там читаете!! И что вы обо мне подумали?! Боже, да вы ненормальный, вы что, решили, что я спала с вашим отцом?!

Тетка с золотистой сумкой уже входит в кабинет врача, но, услышав последние слова Анны, останавливается и прислушивается. Игорь не выдерживает и рявкает:

— Тетушка, вы к врачу опаздываете!

— Игорь Олегович! — из кабинета выглядывает врач. — Не кричите на пациентов, сегодня у меня прием профилактория, мы реабилитируем сердечников!

— А я думал, любопытный нос на место пришиваете.

— Если вы не будете кричать на всю ивановскую, — тихо говорит Калинина, — то никто не будет любопытничать. С чего вы вообще взяли, что я спала с вашим отцом? Я его даже не знала!

— А что я должен был подумать? Ты отрицаешь, что его дочь — кстати, анализы будут готовы не сразу, так что это еще не факт. Он оставил тебе миллионы. Да ты одна из самых богатых невест страны сейчас!

— Еще нет, я же не выполнила условия заве-

щания.

— На то, что ты проебешь их, я даже не надеюсь, — вырывается у него.

Она краснеет, в самом деле, будто впервые в жизни слышит нецензурщину. Хотя уж Игорю-то всегда казалось, что круче детей из бедных семей не матерится никто. Он как-то вместе с другом забирал его сына из школы и случайно услышал разговор шестиклашек. Едва удержался, чтобы не достать блокнот и не записать пару новых выражений.

И надо же, работавшая горничной, учившаяся в самой обычной школе, Калинина вдруг краснеет от крепкого слова.

Правда, потом удивляет его еще сильнее:

— Если пожелаете, могу и про…

Она запинается, а Игорь, развеселившись, внимательно на нее смотрит.

— Ну? Что можешь?

— Вы сейчас нарушаете контракт, который вчера подписали.

— Это как это?

— Там написано, что вы меня должны воспитывать, а вы меня плохим словам учите.

— Ты сама напросилась, — предупреждает он.

Хочет воспитания? Будет ей воспитание. Он

только получит тест, убедится, что в них течет разная кровь, и тогда научит Анну Артемовну почти всему, что знает сам. И не только управлению деньгами.

Они выходят из клиники. Время близится к полудню, солнце уже вовсю жарит, от асфальта парит духотой. Для полноты образа Анне не хватает только изящной светлой шляпки. Надо будет сказать Стаське, чтобы купила. И аксессуары. Хоть какие-то украшения, а то смотрится как бедная родственница в чужих шмотках. Рано или поздно ее сфотографируют рядом с ним, и что скажут в прессе? Игорю-то было плевать, но вот пиар-служба вынесет все мозги, а Калинина наверняка с маниакальным вниманием будет рассматривать каждую заметку о себе и впадать в депрессию от язвительных комментариев.

— И что мне теперь делать? — спрашивает она.

— Понятия не имею, — хмыкает Игорь.

Он достает телефон и рычит:

— Лев, где машина?! Какого хрена я должен стоять на жаре, я не троллейбус жду!

— Ух ты, вы знаете, что такое троллейбус, — улыбается она. — Я имела в виду, что мне делать в связи с тем, что я должна сообщать вам о своих

намерениях и перемещениях.

— Если ты с Иваном, можешь не сообщать, он доложит сам. Делай что хочешь, только в неприятности не лезь.

— Я хочу есть, — задумчиво говорит она, обращаясь скорее в воздух, чем к нему.

Ей отвечает Иван, уже подогнавший машину:

— Анна Артемовна, здесь неподалеку есть отличный итальянский ресторан с приятной летней террасой. Можем заехать к ним на обед.

Злость внутри поднялась ядовитой змеей и чуть не выплеснулась наружу. Какого хрена, стоит только дать слабину, персонал начинает вести себя по-приятельски? Да будь Калинина тысячу раз свойской девчонкой, Иван должен быть ее тенью, бесшумной, безголосой и безынициативной. Какой, на хрен, ресторан?

— Поехали, — бросает Игорь.

— Куда?

— Обедать.

Анна пожимает плечами и идет вслед за ним к машине, а вот до Ивана, который встретил многозначительный взгляд шефа, кажется, доходит, как он накосячил.

* * *

Я чувствую себя немного неловко в ресторане, в котором Игорь решает пообедать. Мы сидим в очаровательной беседке, рядом с прудом, где задорно журчит фонтан. Я с наслаждением потягиваю освежающий цитрусовый коктейль и стараюсь не смотреть на Крестовского, который, кажется, задался целью надо мной издеваться. Он ничего не делает и не говорит, но в каждом движении, в каждом взгляде сквозит интерес, который охотник испытывает к зверю. Как он себя поведет? Какую изобретательность проявит напуганный погоней зверек?

Вот и я чувствую себя кроликом, в нос которому смотрит ружье.

Но все же место очень красивое и атмосферное. Мне нравится представлять, что однажды я приду в такой ресторан с любимым человеком. И мне снова будет так же круто, как в детстве, на крыше высотки Крестовских.

В беседке очень прохладно и приятно. При желании можно отвязать золотистые шторки и оказаться в романтичном полумраке, отрезанными от всего мира.

Нам как раз приносят салаты, когда я слышу

женский голос. Он звучит как-то неестественно удивленно:

— Игорь! Крестовский!

Перед нашей беседкой появляется нечто очень красивое и очень рыжее. С виду девушка или, скорее, молодая женщина напоминает мне фотомодель. На ней легкое бело-голубое платье, плетеные сандалии на плоской подошве, куча разноцветных браслетов и соломенная, по типу мужской, шляпа.

— Саш, — усмехается Игорь. — Ты какими судьбами?

Он двигается на диване, чтобы рыжая села, и не противится ее поцелую в щеку, так что у меня закрадываются подозрения об их отношениях. А еще Саша внимательно смотрит на меня, хоть и делает вид, что интересует ее только Игорь.

— Вернулась вчера, вот, встречаюсь с девочками. А ты с каких пор ходишь по ресторанам в разгар рабочего дня? Неужели нашлась девушка, которая смогла отодвинуть на второй план работу?

— Это Анна, — Игорь кивает на меня, — дочь друга отца.

— Ого! — Саша смеется. — А не маленькая еще Анна?

— Я ее опекун. Папа просил позаботиться о ней перед смертью, и я забрал ее в дом.

— Крис, должно быть, в восторге, — смеется Саша.

Она выглядит жизнерадостной, веселой, чем-то напоминает Стасю, но мне все равно кажется, что это напускное. И за маской рыжей и задорной красотки скрывается настоящая стерва. Наверное, на меня так действуют деньги — я уже не способна видеть в людях хорошее и жду подвоха каждую секунду. Неужели так будет всегда?

— Крис переживет.

— А что с ее родителями?

Я хмурюсь. Мне не нравится, что обо мне говорят в третьем лице, когда я сижу здесь, за одним столом, и пытаюсь есть салат.

— Умерли. Поэтому папа просил за ней присмотреть.

— Вот это да, прямо современная Золушка! Правда, фея-крестная еще не прилетала, да? Тебе стоит ее приодеть, Игореш, а то пойдут нехорошие слухи.

Вот стерва, такой вкусный салат испортила.

— Игорь Олегович, — тихо говорю я, — подайте, пожалуйста, перечницу.

Он не меняется в лице, но глаза блестят о-о-

очень нехорошо, мне даже становится страшно.

— Салат пресный, — добавляю я.

Ничего не замечающая Саша сама протягивает мне перечницу. Под напряженным и мрачным взглядом Игоря я приправляю салат.

— Ну, — мурлычет Саша, — и что ты делаешь сегодня вечером?

Тут приносят и его заказ.

— Занят, — отрезает Игорь.

На лице рыжей мгновенно отражается разочарование.

— Ну, может, завтра сходим в клуб? Трикс собирает тусовку…

— И завтра занят.

Он нехотя отрывается от тарелки.

— И послезавтра, и в ближайшие девяносто лет, Сашунь, для тебя я занят.

Она обиженно надувает алые губки:

— Игореш…

— Саш, ты с девочками встречаешься. Вот и иди.

В зеленых — прямо как у ведьмы — глазах вспыхивают и злость, и обида, и зависть. Правда, чему она вдруг позавидовала, я не понимаю.

— Счастливо оставаться, мудак, — бросает рыжая.

Она так стремительно исчезает, что я удивленно моргаю.

— И что это было? — спрашиваю у Игоря.

Тот пожимает плечами и утыкается в смартфон, давая понять, что разговор окончен.

Что ж, в тишине есть куда приятнее. Здесь действительно потрясающе вкусно, я даже не могу описать впечатление от нежнейшего стейка из индейки с легким овощным гарниром. Мне определенно начинает нравиться часть этой жизни — та, что касается еды. Можно только вообразить, сколько всего я еще не попробовала, сколько дверей открывает возможность не зарабатывать из последних сил на корку хлеба. Можно попробовать итальянскую, азиатскую, европейскую, американскую кухню. Можно побывать в куче разных мест. Можно научиться кататься на роликах, на сноуборде. Подумать только, какой мир доступен тем, у кого есть деньги.

Игорь вызывает водителей, когда у меня забирают тарелку, но тут вдруг официант приносит мороженое на огромной белоснежной тарелке. Настоящее произведение искусства — чуть подтаявший шарик словно заключен в резную вафельную клетку, с которой тонкими струйками стекает сладкий сироп. Мы не заказывали

мороженое, но официант говорит:

— Комплимент для леди от шеф-повара.

Игорь торопится, это видно, а мне так жалко оставлять без внимания сладкий шедевр, что все написано на моем лице. Меж тем подходят Иван и второй водитель.

— Доедай, — бросает Крестовский. — Я поехал.

Он вытаскивает из бумажника пару купюр и оставляет в папке для счета, а затем говорит:

— Иван — со мной. Лев, ответственный за девчонку.

Лев — второй водитель — довольно приятный (по крайней мере внешне) мужчина в возрасте. Я затрудняюсь сказать, сколько ему лет. Может, пятьдесят. Но выглядит он очень поджарым и довольно уверенным в себе.

Жаль, я привыкла к Ване. Вряд ли у меня вообще получится воспитать в себе эту способность относиться к прислуге как к прислуге. Игорь явно это демонстрирует и ждет того же от окружающих, но… это сложно, и я не уверена, что нужно. Хотя, пожалуй, стоит признать, что в управлении персоналом у меня ровным счетом нет никакого опыта. А ведь скоро придется это делать.

Интересно, кто сможет мне подсказать, в каком вузе научат распоряжаться миллионами

долларов?

Я доедаю мороженое и размышляю, что буду делать дальше. Еще с утра я прихватила с собой форму для бассейна. Поэтому я решаю немного погулять по центру, а потом поехать в клуб Сержа и отвлечься. Я давно не плавала и, честно сказать, делаю это не слишком хорошо.

Потом поеду домой и займусь библиотекой. Утащу туда мятный чай, включу музыку и буду расслабляться в компании книг. Уж они-то надо мной издеваться не станут.

Лев (мне жутко неловко называть его просто по имени, без отчества, но выпытать его так и не удается) ведет машину мягче. До сих пор я не ездила одна, а теперь, сидя на заднем сиденье черного внедорожника, наслаждаюсь поездкой и чувствую себя… не знаю, принцессой, что ли.

Сложно оставаться спокойной и не радоваться, когда тебя отвезут, куда ты пожелаешь, откроют перед тобой дверь и подадут руку, потому что спрыгнуть с высокой ступеньки на землю в туфлях с огромным каблуком очень сложно.

Мы останавливаемся у клуба, и я забираю из багажника спортивную сумку.

— Когда подать машину?

Я теряюсь, совершенно не зная, сколько займет

плавание. Здесь сеансы? По часу или по сорок пять минут? Сколько времени уйдет на переодевания?

К счастью, Лев оставляет мне телефон, и мы договариваемся, что перед выходом я ему позвоню. Карточка пропускает меня на территорию клуба, через красивый и тенистый парк я иду к корпусу с бассейном и наслаждаюсь спокойствием. Пожалуй, мне впервые с начала этой чехарды хорошо.

А еще мы с девочками назначили встречу на выходные. Я должна забрать вещи из квартиры, которую мы снимали. Весь месяц уже оплачен, но они будут искать соседку уже сейчас, чтобы не остаться без денег, оплачивая освободившуюся часть.

В клубе, кажется, почти нет людей. Я не встречаю не только посетителей, но и персонал. Во все помещения доступ по картам, везде висят экраны с информацией и кнопкой связи, если что-то случится.

Я быстро принимаю душ, переодеваюсь и выхожу в красивый зал-грот, где уютный плеск воды создает непередаваемую атмосферу. Не спеша я рассматриваю интерьер, вдыхаю свежий, с легкими морскими нотками, запах. Очень красиво и очень дорого. Не знаю, сколько стоит абонемент

в этот клуб, но уверена, что каждый рубль за него просят обоснованно.

Вода с непривычки кажется холодной, поэтому я спускаюсь очень медленно, хотя и знаю, что гораздо проще будет окунуться мгновенно. Но у меня никогда не хватало духу на такое.

Вдруг откуда-то сбоку раздаются шаги, но прежде чем я оборачиваюсь, меня окатывает волной ледяных брызг. Я не могу удержаться и вскрикиваю, а над водой появляется удивленное лицо какого-то парня в забавных плавательных очках.

— Ты чего? — спрашивает он. — Я же тебя не задел.

— Вода холодная, — признаюсь я смущенно. — Не ожидала.

— Ну, извини, — усмехается он. — Зато взбодрилась.

Наконец я решаюсь и окунаюсь в чистую и холодную воду. Я не слишком хорошо плаваю, но держусь на воде, и мне этого достаточно. Тело расслабляется и отдыхает. Кайф! Даже в простом бассейне плавать приятно, а в таком шикарном и подавно. Некоторое время я просто плаваю по кругу, не спеша рассматривая стилизованные под пещеру, подсвеченные яркими софитами стены.

Потом замечаю, что парень, обрызгавший меня

вначале, сидит на бортике и внимательно смотрит. Мне кажется смутно знакомым его лицо, но мокрые волосы и очки не дают вспомнить, где я могла его видеть. Наверное, здесь же, в клубе, пока мы со Стасей и Сержем бродили на экскурсии.

— Что? — наконец не выдерживаю я, потому что парень буквально не сводит с меня глаз.

Он спрыгивает в воду и оказывается со мной на одном уровне.

— Я тебя здесь раньше не видел.

— Пришла сюда в первый раз, — пожимаю плечами. — Подарили абонемент.

— Ну и чем ты занимаешься?

— Ничем. Выбираю, куда пойти учиться.

— И как успехи?

— Пока никак. Я понятия не имею, чем буду заниматься. Раньше я бы пошла в колледж на ветеринара, а сейчас…

Я не могу рассказать первому встречному парню о том, что мне кровь из носу надо понять, как управлять огромным количеством денег, а я понятия не имею, где этому учат! На этот вопрос наверняка может ответить Крестовский, но мне до ужаса не хочется идти к нему за помощью. Я подумываю спросить Стасю или этого, как его… адвоката. В конце концов, юридическое образо-

вание — тоже неплохо, мне было бы интересно.

Когда я училась в школе, то, конечно, мечтала быть ветеринаром. Наивные и романтические представления об этой профессии включали меня в красивом медицинском костюме, спасающую несчастных пушистиков. Я не боялась крови, медицинских процедур, мне всегда было интересно, как это все происходит, а еще до ужаса жалко зверушек, которые болели и не могли объяснить, какая помощь им нужна. Родители скептически относились к этому желанию. Они пытались объяснить, что ветеринар не только спасает милых пушистых зверушек, но и усыпляет смертельно больных собачек, кастрирует котиков и препарирует в колледже лягушек. Но разве хоть кого-то на пути к мечте останавливали родительские уговоры?

Сейчас об учебе на ветеринара можно забыть. Во-первых, это противоречит условиям завещания, ветеринарный у нас только колледж, а это все же не высшее образование. Во-вторых, спасение котиков и собачек никак не поможет мне разобраться с полученным наследством, а его все же следует как-то сохранить, раз уж по какой-то причине Крестовский-старший доверил его мне. В-третьих, за время болезни папы я так

насиделась в больницах, насмотрелась на процедуры, что теперь одна мысль о том, чтобы снова войти в стены какого-нибудь стационара, вводит меня в ступор. Я всю дорогу до медцентра сидела в машине, словно оцепеневшая, и успокоилась, только когда поняла, что выглядит он скорее как дорогой отель, нежели как больница. Похоже, в частных клиниках нет гнетущей атмосферы, наполненной тяжестью и смертью.

Все это проносится в мыслях, пока мы молча плывем по кругу. Спустя полчаса я понимаю, что устала и, пожалуй, для первого раза хватит. Никто здесь не ограничивает время плавания, удивительный контраст между миром обычных людей и шикарным досугом тех, у кого куча денег.

Я чувствую легкое сожаление, что парень со мной больше не говорит. Даже смешно от самой себя: три дня назад думала о том, как бы взять побольше смен, чтобы подзаработать, а теперь вот надо же, какая проблема, симпатичный богатый мальчик вежливо закруглил диалог.

Но когда я выхожу на улицу, вижу его у входа и…

Черт возьми. Я его знаю.

Он ждет не меня. Не меня же? Я, должно быть, ошиблась и в бассейне мне повстречался не он,

но… черт, да, пожалуй, «Эдеа элит» — то место, где можно встретить такого, как он, но неужели я сейчас реально стою и смотрю…

— Не узнала? — смеется он. — Мы плавали вместе. Ща, погоди, я очки и шапочку достану, в них я больше похож.

— Узнала, — медленно говорю я. — Но боюсь обидеть, если ошиблась.

— Пошли, попьем чего-нибудь, жарко. Заодно и выясним, кого ты там узнала.

Мы идем к ресторану, закатываем по коктейлю с мороженым, и я все время украдкой рассматриваю спутника.

— Мне это кажется, да? И ты это не ты?

Он усмехается, на щеках появляются милые ямочки.

— Я — это я, как бы ни хотелось утверждать обратное. Значит, слышала мои песни?

— Шутишь? У меня весь плей-лист ими забит, я все наизусть знаю! Они мне здорово помогли… ну, в общем, сложное было время. Я просто не ожидала вот так вот встретить и… Так, мне нужен автограф, но я даже блокнот с собой не захватила! Погоди, я позвоню водителю, у него наверняка есть хоть какая-нибудь завалящая визитка!

Парень смеется:

— Да погоди ты, успеется с этой закорючкой, я никуда не собираюсь сбегать.

— Извини, — смущаюсь я. — Просто очень хочется.

— Саша, — представляется он. — Хотя ты, наверное, знаешь.

Знаю. Еще как знаю, разве можно не узнать этого парня? Несколько лет назад его лицо знали только те, кто следил за малоизвестными песенными конкурсами. А теперь афиши Принzz смотрели с каждого второго щита в городе. Собственно, в причине такой популярности лично я не сомневалась: голосина там был что надо. А еще и внешность… Я что, всерьез сейчас сижу с ним за одним столиком и пью безалкогольный мохито из запотевшего бокала?

— Аня. — Я ругаю себя, что пялюсь, как неадекватная фанатка.

— Ну вот и познакомились, Аня. Значит, ты здесь в первый раз. Может, пообедаем тогда? Я угощаю.

Он достает карту, и в этот момент я как раз рассчитываюсь за коктейль. При виде моей карты у Саши глаза на лоб лезут.

— Вот так Аня. Похоже, ты сама можешь кого угодно угощать.

Мы смеемся и некоторое время препираемся, кто платит за его коктейль, но я, конечно, уступаю.

— На самом деле карту мне подарил владелец, — признаюсь я.

— Крестовский? — удивляется Саша. — Так ты — его девушка?

— Нет. Что-то типа сестры. Очень-очень далекой.

— Какая ты интересная, девушка Аня. Думаешь, куда пойти учиться, ходишь по платиновой карте поплавать в бассейн и слушаешь мои песни.

— И хочу твой автограф.

— Забили. В воскресенье дам, на вечеринке.

— На какой вечеринке?

— По случаю дня рождения. Мне совсем не с кем туда идти, а спеть очень просили. Кстати, а ты петь умеешь?

— Немного, в школе я ходила в кружок по вокалу, но никаких особенных успехов не добилась, потом пришлось бросить. Но музыку все равно люблю.

— Ну вот, значит, пошли со мной. Будет весело, никаких пьянок и оргий, просто концерт в частном клубе.

Мне жутко хочется согласиться, но при мысли

о том, как отреагирует Игорь, становится плохо. Хотя, по сути, какая разница, куда я пойду вечером? На концерт, на день рождения, в библиотеку, в конце концов? Лишь бы не позорила известную фамилию и не доставала с дурацкими просьбами.

— Ладно, — улыбаюсь я. — Пойдем.

Пожалуй, это самое крутое, что происходит со мной за последние дни.

Мы пьем коктейли и разговариваем. Сначала обо всякой ерунде, потом Саша рассказывает разные истории с гастролей и концертов. Потом мы смотрим забавные ролики и заказываем уже полноценный обед, потому что время летит незаметно. Наконец, когда время переваливает за три часа, Саша встает.

— Что ж, похоже, мне пора на репетицию. Ты каждый день сюда ходишь? Завтра придешь?

— Приду, — без тени сомнений говорю я.

— Ну и супер, давай в это же время у бассейна. И не забудь про день рождения!

— Подожди, Саш! — Я вдруг понимаю, что, очарованная приглашением, даже забыла выяснить, у кого день рождения и что нужно дарить.

Но он только смеется и кричит уже издалека:

— Все потом!

Когда я возвращаюсь к машине, с лица не сходит улыбка, а в наушниках по сотому разу крутится «Нарисованный снег» в исполнении Принzza.

— Куда едем, Анна Артемовна? — спрашивает водитель.

— Домой, — устало отвечаю я.

К книгам. К чаю. К тишине и размышлениям о будущем.

В этот час еще нет пробок, поэтому мы быстро выезжаем за город, и мимо проносятся целые лесные массивы. Даже воздух кажется не таким душным, благо небо затягивает серыми тучами и начинается дождь. Я погружена в размышления, в музыку и монотонный стук капель воды по стеклам, поэтому не сразу понимаю, что машина останавливается. Только когда щелкает замок на двери, я вытаскиваю наушники и недоуменно смотрю на дорогу.

От увиденного сердце начинает биться в сумасшедшем ритме.

Широкую двухполосную дорогу перегораживает машина, какая-то старенькая развалюха, кажется, «девятка». Возле нее стоят несколько парней крайне пугающего вида, с бейсбольными битами в руках. Вокруг только деревья — город

уже кончился, а череда коттеджей и особняков еще не началась.

— Это кто? — спрашиваю я, поражаясь тому, как неуверенно звучит голос.

— Не знаю, но вам, Анна Артемовна, лучше оставаться в машине.

Я чувствую, как тело охватывает оцепенение. Все, на что меня хватает, — инстинктивно сесть на середину заднего сиденья, подальше от окон. Других идей совсем нет. Водитель бросает на меня короткий взгляд.

— Лучше бы вы пристегнулись, Анна Артемовна.

В его руке мелькает пистолет, и я нервно сглатываю, потому что… нет, такого я точно не ждала, когда думала о проблемах, связанных с семьей Крестовских. Бесполезно даже задавать самой себе вопросы, потому что ответы на них не у меня.

Несколько длинных, оглушающих гудков не производят никакого действия. Парни, те, что с битами, спешно направляются к машине, и водитель сдает назад, намереваясь развернуться и свалить. Мое сердце замирает в мучительном и пугающем ожидании, но сзади дорога перекрыта такой же раздолбанной машиной.

Парни срываются на бег, один ударяет битой

по лобовому, отчего оно покрывается мелкой сеткой трещин, а второй удар приходится по стеклу пассажирских сидений. На меня сыпется мелкое стекло, отчего я закрываю голову руками. Грохот и крики сливаются в непередаваемую какофонию звуков.

Глава 7

«Крокодил не ловится, не растет кокос», — с утра заело в голове и никак не вытравится. Бывают такие дни, когда все через задницу. Сначала Сашка, эта идиотка, привязалась. Игореша то, Игореша се, а поехали потрахаемся, ой, а что это за Золушка. Сделала вид, что ничего страшного не случилось.

Не то чтобы у них было что-то серьезное, он уезжал из Штатов, в общем-то, не планируя продолжать с ней общение. Но Игорю не слишком-то понравилось, что спустя сутки после его отъезда в Сети появилось видео с весьма откровенным содержанием. Не так он представлял себе работу модели и актрисы, хотя, если Сашка решила попробовать себя в фильмах для взрослых, он-то тут при чем? Вот только надеяться на что-то… Она это всерьез? Вот уж кто-кто, а шлюхи и эскортницы его никогда не привлекали.

А ведь когда-то с Сашкой было весело. Еще когда она снималась для рекламы супермаркетов, исполняла роли «ноги жертвы» в детективных сериалах и снимала крохотную квартирку непо-

далеку от его офиса. Помогал ей Игорь тоже, в общем-то, потому, что она его привлекала. А потом, как всегда бывает, Сашка решила, что всего добилась сама. Ну и хрен с ней, он уж и забыл про эту девицу. Добилась и добилась, правда, со стартом, который он ей дал, можно было добиться чего-то большего, чем любительские съемки в порно.

После ресторана этот идиот Иван встал в пробке, Игорь опоздал на встречу и нарычал на бедную Стаську, которая явно не просто так щеголяла в новеньком платье. Он все никак не мог понять, то ли Стаська реально влюблена, то ли придуривается. С ее характером не поймешь.

Мысли все время возвращались к Калининой, причем не всегда в том контексте, в котором Крестовскому бы хотелось. Одна из двух главных версий развалилась на куски, когда в заключении гинеколога он прочитал, что Анна девственница. Ладно, пожалуй, стоит признать, что версия с любовницей была абсурдной. Отец, конечно, жил не монахом после смерти жены, но его привлекали совершенно другие женщины. Сейчас, после Стаськиного апгрейда, Аня смотрелась молодой и красивой девчонкой. Но когда хотя бы теоретически отец мог ее знать, ей и восемнадцати-то

не было.

Неужели сестра? Скорее всего так, Игорь помнил, как родители ссорились, когда ждали Крис, а они с Калининой одногодки. Вырисовывалась вполне логичная картина: брак отца трещит по швам, он находит любовницу, та беременеет и одновременно беременеет жена. Третий ребенок, непростая беременность, ссоры и недопонимания. Отец мучается от того, что приходится разрываться между семьей и любовницей, бросает ее и навсегда исчезает из жизни незаконнорожденной дочери. А перед смертью, как может, пытается исправить ошибку.

И как бы… это самый, мать его, логичный вариант, а значит, надо стиснуть зубы и ждать ДНК-тест. Он поднял на уши всю лабораторию, и там явно крестятся при упоминании их фамилии.

Рабочий день подходит к концу. Раньше Игорь часто задерживался на работе допоздна, но быстро сообразил, что не хочет повторить судьбу отца, и не разрешил себе задерживаться дольше, чем на пару часов. А еще в выходные работал из дома, и только до обеда. Поначалу это напоминало ломку наркомана, который не знает, чем себя занять, а потом ничего, втянулся. И даже нашел

некоторое удовольствие в том, чтобы в назначенное время закрыть ноутбук и спуститься в гостиную, к камину.

Все, хватит. Надоело. Поедет домой, выпьет чего-нибудь легкого, выпросит у Марины блинов и откроет банку деревенской сметаны, которую экономка привезла от родителей.

Забудет и про Калинину, и про отца, и про все остальное. Наверное…

Мысли о радужном будущем прерывает телефонный звонок. Какой-то тревожный, хотя разве у звонков бывают оттенки?

— Слушаю.

— Игорь Олегович, это Иван, вашу машину кто-то разбил, и…

— Кто разбил? Как? Какого хрена, ты же ее на парковку загнал вниз!

— Простите, машину Анны Артемовны. Они ехали домой, когда произошло столкновение, там сейчас все наши и Михаил Сергеевич едет, а до вас не дозвонились…

Летит, как псих, сам садится за руль, отправив Ивана следом и, когда выворачивает на прямую дорогу, так резко оттормаживается, что чуть не улетает к ближайшим соснам.

Игорь ругается, увидев две ментовские маши-

ны и желто-красную «Скорую». Какого хрена здесь реанимация?! Он выскакивает, бросив машину открытой. Сразу замечает в толпе Майка, пару человек из охраны. Калининой и Льва нет. Твою мать.

— Игорь! — Майк замечает его и тут же подходит. — Мы не могли тебе дозвониться.

— Встреча, — коротко бросает он. — Что случилось?

— Да сами не знаем, перегородили им дорогу, Лев вызвал наших, ехали три минуты. Разбили лобовуху, боковое, пытались вытащить Аньку из машины, Лев выстрелил. Одного увезла реанимация, в частную клинику, я сказал, оплатим и допросим, и поставил охрану. Вызвал Никитина с ребятами.

— А машины где?

— Смылись, когда поняли, что Лев вооружен. Наши их не видели.

Неподалеку стоит машина — жалкое зрелище. Разбитые окна, несколько крупных вмятин. Однозначно на металлолом.

— Кто еще пострадал? — спрашивает Крестовский, имея в виду Калинину.

Почему-то задать вопрос конкретнее не поворачивается язык.

— Так, о стекло порезались и руку девчонке вывернули.

— Выясни кто. И сделай так, чтобы я это имя узнал раньше Никитина, хочу пообщаться прежде, чем их в СИЗО примут. Ты Анну проверил? У нее есть враги?

Майк мнется, и чутье Игоря мгновенно подсказывает, что дело тут вовсе не во врагах Калининой.

— Ну?

— Регистратор заснял все от и до. Смотри сам.

Майк протягивает Игорю планшет, куда уже выгрузили видео. При виде трех крепких парней с битами внутри взвивается ярость. Безудержная, темная. Та, что превращала отца в неадеквата, лишала его разума. Игорь знает, что нужно ей противиться, но…

Твари. Это его собственность. Его машина. Его водитель. Его… сестра или хрен ее знает, плевать, она живет у него, он платит за каждый ее вдох, а значит, ни одна сука не смеет даже смотреть в ее сторону без разрешения.

Грохот, звон стекла, испуганный и слабый девичий крик.

— Скажи братику, что счетчик сломался. Не будет денег — в следующий раз пустим тебя по

кругу!

Потом выстрел. Маты, крики, скрип шин. Тихий всхлип Ани.

— Деньги? — Игорь хмурится: — Это чего за бригада на выезде? Какие деньги, Майк?

— Ну давай рассуждать методом исключения. Раз речь о братце, значит, Крис ни при чем. Раз ты никому не должен, тоже отметаем. Остаются Серж и Алекс.

— Н-да-а-а, — мрачно протягивает Крестовский. — Веселая будет ночка. Звони обоим, пусть ждут в моем кабинете, будем общаться. Всех действующих лиц найти и сдать куда надо, того, что в реанимации, подлатать и расспросить. Проследи, чтобы Льву не прилетело. Машину в утиль. Я домой, но держать в курсе.

Майк возвращается к полицейским, а Игорь идет к «Скорой», сам не зная, что там увидит. Надо быстро убираться отсюда, пока никто не заснял этот бардак. А может, уже и заснял, сейчас в каждом мобильнике камера.

Он не доходит до машины пару десятков шагов, когда из нее выходит Иван и аккуратно помогает спуститься Анне.

Жесть, какая она бледная и слабая. Пошатывается словно пьяная, с благодарностью цепляясь за

крепкого парня. Рука забинтована, вторая рука, плечо и шея в зеленке, а еще большая царапина на лбу.

Странные чувства. Жалко ее. А еще бесит Иван, за которого она держится, как за спасательный круг. И улыбается ему. Слабо, устало, но улыбается.

— Иван. В мою машину.

Водитель кивает, а Калинина лишь равнодушно скользит по нему взглядом. Ни радости. Ни облегчения. Просто констатирует в своей голове факт: Игорь приехал и сейчас ее отведут к нему в машину. Конечно, он же ее не спасал от ублюдков с битами и не помогал выйти из машины, поддерживая под забинтованную ручку.

Так, стоп. Детский сад какой-то, у него мини-апокалипсис, а он думает, что Золушка не улыбнулась. А точнее, улыбнулась не ему. Еще этого не хватало, Крестовский, это, скорее всего, твоя сестра.

Они все преступно долго копаются. Пока Никитин и Селехов общаются, Игорь успевает убедиться, что Лев здоров, отправить его домой с одним из охранников, забрать из разбитой машины сумочку Калининой и посадить Ивана за руль.

Не может удержаться. Садится на заднее сиденье рядом и чувствует себя полным дураком, когда Аня поднимает на него взгляд. Глазки, подернутые туманом, так и норовят закрыться.

— Они мне что-то вкололи. Я сказала, что не надо, а они все равно вкололи, и теперь я, кажется, бревно.

Игорь смеется:

— Да ничего особенного они тебе не вкололи. Спи.

— А…

— Завтра, — отрезает он.

Несколько минут Аня пытается устроиться, привалившись к окну, но больная рука мешает лечь удобно. Крестовский с интересом следит за этой возней, ждет, когда же она все-таки сдастся.

Не сдается. Садится прямо, закрывает глаза и засыпает спустя пару секунд, а потом, когда машина поворачивает, наклоняется вбок, и дальше дело техники — уложить, зафиксировать и успокоиться. Беситься молча, потому что кто-то вот так взял и вывернул беззащитной девчонке руку, а он не может прикоснуться иначе. Потому что сестра. Потому чт, о знает ее три дня лично и пару недель заочно. Потому что, даже если он пристрелит каждого, кто посмотрел в сторону ее

машины, выделит десяток охранников и вместо куртки заставит носить бронежилет, она все равно будет бояться.

Он знает, каково это, когда из безопасной и красивой сказки резко выдергивают в реальность, бьют под дых и не дают подняться. Она выздоровеет, снимет с руки повязку, смоет зеленку с нежной кожи и даже станет такой, какой была раньше.

Но на идеальной, сверкающей и чистой, поверхности уже красуется глубокая царапина. И таких будет еще очень много.

— Вот такое вот наследство, — тихо усмехается Игорь.

Их подвозят к самому входу. Иван спешит открыть дверь со стороны Ани, но натыкается на взгляд Игоря и просто возвращается за руль, чтобы отогнать машину в гараж.

Она с трудом открывает глаза и еще тяжелее двигается, словно каждое движение дается сквозь сон. Забинтованная рука изрядно мешает, Игорю приходится буквально самому вытаскивать ее из машины. А потом, кое-как захлопнув дверь ногой, он и вовсе решает не спускать Аню на землю. Быстрее дойдут, у него нет времени медленно и осторожно вести ее наверх, потому что впереди

еще разборки. И, похоже, не одни.

— Я сама, — хнычет Калинина.

— Молчи, бревнышко, — усмехается Игорь.

Она почти ничего не весит. Худая, легкая, расслабленная. Одно из самых интересных впечатлений в жизни каждого мужчины — нести куда-то всецело доверяющую ему девушку. Ну, или не доверяющую, но не имеющую возможности сопротивляться.

На лестнице с жутким грохотом с ноги Ани слетает туфля. Игорь морщится от громкого звука. Конечно, сразу выглядывает Крис, и на ее лице проявляется отвращение.

— Из какой канавы ты ее достал? Уже вкусила бабла и нажралась как свинья?

— Крис, закрой рот, — устало просит Крестовский. — Не до тебя сейчас.

— Это не новость.

— Будь добра, открой дверь в ее комнату.

— Ага, теперь я еще и швейцар, — бурчит сестра, но, к некоторому удивлению Игоря, доходит до комнаты Ани и открывает. — Так что случилось? Как это она так?

— Понятия не имею, спрошу у одного из твоих братцев.

— Алекс не мог…

— Алекс? — Крестовский щурится: — Ты что-то знаешь?

— Откуда? Но я слабо себе представляю Сержа, перепутавшего боксерскую грушу с приживалкой.

Ну… по части Сержа он, пожалуй, с сестрой согласен. Но в какие неприятности мог влипнуть Алекс?

Хотя чего это он? В любые, мать его!

— С завтрашнего дня будешь ездить с водителем и вторым охранником. Никаких больше самостоятельных поездок.

— Но…

— Это не обсуждается, Крис. Если не хочешь получить битой по морде, как она, — кивает на Аню, — будешь ездить с охраной. Если хочешь, попроси Сержа, чтобы он перепутал тебя с боксерской грушей. А теперь брысь с глаз моих и лучше не беси меня, я коплю злость для братика.

Он захлопывает за собой дверь, оставляя явно озадаченную и — хотелось бы! — напуганную Крис. Может, хоть реальная угроза заставит ее задуматься о том, что стоит выполнять минимальные требования службы безопасности. Как села за руль, так и не выгонишь. А водит Крис… в лучших традициях блондинок из анекдотов.

Тут и врагов не надо, сама столб поймает или с какой-нибудь горки скатится в реку.

— Все, пришли. — Он аккуратно, насколько это вообще возможно, кладет Аню на постель. — Раздеваться будешь сама. Туфлю потом найдешь где-нибудь, может, Марина подберет. Завтра с утра зайди ко мне. Все поняла?

Она с трудом открывает глаза и кивает. Похоже, кто-то в «Скорой» перестарался и влил в нее лишку валерьянки или что они там дают жертвам нападений. Надо сказать Марине, чтобы ее раздела и уложила, а еще проверяла, как тут дела. Или вообще велеть ей переночевать у Калининой… мало ли что там с ней дальше будет, девушки вообще существа непредсказуемые в плане реакций.

Он набирает сообщение экономке, не желая тратить время на то, чтобы спуститься вниз и все объяснить лично, а затем идет в кабинет, где уже ждут Серж и Алекс. Кабинет раньше принадлежал отцу, и у Игоря все нет времени и сил, чтобы переделать его под себя. Надо будет заняться.

— О, Игорех, — кивает Серж. — Чего случилось?

— У меня только один вопрос, вашу мать, — рычит Игорь. — Кто из вас и кому умудрился

задолжать столько, что какие-то отморозки разбили на хрен мне машину?!

И допрос с пристрастием не нужен. Серж хмурится удивленно, настороженно, даже, пожалуй, обеспокоенно. А Алекс бледнеет и нервно сглатывает. Щенок, хоть бы научился врать убедительно, прежде чем связываться с криминалом.

— Понятно. Серега, свободен. А тебе, мой друг, я сейчас устрою. На, — бросает смартфон, — звони.

— Кому звонить? — Алекс делает неубедительную попытку прикинуться дурачком.

— Тому, кому должен, звони. Быстро.

* * *

Такой отвратительной ночи у меня не было уже давно. Сначала я сплю как убитая, просыпаясь лишь изредка, когда шевелю больной рукой. В середине ночи меня будит какой-то грохот и доносящийся будто издалека мужской… даже не голос, а скорее крик. Я долго прислушиваюсь, но все стихает. Хлопает дверь, и дом погружается в тишину.

Действие лекарств заканчивается. Сна ни в одном глазу, рука противно ноет, да так, что больше совсем не спится. Вздохнув, я поднимаюсь, чтобы разыскать какую-нибудь таблетку обезболиваю-

щего или просто выпить чаю. Часы показывают четыре утра, а за окном еще темнота.

Воспоминания о прошедшем дне приходят не сразу, возникают постепенно. Сначала накрывает эйфорией от встречи с Принzzем, потом в голове появляются картины разбитых окон машины, ледяные пальцы на моей руке, кровь на новеньком, стоившем целое состояние платье. Укол и какой-то сонный бред, смешанный с запахом дорогого парфюма и слетевшей с ноги туфли. Вот она, кстати, валяется, кто-то подобрал.

Я долго размышляю, что бы такое надеть. Часть вещей все еще лежит в пакетах, мне никак не хватает времени их разобрать. Наконец я нахожу узкую, но короткую голубую юбку, свободную рубашку, рукав и воротник которой частично скроют царапины, и ремешок, чтобы не смотреться совсем уж потерянной.

Тут до меня доходит: сегодня же Саша будет ждать меня у бассейна! Конечно, с такой рукой и речи не идет, чтобы плавать или прыгать на тренировке. Но, может, удастся вырваться хоть для того, чтобы объясниться и извиниться лично? Хотя о чем я. Крестовский теперь долго не выпустит меня из дома. Я бы не выпустила.

Тихонько, чтобы никого не разбудить, я спус-

каюсь на кухню и вижу Марину. Она уже вовсю занимается завтраком.

— Э-э-э… — снова смотрю на часы, время уже пять. — Вы так рано.

— Анна Артемовна, — улыбается экономка. — Я всегда встаю рано. И ложусь сразу после того, как вечером уберу со стола. Садитесь, сейчас сделаю вам кофе.

— Я могу и сама…

Понимаю, что понятия не имею, где на этой кухне что лежит, а еще — с такой рукой я фиговый помощник. Так что сажусь и стискиваю зубы, потому что боль все сильнее.

— А нет у вас какого-нибудь обезболивающего? — наконец решаюсь попросить. — Очень болит рука.

— Да, конечно, Игорь Олегович оставил для вас таблетки. Но сначала нужно что-нибудь съесть, на голодный желудок такие лекарства действуют очень плохо.

С этим я соглашаюсь и с удовольствием съедаю овсяную кашу с печеньем. От кофе, правда, приходится отказаться в пользу чая, но все равно завтрак выходит жутко вкусным. А таблетка после него и вовсе приводит меня в благодушное настроение. Мне нравится, что Марина не охает

и не расспрашивает о случившемся.

К собственному неудовольствию, я чувствую себя… нет, не виноватой, но… слабой, что ли? Я вспоминаю, как перепугалась, и мне становится стыдно. Хотя, если подумать головой, а что вообще мог сделать хоть кто-то на моем месте? Ну разве что старшие Крестовские не испугались бы, а втащили нападающего через щелочку в окне и зверски его сожрали.

Мне нравится сидеть на просторной светлой кухне, наблюдать, как Марина готовит завтрак для остальных Крестовских. Она, кажется, знает, кто и что любит по утрам. Для Крис делает большой стакан грейпфрутового сока, для Алекса — яичницу с беконом, для Сержа, само собой, кучу всего, включая миску с творогом и большой рулет с омлетом и куриным филе.

А вот для Игоря Марина ставит на деревянный поднос большую кружку крепкого черного кофе, несколько тостов с маслом и большое яблоко. Похоже, Крестовский не любит плотные завтраки. Я вдруг вспоминаю, что накануне он просил зайти.

— Ой, а можно я отнесу? — спрашиваю у экономки.

— Анна Артемовна, ну зачем? Да еще и с боль-

ной рукой.

Но поднос легко удержать и правой, хотя после таблетки никакой боли я не чувствую.

— Он просил зайти с утра. Пожалуйста. Так я хотя бы по делу.

Марина вздыхает и машет рукой. Я подхватываю поднос и быстро поднимаюсь по широкой лестнице. С удивлением встречаю Крис. Чего это она так рано? Я думала, богатые наследницы по крови спят до обеда.

— А, — усмехается она, — пытаешься приносить хоть какую-то пользу.

— Будешь милее, и тебе как-нибудь занесу, — бурчу я.

Сил вступать с ней в полемику нет. Да и Крис как-то вяло рычит, скорее для порядка. Она зевает и идет на кухню, а я поднимаюсь к кабинету Игоря и в нерешительности замираю перед дверью.

Стучу.

— Войдите, — раздается из комнаты.

Захожу, придерживая поднос.

— Тебе что, купить униформу? Я предпочитаю ту, что из секс-шопа. Какого хрена ты таскаешь подносы?

— Просто захватила по пути.

Ладно. Наваждение прошло. Вечером мне каза-

лось, он может быть добрым и даже заботливым, но сейчас понимаю — и правда казалось.

— Хотела сделать вам приятное.

— Если хочешь сделать мне приятно, сделай минет.

Я закатываю глаза. Нет, в самом деле, я уже даже не краснею.

— У вас с Сергеем все шутки ниже пояса?

— Смотря с кем шутить.

— Не шутите так с таможенниками, а то сорвется отпуск.

— Что рука?

Я замечаю, как Игорь формулирует вопросы. Он не спрашивает «Как ты?», не спрашивает, больно ли. «Что рука?» — максимально обезличенный и нейтральный вопрос. Можно подумать, что ему просто плевать. Но на самом деле, мне кажется, он специально и очень тщательно подбирает формулировки.

— Болит, я выпила таблетку несколько минут назад.

— На одиннадцать у тебя прием врача, сделаешь рентген.

— Как скажете. Что это было? Почему они на нас напали, вы выяснили?

— Да, — следует короткий и совершенно не

информативный ответ.

— Ну, и?!

— Дела семейные.

— Я что, даже не имею права знать, за что получила?!

— Тебе достаточно знать, что все наказаны. Трое сядут, один ляжет — сидеть он уже никогда не сможет.

Меня пробирает холод.

— А что со Львом? Его теперь будут судить за превышение обороны?

Игорь отмахивается, и я чувствую себя дурочкой. Только такая наивность, как я, могла подумать, что для Крестовских существуют законы. Но сейчас это даже радует, ведь только благодаря водителю я, наверное, осталась жива.

— Со Львом все будет в порядке, я отправил его в отпуск. Съездит на недельку отдохнуть с женой к морю. Тебя будет возить другой охранник.

— Ваня? — спрашиваю я, даже обрадовавшись.

Но почему-то Игорь еще сильнее злится.

— Нет, не Иван.

— А почему? Мне нравился Ваня. Разве нельзя не менять водителя, чтобы не приходилось каждый раз привыкать?

— К прислуге не нужно привыкать.

— Но ведь вы привыкли к Марине.

— Это другое. Она у нас давно работает.

— А Ваня давно меня возит… два дня.

— Ты знаешь, что бывает, если охранник крутит роман с хозяйкой? Ну или с подопечной хозяина?

До меня не сразу доходит, о чем он, а когда доходит, я все-таки заливаюсь краской. Да он псих! Мне и в голову не пришло подумать о вежливом и спокойном Ване в таком ключе. Мы ведь не в кино, в самом-то деле!

— Прекратите подозревать меня… не знаю… непонятно в чем и делать дурацкие намеки! Я просто привыкла к Ван… Ивану. И чувствую себя рядом с ним спокойно.

Крестовский вдруг смеется. Пожалуй, впервые за утро его мрачная физиономия приобретает человеческие, очень даже красивые, черты. Улыбка ему удивительно идет, как, впрочем, и всем Крестовским. Я плохо рассмотрела Алекса, мы почти не пересекались, но улыбчивый Серж наверняка собирает женские сердца в большой пакет, а аккаунт Крис, исследованный мной на досуге, пестрит фотографиями наследницы, на которых она выглядит просто сногсшибательно.

Игоря тоже можно назвать красивым, но он

блогов не ведет, смеется редко, в основном злится и ругается, а потому пугает меня больше прочих обитателей шикарного загородного дома.

— А я?

— Что? — Я моргаю — задумалась.

— Со мной ты себя спокойно не чувствуешь?

— А вы что, хотите быть моим водителем? — вырывается у меня.

— Смотря куда захочешь поехать.

Мне чудится какой-то странный, еще непонятный намек. Я вообще в подобных разговорах полный профан, оттачивать мастерство словесных перепалок с мужчинами более старшего возраста мне было негде.

Между нами двенадцать лет разницы. Целая пропасть. Несоразмерные степени ответственности, образования, жизненного опыта. Будь на его месте, я бы, возможно, тоже не оказалась в восторге, если бы отец навязал мне совершенно незнакомого ребенка.

Сказать о том, что мне нужно встретиться с Сашей? Или не сказать…

Убьет ведь. Или не убьет, а вторую руку вывернет, просто чтобы было неповадно. Вроде и не вижу причин, по которым Крестовский запретит мне после рентгена поехать в клуб и увидеться с

Принzzем, но нутром чувствую, что взбесится и… не знаю, сюда рентген пригонит, а то и впрямь сядет за руль и довезет меня до больницы лично.

Поэтому я говорю:

— К одиннадцати на рентген, а потом обратно. Займусь библиотекой и почитаю про универы.

— Возьмешь Анатолия и Германа.

— А кто это?

— Не важно, — отмахивается Игорь. — В десять пятнадцать они будут тебя ждать у входа. Пока будешь ездить с ними, потом подумаю. Теперь свободна, у меня дела.

Я встаю, потому что и сама не хочу больше общаться с Крестовским. Он умудряется выводить меня из себя даже интонацией. Поддавшись порыву — снова! — я беру поднос с его стола и бодро иду к двери. Даже боль в руке не чувствуется.

— Не понял…

— Вы сами сказали, что вам такие приятности не нужны, — улыбаюсь. — Отнесу Сергею.

Закрываю дверь и внутренне сжимаюсь, ожидая, что сейчас мне вслед полетит какой-нибудь ботинок. Или вовсе Игорь выскочит в коридор, чтобы как следует мне наподдать. Но… тишина. Вместе с подносом я возвращаюсь обратно на кухню и едва удерживаюсь от изумленного

возгласа.

Алекс сидит за столом и ест бутерброд с большим куском буженины. Ничего особенного в этой картине нет, кроме того, как выглядит младший Крестовский. Он словно подрался с носорогом, потому что на его лице красуется огромный синяк, губа разбита, а ухо даже посинело и припухло.

Я тут же вспоминаю грохот, разбудивший меня ночью, и ужасаюсь догадке — скорее всего, в нападении был виноват Алекс. Но что он такого сделал? Кому задолжал? А главное, как мне себя с ним вести?

Ладно, он и так получил, судя по лицу. Пусть разбираются сами, жить в атмосфере постоянной ненависти я просто не смогу. Поэтому буду делать вид, что части Крестовских просто не существует. Нет заносчивой и стервозной Крис, нет ублюдка Алекса, из-за которого я пережила несколько отвратительных часов. Есть весельчак Сергей и… Игорь. С ним сложнее и, чувствую, будет еще хуже.

Я помогаю Марине (правда, скорее больше мешаю, но экономка не возмущается и позволяет мне мариновать мясо для ужина). Вплоть до самого выхода я остаюсь на кухне и мысленно молюсь, чтобы Игорь не спустился. На нетронутый поднос

экономка отреагировала очень спокойно, но от меня ведь не укрылось, с каким интересом она на меня взглянула. Даже закралось подозрение, что из кабинета Игоря еще целыми и невредимыми не уходили, иначе чего она так удивлена?

Когда часы показывают пятнадцать минут одиннадцатого, я беру сумку с документами и выхожу из дома. Напротив уже стоит здоровая черная машина, возле которой трутся два охранника в неизменно черных костюмах.

— Анна Артемовна, — кивает мне один из них. — Мы готовы.

А я — нет! Я не готова к этой жизни, не готова к тому, что, если мне хочется куда-то съездить, я должна позвонить и вызвать машину. Не готова к тому, что даже чай я не могу сделать сама, ведь на кухне властвует Марина, а она, вместо того чтобы объяснить, где лежат заварка и чайник, улыбается и делает все сама.

Не готова и не уверена, что когда-нибудь привыкну. Но это не значит, что я не испытываю удовольствия, в редкие моменты чувствуя себя принцессой.

Прежде чем я иду к машине, дорогу мне преграждает красная спортивная машина, и, кажется, я знаю, кому она принадлежит.

— Куда собралась, Золушка? — усмехается Серж. — Давай подвезу.

К нам подходит охранник.

— К врачу, — говорю я. — Показать руку. Но, боюсь, Игорь убьет меня, если я поеду с тобой.

— Звони, — бросает Серж охраннику.

Тот незамедлительно достает телефон:

— Игорь Олегович, Анна Артемовна хочет поехать с Сергеем Олеговичем.

Я в напряжении пытаюсь прислушиваться. Не разрешит. Или разрешит? Непредсказуемый, этот Крестовский.

— Мы поедем за вами, — наконец говорит охранник.

— Вот видишь, — хмыкает Серж, — мамочка разрешила нам погулять.

Мне нравится в машине Сержа. Во-первых, я сижу на переднем сиденье. Во-вторых, она… не знаю, какая-то обжитая, что ли. Машины, которые Игорь присылает за мной, одинаково роскошные и безликие. В машине Сержа приятный пряный запах от ароматизатора, болтается забавный паучок на леске. А еще он явно любит гонять, но периодически поглядывает в мою сторону и сбрасывает скорость, словно вспоминая, что едет не один.

— За что его так? — вырывается у меня.

— Кого?

— Алекса. На нем живого места нет.

— За то, что играть любит не в кубики, — усмехается Серж. — Этот говнюк давно по мелочи проигрывал, отца не напрягало, а Игоря бесит. Он ему ограничил лимит на карте и стал контролировать все траты. Алекс стал по мелочи снимать и отмазываться: то тренеру отдал, то девчонку снял, то туда, то сюда. Игорь поставил за ним слежку. Отрубил вообще на хер карту, выдавал каждое утро на карманные. Ну а этот дебил залез в долги. Вчера получил.

— Не только он, — усмехаюсь я.

— Да, — Серж мрачно кивает. — Хреново вышло. Но теперь ни один мудак не подойдет, Игорь тебе дал Германа, он служил не то в спецназе, не то в ВДВ по контракту. Любого, кто подойдет, утопит в фонтане. А если фонтана не найдет, то будет в багажнике возить, пока не представится случай.

Я смеюсь, представив себе сурового Германа, который возит в багажнике нападавшего. Только я понятия не имею, кто из этих двоих амбалов Герман. Надо будет выяснить.

— Кстати, что ты сделала с Игорехой? Он с утра

чуть высоковольтный кабель с психу не перекусил.

— Да ничего я не делала, — смущенно бурчу. — Просто он меня доводит.

Серж смеется:

— Он тебя? Или ты его? Я начинаю думать, что у вас любовь такая… как в средней школе.

— Игорь лезет в мою жизнь. В те аспекты, которые я и без него могу контролировать. И делает это… Мне не нравится его тон. Он постоянно издевается, хамит! Я не прошу быть веселым и гостеприимным, но раз уж такая фигня случилась, что мне придется — хотя, опять же, я-то могу отказаться в любой момент — жить с вами, можно как-то свести на нет неприятные последствия?

— Слушай, ну с ним все понятно, он в гробу видел всю эту компанию, родственную хреноту и сохранение семейных ценностей, вот и бесится, а ты-то? Ты ж девчонка, прикинься слабенькой, дай ему почувствовать себя защитником. Прогнись немножко, пройдет время, он на тебя забьет. Как только убедится, что ты не собираешься участвовать в оргиях и снимать это для «Ютуба». Меньше всего Игорю сейчас надо, чтобы с ним связали какой-нибудь скандал. А он тебя не знает. Мало ли как ты примешь кучу денег. Может, в запой

уйдешь, а может, решишь в сериале сниматься.

— Об этом же можно сказать спокойно.

— Наивная ты, Калинина.

— Может быть. Но если Игорь хочет, чтобы его не бесили, то пусть скажет прямо и вежливо, чего от меня хочет и чего опасается.

— Понятно, — с какой-то странной усмешкой говорит Сергей.

Мы как раз подъезжаем к медцентру. Я думаю, что сейчас Серж высадит меня и поедет дальше, но он, к моему удивлению, паркуется и выходит, чтобы открыть мне дверь.

— А ты…

— Ну что, я тебя оставлю одну бегать по кабинетам с забинтованной рукой? А если гипс наложат?

— А… Герман?

— Да он же вэдэвэшник, — фыркает парень. — С принцессами обращаться не обучен.

Спустя буквально десять минут я понимаю, что Серж явно послан мне судьбой в награду за неприятности. По крайней мере сегодня. Потому что народу в медцентре столько, что я теряюсь и понятия не имею, куда мне нужно идти. Записана ли я уже? И можно пройти к кабинету? Или сначала отметиться у администратора? К счастью,

Серж просто берет меня за руку, открывает двери с надписью «служебное помещение», и мы оказываемся на пустой лестнице. По ней попадаем в приемную главного врача и так же, без стука и вопросов, заходим в его кабинет.

— Здрасте, дядь Леш, я вам пациентку привел.

— Сергей, — врач ничуть не сердится и даже улыбается, — давно к нам не заходил. За здоровьем надо следить, спортсменам особенно!

— Да слежу я, слежу, у нас в клубе есть спортивный терапевт, до нее ближе. Нам на рентген к одиннадцати, куда ее вести?

— Сейчас, минутку в коридоре подождите, сам провожу.

Мы ждем врача, а потом вместе с ним идем к рентген-кабинету, куда проходим тоже без очереди, через другой вход. Я много сталкивалась с больницами и процедурами, а потому оцениваю скорость и комфорт. Почти сразу мне выдают снимок, а врач сам перебинтовывает поврежденную руку.

— Перелома нет, ушиб, гематома, вот рецепт на очень хорошее средство, мажьте на ночь. Рецепт на обезболивающие тоже дам. Не перегружайте руку и постарайтесь даже во сне на нее не опираться, кладите на подушечку. Если будет болеть

сильнее — сразу же приезжайте. Поправляйтесь, Анна Артемовна. Сергей, не желаешь пройти осмотр?

— Не, я в клуб опаздываю, — усмехается Серж. — Поехали, довезу до дома, чтобы мамочка не волновалась. А то и мне прилетит.

Когда мы выходим из центра, меня вдруг осеняет.

— Сереж, а мы… м-м-м… можем поехать к тебе в клуб вместе? Я заскочу буквально на минутку, а потом поеду домой с… ну, ребятами. И тебе не нужно будет тащиться домой, сразу поедешь на работу.

— На хрена? — хмурится он.

Я смущаюсь.

— Понимаешь, у меня назначена там встреча, а если я не приду, получится неудобно. Я хочу лично ее отменить.

На лице Крестовского появляется какое-то странное выражение… ехидное, что ли.

— С кем встреча?

— Просто договорились поплавать… я вчера в бассейне познакомилась, и сегодня хотели устроить заплыв…

— Этот знакомый мужского пола?

Я вздыхаю. Почему-то виновато. Серж смеется:

— Да ладно, мне-то что? А вот братик будет беситься.

— Поэтому я и прошу тебя быстренько меня подвезти, я объяснюсь и приеду домой. Игорь ничего не узнает.

— А если узнает?

Да он надо мной издевается! Смотрит с улыбкой, подначивает.

— А если узнает, мне плевать, я не в тюрьме!

— Садись, чего ты буянишь, я ж не против. Сами разбирайтесь, меня попросили отвезти — я отвез. И понятия не имею, с кем ты там встречи организовываешь.

Намек понятен: Сержа не сдавать. Я с радостью сажусь в машину, и мы с ветерком долетаем до «Эдеа-элит».

— Через час отвезти домой, — кивает Серж на меня. — Телефонами обменялись?

Я качаю головой, и несколько минут мы с охранниками записываем номера. Мне дико страшно, что вот сейчас кто-то из них скажет, что Игорь Олегович не велел заезжать в клуб, но они только молча кивают и уезжают, убедившись, что я зашла на территорию клуба.

— Ну все, Золушка, беги на бал и не забывай, что если прозеваешь полночь — получишь от

фея-крестного в тыкву.

Я почти бегу к бассейну, издалека заметив Сашу. Он улыбается, когда видит меня, но хмурится при виде повязки и зеленки. Ну и красавица я, должно быть.

— Что с тобой случилось?

— Поплавать не получится, прости, — виновато улыбаюсь. — Я…

Что сказать? Не рассказывать же, что чуть не получила бейсбольной битой из-за чужих долгов.

— …попала в аварию. В нас врезалась машина, и я ушиблась.

— Вот это да. Удивительная ты девушка, Аня, правда, даже не знаю, радоваться, что с тобой все хорошо, или расстраиваться, что тебе так не повезло.

— Я лично радуюсь. Правда, после аварии опекун запретил мне долго отсутствовать дома. Поэтому я только вырвалась на часок, чтобы сказать тебе обо всем. Прости, что не смогу с тобой сходить на вечеринку.

Саша хмурится. Мы идем по дорожке к ресторану, и я вдруг понимаю, что уже голодна.

— Тебя не пустят на вечеринку? Слушай, но тебе же больше восемнадцати. Это приличный

праздник, в хорошем заведении с интересными людьми. Неужели тебе нельзя будет сходить?

— Дело не в этом. — Я пожимаю плечами: — Как я буду выглядеть с забинтованной рукой и мордой в зеленке?

Саша отмахивается и начинает меня убеждать, что всем плевать, замотана ли у меня рука, а зеленка до выходных смоется и царапины заживут.

— Подрихтуешь чутка пудрой, и в полумраке будет вообще не заметно! Ну пожалуйста, пойдем! Я уже сказал, что приду с классной девчонкой, мне все мозги выносят: кто она, как выглядит, а когда ты нам ее покажешь.

Я краснею, но не могу противиться таким уговорам. Мне еще предстоит как-то уломать Игоря отпустить меня. И хоть разумом я не нахожу ни одной причины запретить мне встречаться с классным парнем, я нутром чувствую, что Игорь взбесится. Он найдет тысячи причин, чтобы мне запретить.

Я еще не выздоровела.

Я должна быть осторожна.

Принzz — кумир миллионов.

Крестовский еще не сделал рентген всех приглашенных на вечеринку.

Я его бешу, и он будет рад сделать мне гадость.

Миллион причин и миллион шансов пропустить свидание мечты.

Наконец я сдаюсь:

— Попробую уговорить отпустить меня.

Мы пьем вкусный кофе и заказываем пирожные, а потом угощаем друг друга и смеемся. Начинается небольшой дождь, а время неумолимо отсчитывает последние минуты свободы. Мне не хочется уезжать, но если я хочу попасть на вечеринку, Игоря не стоит бесить.

— Погоди, — останавливает меня Саша, — я тут кое-что написал, хочу, чтобы ты послушала.

Он дает мне небольшую картонную коробочку, в которой лежит флешка. На дне крышки я вижу надпись «#Золушка».

— Что это? — спрашиваю я.

— Песня. Или альбом. Я еще не решил. Раз ты знаешь все наизусть, послушай, а? Только никому пока не сливай.

Я чувствую, как меня накрывает эйфорией. Такой… очень опасной, настоящей. Но по-другому невозможно, когда твой любимый музыкант просит тебя первой оценить новую песню.

— А почему название с хештегом? — интересуюсь я.

— Ну так какое время, такая и Золушка. Обычные уже никого не впечатляют, а так… для пиара хорошо, — обворожительно улыбается Принzz.

Мне кажется, я тону в его глазах. Голубых, ярких, удивительно добрых. Он словно антипод хмурого и надменного Крестовского. Глоток свежего воздуха в новой, непонятной жизни.

Да, я фанатка. Сумасшедшая фанатка, которая прослушает эту песню несколько десятков раз и уснет с флешкой под подушкой.

Мы прощаемся, и я с трудом отказываюсь от того, чтобы Саша проводил меня до машины. В голове зреет план, как отпроситься на вечеринку. Рискованный, опасный, но с виду довольно простой.

Глава 8

По возвращении домой я иду к себе и делаю вид, что ничего не случилось. Игорь все еще в кабинете, словно и не собирается на работу. А может, и не собирается, судя по всему, у него была бессонная ночь. Даже жалко становится. Наверное, ему не слишком легко разбираться и с работой, и с семейными проблемами.

Про руку и результаты рентгена он ничего не спрашивает, молчу и я. Наверняка уже позвонили и доложили, что со вверенным имуществом ничего критичного не случилось.

Я делаю чай и забираю его в библиотеку, чтобы в тишине и спокойствии насладиться разбором книг и песней Саши. В окно видно лес, красивый, хвойный. Вечером обязательно схожу прогуляться и осмотреть территорию, она, судя по всему, огромная.

Я не спеша выпиваю чашку чая и уже собираюсь приступить к разбору книг, как вдруг открывается дверь и я вижу Крис. Сначала на ее лице недоумение, потом — злость.

— Какого хрена ты тут делаешь?! — Она бук-

вально рычит на меня.

Я теряюсь, потому что… А что в таком случае вообще говорят?

— Игорь просил…

Но Крис уже несет, она орет так громко, что наверняка слышно даже на первом этаже:

— Убирайся! Убирайся отсюда, дрянь, не смей даже приближаться! Ты никто, ясно?! Ты ничтожество! Вон!

— Кристина! — Я слышу голос Игоря, который тем не менее не унимает истерику его сестры.

Но ее гнев направляется уже на брата:

— Как ты мог?! Зачем ты ей разрешил?!

Она в буквальном смысле бросается на него с кулаками, а Игорь только удерживает сестру и никак ей не отвечает, при этом на его лице застывает странное и немного жуткое выражение, словно маска равнодушия, за которой он скрывает… Что?

— Уйди, — бросает он мне.

Юркнув мимо них к выходу, я быстро иду к себе, совершенно растерянная и шокированная. Слабый голос Игоря, спокойный и размеренный, еще долго преследует меня по коридору, пока совсем не стихает.

Я возвращаюсь в комнату, падаю на кровать

почти без сил и вдруг понимаю, что забыла флешку в библиотеке. Но идти туда сейчас подобно смерти. Мне впервые по-настоящему страшно. Но не так, как было, когда рядом разбилось окно машины или когда руку пронзила острая боль. Не так, как было, когда я всю ночь сидела возле папы, прислушиваясь к его дыханию, боясь пропустить последние секунды его жизни.

Страшно от того, что я не понимаю ничего, что происходит в мире этих людей. Что тщательно выстроенные мной же образы рушатся. И Крестовские предстают не классически злобным семейством Золушки, а людьми, у которых в душе не только побрякушки и зелененькие купюры.

Крис не просто так на меня набросилась. Это не обычная ненависть богатой наследницы к бедной нахлебнице. Что-то совершенно другое, личное, очень страшное. Я словно чувствую ледяное дыхание этого дома. Что бы в нем ни произошло, оно изменило всех его обитателей.

Проходит час, и я решаюсь забрать флешку, на самом деле боясь, что Игорь или Марина просто выбросят ее, не найдя применения. Или Крис утащит к себе и услышит песню Саши. Страшно подумать, что тогда может произойти.

Я бесшумно, словно тень, крадусь по коридору

и осторожно приоткрываю дверь в библиотеку. Мне хочется надеяться, что за дверью никого, что Игорь и Крис давно разошлись, но сегодня весь мир против меня. От увиденной картины сердце сжимается, хоть я и стараюсь убедить себя, что мне нет дела до их взаимоотношений.

Игорь сидит в кресле, а на руках у него, склонив светлую голову на плечо брата, спит Крис. Или не спит, но очень тихо лежит, сжимая в руках полупустую кружку с чаем. Они оба выглядят вымотанными. На лице девушки отчетливые следы слез, а Игорь привычно сосредоточен. Он замечает меня, я вздрагиваю, но в кои-то веки Крестовский не рычит и не издевается.

— Флешку забыла, — шепотом говорю я.

Кивком он разрешает войти, и по-прежнему тихонько я беру флешку со стола, а затем снова ухожу. Стараясь не гадать, что такого произошло между ними, из-за чего у Крис случилась такая истерика, и, главное, что мне делать теперь.

Я сегодня увидела немного другого Игоря и, к собственному стыду, позавидовала Крис. Мне тоже порой хотелось, как ей сегодня, полежать в объятиях близкого человека, поплакать в чашку успокаивающего чая. Он любит сестру, как бы ни рычал на нее, как бы ни угрожал оставить без

содержания, все же любит, иначе не стал бы так долго сидеть рядом, успокаивая. Даже у стервы Крис есть тот, кто любит ее просто потому, что она существует.

Мне не хочется обедать — аппетит безнадежно перебит кофе и пирожными, которые мы с Сашей заказали в клубе. Поэтому я качаю песню себе в телефон и лежу на постели, слушая ее раз за разом. Мне кажется, я снова погружаюсь в мир, который создала для себя в самые мерзкие моменты последних лет. Мне нравится слушать Принzza вне студийных рамок. Нравится его голос, реальный, не обработанный программами. Простой аккомпанемент гитары. Потрясающий вокал, очень редкий для массовой эстрады.

Я так увлекаюсь, что упускаю момент, когда дверь в мою комнату открывается и в проеме появляется Игорь. Он долго наблюдает, прислонившись плечом к дверному косяку. Только увидев его в отражении смартфона, я подскакиваю и вытаскиваю наушники.

— Я, конечно, понимаю, что неожиданно свалившееся бабло располагает к безделью, но ты бы хоть универ выбрала.

Я закатываю глаза. Крестовский не может без язвительных комментариев.

— Можете открыть ноутбук и посмотреть историю просмотров. Я изучила все приличные универы в городе и выписала дни открытых дверей. Схожу и поговорю с представителями. Но если хотите знать, я понятия не имею, где могут научить управляться с вашими деньгами. А подходить к людям и спрашивать: «Вы, случайно, не знаете, что делать с парой сотен лямов?» мне как-то неудобно. Так что могли бы и подсказать.

— Вот еще, — фыркает он. — Сама разбирайся со своим будущим.

— Ну вот то-то и оно.

Но раздражение, которое я на него выплескиваю — себя обманывать нет смысла, — есть результат неловкости. Мне не нравится постоянно ссориться, не нравится обмениваться издевками. Я хмурюсь и говорю, стараясь, чтобы голос звучал миролюбиво:

— Мне жаль, что Крис расстроилась. Я больше не буду ходить в библиотеку.

Игорь вновь меня удивляет:

— Нет. Разбери ее. Крис больше не помешает. Выбрось на хрен все, что там найдешь, а что не захочешь выбросить — забери себе, продай или, не знаю, подари кому-нибудь. Мне плевать. Освободи комнату.

— Но для нее это место явно что-то значит, и…

— Ничего оно не значит. Разбери его, и все.

— Вы даже не расскажете мне, что случилось?

— Нет.

И как здесь быть миролюбивой?!

— Ну и зачем тогда вы сюда пришли? Поиздеваться? А я могу выгнать вас из своей комнаты?

Словно в ответ на этот вопрос Крестовский проходит и садится в кресло. Понятно, не могу. Если этот день может быть еще хуже, он обязательно будет.

— Есть хорошая новость: сегодня ужинаем по отдельности. Можешь спуститься вниз, но ничего хорошего не жди, я слишком зол и за потерю вашего аппетита не отвечаю.

Действительно хорошая новость. Один вечер без вездесущих крестовских рож. Поужинаю в комнате и погуляю на ночь по территории.

— Дальше хорошие новости заканчиваются. Завтра тебе нужно съездить к Селехову, заполнить документы на визу и получить загран. Это нужно сделать до обеда. Понятно?

— Понятно, — вздыхаю я.

Нет, море — это супер, а заграничное море — супер вдвойне, но как же сложно будет на отдыхе с их семейством. И не просто сложно,

а… я чувствую себя лишней. Это обстоятельство вызывает во мне не обиду, а скорее недоумение. Наверное, вклинься кто-то в нашу с родителями жизнь так же бесцеремонно, я бы тоже изо всех сил сопротивлялась этому вторжению. О чем думал их отец? Почему в и без того непростое для семьи время подсунул им меня? Остается только гадать.

— К твоей одежде, — Игорь поднимается и идет к выходу, — не хватает аксессуаров и украшений. Озаботься вопросом, если хочешь действительно выглядеть прилично.

— Лучший аксессуар для девушки — здоровый и счастливый румянец, — бурчу я. — Но в вашем доме можно заработать только здоровый фингал, судя по всему.

— Ладно, — Игорь вдруг смеется, — ты сама это сейчас сказала, за язык никто не тянул.

Я хочу спросить, что он имеет в виду, но Крестовский быстро уходит.

Как же я устала!

* * *

Некоторые девушки казались ему существами с другой планеты. Не было на этой их планете маньяков, не было несчастных идиотских случа-

ев, не было, в конце концов, фильмов-ужастиков. Вот просто не было ничего, что могло бы их напугать.

Правда, таких девушек он редко встречал. Одну, может. Две, если глубже копнуть. Ну и вот Калинина — чудо чудное и диво дивное. Бродит по территории, рассматривает какую-то ерунду. А над лесом уже поднялась полная луна.

А ведь она не знает, что он за ней наблюдает, что вся территория дома увешана небольшими камерами.

То была идея мамы: не превращать территорию дома в колхозный огород, а оставить ее лесом, лишь отгородившись высоким забором. За домом был клочок цивилизованного сада: беседка, мангальная зона, качели, небольшой прудик. А в остальном — ну чисто лес, даже дом не было видно среди больших разросшихся сосен.

Ну и Аня. Теперь уже совершенно другая, не такая, какой он увидел ее на парковке отеля. В дорогих шмотках, облагороженная косметикой и уходовыми средствами. Такая Аня, которая на раз уделает всех эскортниц, готовых сопровождать своих клиентов на самом высоком уровне. Ну или он уже помешался и неадекватно оценивает реальность.

Такое тоже вполне возможно, потому что до сих пор Игорь не пропускал рабочие дни в середине недели, особенно перед отпуском. Сегодня, конечно, особый день — пришлось как следует втащить мелкому поганцу, разобраться с его долгом и продумать воспитательный момент.

Вот куда его девать? В клинику не сдашь, от игровой зависимости не лечат. Оплачивать долги вечно Игорь не собирается. Да, раз или два он поможет, но чем дальше в лес, тем злее волки — Алекс будет наглеть, и рано или поздно с этим придется кончать. И даже пусть бы он проигрывался и разбирался сам. Ну, прирежут идиота, так чтобы до этого довести, надо совсем крышей поехать. Но глупо надеяться, что Алексовы проблемы останутся чисто его. А значит, расплачиваться будут и другие. Скорее всего, девчонки.

К слову, о девчонках. Крис-то спит, после ударной дозы успокоительного, а вот Калинина, бродящая по саду, сама того не ведая, толкнула его на очень провокационный поступок.

Ей действительно не хватает побрякушек, вот прямо до ужаса. Каких-нибудь цепочек с миниатюрными подвесками, спускающихся в ложбинку. Тонких браслетов, обвивающих изящное запястье. Поблескивающих на солнце

сережек. Будоражащих воображение мелочей. А она ему про румянец.

Будет тебе румянец, только чур потом не драться.

Усмехнувшись, Игорь открывает вкладки интернет-магазинов. Завтра с утра отправит кого-нибудь забрать заказы, и к моменту, когда Анна вернется от Селехова, ее будет ждать занимательный сюрприз.

Хоть развлечется, а то совсем тоска какая-то вокруг.

А еще завтра будут готовы результаты ДНК-теста. Правда, надежды на то, что он хоть что-то прояснит, мало. Не сестра она ему, не сестра, и все. Нет ничего от отца, никакого сходства. Часами Игорь рассматривал ее досье, листал все найденные фотографии. В детских фото Калининой ему чудилось что-то знакомое, но лишь отдаленно, смутно. Никаких конкретных черт он так и не рассмотрел. Да и все дети в раннем детстве друг на друга похожи. А теперь ничего от его родителей в Калининой не было. Значит, копать нужно в другом направлении. Но в каком?

Он берет телефон и набирает пост:

— Герман, там Аня по лесу бродит, забери ее в дом, заблудится же. Только не напугай, позвони

сначала.

Чуть подумав, добавляет:

— И куртку ей захвати.

Ему ведь не нужно, чтобы она простыла перед самым отпуском. На отпуск у Игоря большие планы.

* * *

Я всегда считала себя спокойным человеком. Даже слишком, это иногда мешало.

Если в очереди передо мной вклинивался без спроса человек — я молча его пропускала, предпочитая не ввязываться в конфликт. Если в транспорте мне хамили, я отходила в другой конец вагона. Только в вопросах, касавшихся папы, я пыталась проявлять твердость, потому что в мире, где каждая история болезни — личная трагедия, ничего не добиться слезами и отступлением. В остальном я часто ругала себя за то, что не могу решиться противостоять тому, что мешает наслаждаться жизнью.

Так в какой момент я стала заводиться с полоборота, стоило Крестовскому сказать или сделать что-то в своей манере?

С утра я умудряюсь проспать, но в доме уже почти никого нет, и, забив на завтрак, я несусь

к адвокату. Успеваю — тютелька в тютельку, пусть и голодная, толком не уложившая волосы. Заполняю кучу документов и анкет, получаю новенький загранпаспорт и по дороге домой внимательно его рассматриваю.

Красивый. Билет в новую жизнь. А вернее — к новым впечатлениям. И даже присутствие Крестовских не испортит мне первое знакомство с морем.

Об этом я думаю всю дорогу до дома, ну а еще о еде. Мечтаю, что после завтрака осталась хоть пара блинчиков, которые делала с утра Марина. Их запах преследовал меня, пока я в спешке собиралась на встречу.

А сейчас я стою возле двери своей комнаты и рассматриваю кровать, заваленную коробками, пакетиками и свертками.

Меня одолевают очень противоречивые чувства. С одной стороны, до ужаса любопытно, что в коробках и свертках. С другой — жутковато, потому как от Крестовского я не жду ничего хорошего. А еще я растеряна, потому что это никак не вписывается в рамки принудительного воспитания лишней наследницы.

Приодеть, впустить в дом, приставить охрану — да, без этого вряд ли себя мыслит человек их

круга. Но покупки в такой форме подразумеваются как подарки. А подарки влекут за собой обязательства.

В то же время я понимаю, что пытаться все это вернуть бесполезно. Так или иначе, если Игорь хочет, чтобы я это все забрала и использовала, — в противостоянии с ним не выстоять.

Я закрываю дверь, чтобы никто не помешал и сажусь на краешек кровати. Увиденное поражает еще сильнее, когда я понимаю, что у каждого свертка, пакетика и коробочки есть небольшой бумажный ярлычок, на котором убористым почерком что-то написано. Я узнаю почерк Игоря — видела, когда он подписывал контракт.

Черт, внутри даже что-то отзывается, ведь он наверняка потратил не меньше часа, чтобы все подписать. Может, я ошибаюсь и Крестовские не такое уж зло во плоти? Беру ближайший пакет и читаю ярлык:

«К строгим платьям темных оттенков из тяжелых и плотных тканей».

Вот это да, не сам ведь Игорь этим занимался, наверняка кто-то помогал. Стася? Уж точно не Крис.

В пакете бархатистая коробочка, а в ней — жутко красивые серьги. Этикетка сообщает, что это

серебро и искусственные сапфиры. Серьги длинные, массивные, с легким налетом готичности. Они действительно будут шикарно смотреться с каким-нибудь строгим черным платьем.

Я чувствую подвох, но пока не могу его найти.

В следующей коробочке оказывается тонкий браслет-обруч с крошечным кристаллом посередине. «Под рубашки», — сообщает подпись.

Против воли я начинаю улыбаться. Лицемерно будет сказать, что такие украшения не вызывают у меня радость. Редкая девушка не придет в восторг, если ей подарят такую кучу недешевых аксессуаров. И ведь это не бижутерный сплав, а серебро и золото.

Жемчужная нитка из речного жемчуга, несколько золотых колечек «для повседневной носки», куча — реально целая куча в одном из пакетов — сережек-гвоздиков «под повседневный стиль, футболки и кеды». Четыре разные цепочки и подвески к ним. Серебро, золото, фианиты. Когда в одной крошечной коробочке я нахожу бриллиантовый комплект, то хмурюсь и даю себе обещание хотя бы часть дорогих украшений вернуть.

А еще, если бы я вдруг кому-то рассказала об этом эпизоде в своей жизни, никто бы не

поверил. Потому что, когда героиням книг и фильмов дарят украшения, это происходит иначе. В торжественной обстановке им преподносят одну-единственную коробочку с дорогими серьгами и умоляют взять такой шикарный подарок. А не вываливают кучу всего на постель. И нет, я не жалуюсь, но все это так в духе Крестовского. Деньги для него — ерунда, если статус требует золота, вот тебе золото, небрежно брошенное на шелковистое покрывало. Не подарок, не предмет роскоши, а просто необходимость. Как канцелярия к учебному году.

Странное ощущение. Я все еще в том мире, где подаренное на восемнадцатилетие кольцо становится самым дорогим приобретением последних лет. И самой мучительной потерей.

Я рыдала несколько часов, когда пришлось сдать его в ломбард. Тогда папа уже был совсем плох, денег почти не осталось, работать я просто не успевала. Кольцо было подарком, которым я дорожила, но в то же время я понимала, что если сдохну с голоду, то отцу точно не помогу.

Трясу головой, отгоняя жуткие воспоминания. Все в прошлом, теперь не надо отрывать от сердца кусочки, чтобы выбрать между памятью и жизнью. Теперь украшениями будет забит це-

лый ящик комода. И нечего вспоминать старое дешевое колечко.

Я не могу удержаться и примеряю кое-что из подаренных украшений. Одни из сережек — светло-голубые, с топазами — надеваю сразу. Придется поблагодарить Игоря за подарок, и пусть он наверняка рассмеется мне в лицо или снова бросит какую-то издевочку, я на самом деле ему благодарна. Он привнес в этот день светлых красок, а еще потратил время, чтобы подписать все покупки. Наверное, эти ярлычки радуют меня куда больше, чем сапфиры и серебряные колечки.

Я не осиливаю и половины украшений, как снова чувствую голод. Нужно прерваться. Но прежде чем спуститься вниз и организовать запоздалый завтрак, я решаю посмотреть еще один пакетик — матовый, черный, с красивыми фиолетовыми лентами в качестве ручек.

Внутри квадратная коробка, сантиметров двенадцать в размере. Никаких надписей, только небольшой бумажный ярлычок.

«Здоровый румянец», — гласит надпись.

Почему-то я нервничаю. Чувствую подвох, знаю, что сейчас сказка кончится и меня вышвырнет в жестокую реальность, а потому долго

не решаюсь открыть коробочку. Но все-таки открываю и… не слишком понимаю, что в ней.

Хотя, конечно, догадываюсь и ярость внутри поднимается ядовитой змеей, отравляя меня. Я нарочно долго коплю ее. Внимательно рассматриваю неведомую игрушку категории «18+», провожу пальцем по черной бархатистой поверхности, извлекаю из шкатулки крошечную глянцевую книжечку с заголовком «вакуумный стимулятор», а потом крышу сносит окончательно. Я хватаю подарочек Игоря и с криком «Крестовский!», которому позавидует разъяренный медведь, несусь вниз.

В несколько прыжков преодолеваю лестницу, влетаю в гостиную, готовая немедленно на месте испепелить Игоря, а если его нет дома — то ворваться в офис и как следует его покусать!

Но вместо этого я замираю, цепенею и судорожно прячу игрушку за спину, потому что в гостиной помимо Игоря сидит вполне себе милая и интеллигентная пара средних лет. Все трое смотрят на меня с легким удивлением. Игорь хмурится, но глаза… в глазах пляшут искорки смеха. Паршивец, он знает, что вывело меня из себя! Знает и собирается издеваться!

— Игорь, это твоя девушка? — вдруг улыбается

женщина. — А что же ты не сказал, что она тоже дома? Как ее зовут?

— Я… — открываю рот, чтобы поправить гостью, но Игорь вдруг поднимается и быстро идет ко мне.

— Ее зовут Аня. Я не знал, что она так рано вернулась.

Он ослепительно (хорош, наглец!) улыбается и чуть приобнимает меня за талию. А затем шепчет, чтобы не услышали гости:

— Я тебе говорил не высовываться, когда в доме посторонние? Вот теперь и подыгрывай, не будем же мы расстраивать тетю, она двенадцать часов летела и хочет увидеть мою девушку. Что это ты там прячешь?

Он забирает у меня из рук стимулятор и с усмешкой, которая не обещает ничего хорошего, кладет его во внутренний карман пиджака.

— Это я потом тебе покажу, как работает.

— Убью! — сквозь зубы цежу я.

— Придется потерпеть.

— Позавтракаете с нами, Анечка? — улыбается женщина.

Спокойно. Тетя ни в чем не виновата. Может, в этой семье хоть она нормальная?!

Увлекаемая Игорем, я сажусь на диван напро-

тив пары и украдкой их рассматриваю. Конечно, они дорого и стильно одеты, на женщине приятный мятный костюм, мужчина хоть и полноват, но ухожен. Они выглядят дружелюбными.

— Это Наталья Сергеевна и Вальдемар Дмитриевич. Тетя Наташа — сестра моей матери. Я тебе о ней говорил.

Наталья Сергеевна расцветает, а я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. В этом весь Крестовский. Он, кажется, обожает играть в подобные игры. А я вот не уверена, что хочу участвовать в таком спектакле. Только как бы вежливо смыться?

А если эта Наталья будет здесь жить? Ох, может, Серж разрешит переночевать у него в клубе, в раздевалке? Или снять гостиницу… нет, ну ведь это странно будет, если девушка Игоря живет в его доме, но совершенно в другой комнате.

Я опасливо кошусь на Крестовского. Что он еще придумал?

— Как съездила к Майку?

Я не сразу понимаю, что вопрос относится ко мне.

— Хорошо, получила паспорт…

— О, вы собираетесь в отпуск? — спрашивает Наталья.

— Да, решил вырваться на недельку, показать Ане любимое место, выгулять мелких перед учебным годом.

— Кстати, а где же они? Где Кристиночка?

— Криська болеет, спит, — отвечает Игорь. — Алекс наказан, накосячил. Охрана не пускает его за пределы забора, он бесится и бегает между елками, а Иван за ним следит. Развлекаются, в общем. Серж на работе. Вечером соберемся, Серега обещал устроить барбекю.

Ух ты, у них бывают семейные вечера. Интересно, мне разрешат заныкаться в комнате? Очень надеюсь, что да.

Марина приносит кофе и разные вкусности к нему. Я вспоминаю, как сильно проголодалась, и чувствую себя очень странно. Игорь непривычно улыбчив, заботлив, но я знаю, что он внимательно наблюдает. И в какой-то момент мне становится плевать, я просто хочу позавтракать, а блинчики и вафли Марины пахнут умопомрачительно.

— Анечка, а расскажите о себе, — вдруг просит Наталья. — Где вы учитесь? Вы ведь помладше Игоря, да? Я почему-то подумала, что еще студентка.

Я становлюсь одного оттенка с вишневым вареньем, а отвечает ей Игорь:

— Мы как раз думаем, на кого ее учить. Ане двадцать. После школы она работала, чтобы определиться с профессией.

— О, и в какую сторону у вас лежит душа?

«Киллером хочу быть», — чуть не ляпнула я. С наслаждением представила, как подсыпаю в кофе Крестовского вместо перца какой-нибудь яд и он зеленеет.

Мне так хочется отомстить Игорю за издевку, что я решаю изменить своему правилу не провоцировать конфликт. В который раз за последнее время.

— Что-нибудь экономическое. Надо как-то управляться с миллионами, которые Игорь оставит мне после развода.

Наталья смеется, Игорь тоже улыбается. Я пытаюсь найти в этой улыбке ярость, но, похоже, ее просто нет.

— Да, именно такой я твою девушку и представляла. Анечка, а кто ваши родители?

— Я сирота.

— О, прошу прощения.

Вообще я всегда знала, что однажды этот момент настанет. Я буду сидеть за столом напротив родителей моего любимого человека и послушно отвечать на вопросы «а кто твои родители?», «а

кем ты станешь, когда вырастешь?». Но ключевой момент здесь — любимый человек. Крестовский вообще на человека не тянет, гад он и уж тем более не любимый. Считать, что ли, это знакомство репетицией?

Я наслаждаюсь кофе и завтраком, гости наслаждаются общением, а Игорь наслаждается тем, что может безнаказанно меня доводить. Он невзначай кладет руку мне на колено, потом заботливо подкладывает блинчики в тарелку и даже убирает выбившиеся из хвоста волосы. Наталья умиляется, я мрачно пережевываю вишню из варенья и представляю, как буду убивать Крестовского после. На что он надеется? Ведь о том, кто я такая, Крис расскажет спустя минуту после встречи с тетушкой.

Хотя о чем я? Ни на что он не надеется, он просто развлекается.

— Ой, Аня, а что у вас с рукой? — вдруг Наталья замечает повязку.

— Попала в аварию, — как хорошая девочка, отвечаю я.

— Ох да, сейчас на дорогах стало очень опасно. Вы водите сами?

— Нет, Игорь дал мне водителя. Ваня очень хороший, аккуратно водит и всегда мне помогает.

Да! Да! Я буквально слышу скрип зубов Крестовского, и от этого открывается второе дыхание: я беру еще одну вафлю.

Некоторое время они болтают о чем-то ерундовом вроде общих знакомых и давних счастливых воспоминаний. Потом Игорь встает:

— Теть Наташ, дядь Дим, комната ваша как обычно, идите, отдохните. Вечером собираемся в саду, пока погода стоит, надо пользоваться. Я сейчас съезжу на пару часиков на работу, а потом к вам.

— А Анечка с нами поужинает? Я очень хочу с ней поближе познакомиться! — щебечет Наталья.

— Анечка с нами и поужинает, и позавтракает. А может, и клубничкой ночью перекусит.

Я сейчас готова перекусить ему руку.

Гости уходят, и, едва за ними закрывается дверь комнаты, я подскакиваю:

— Ты что, псих?! Они тебя за вранье…

— За какое вранье? — усмехается Игорь. — Они ведь не спрашивали, как мы познакомились. Или ты считаешь вариант, когда новоявленная наследница падает в постель к опекуну, невероятным?

— Я считаю его аморальным!

— Ух, какая суровая. А где благодарность за подарок? Я, между прочим, утром мог поспать несколько часов, но не ложился, чтобы тебя порадовать. Не ценишь заботу, Калинина. Ладно, даю тебе последний шанс исправиться. К черту работу, пошли ко мне, покажу, как работает твой подарок.

— Сам себе показывай, — рычу, но понимаю, что эту битву уже проиграла. Игорю весело, и сейчас это веселье ничем не перебить.

Разве что чем-то жестоким. Сказать о его отце, или об истерике Крис, или о зависимости Алекса. Но даже в самом сильном гневе я вряд ли способна бить в больное место. Уже пробовала, ощущения не понравились.

— Не могу, — притворно сокрушается гад, — у него принцип работы на девушках завязан.

— Я могу быть твоей сестрой! — прибегаю к последнему аргументу, но понимаю, что он, по сути, бессмысленен.

Игорь просто издевается. Знает, что меня вгоняют в краску шутки с сексуальным подтекстом, и издевается.

— Ты же сама так рьяно отрицаешь вероятность нашего родства. Может, я решил тебе поверить?

Мне кажется, у меня сейчас пар пойдет из ушей,

в таком я бешенстве.

— Ладно, Калинина, как хочешь. Я терпеливый. Работа так работа. Не забудь вечером про ужин.

Глава 9

Я сажусь на качели, кутаюсь в плед и думаю о том, что это самый странный ужин в моей жизни. Не потому, что на нем происходит что-то особенное. Скорее, как раз наоборот. Крестовские просто собрались в саду, пьют вино и жарят мясо, болтая с гостями.

Игорь развлекает дядю, Серж умело раскладывает на решетке аппетитные кусочки мяса, Марина за столом шинкует овощи, а Крис сидит в одноместных качелях неподалеку и выглядит пришибленной. Она не спит, но явно близка, туманным взглядом рассматривая окрестности. Кажется, ей дают что-то успокаивающее, и я в очередной раз задаюсь вопросом, что же такое скрыто за ее состоянием. Не просто ненависть к посторонней девке, оттяпавшей долю отца.

Алекса нет. Наталья в самом начале вечера спросила Игоря, где младший, на что тот коротко и ясно ответил:

— Надулся.

Но это меня только радует, я не уверена, что могу комфортно чувствовать себя в компании

младшего Крестовского. Старшего тоже, но от него-то вообще никуда не деться.

— Анька, смотри, чего я нашел! — радостно кричит Серж.

Он выходит из дома, неся в руках гироскутер.

— Пошли, научу. Это мы Алексу дарили на шестнадцатилетие, но он покатался три раза и сказал, что это фигня и он хочет машину.

— Ты надеешься мне вторую руку сломать? — улыбаюсь я.

— Да не бойся, я даже Криську на велике научил кататься, а тебя вообще влегкую научу.

Игорь бросает на нас настороженные взгляды. То ли не одобряет затею, то ли его просто раздражает любое проявление внимания ко мне.

Но мне нравится Серж, а еще очень хочется немного покататься на этой странной штуке. Поэтому мы отходим на несколько метров в сторону, на ровную дорожку, и начинаем развлекаться. Сергей крепко держит меня за здоровую руку, а я понимаю, что с балансом у меня явные проблемы. Ну и с концентрацией, потому что я так глупо смотрюсь, что самой от себя смешно.

Мне нравится кататься, а еще нравится внимание, с которым Серж меня учит и следит, чтобы я не свалилась на землю. Внимание, пожалуй, даже

больше, потому что в конце я все-таки падаю, и парень с легкостью меня подхватывает.

— Сереж, по-моему, уже можно переворачивать! — кричит Марина.

— Ладно, ща пожрем, потом еще покатаемся, — говорит Серж.

Я возвращаюсь на качели и вдыхаю свежий лесной воздух. Удивительно хорошо здесь в это время, а какие запахи от мангала! Вот уж не думала, что семейство Крестовских неравнодушно к шашлыкам. Но сейчас они кажутся совершенно обычной семьей.

И я в ней определенно лишняя.

— Игорь! — вдруг восклицает Наталья. — Ну что же ты на Анечку не обращаешь внимания, девочка замерзла! И что вы стесняетесь? Пообщайтесь с нами, расскажи нам, как ты ее встретил, и вообще, мы же должны узнать твою девушку!

Я округляю глаза, но Марина ушла в дом за напитками, Крис слишком «в себе», чтобы реагировать на что-то, а Серега кашляет и сипло, но негромко произносит:

— Не фига себе на полдня поработать съездил. Книголюбы, вы че, скорочтение освоили?

Я укоризненно на него смотрю и тихо, чтобы никто не слышал, говорю:

— Просто в твоем братце сдохла актриса. А еще он заноза.

— Ой, какие мы суровые, — фыркнул он. — На вот тебе картошечку.

Он подцепляет вилкой тоненький кусочек уже готовой картошки с аппетитной поджаристой корочкой и дает мне откусить. Умопомрачительный вкус, запах! Потрясающе.

— Анечка, ты замерзла, наверное? — спрашивает Наталья. — Игорь, налей девушке глинтвейна.

Я должна сказать, что не пью, и вообще, но мне так интересно попробовать, что такое этот глинтвейн, что я принимаю кружку с горячим красным напитком, в котором плавают кусочки фруктов и забавные коричные палочки.

Меня буквально силой сажают на скамейку рядом с Игорем.

Нет, Наталья все-таки удивительно приятная женщина, как антипод этому семейству. Ну да, общительная и любопытная, но, право слово, это совсем не недостаток.

Я пробую глинтвейн и кашляю от неожиданности. Он горячий и крепкий. Я думала, это будет похоже на теплый виноградный сок, но нет, жидкость теплом разливается по телу, хотя горло от неосмотрительного глотка дерет.

Крестовский закатывает глаза, отбирает у меня кружку и… делает из нее несколько больших глотков, а затем разбавляет напиток из чайника и возвращает мне. Ни дать ни взять заботливый жених.

— Я не буду пить из кружки, которую ты облизал.

Он только смеется. Я демонстративно переливаю напиток в чистую посуду. Наталья, кажется, не только не подозревает неладного, но и умиляется этой забавной семейной перепалке. Новый вкус глинтвейна мне нравится больше, я медленно и с удовольствием его потягиваю, одновременно кутаясь в плед, который принесла Марина.

И, пока Игорь занят разговором, рассматриваю Крис.

Странное чувство, но мне ужасно ее жаль. Богатая и красивая наследница миллионов сейчас выглядит жалко и болезненно. Она тоже кутается в плед и неотрывно смотрит перед собой, лишь изредка раскачивая качели.

Очень удивляет Серж, который явно о ней заботится, то принося чаю, то давая попробовать вкусности с мангала. Довольно трогательно и тепло. Все-таки в семье Крестовских не все чело-

веческие чувства выжжены деньгами. Скорее, скрыты под панцирями, и чтобы их увидеть, надо долго и упорно копать.

Глинтвейн, оказывается, коварен. Я пью его с удовольствием, наслаждаюсь пряным коричным вкусом. Тепло течет по венам, окутывает атмосферой уюта. Я сама не замечаю, как откидываюсь на спинку скамейки и засыпаю под звуки чужих разговоров и треска углей.

Мне тепло и хорошо. Свежий воздух, чуть приправленный дымом от потухшего огня. Запахи съестного. Мягкий желтый свет, окрашивающий ночь в свои оттенки. Теплый плед, обнимающий меня. Что-то мягкое под головой.

— Игорь Олегович, вы просили привезти вам сразу же, — сквозь сон я слышу голос.

Не узнаю и снова засыпаю, хотя надо бы проснуться и поесть, а то ничего не достанется. Но сил вырваться из этого ужасно крепкого сна просто нет.

— Просыпайся, — тихий голос звучит где-то совсем рядом, дыхание греет ухо.

Я с трудом открываю глаза и обнаруживаю, что лежу на плече у Игоря.

— Смотри, что мне прислали, — не скрывая удовольствия, говорит он.

Я с трудом фокусирую взгляд на листке бумаги. И ничегошеньки не понимаю… поначалу. А потом доходит.

— Это же… это ДНК-тест!

— Верно.

— И я…

— Не моя сестра.

Я молчу, потому что накрывает одновременно и облегчением, и новыми вопросами. Облегчением, потому что мама не изменяла папе и не лгала мне всю жизнь о счастливой семье. Вопросы же стандартны: почему, зачем, откуда и так далее. Не знаю, мучают ли они Игоря, но точно знаю, что, пока не найду ответы, не успокоюсь.

Нужно забрать вещи из квартиры, и, быть может, в маминых заметках хоть что-то найдется. Я сохранила ее последний органайзер. Раньше думала, что зря, потому что вид этой книжечки, исписанной ее рукой, причинял боль, а теперь рада. Хоть что-то там должно найтись, хоть телефон или заметка о встрече… есть ниточка, что тянется к Крестовским, и я ее чувствую, но нащупать не могу.

Меж тем Игоря, кажется, волнует не только главный вопрос этой истории. Впервые я задаюсь вопросом, что, быть может, он надо мной совсем

не издевается?

— Знаешь, что это значит? — спрашивает.

— Что мы снова в тупике.

— То, что я тебя трахну.

Я давлюсь воздухом — так контрастно звучат эти слова в атмосфере домашнего уюта.

— Ты что, дурачок? — вырывается у меня.

В этот момент, повинуясь стандартным законам подлости, все замолкают, и мои слова звучат слишком громко.

Серж едва ли не скатывается под стол от хохота, Наталья и Дмитрий смущенно переглядываются, Марина прячет улыбку, а Крис вообще не реагирует на все, что происходит вокруг. Я тоже краснею, хотя, по логике, бы не должна.

Но если бы люди всегда поступали логично…

Я отсаживаюсь от Крестовского, жертвуя теплым и уютным пледом. Немного зябко, но Серж тут же протягивает мне большую тарелку с разным мясом и кружку с чаем. Пока я спала, все уже наелись и теперь потягивали вино, неспешно беседуя. Правда, после того как Игорь показал мне результаты, беседа у гостей как-то не задается.

— Поздно что-то, — зевает Наталья. — Пойдем мы, Игореш, завтра с утра поедем погуляем, по магазинам пройдемся.

— Да, — кивает Игорь, — распоряжусь, чтобы дали водителя, он вас покатает и пофоткает. Я, увы, освобожусь только вечером.

Они уходят, Крестовский идет их провожать, Серж тоже поднимается.

— Криська, пойдем, я тебя спать уложу, — говорит он.

Крис без возражений поднимается и бредет к дому. Я долго смотрю им вслед: как Серж помогает ей подняться по ступенькам, как открывает перед ней дверь. Я ощущаю странную жалость к этой очень богатой и красивой, но, судя по всему, очень несчастной девочке. И дело здесь не просто в стервозности или обиде на отца за суровое завещание.

Марина тоже зевает, и я предлагаю:

— Давайте я приберусь? Сережа еще не доел, я тоже чайку попью, а потом все здесь уберу, идите спать, зачем вы будете нас ждать?

Экономка качает головой:

— Анна Артемовна, это ведь моя работа, не переживайте, я все уберу.

— Ну можно мне хоть чем-то заняться? Я до универа с ума сойду, ничего не делая! Пожалуйста!

После долгих уговоров экономка соглашается оставить уборку мне. На самом деле я не только

хочу хоть чем-то полезным заняться, но и боюсь возвращаться к себе, особенно после всего произошедшего вечером. Поэтому оттягиваю момент как можно дальше.

Надо бы с Игорем поговорить, сесть и серьезно обсудить все что происходит. Донести как-то, что его издевки выбивают меня из колеи, а серьезные намеки пугают. Что я сама не просила делать меня наследницей и не хочу все пять лет мучиться. Что будет проще, если мы станем жить соседями. Мне кажется, что Игорь способен быть серьезным. Он любит братьев и сестру, ответственно относится к их воспитанию — в меру возможностей. Значит, должен рано или поздно и меня понять.

Но все это в теории, а на практике я готова ночевать в саду под елкой, лишь бы не заходить в дом.

Когда возвращается Серж, он молча садится и продолжает с аппетитом уплетать мясо. При виде него у меня всегда просыпается аппетит. Он не похож на остальных Крестовских и этим привлекает.

— Ты всегда столько ешь? — улыбаюсь я.

— Слушай, ну у меня по пять тренировок в день, конечно, я жрать хочу.

— Ты сам тренируешь?

— Ага, бывает. В офисе сидеть скучно.

— А что ведешь?

— Так, борьбу всякую.

— А научишь меня приемам?

Он смеется:

— Нет уж, я пас. Ты потом их на братике отработаешь, а отдуваться мне.

Я обиженно фыркаю, но все равно смеюсь, представляя, как Игорь летит через бедро. Эх, мечты-мечты!

— А почему ты не съедешь? Отсюда же неудобно добираться.

— А на хрена? — Серж пожимает плечами. — Кормят, убираются, стирают. Дома надо или самому, или нанимать кого-то, мозги трахать, чтобы работали. Да ну на фиг, тут приехал с работы — еды положили, в комнате чисто, ванну набрал, порелаксировал.

— Ну… а личная жизнь?

— Бабу всегда можно в отель привести. Годик по отелям, а дальше ну уж в семью надо, а если не хочется в семью, то и на хер она нужна.

Что ж, не могу не признать, что в этом есть здравый смысл. И раз уж Серж разоткровенничался, решаюсь задать вопрос:

— А что с Крис? Она… выглядит неважно.

— Так, приболела. Бывает, за пару дней очухается.

— Просто мне кажется, что в ее состоянии виновата я…

Быстро рассказываю, что случилось в библиотеке. Серж хмурится и долго молчит. Ему эта тема неприятна, и если он откажется говорить, я в целом пойму.

— Да не ты виновата, а наша мамашка. Когда Криська была маленькая, отправила ее читать книжку для задания в школе, а когда та вернулась в библиотеку, чтобы пересказать прочитанное, нашла мать повесившейся. И дома никого не было. Она просидела возле нее несколько часов, пока не приехал Игорь.

Я замираю, и все внутри сжимается даже не от представившейся картины, а просто от смысла этих слов. В сравнении с этим все мои жуткие ночи возле отца представляются прямо-таки курортными.

— Я не знала. Извини.

— Да бывает. Дерьмо случается, и почему-то оно случилось с Криськой. Ее редко уже накрывает, но все равно нет-нет и прилетит. Недельку посидит на таблетках, потом очухается, и снова

наша родная стервозина вернулась.

— У вас сложная семья, — задумчиво произношу я.

Серж пожимает плечами.

— Но не плохая. Я думала, знаешь, вы как из сказки. Богатые, красивые, на дорогих машинах, в шикарных ресторанах, а значит, и дома у вас все шикарно. Разве может быть несчастным человек, которому доступны путешествия? Или целый дом в сосновом бору. А оказывается, деньги главных проблем не решают и все равно придется разбираться со всем самой.

— Поздравляю, Калинина, — усмехается Серж, — ты только что поняла, как сильно вляпалась.

Он методично уничтожает остатки мяса, а я пью чай, смотрю на темный и слегка пугающий лес. Затем начинаю прибираться. К удивлению, Серж мне помогает: чистит и уносит тяжеленный мангал, складывает стол, и через полчаса площадка выглядит так, словно никаких шашлыков на ней и не было.

В кухне я складываю посуду в раковину и приступаю к мытью. Серж странно смотрит на это дело:

— Оставь, с утра Марина помоет.

— Не надо на ночь.

— Ну хоть посудомойку загрузи.

Я кошусь на ряды шкафчиков. Про посудомойку я даже не подумала, а ведь в доме Крестовских она просто обязана быть. Вот только незадача: я понятия не имею, как она работает.

— А ты знаешь, как ее включать? — спрашиваю Сержа.

Тот растерянно чешет затылок. Я смеюсь, потому что в этом своем незнании бытовых нюансов он очень забавный.

— Забей. Это несложно и даже успокаивает. Иди спи, я вымою.

— А потом прилетит фея, оденет Золушку в хрустальные туфельки и увезет на бал к принцу, — усмехается он.

— В этой сказке на бал придется отпрашиваться у злой мачехи… то есть злого опекуна.

И что-то мне подсказывает: не пустит. Чем ближе выходные, тем ненадежнее и тупее кажется план просто отпроситься. Ладно, как-нибудь… не запрет же он меня в доме.

Когда я заканчиваю, стрелки часов едва приближаются к полуночи. А казалось, мы сидели очень долго. Но благодаря тому что после глинтвейна я проспала несколько часов в весьма

уютных объятиях, сна нет ни в одном глазу. Поэтому я сначала решаю набрать ванну и почитать, а потом обнаруживаю, что ноги сами несут меня в библиотеку.

Лунный свет касается стройных рядов корешков. Абсолютная тишина, нарушаемая лишь моими шагами.

Теперь понятно, почему сюда никто не заходит. У меня сердце сжимается от жалости. Бедные дети… Если Крис была маленькая, но уже читала для школы, значит, ей было от шести до десяти — я сама читала сказки еще до того, как пошла в школу. Алексу было не больше семи-восьми, а вероятнее, четыре, Сереге десять, а Игорю — уже восемнадцать. Отец наверняка постоянно был в работе. Неудивительно, что старшему брату достались все последствия эгоистичного поступка матери. Почему женщина может так поступить с четырьмя детьми? Не плохими ведь, самыми обычными детьми, которым наверняка нужна была мама.

Мне кажется, я здесь лишняя. Совершенно чужой человек, не знающий истории этих книг, мыслей, с которыми их хозяйка перелистывала страницы. Я пытаюсь представить себе жуткую картину, которая открылась Крис, но не могу и

ежусь от жуткого ощущения. Нет, призраков я не боюсь и в них не верю. Но знаю, как сильно могут бить воспоминания. К счастью, вспоминая родителей, я знаю, что они меня любили. И не хотели оставлять одну, но судьба порой распоряжается нашими жизнями очень жестоко.

Я плохо помню, как умерла мама, папа все делал сам. Мне он лишь сказал, что маме стало плохо с сердцем по дороге с работы. Мама… просто ушла и не вернулась. Осознание, что больше никто не приготовит нам завтрак в выходные, пришло далеко не сразу.

Даже представить сложно, что чувствует сейчас Крис.

Я наугад беру с полки какую-то книгу. Это Жюль Верн. Удивительное издание, потрясающее качество. Тяжелые мелованные страницы, переплет или кожаный, или «под кожу», золотой обрез, тиснение. Такая книга, должно быть, стоит несколько тысяч рублей, а то и больше.

На форзаце размашистым почерком надпись: «Я вернусь так скоро, как смогу, не скучайте и звоните с Игорешкой мне каждый день. Люблю вас, Олег».

Смущаюсь, словно влезла в чужую личную переписку, и беру книгу с другой полки. Высоц-

кий — собрание стихов. Темно-зеленая книга в тканевом переплете, с иллюстрациями и все тем же тиснением. Тяжелая, я едва держу ее в руках. На форзаце очередная запись: «Вряд ли ты когда-нибудь меня простишь. Но книги — единственные подарки, от которых ты никогда не могла отказаться».

Все, хватит. Ни к одному изданию здесь я больше не притронусь. Вот так открывать книгу за книгой, читать чужую историю и легким словом решать, что выбросить, а что раздать на сайте «ОтдамДаром»? Нет, это не для меня, пусть сами разбираются со своими демонами. Я чужих тревожить не намерена.

Я направляюсь к выходу из библиотеки и вдруг понимаю, что возле окна в кресле кто-то сидит.

Мне кажется, что от страха я сейчас заору и перебужу весь дом, и лишь быстрое осознание того, что сидящий человек — Игорь, заставляет заткнуться. Хотя сердце все равно до тошноты сильно бьется в груди.

Игорь сидит в кресле, потягивая что-то из хрустального бокала, глобус-бар открыт, и в нем в слабом лунном свете виднеются горлышки бутылок.

— Ищешь, что почитать на ночь? Эротика в

дальнем стеллаже.

Я закатываю глаза:

— Нет уж, развлекайся в одиночестве, я иду спать.

— Когда планируешь заняться этим? — Он кивает в сторону книг.

— Я не буду ее разбирать, Игорь, — качаю головой. — Это не моя история, я не имею права ее трогать. И не моя трагедия.

— Значит, — мрачно отвечает он, — в этом доме будет закрытая комната. Как раз таки потому, что все, что ты перечислила, — наше.

Он вдруг поднимается и уходит, хотя я готовлюсь к очередному противостоянию или чему-то похуже. Уже у дверей Игорь, не оборачиваясь, говорит:

— Я просил тебя не о работе, а о помощи. Это разные вещи.

Я глотаю все идиотские замечания о том, что о помощи просят иначе и что после всех слов Игоря я не помогать должна, а немножечко вредить. Глотаю, потому что нельзя говорить такое человеку, которому очень больно.

Даже если это правда.

* * *

Утро выдается суматошным.

Сначала я спускаюсь вниз, к завтраку, и встречаюсь там с Крис. Ей явно похорошело: Крестовская при полном параде, в небесно-голубом облегающем коротком платье и темно-синем пиджаке. Она не спеша пьет кофе, на стуле рядом валяется ее сумка. Игорь и Серж уже уехали, так что Марина ставит завтрак только для меня.

Слава богу, Крис предпочитает делать вид, что меня не существует.

Впереди много дел: в четыре день открытых дверей в одном из вузов. До него мне хочется съездить к Сергею в клуб на какое-нибудь занятие, не требующее нагрузки на руку. А после нужно решить, в чем я пойду на вечеринку к Саше, ну и решиться попросить у Игоря меня отпустить. Честно сказать, не думаю, что у меня получится. Но решаю верить в чудо.

Пока завтракаю, приходит эсэмэска: «Анна Артемовна, подъезжайте в любое удобное время, посмотрим вашу руку и снимем повязку».

Я так радуюсь, что можно будет поплавать, что несусь в медцентр сразу же, едва заканчиваю с утренним кофе. Герман — честно, я скоро

полюблю этого сурового и молчаливого охранника — проделывает на бис фокус со служебной лестницей, и по знакомому маршруту «главврач — кабинет травматолога» я избавляюсь от повязки. Рука уже не отекшая, только чуть позеленевшая от сходящих синяков. Жалею, что не надела кофту с длинными рукавами.

Все же хорошо ездить на машине. После медцентра можно заехать домой, за принадлежностями для бассейна, которые я на радостях забыла. Договориться с Сашей о встрече — он как раз собирается туда же. Переодеться, а затем рвануть в клуб. И все это в комфорте, тишине, прохладе и роскоши. Черт, это очень приятно и удобно. Самой ненавистной во время работы в отеле была дорога. Даже наушники и книга не спасали от изматывающего стояния в метро в час пик.

Мое настроение, кажется, не может испортить никто и ничто, когда я иду по территории клуба.

— Калинина, ты, что ли? — слышу откуда-то сбоку веселый голос.

Стася несется ко мне на всех парах.

— Ну во-о-от! А я так задолбалась, что даже позвонить тебе времени не нашла. Игорь перед отпуском, кажется, решил сделать годовую норму работы. Ну как дела? На самом деле у меня капец

как мало времени, и супер, что я тебя встретила!

Она тараторит так быстро, что я не могу и слова вставить.

— Я сходила на тренировку, перед тренькой Серегу не нашла, а ща бежать надо, капец, Игорь убьет! Передашь Сержу загран его? Привезли сегодня. Будь другом, а?!

— Давай, конечно, — соглашаюсь я.

Стася щебечет, как я ее выручу и как она рада, вручает мне папку с паспортом и какими-то документами и напоследок говорит:

— Надо нам как-нибудь сходить погулять. Ты ведь наверняка не была ни в каком приличном ресторане?

Получив отрицательный ответ, она улыбается:

— Ну вот! На следующей неделе сходим, развеемся.

Чувствую, я развеюсь немного раньше и, возможно, с летальным исходом.

Мы прощаемся. До встречи с Сашей еще полчаса, так что я решаю сначала найти Сержа и передать ему паспорт.

— Где кабинет Сергея? — спрашиваю я у не слишком-то довольной Маши. — Мне надо передать ему паспорт, помощница привезла.

Девушка, не отрываясь от смартфона, пока-

зывает за свою спину, где виднеется дверь. Я оказываюсь в небольшой приемной, а напротив — еще одна дверь и табличка «Крестовский Сергей Олегович, директор». Усмехаюсь — звучит круто.

Я стучу и, услышав его слабый голос, открываю, почему-то подумав, что это разрешение войти.

Идиотка.

Серж не один. Он склонился над девушкой, которая сидит на столе, обняв его ногами. Одна рука ласкает обнаженные плечи, вторая запуталась в длинных светлых локонах. Он впивается поцелуем в губы подруги. Все это происходит в ту секунду, которую я понимаю, что вломилась совершенно не вовремя, и краснею. Кладу паспорт на стол, быстро извиняюсь.

И вдруг понимаю, что уже видела это небесно-голубое платье.

Удивительно, как быстро может думать наш мозг в критической ситуации. Я еще не двинулась с места, а уже понимаю, что надо валить, пока Серж не отстранился. Но он все же двигается, и я встречаюсь взглядом с Крис.

Потом все-таки сбрасываю оцепенение и вылетаю обратно в холл. Маша, кажется, даже не замечает меня — она полностью загружена сво-

им смартфоном. И я быстро выхожу на воздух, которого почему-то становится мало.

— Аня! — слышу крик за спиной.

И крик этот принадлежит Сержу. Мне не хочется с ним говорить, но убегать будет совсем уж глупо. Поэтому я останавливаюсь и оборачиваюсь.

Надо же, впервые вижу на лице этого парня серьезную озабоченность. Все-таки жизнь преподносит правильные уроки. Не бывает такого, чтобы все было хорошо, а Серж с самого начала показался мне классным парнем.

Он останавливается и смотрит на меня — даже немного виновато.

— Я не знаю, как тебе это объяснить, — наконец говорит он.

— Зачем? — Я пожимаю плечами.

— Ты мне нравишься. Ну то есть не в этом смысле. Я имею в виду, что мне не хочется, чтобы у нас изменились отношения.

— Это твои проблемы, Сереж. Я к ним никаким боком. Извини, что потревожила, Стася просила паспорт передать.

— Ты кому-нибудь расскажешь?

— За кого ты меня принимаешь? — возмущенно спрашиваю я. — Это твой секрет. Не мой. Сам

и разбирайся. Сами, вернее.

Потом я все-таки не выдерживаю:

— Вот только ты мне скажи, тебе ее не жалко? Она ж на таблетках, она еле по дому ползает, на брата с кулаками в истерике бросается. Ты хоть понимаешь, что с ней будет, если это всплывет? Да не смотри так на меня, я не буду бросаться в прессу сенсациями, но вы, блин, даже не запираетесь! У тебя на ресепшене сидит… Маша. Уж она, в отличие от меня, своей сенсации не упустит.

— Да знаю, — вздыхает он, — косяк. Крышу сорвало, и забыл.

Я морщусь, мне не очень хочется это обсуждать. Даже совсем не хочется.

— Знаешь, мне вчера показалось, ты о ней заботишься. А ты…

— Не все так просто, Аньк, — Сергей тяжело вздыхает.

— И давно вы так?

— Три года.

Я чувствую, как из-под ног уходит земля. Мне не нравится мир, в котором я оказалась, мне не нравится то, что вокруг происходит, но как вырваться из этого, я не понимаю.

— Ты просто подумай, чем все это может кончиться. Тебе кажется, ты спрячешься в своем

бизнесе, сбежишь от всего, никто в тебя и камня не кинет. А ее может и убить. Жалко. Стерва, но все равно жалко, хоть и не знаю, почему я ее так жалею.

Я смотрю на часы — время подходит к назначенному часу. С Сережей мне говорить больше не о чем. Не думаю, что я еще посмотрю на него так, как прежде.

— Я никому ничего не скажу, — повторяю. — Можешь быть уверен.

— Спасибо, — бесцветным голосом говорит он.

Не знаю. Я иду к бассейну и думаю о том, что в этой семье мне жалко всех. Она словно проклята, хоть в проклятия я и не верю.

Снова занимается дождь. С тоской думаю, что уехать в августе к морю будет просто замечательно и в то же время мучительно сложно. Здесь есть возможность сбежать, хоть в клуб, хоть гулять по городу. Да даже закрыться в комнате и сделать вид, что сплю. А будет ли возможность это провернуть там?

Игорь пугает своим поведением, и чего от него ждать, я просто не знаю. Алекс по-прежнему опасен, пусть пока и наказан. Крис как ненавидела меня, так и продолжает, а после сегодняшнего взбесится еще сильнее. И единственный человек,

который приветливо ко мне относился…

Ладно, наверное, Серж все еще так относится, но что со мной? Я не уверена, что смогу воспринимать его так же, как и до сегодняшнего утра.

Что, что может заставить успешного и доброго парня так поступать со своей сестрой? И как же родители допустили, чтобы с детьми произошло такое. Неужели они были так заняты своими проблемами, что не заметили, как целая семья катится в ад?

Мы встречаемся с Сашей и снова плаваем вместе. Парень, как всегда, весело рассказывает о какой-то ерунде, но, даже несмотря на мое обожание его, я не могу сосредоточиться.

Наконец он это замечает:

— Ань, с тобой все нормально? Ты какая-то пришибленная. Ты на праздник-то идешь?

— Постараюсь, — вздыхаю я.

Мы сидим на бортике бассейна и болтаем ногами. Удивительно, но хоть я и нечасто бывала в прошлом на пляжах или в бассейне, при Саше я не чувствую неловкости, сидя в купальнике. Хотя, конечно, закрытый черный купальник для плавания — немного не то, чего есть смысл стесняться. Куда больше меня пугает необходимость носить красивый купальник на море. Рядом с

Игорем.

— Я немного запуталась, понимаешь? В жизни, в происходящем. Мама как-то сказала, что если на твою голову вдруг сваливается какой-то человек и никак не желает уходить из твоей жизни, то значит, или ты должна ему помочь, или он тебе. Но я не знаю, как им помочь. И сомневаюсь, что они эту помощь примут. А сидеть в сторонке и смотреть, как разваливается целая семья, очень и очень сложно.

— А с чего ты взяла, что должна им помогать? Может, это тебе должны помочь? — спрашивает Саша.

Но я качаю головой:

— У меня все было, понимаешь? Ну да, жила небогато, работала, жилье снимала. Но была здорова, были приятельницы, песни твои были, какие-то маленькие радости. Я бы выжила, накопила прилично денег, чтобы попробовать в следующем году уволиться и месяца четыре готовиться к экзаменам. Поступила бы в колледж, переехала в общежитие, подрабатывала бы, потом пошла по специальности. Все это, — обвожу рукой шикарный зал-грот, — здорово и очень приятно, но, если быть честной, у меня было все. Мне не требовалась помощь.

— Я не верю в эту фигню с предназначением. Иногда люди просто появляются, врываются в нашу жизнь и ее переворачивают. Иногда нет. Ты чужие проблемы решать не обязана, если только эти проблемы не принадлежат самым близким.

— Да, наверное, ты прав.

Пора перестать страдать над каждым бездомным котенком и думать о себе. В конце концов, Крестовские этим и занимаются. Каждый из них думает только о своих потребностях.

Мы еще плаваем, потом традиционно пьем кофе в ресторане, и Принzz дарит мне открытку. На плотной акварельной бумаге черным линером нарисовано слово «#Золушка» и каждая буква раскрашена акварельным узором в некое подобие нежно-голубого градиента. Очень стильно и красиво.

— Твой автограф. Если все-таки не выберешься на день рождения, — улыбается Саша.

Внутри открытки персональный автограф, постер последнего альбома и теплые пожелания. Я чувствую такую радость, что чуть не кидаюсь обнимать парня.

— Я приду. Сделаю все, чтобы прийти, по крайней мере.

Не запрет же Игорь меня дома. Если повторить

это тысячу раз, то можно и поверить.

Каждый день в моей новой жизни выматывает так, что я возвращаюсь домой не поздно, но совершенно без сил. После бассейна я еду на день открытых дверей в одном из универов и уже через полчаса только и думаю, как оттуда сбежать. А все потому, что Герман оказывается не только молчаливым и суровым охранником, до и до фига инициативным, как бы сказала Стася. Он предупреждает универ, что приедет сестра Крестовского, и просит провести личную экскурсию. Наверное, с одной стороны, это логичный ход: мы не привлекаем внимание и не оказываемся в толпе.

С другой — я ровным счетом ничего не понимаю в том, кем я буду, окончив их факультет международной экономики, но очень много слышу о том, как у них весело, легко учиться и что ко мне будут относиться как к принцессе. Меня даже не спрашивают о баллах ЕГЭ, которые уже давно не действительны. Похоже, декану важнее затащить на факультет богатую наследницу и к тому, что она хочет учиться, он не готов.

В общем, я возвращаюсь домой с жуткой головной болью. Мне даже не жалко погрустневшего Германа, которому пришлось сделать строгое

внушение хотя бы советоваться, прежде чем причинять мне добро и безопасность.

Поэтому, когда меня ловит Крис прямо в гостиной, не дав дойти до лестницы, я мысленно вздыхаю.

— Что ты хочешь? — без предисловий переходит к делу наследница Крестовских.

— Что? — не понимаю я.

— За молчание. Что ты хочешь за то, чтобы навсегда забыть о том, что сегодня видела?

— По себе всех судишь, да? — не могу удержаться. — Говорю тебе то же, что сказала утром Сержу. Мне плевать. Разбирайтесь сами. Это твой секрет, Крис, и я не собираюсь его кому-то передавать.

— Что за секрет? — мы слышим голос Игоря и синхронно вздрагиваем.

— Ты не на работе? — спрашивает Крис.

Да, актрисой ей не быть, в отличие от братика, голос напряженный и подрагивает.

— Сработала пожарная сигнализация в одном из магазинов, всех выперли на улицу. Решил поработать из дома. Так о чем вы тут говорите? Что за секрет?

Тут я не выдерживаю, потому что и без допросов Игоря сегодня не в духе, а уж отчитываться перед ним и вовсе не собираюсь:

— Знаешь, что с любопытной Варварой на базаре сделали? Ей нос оторвали!

— Я же не Варвара, — усмехается Игорь.

— Вот тебе что-нибудь другое оторвут, — обещает Крис.

Он смотрит поочередно то на сестру, то на меня. В глазах светится подозрение. Интересно, что он услышал и о чем подумал?

— Вы вот сейчас даже похожи, — наконец говорит Игорь.

— Ну так потому что ты бесишь, капец! — резонно замечает Кристина. — Дай поговорить спокойно!

Удивительно, но сейчас я с ней согласна, как никогда.

Игорь не торопится уходить. Он вдруг хватает Крис за плечо и поворачивает на свет. Мне кажется, я перестаю дышать.

— Кристина, я тебе что сказал насчет твоего приятеля и этих засосов?! Имей совесть, раз он не способен себя контролировать, закрывай последствия своих свиданий.

— Щас, так бежала тебе отчитаться, что шарфик сорвало, — морщится Кристина.

А я не выдерживаю и хлопаю Крестовского по руке. На его лице такое удивление, что Крис

фыркает.

— Хватит устраивать допрос! — возмущаюсь я. — Нам двадцать, а не два!

— А вы не офигели объединяться против меня в моем доме?! — возмущается Игорь.

Но я вижу, что он не злится, а скорее заинтересован или весел. Вряд ли ему действительно хочется выведать, о чем мы говорили. Скорее, интересно нас побесить. И надо бы не вестись, но не выходит, так и тянет ляпнуть что-нибудь в ответ.

— Ладно, — наконец говорит он, — но если узнаю, что вы за моей спиной устраиваете свару…

— Да-да, знаю, выпорешь. — Крис закатывает глаза. — Это мы уже слышали, придумай новую фишечку.

— Про ужин не забудьте, — напоминает Игорь.

И уходит, а я чувствую себя так, словно выдержала допрос разведки.

— Как вы скрывали ото всех три года… — задумчиво протягиваю я, ни к кому, в сущности, не обращаясь.

Но Крис отвечает, на удивление, без привычной надменности:

— Очень скоро ты поймешь, что здесь всем на

тебя плевать. И скрыть можно все, что угодно, не особенно напрягаясь.

Я вздыхаю. Тяжелая семья.

— Как бы то ни было, я уже сказала, что ваш секрет — это ваш секрет и не мне им распоряжаться. Но…

Я не уверена, стоит это говорить или нет, но стремление сделать хоть что-то хорошее сильнее голоса разума, который требует не лезть не в свое дело.

— Если тебе нужна помощь или тебя кто-то заставляет… делать то, что тебя убивает, я, возможно, смогу помочь.

Крис смеется, мне становится стыдно, и я ругаю себя за мягкотелость.

— Ага, супергерл, только помощь здесь пока нужна только тебе. В определении твоего места.

Ну да. Я задумчиво смотрю ей вслед. Крис это Крис. Стоит это уже запомнить.

Глава 10

Меня с утра колотит так, что в один момент я пугаюсь, не заболела ли. Но нет — это лишь мандраж перед самой ответственной частью дня.

В телефоне уже два непрочитанных сообщения. Одно от девчонок — с местом и временем встречи, второе — от Саши, с вопросом отпустили ли меня. Да. Вот с этим и затык. Я уже выяснила, что сегодня Игорь работает дома, поэтому в любой момент могу пройти к нему в кабинет и приступить к выполнению плана.

Он прост, как колесо: подойти и отпроситься.

Игорь порой напоминает мне хищника, который чувствует страх жертвы. Если я буду равнодушна и спокойна, он даже не станет вникать, куда там мне понадобилось. Я долго смотрю на себя в зеркало, пытаясь понять, достаточно ли «серенько» оделась: в простую джинсовую юбку (простую, ха-ха, видел бы кто ее цену!) до колена, тонкую трикотажную водолазку и полуботинки на плоской подошве — сегодня прохладно.

В спортивной сумке у меня вечернее платье, я битый час подбирала какое-нибудь из немну-

щейся ткани. В отдельном пакете лежат туфли и небольшая косметичка, чтобы привести себя в порядок. Идеальный план или идиотский? Вот в чем вопрос.

Наконец тянуть больше нет смысла — Игорь может уйти, и мне придется отпрашиваться по телефону. Я глубоко выдыхаю и иду в кабинет.

— Можно? — спрашиваю, постучав.

Он поглощен работой. За ухом торчит карандаш, ноутбук открыт, рукава светло-голубой рубашки закатаны. Пожалуй, Крестовского в этот момент можно назвать красивым. Но меня мало интересуют его внешние данные, я больше усилий трачу на то, чтобы не грохнуться в обморок.

— Чего тебе? — спрашивает он.

— Ты просил сообщать обо всех планах. Я хочу поехать в старую квартиру и забрать вещи, девчонкам нужно место, а потом мы с ними хотим пойти в кофейню и на день рождения.

Я закусываю губу и чувствую, как гулко бьется сердце. Пожалуйста, пожалуйста! Я ведь сделала правильный акцент. И почти не соврала… Ну пожалуйста!

— Угу, — не отвлекаясь от компа, кивает Игорь, — только Германа возьми.

— М-м-м-м… — мне хочется прыгать от сча-

стья. — Но я, наверное, не успею на ужин.

— Ну на дне рождения же тебя покормят, так? — усмехается Игорь.

Он полностью поглощен работой. И я понимаю: надо валить, пока он не очнулся и не начал выпытывать подробности.

— Да, конечно. Тогда я пойду, удачного дня.

Он рассеянно кивает. Я выхожу и чувствую себя так, словно пробежала кросс или выиграла в лотерею.

Я стараюсь не думать о том, что фактически соврала, ведь Игорь совершенно точно подумал о дне рождения девчонок. И уж точно я и представить себе не могу последствий этой лжи. Сейчас я счастлива, а что будет потом, меня не волнует. Напрасно, как окажется позже, но что уж теперь…

Я даже не завтракаю, ведь пригласила девочек в кофейню, попрощаться. С работы меня каким-то образом дистанционно уволили — полагаю, заслуга Игоря и его адвоката. Поэтому осталось лишь забрать вещи, которых на самом деле немного.

Сидя в машине, я пишу Саше, что меня отпустили и сразу следующий вопрос — у кого день рождения и что купить в подарок. Мне в голову приходят всякие банальности вроде букета (если

девушка), алкоголя (мужчине). Я ведь даже не знаю, к кому мы идем.

Но ответ приходит незамедлительно:

«Не парься. Я приглашаю, значит, подарок с меня, все уже готово, только на вручении понадобится твоя маленькая помощь. Жду в семь».

И адрес.

— Герман, а что находится на Ленина, 37, не знаете? — спрашиваю я.

— Ресторан, — отвечает водитель. — Мы едем туда?

— Нет, сначала на тот адрес, что я сказала. Там заберем вещи, девочек и съездим в кофейню, а потом, к семи, на Ленина. Игорь… Олегович разрешил, так что я хотела бы побыть на празднике подольше.

— Как скажете, — кивает Герман.

Я выдыхаю. Почему-то думалось, он не одобрит поездку. Надо думать, после моего внушения он теперь разумно опасается встревать.

Чем ближе мы подъезжаем к моей бывшей квартире, тем сильнее я волнуюсь. Сама не знаю почему. Легенда стройная: объявились друзья моих родителей, узнали, что я осталась одна, и забрали меня к себе. Друзья институтские, я их видела пару раз, самая обычная обеспеченная

семья. Ни слова о наследстве, ни слова о миллиардах. Хотя как тут скрыть? Девчонки же не дуры, машину и водителя на раз просекут.

— А может, припаркуемся в соседнем дворе? — в отчаянной и нелогичной попытке спрятаться прошу я.

— Анна Артемовна, от подруг не скроете статус. На вас одежда и украшения ценой с треть квартиры в этом районе. Нет смысла восстанавливать общение с вранья.

Все-то ты понимаешь, водитель-вэдэвэшник Герман. Вот и шел бы, встречался с девчонками сам, объясняя, почему они все еще получают по пятнадцать тысяч, а я езжу за кофе с водителем. И заодно пусть бы с Игорем собачился, они как раз в одной весовой категории. А я что-то не дотягиваю.

Со вздохом я поднимаюсь на родной третий этаж серой хрущевки и громко стучу. Тут же раздаются шаги.

— Анька приехала! — кричит Даша.

Герман, к счастью, в машине.

— Ух, красотка какая! — восхищается бывшая соседка. — Лизка в магазин убежала, за ряженкой. Мы тебя так рано не ждали.

Я сама себя так рано не ждала, закладывая во

время встречи уговоры Игоря и масштабный скандал в ответ на отказ.

— Ну, рассказывай! — Дашка тянет меня на диван.

Я послушно передаю ей легенду, которая не так уж далека от истины. При взгляде на знакомые стены, старую, еще советскую, обстановку и деревянные окна — одни из последних в этом доме, я чувствую тоску и ностальгию.

Когда папа умер, я не смогла платить за нашу однушку и нашла себе комнату в складчину с двумя студентками. Здесь я жила целый год, отсюда добиралась на работу, здесь переживала горе и собирала себя по кусочкам.

Эта часть жизни закончилась, началась новая. В шикарном доме, среди модных интерьеров, в комнате с камином и в ванной с большим панорамным окном. Вот только здесь, на крошечном клочке жилплощади, я была предоставлена сама себе и сама же отвечала за свое будущее. А там… там все сложно.

— Я привезла вам подарки! — вдруг вспоминаю я.

Дырявая голова… совсем забыла! В машине ведь два тяжеленьких пакета с подарками для девчонок и один большой пакет с едой. Сейчас

как раз пришло время платить за квартиру, а зарплату еще не дали. Мы частенько сидели на гречке, особенно в месяцы сильных трат. Поэтому я накупила продуктов и всякого-разного, решив, что раз уж семейка Крестовских вымотала мне все нервы, я имею право потратить несколько тысяч с карточки Игоря на личные нужды.

— Сейчас принесу…

Целых несколько секунд я колеблюсь: спуститься за пакетами самой или позвонить Герману и попросить принести. К хорошему привыкаешь очень быстро.

Наконец решаю все же спуститься самой. На самом деле мне еще только предстоит слушать собственную интуицию, а еще привыкать к тому, как меняется отношение людей, когда они узнают, что у тебя есть деньги. С теми, кто изначально познакомился со мной под соусом Крестовских, проще, а вот с теми, кто знал прошлую Аню…

Едва я открываю дверь, вижу Германа.

— Сумки забыли, Анна Артемовна, — говорит он.

Я хмурюсь, потому что закрадывается подозрение, что он сделал это специально. Вообще, молчаливый и суровый охранник на поверку не такой уж молчаливый, а жутко порой раздражаю-

щий. Мне хочется нарычать на бедного Германа, который вообще-то должен выполнять мои указания. Но я себя одергиваю. Хотела сумки? Он их принес, да еще и раньше, чем я успела подумать. Каждая девушка мечтает о таком телохранителе, а мое нежелание раскрывать уровень обеспеченности новых родственников — исключительно мои проблемы.

— Ого-о-о, — тянет Дашка, когда я закрываю дверь за охранником и тащу пакеты на кухню. — И как это понимать, Анна Артемовна?

— Да никак. — Я пожимаю плечами. — У меня нет прав, пришлось попросить Германа меня пока покатать.

Вот так, снова полуправда. А я — бесхребетное существо, неспособное с достоинством принимать то, что мне принадлежит. Ну, или перепало…

— Там, похоже, семья-то непростая, — усмехается Даша.

Она с интересом рассматривает продукты, которые я распихиваю по старенькому холодильнику. И с каждой секундой мне все больше и больше неловко. Перед тем как поехать к ним, я попросила Германа заехать в продуктовый. И, естественно, им оказалась не «Пятерочка», а

какой-то жутко пафосный супермаркет с паркетным полом и приветливыми консультантами. Я не стала спорить, в конце концов, уж он-то точно знает, где привыкли отовариваться Крестовские. Но часть продуктов была мне незнакома и… как бы так сказать… не дешева. Дашка, несомненно, это видит и наматывает на ус.

— И кто они такие?

Я напрягаюсь, потому что голос соседки изменился. Из веселого превратился в нарочито небрежный. Она делает вид, что ей совершенно без разницы, о чем болтать, но явно жаждет подробностей. Не самая оригинальная реакция, но почему же я так нервничаю?

— Друзья родителей. Не знаю, я их не помню.

— Ну и зачем им сдалась сиротка?

Пожимаю плечами:

— Дружили. Может, кто-нибудь в кого-нибудь был влюблен. Или просто вместе учились. В последние годы мы почти не общались ни с кем, так что папа мало рассказывал. Теперь Олег Александрович умер, и его сын меня нашел.

— А-а-а, — Даша лукаво усмехается, — сын. Тогда понятно.

— Что тебе понятно? — Я злюсь.

— Да не воюй, Калинина. Так бы сразу и сказа-

ла, что там мажорчик появился.

— Даш, он просто сын отцовского друга, вот и все. Ему плевать с высокой колокольни на меня.

Не знаю, что еще хочет сказать подруга, но тут квартира наполняется голосом Лизы. Правда, говорит она не то чтобы приятные вещи:

— Я пришла! Ни хрена не купила, только выбесилась. И еще внизу какой-то мудак припарковал джип так, что хрен напрямую пройдешь, пришлось обходить. Где они только умудряются столько напиздить, чтобы такую тачку хапнуть.

Я выхожу в коридор, мрачно рассматривая раздраженную соседку.

— Это моя машина, и я ее не воровала. А припаркована она по правилам.

Лиза бросает на меня мрачный и равнодушный взгляд.

— Ну вот и платила бы за себя, раз на тачку нашлось. Какого хера я теперь должна половину твоей доли выкладывать?

Я теряюсь, не зная, что ответить на такую претензию.

— Но моя часть оплачена до конца месяца, а о том, что вы можете искать соседку, я вам давно написала.

— Да пошла ты! — рычит Лиза и уходит в ком-

нату, оставляя меня с открытым ртом.

Нет, она всегда была резкой и язвительной, но мне нравилась ее прямота, и мы частенько хохотали до упаду над ее не совсем приличными шутками. Однако теперь я чувствую от нее какую-то враждебность.

— Ну… — Даша философски разводит руками. — Это Лизка. Ее вывели кассирша и просроченная ряженка, а страдаем мы. Но, кстати…

Она щурится, рассматривая меня с ног до головы, и мне этот взгляд что-то не нравится.

— Может, подкинешь хотя бы свою часть за квартиру? Соседку мы до сих пор не нашли, сама понимаешь, лето, студенты по домам. Неохота на гречке сидеть только потому, что тебя приметил мажорчик.

— Я забила вам холодильник на неделю, — холодно отвечаю.

— Ну да, но ты так резко пропала и вообще… Аньк, ну реально, хоть бы за пару месяцев предупредила. Денег нет ва-а-аще.

— Это не мои деньги, Даш, — говорю я. — Вечером спрошу у Игоря, можно ли вам одолжить, а без его разрешения я не могу.

— Хреново тебе, подруга, — вздыхает она. — Ну, вечером так вечером, звякну.

— Ладно, Даш, — к собственному удивлению, говорю я, — мне пора.

— Не поняла… — Она хлопает глазами. — А кофе? Ты из-за Лизки, что ли? Да она дура, че ты ее слушаешь?! ПМС, поди. Лизка-а-а-а, кончай истерить!

— Нет, — обрываю я ее, — просто дела. Сегодня не получится, как-нибудь потом спишемся.

Я быстро иду к выходу и, пока обуваюсь, чувствую себя полной идиоткой. Дашка только пожимает плечами и лезет в холодильник в поисках чего-нибудь сладкого. Я быстро выхожу к машине и, юркнув на заднее сиденье, говорю Герману:

— Поехали?

— Куда? — уточняет он.

Хороший вопрос.

— Не знаю, — вздыхаю. — Ты голодный, наверное? Поехали на твой обед. Домой не хочу.

Понятия не имею, где обедают охранники, если весь день находятся с хозяином. При Германе я не видела свертков или пакетов, а время уже подбиралось к полудню.

Мы выезжаем из дворов, и я вижу заинтересованный взгляд охранника.

— Планы изменились?

— К семи в ресторан, — киваю.

— Подруги не едут?

— Да не подруги они, — недовольно бурчу. — Соседки.

Когда живешь с кем-то почти год, завтракаешь на одной кухне, делаешь совместную уборку и делишь расходы на продукты, невольно проникаешься симпатией. И кажется, что вот эти люди — твои подруги, самые что ни на есть настоящие. Хотя на деле вы просто выживаете вместе, потому что поодиночке — дороже.

У меня были подруги. Давно, еще когда я училась в школе. Были даже такие, с которыми мы договаривались быть крестными детей друг друга. Потом школа кончилась, отгремел выпускной, на который я не пошла. Подружки разъехались по институтам, у них появились новые друзья, а меня все реже звали на посиделки. Надо думать, я не привносила в их жизнь радость своим унылым видом.

— Найдутся другие, — вдруг говорит Герман.

— Которые дружат пропорционально счету в банке?

— Которым не нужно думать о еде. Так всегда бывает, когда ты становишься успешнее друзей. Они ждут от тебя помощи, со временем помощь

начинает напоминать содержание. Отказывать неудобно, но и дальше спускать кучу денег не выходит. Зато потом появляются новые друзья.

— Что-то они не торопятся, — вздыхаю я, вспоминая Крестовских.

— Ну вы ведь идете с кем-то в ресторан.

Саша… а ведь Дашка тоже обожала песни Prinzza, а я даже не сказала ей, что с ним знакома. И не потому, что забыла, а… ну как я отвечу на ее просьбу с ним познакомить? Притащу ее в клуб? На встречу? Это же идиотизм, что подумает Саша? Нет, автограф-то я бы взяла для соседки без проблем, но, зная Дашку, требовать она будет не просто закорючки на постере.

— Мне кажется, я зазналась, — говорю Герману.

Наверное, с охранниками о таком не говорят, но с кем еще мне поделиться? Стаська и то исчезла так же стремительно, как появилась. Напомнив, что лишь выполняла указание шефа.

— Даже если и так, хотя рановато вы как-то себе диагноз поставили, то какие проблемы? Неужели считаете себя недостойной наслаждаться тем, что получили?

А вот интересно, что Игорь сказал охране относительно меня. Об этом Германа и спрашиваю,

но тот лишь пожимает плечами:

— Ничего. Решения хозяина не обсуждаются. Сказал, что вы теперь входите в список членов семьи, и сам распорядился, кто и как вас будет возить. Вы голодны?

— Очень, — вздыхаю я.

И дома не поела, и с девчонками выбраться не удалось. Точнее, не захотелось.

Мы подъезжаем к неприметному старому дому. Того типа, что не представляет культурной и архитектурной ценности, но сохранил дух старого города. Здание старое, потрепанное, но чьей-то заботливой рукой отреставрированное и все увешанное небольшими аккуратными вывесками.

Среди них есть и «Столовая», наверняка Герман направляется туда. Совершенно не к месту я вдруг представляю реакцию Игоря, если его привезти пообедать сюда. Асфальт в этом районе традиционно неровный и старый, и я прыгаю через лужи до входа, чувствуя, как тягостное ощущение постепенно проходит.

Внутри — обычная столовая, одна из сотен. С раздаточной линией, меню, напечатанном на листочке А4 и засунутым в потрепанный файл, пластиковыми салфетницами на столах и забавными, неумело нарисованными пейзажами на

стенах. В общем-то, я и против столовых ничего не имею, так что задумчиво рассматриваю меню и размышляю, что бы такого съесть. С одной стороны, это у меня завтрак, с другой — время подходит к обеду. Наконец я останавливаюсь на творожной запеканке со сметаной, отварном языке с цветной капустой на пару (вспоминая заветы врача питаться правильно) и зеленом чае без сахара, но с лимоном — маленькой и любимой слабостью.

А вот Герман, к моему удивлению, проходит прямо за раздаточную линию и кричит:

— Мам, это я!

Из кухни выходит полная и добродушная женщина в светлом платье с ярким голубеньким фартуком поверх. Темные волосы тщательно уложены под поварскую шапочку.

— Ой, Герочка, приехал! А ты что не на работе?

— Мам, — Герман зовет меня к себе, — Анна Артемовна, хозяйка. Покорми нас, лады?

— Очень приятно познакомиться! Герочка, так что ж ты хозяйку привел в такое место, она, наверное, и не ест такое…

— Не переживайте, — поспешно говорю я, — ем и с удовольствием.

— Тогда присаживайтесь и выбирайте, что

хотите покушать, все свежее и вкусное.

Я диктую заказ и некоторое время пытаюсь настоять, чтобы расплатиться. Но, похоже, это меньше всего волнует мать водителя.

— Ее не накажут? — хмурюсь, когда мы усаживаемся за столик.

Герман все равно на работе, даже когда собирается пообедать, он мягко, но настойчиво уводит меня от столика у окна к самому дальнему, скрытому за колонной. Словно я президент какой, чтобы меня снайпер караулил.

— Это наша столовая, мама ее открыла лет десять назад. Здесь рядом завод, но сейчас для первой смены обеда еще рано.

— О… а тебя не накажут? — не удерживаюсь и спрашиваю.

— Кто? — усмехается он.

Я чуть ли не краснею.

— Игорь.

— Он не узнает. А если узнает, то не накажет. Я ему жизнь спас, он мне доверяет. Потому и вас велел возить, чтобы, если еще кто привязался, сразу и… кхм… отвязался, в общем.

— Ого. Как все серьезно. Слушай, а ты не можешь не называть меня хозяйкой?

— А как вас называть, если вы хозяйка?

— Ну…

Я впадаю в раздумья.

— Начальницей?

— У меня глава службы охраны начальник.

— Подзащитной?

— Мы же не в суде.

— Пассажиркой?

— И не в трамвае.

— Как с тобой сложно спорить! — не выдерживаю я.

— Зачем? Все так говорят. Хозяин, хозяйка. Если легче — хозяин фирмы, в которой я работаю, хотя это не совсем точно. Просто есть начальство, а есть хозяева. Начальство организовывает твою работу, а хозяин просто платит за то, чтобы ты делал ее хорошо.

— Но мне не нравится, когда говорят так. Отдает… не знаю, неравенством.

— Ну так мы и не равны. — Герман пожимает плечами. — На работе. Вне работы можно все. Хотя этика не рекомендует. Но пока идут мои рабочие часы, то я — наемный персонал, а вы — хозяйка.

— А когда у тебя выходные?

— Когда вы не желаете никуда ехать.

— Но… — Я открываю рот. — А если я всю неде-

лю мотаюсь?

— Значит, я с вами. Или на больничном, и тогда с вами сменщик.

— Но так же нельзя! Должны быть выходные!

Герман смеется, а его мать приносит нам чай и горячее.

— За такой график очень и очень хорошо платят. Поэтому мы не внакладе. Анна Артемовна, это же не рабство, это оплачиваемая работа, за которую мы держимся.

Мы обедаем, и Герман рассказывает о работе. Сначала о том, какие у него обязанности и как все происходит в их внутренней кухне службы безопасности. Я впечатляюсь на самом деле. До сих пор не могу осознать, сколько же у Крестовских денег.

В моем мироощущении богатство — это возможность полететь в красивое место в отпуск или построить большой дом в сосновом бору. Или покупать дорогую технику. Но при всем этом понимая, что айфон — предмет достатка и норковая шубка это весомая покупка, а Мальдивы — сказка, которую подарили плоды труда. Мир, в котором айфон и шубка равны походу в магазин за хлебом и не воспринимаются как серьезные покупки, до сих пор не укладывается у меня в

голове. И уж тем более мир, в котором на личные деньги Крестовских фактически живут, работая охранниками, юристами и прочими помощниками, несколько десятков человек. Да еще и с хорошей столичной зарплатой.

После обеда меня пускают в служебное помещение, нечто среднее между раздевалкой и комнатой отдыха. Там я могу спокойно переодеться в праздничное платье и причесаться. Мне нравится темно-бордовое строгое платье, отороченное черным кружевом по подолу. С ним отлично смотрится небольшой черный кулон на длинной серебряной цепочке. Волосы я оставляю распущенными, с макияжем не усердствую, все равно не умею его профессионально наносить. Крашу ресницы и провожу блеском по губам.

Почти готова к празднику. Еще бы чуть-чуть уверенности и смелости. Если Игорь узнает… Можно сотню раз сказать себе, что я не соврала, что я имею право идти на день рождения. Но реакцию Крестовского даже страшно вообразить. Причем пугают не столько последствия его ярости в ответ на обман, сколько сам факт того, что эта ярость вообще возможна.

До времени встречи с Сашей еще несколько часов, и Герман предлагает покататься по городу,

развеяться. Я ловлю себя на мысли, что мне нравится этот охранник. В этот раз я буду умнее и не скажу Игорю ни слова, чтобы он его не отослал. Я наслаждаюсь видами города, успокаиваюсь и к ресторану подъезжаю счастливая и умиротворенная, готовая развлекаться.

— Ты можешь сказать Игорю, что…

— Соврать — нет, — мягко, но уверенно отрезает Герман.

— А просто сказать, что не видел, с кем я пошла?

Он долго думает и затем находит компромисс:

— Я скажу, что вы присоединились к большой компании.

Нас пропускают в холл ресторана, где уже ждет Саша. Я чувствую себя не в своей тарелке и постоянно повторяю себе, что ничем не выделяюсь среди завсегдатаев таких мест. На мне платье из их мира, украшения, подобранные Игорем, косметика, стоящая бешеных денег. У меня нет повода смущаться, но все равно почему-то кажется, что я здесь чужая.

— Аня! — Саша сияет, увидев меня.

Он потрясающе хорош в белоснежной рубашке и нарочито потертых джинсах. На шее болтается шнурок с бусинкой-буквой «П», вероятно, от

«Принzz».

— Я так рад, что ты пришла!

Он смотрит на Германа и хмурится:

— Это охранник?

— Да, там, понимаешь, такая была нехорошая история…

Я не знаю, как рассказать о нападении, ведь сама представила это как аварию. Но объяснить присутствие Германа как-то нужно, ведь он наверняка пройдет в зал. К счастью, мне везет: Саша удивительно понимающий.

— Он может пойти с тобой, но я должен тебя попросить отдать ему телефон. Это такая просьба ко всем гостям, чтобы никто не снимал и не выкладывал. И так живу под прицелом камер, если еще и личную жизнь будут снимать, впору повеситься.

Герман кивает, и я отдаю ему смартфон. А затем Саша, взяв меня за руку, тащит в зал. У него очень сильные и горячие руки, я невольно краснею, но, к счастью, в зале царит полумрак.

Наше появление встречают овациями. Гостей немного, человек двадцать. Естественно, все незнакомые.

— А вот и именинник! — кричит кто-то из толпы.

— И прекрасная незнакомка.

— Что? — Я поворачиваюсь к Саше: — Это твой день рождения? Почему ты не сказал?!

— Ты бы не пришла, — виновато улыбается он. — Стеснялась бы, что никого не знаешь, думала, что о нас не то скажут, и не решилась бы прийти без подарка.

— Вот именно! Я даже подарок не приготовила, а ты еще и соврал, что сам выбрал!

— А я и выбрал. — Он еще шире улыбается.

Подводит меня к небольшой сцене, где висит большой экран с афишей концерта Принzz. Саша что-то нажимает на пульте, и эта афиша сменяется другой:

«Премьера новой песни. Принzz #Золушка».

— Ты говорила, выучила песню наизусть. А у нас тут караоке.

Я чувствую, как от волнения кружится голова. И в то же время мне хочется рассмеяться. В кои-то веки сюрприз, устроенный для меня, оказался хорошим. Нет, я не горю желанием петь, хотя и не стесняюсь голоса и слуха. Просто самый потрясающий парень на свете разработал целый план, чтобы вытащить меня на свой праздник. Разве это не вожделенный бал Золушки?

Главное, туфельку не потерять.

Глава 11

Что-то мешает. Так бывает, когда забыл о чем-то важном или пропустил существенную деталь. Иногда читаешь договор и вроде с виду все в порядке, но все равно что-то царапает. Перечитываешь, перечитываешь, потом все-таки находишь и успокаиваешься. Вот и сейчас такое ощущение, правда, договоров Игорь с утра никаких не читал, да и других важных документов тоже. Так, писал долгосрочные планы, записывал идеи да кое-какие встречи, чтобы отдать их Стасе в понедельник на проработку.

В такие моменты он предпочитал по полочкам раскладывать все, что могло его зацепить, и искать причину. Поэтому заварил себе кофе и начал вспоминать. Так, накануне перебрал, болела с утра голова. Спустился к Марине, выпросил таблетку и огуречно-лаймовый фреш. Потом поднялся и читал новости, разгребал почту. Потом обедал с Натальей и Дмитрием, потом выгуливал их в центре. Потом перекусил и заехал к старому другу, Архипову, договориться на следующую неделю съездить на рыбалку хоть, давно не

виделись. Помнится, его еще заинтересовала симпатичная новенькая девочка в приемной друга…

Так. Девочка. Новенькая.

С утра приходила Калинина, он так зачитался, толком не сообразил, что она от него хочет. Куда-то поехать с девочками и на день рождения. Нет, не то. Девочки и девочки, ему какая разница до ее друзей?

Но Германну все же пишет с вопросом, где они, просто проконтролировать. А получив ответ, удивляется. Недешевый закрытый ресторан для посиделок тех, кто способен оставить там за вечер пару годовых зарплат уборщицы. Это там у девочек день рождения такой? Нет, вполне возможно, почувствовав вкус денег, Калинина решила оплатить праздник сама. Но что-то Игорю подсказывает, она не стала бы этого делать.

Он тут на днях получил очередные счета по кредиткам младших и на пару с Майком долго ржал. Традиционные простыни списаний Алекса и Крис на лист А4 не влезли. И три строчки Калининой. С момента походов по магазинам — уж там-то Стаська разошлась — она потратила деньги на какую-то ерунду. Пара тысяч в продуктовых магазинах и еще пара в каком-то развлекательном, плюс мороженое в торговом центре.

Нет, даже если бы она и повела друзей в ресторан, то точно не в этот. А значит, вот оно!

— Серег, — Игорь набирает брата, — а ты не знаешь, с кем там подружилась наша Золушка? Явно ведь у тебя в клубе познакомилась с кем-то, больше никуда и не ездила.

На том конце трубки раздается смешок.

— Я знаю все. А что мне будет за информацию?

Вот с Серегой всегда сложно, и козырей-то нет никаких.

— Ну фиг знает, Серый, тебе сложно, что ли, брату помочь?

— Да я между вами как на линии огня. Короче, если что, вали все на свою охрану, я получать не хочу. С Захаровым она гуляет.

Так. Захаров — мужская фамилия, а значит, кому-то скоро прилетит.

— И кто он?

— Да этот, как его, певец-музыкант с каким-то дурацким прозвищем. По городу афиши висят. Они пару раз погуляли у меня тут, в кафешке посидели. Вроде все прилично, он к ней не лез, я и не встревал. Ты там смотри, не покалечь светило современной попсы.

— Обижаешь. Я до драк не опускаюсь, — бурчит он.

— Где-то сейчас поперхнулся один маленький Алекс.

Игорь морщится. Да, не сдержался. Но проиграться так сильно, что парни с битами встретили на дороге сестру — пусть и не поняли, кто на самом деле Анна, — это все же грешок посильнее, чем окучивать чужую Золушку. Морда заживет, а урок, хотелось бы верить, останется.

— Я серьезно, Игорех, ты ее уже вкрай запугал. Кончай беситься, она уж точно не должна отвечать за поступки нашего папочки. Хватит того, что Крис все еще хреново.

— Кстати, о Крис. Я могу рассчитывать на тебя в Греции? Не спускай с нее глаз. Она выглядит вроде ничего, но кто ее знает, в какой момент снова перемкнет.

— Не волнуйся. Пока ты развлекаешься с принцессой, я побуду нянькой. Как всегда.

— Иди ты, — фыркает Игорь и кладет трубку.

Значит, певец. Значит, маленькая заноза соврала, сказав, что идет на день рождения с девочками, и сбежала на свидание. Ладно… он просил ее честно рассказывать о планах, а уж после нападения надеялся, безопасностью она пренебрегать не станет. Но, видимо, так хотелось встретиться со своим дружком, что и не подумала

честно спросить разрешения.

А он бы разрешил? Нет, конечно. И Калинина бы психовала, бегая по дому, на радость Крис.

Но это вранье — карт-бланш. Все равно вечером нечего делать. Прокатится, развеется. В ресторан наконец сходит. И утащит ее оттуда, даже если придется стаскивать прямо с парня. Тихо, спокойно, без драк и скандалов.

Машину решает вести сам. Выбирает одну из старых отцовских, нежно любимых. Черную, ничем не примечательную, с самым обычным номером. Зато мощную и надежную.

В такое время на пригородных трассах никого, можно разогнаться, почувствовать скорость, заставить кровь побурлить от прилива адреналина. И накрутить себя, представляя грядущие разборки. Почему-то они Игоря веселят. Он почти с нетерпением представляет, как будет злиться Аня, станет кричать, отказываться с ним ехать. А может, попробует ударить в пылу гнева, и тогда он немного ее помучает. От мысли, что возмущения и проклятия сменятся стонами, настроение буквально взлетает к потолку.

А еще впереди отпуск. Там, рядом с морем, она будет беззащитная и счастливая. Игорь сумеет сделать так, чтобы вожделенная девчонка была

рядом практически круглые сутки. Она сама прыгнет в его объятия, главное, выстроить правильную тактику.

Одна только проблема: далеко не всегда он предугадывает ее реакции и не всегда остается хладнокровен сам. Это-то и привлекает, до сих пор Игорь Крестовский не увлекался так сильно охотой на какую-то девчонку, да еще и сильно младше себя. Что в ней интересного-то, в двадцать лет? И вот тебе привет.

Он паркуется у ресторана и уверенно идет внутрь. Не самое его любимое место, но очень подходящее для мероприятий и банкетов. Пару раз они выкупали здесь залы для корпоративов топ-менеджмента, так что кое-кому он здесь примелькался. Кивает хостес и протягивает ей тысячную купюру.

— Где Захаров с компанией? — спрашивает он.

Девушка кивает на двери, ведущие в один из залов. Игорь направляется туда, и на лице девчонки появляется паника. Он жестом дает понять, что все в порядке, и входит в полутемное помещение, где освещена лишь сцена.

При одном взгляде на нее внутри поднимается волна ярости: Калинина сидит на высоком стуле, держа в руках микрофон, а какой-то смазли-

вый паренек, чья морда постоянно мелькает на афишах в городе, стоит рядом и держит в руках гитару. На щеках девчонки счастливый румянец, а паршивец не сводит с нее глаз.

Если она сейчас устроит Игорю скандал, то у этого певца ртом больше никаких концертов, кроме утренников в ДК, не будет.

Он замечает чуть в сторонке Германа и идет сначала к нему, будто наслаждаясь злостью, обкатывая ее и пробуя на вкус.

— Игорь Олегович, — кивает охранник, — с Анной Артемовной все в порядке. Что-то случилось?

— Ты почему не сказал, что она с незнакомым тебе парнем в клубе?

— Анна Артемовна сообщила, что вы разрешили ей посетить праздник. Она присоединилась к большой компании, и я не счел возможным контролировать ее общение.

Он косится на охранника. Врет? Да нет, с чего бы? Он и поставил следить за Калининой Германа, потому что тот работал еще у отца и не раз вытаскивал их с Серегой из серьезных переделок.

— Можешь быть свободен. Бери машину и езжай домой. Анну я отвезу сам.

— Как скажете.

— Завтра можешь приезжать к обеду. Она будет занята.

Герман уходит, оставляя Игоря без путей к отступлению. Несколько минут он смотрит на нее, пытается поймать счастливый взгляд и расслышать в общем гомоне задорный смех. Парень играет на гитаре, Калинина негромко напевает что-то в микрофон. Их друзья, конечно, все хорошо слышат, а вот Игорь, несмотря на то что зал небольшой, не улавливает смысла песни. Или не хочет уловить, потому что все внимание приковано к ней.

Кеды со звездочками сняла, а притягательность все равно осталась.

Они заканчивают петь и обнимаются, чем окончательно выводят Игоря из себя. Он выступает из тени и долго буравит Аню взглядом, до тех пор, пока она не поднимает голову и не смотрит в его сторону. Мгновенно выражение лица со счастливого меняется на испуганное.

Она говорит что-то парню и поспешно направляется к Игорю. Одновременно настороженная и решительная. Он снова отступает в тень: кое-кто из местной попсовой тусовки явно может знать его в лицо. А женский пол и не только в лицо.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Аня.

— Сама догадаешься или будем скандалить?

— Может, и догадаюсь. Но не соглашусь. Я не рабыня! И не в тюрьме! Имею право сходить на день рождения.

Он усмехается и отмечает, что, когда Калинина злится, она становится другой. Не забавной и застенчивой девочкой, сексуальной в своей невинности. А куда более взрослой и уверенной в себе. Особенно в этом платье, не скрывающем почти ничего. Не в плане открытости, нет, оно довольно приличное и даже консервативное. Но ткань обрисовывает соблазнительный силуэт, открывает стройные длинные ноги и превращает обычную девчонку в кедах и футболке в принцессу.

Разъяренную, правда, но у всех принцесс свои недостатки.

— Вот только ты соврала. И знаешь об этом. Не пытайся строить из себя оскорбленную невинность. Ты специально представила все так, чтобы я подумал, что день рождения у твоих подруг.

— Что это меняет?

— То, что мы не обсуждали подобные мероприятия и… подобную публику. Твои подружки из… м-м-м… определенных кругов — твоя забота.

А это…

Он почти с отвращением кивает в сторону вечеринки.

— …немного иной формат.

— Я способна разобраться в собственной жизни. И выбрать досуг — тоже.

— Судя по контракту, который ты подписала, — нет. Учись исполнять обязательства, Анюта. Особенно те, которые добровольно на себя возложила.

Они обмениваются упрямыми взглядами.

— Я вижу, — он смеется, — в твоих глазах все. Знаешь, что виновата. Знаешь, что намеренно хотела обмануть. Собирайся. Поговорим об этом дома.

Упрямая. И не сказать, что ему это не нравится.

— Никуда я не поеду! Это невежливо. У Саши день рождения, и…

А теперь краснеет. Вот дерьмо, похоже, этот смазливенький ей нравится. Не будь он певцом, Игорь бы всерьез забеспокоился. Но у таких, как этот Захаров, подобных фанаток миллион и каждый раз разная. Угораздило Калинину влюбиться в представителя богемы. Рыдать ведь будет, и очень скоро. Придется утешать. Хотя это скорее

плюс.

— Твой Саша, — нехотя произносит Крестовский, — переживет. А тебе советую не злить меня и делать, что говорю. Иди, попрощайся со всеми, как хорошая девочка, а потом возвращайся ко мне, и я отвезу тебя домой. Иначе…

— Иначе что? — вскидывает голову, и в глазах прямо-таки пылает огонь возмущения.

— Закину тебя на плечо и отнесу в машину сам. Потом доеду до ближайшего отеля, вытащу из машины и уложу в постель. Раз тебе так не терпится окунуться в столичную тусовочную и взрослую жизнь, со мной будет поинтереснее, чем с этим твоим… как его там?

Игорь уже знает, что она сделает в следующую минуту, и не собирается ей препятствовать. Аня отвешивает ему звонкую пощечину, но сил нанести ощутимый вред у нее не хватает. Наверное, нежную кожу девушки сейчас обжигает огнем.

А еще все звуки в зале стихают, и внимание присутствующих приковано к ним.

— Аня?

Этот идиот вскакивает, преисполненный решимости защищать подружку на вечер. Игорь молчит. В такой ситуации ждать — наилучшая тактика. Калинина сама загнала себя в угол и

сейчас это понимает. Интересно, что пересилит: нежелание конфликта или жажда остаться на вечеринке?

— Все в порядке, Саш, я… мне надо домой. Все было круто, спасибо, что пригласил.

Она не смотрит на Игоря, злая и обиженная, обходит его и устремляется к выходу. Смерив Захарова холодным взглядом, Крестовский следует за ней. Впереди у него, кажется, долгая и насыщенная ночка.

Она с такой скоростью выбегает из ресторана, что ему приходится поторопиться. Вот надо же, в жизни за девками не бегал. Обычно они или ждали его у машины, или шли следом, на полшага-шаг позади, то ли инстинктивно, то ли вполне осознанно прикидываясь эдакими неуверенными в себе нимфетками, которым для того, чтобы выйти из сортира, непременно нужен или мужик, или подружка.

Калинина несется, наплевав и на образ скромницы, и на мужика. Так мало того, с каким же охренением он видит, неспешно выходя из ресторана следом, как она… стоит у обочины и ловит машину. И, мать ее, какое-то бывшее сто лет назад белым корыто с шашечками тормозит!

Ругая дуру неадекватную на чем свет стоит,

Игорь все-таки срывается на бег.

— Ты что, с дуба рухнула?! — рычит на нее, вовремя хватая за руку — Аня уже намеревается садиться в машину.

— Я с тобой не поеду! Пошел ты!

— Ага, лучше поехать без денег и документов с незнакомым мужиком! А расплачиваться с ним чем будешь?

— А какая разница?! Все равно, по ходу, итог будет один.

— Разница? — Он делает вид, что задумался. — Ну, у меня машина поприличнее.

— Идиот, — бросает она и снова делает попытку вырваться.

Но уже видно, что сама жалеет о порыве и не очень-то хочет садиться в машину. Вот вечно у женщин так, сначала сделают какую-нибудь ерунду, потом понимают, что ерунда-то опасная, но нам ведь гордость не дает признаться и успокоиться.

— Э, слюшь, ну вы ехать буишь, нэ? — раздается из машины.

Немая пауза.

— Н-нет, — не то вздрагивает, не то икает Аня. — Извините.

Нечеловеческим усилием Игорь сдерживается,

чтобы не рассмеяться.

Он идет к машине, зная, что Аня проследует за ним. Становится прохладно, на ней только тонкое платье и ни куртки, ни накидки. Но если он предложит ей сейчас куртку, его этой курткой и изобьют.

— А где Герман? — спрашивает она.

— Устал. Домой поехал. Он-то не обязан бдеть за возжелавшей развлечений наследницей.

Она вспыхивает и одновременно виновато отводит глаза. Все-таки знает, что виновата, только гордость не дает признаться. Гордость и симпатия к этому… певцу. Игорь морщится, словно лимон укусил. Машина резво срывается с места, Калинина вздрагивает, и он сбрасывает скорость.

Некоторое время они едут в совершенной тишине, и ей бы оставаться такой до дома… там они выйдут, поднимутся в кабинет, и Игорь популярно объяснит, чем чреваты отношения с поп-звездами. Но в воздухе висит напряжение, стоит только возникнуть крохотной искорке — и случится взрыв. А он по закону подлости просто обязан случиться.

— Вы могли приказать Герману вернуть меня домой. А не врываться на глазах у всех на чужой праздник и силой тащить меня в машину.

Снова «выкает», путается и злится. Только не понимает, как с ним сладить. Скандалом не выходит, теперь вот пытается достучаться до разума. Только разума в его действиях ноль целых и ноль десятых. Он же не дурак, все прекрасно понимает. И ревность эту, ядовитой змеей отравляющую изнутри, чувствует. И хочет ее до зубовного скрежета, как не хотел до сих пор никого. Никогда еще Игорь Крестовский не окунался в подобное желание, наплевав на все ограничения и условности, игнорируя сложности и связанные с ними проблемы.

А она то ли не понимает, то ли не хочет понимать и каждый раз доводит его практически до исступления.

— Такие, как Захаров, — говорит он, — редко встречаются с девушками дольше недели. Он не лучшая пара для девушки твоего круга.

— Для девушки моего круга лучшая пара — кассир из «Макдоналдса»!

— Ну вот и шла бы искать приятеля туда, а не на тусовку попсы.

— Знаешь, я вот думаю, — голос у нее даже звенит от гнева, — сбежать бы от вас, чтобы ты завещание не смог выполнить. Дождаться, когда обязанности перейдут к Сержу — так, кажется,

было в условиях, — и вернуться.

Игорь вдруг резко тормозит. Неожиданно даже для самого себя, что уж говорить об Анне. Она удивленно на него смотрит, а ему вдруг… черт, сам не знает. Легко, что ли? Хорошо?

Вот сейчас и правда отпустить ее, пусть катится ко всем чертям. Продать кое-что из личного имущества, не связанного с наследством, улететь куда-нибудь к океану, пожить полгодика, может, серфинг освоить. Серега получит миллиарды и эту Золушку, будь она неладна, охренеет от масштабов папочкиного бизнеса и… наймет управленца — его же и наймет, поставив неплохую зарплату. Прав на проживание в доме Игорь, как наследник, не потеряет, пост свой так или иначе сохранит, пусть и не в статусе владельца, а гендиректора. А все проблемы, включая Кристину, Алекса и Анну, лягут на плечи Сереги. Вывезет, не вывезет — не Игоревы будут заботы.

Эта перспектива вдруг кажется такой манящей, желанной, что он поворачивается к Калининой и говорит:

— Знаешь, на самом деле отличная идея. Как меня все достало… с удовольствием перекину эстафету Сержу. Предлагаю тебе начинать прямо сейчас. Вываливайся.

— Что? — Она моргает.

— Выходи из машины. Иди куда хочешь. Ты свободна. Вали, прячься, жди, когда тебя найдет Серега. Давай-давай, не смотри на меня своими глазами охреневшими. Ты думала, я железный, что ли? Или раз я подписал контракт, можно плевать на все? Врать? Недоговаривать? Тусить за моей спиной с поп-звездами, каждый шаг которых ловят папарацци? Нет уж, детка, ты права, пусть это будут проблемы Серого. С этого момента я к тебе никакого отношения не имею. Вылезай, я сказал.

Она долго и внимательно смотрит на него, словно пытается понять, не шутит ли. Снаружи — пригородная дорога, с двух сторон окруженная лесом, до ближайшей остановки минут тридцать ходу. Наконец Аня пожимает плечами и холодно говорит:

— Как пожелаете, Игорь Олегович.

Она выходит из машины, и, едва закрывает дверь, Игорь резко трогается с места. Он испытывает мстительное удовольствие, какое-то болезненное. Словно вдруг возникла острая потребность резать наживую, без наркоза, чтобы каждый миг прочувствовать.

Вдруг вспоминается давняя история родителей.

Когда мама носила Кристинку, уже на последних сроках, у них с отцом начались серьезные проблемы. А может, и раньше, просто старшие дети этого не замечали. Может, Кристина была способом сохранить трещавший по швам брак. Но как бы то ни было, однажды они так поругались, что отец точно так же высадил мать из машины и уехал. Правда, сделал он это в центре города, что фактически спасло и мать, и Крис. Ей стало плохо на улице, а документов не было, и «Скорая» отвезла ее в самый обычный роддом где-то на отшибе. Конечно, отец через несколько часов уже велел охране найти жену и привезти домой, а спустя еще час помчался в больницу, но, кажется, обиды мать так и не простила.

Они оба натворили дел, а дети теперь расплачиваются. Кристинка здоровьем, Игорь — клеткой, в которую его посадили. Алекс… вряд ли он осознает степень неправильности своей жизни, но тоже ничего хорошего с ним не происходит. Даже Серега и тот, при всем его легком нраве, не смог отдалиться от последствий. На него еще в детстве практически полностью повесили младших. Нет, там была какая-то няня, Игорь даже не помнит ее имени, но она в основном занималась совсем маленьким Алексом. Крис же или была предо-

ставлена самой себе, или таскалась с Серегой, отчего он явно бесился. Хоть и не говорил, не жаловался, переживая все случившееся со свойственной спортсменам стойкостью. Но детства у него, по сути, не было.

Вот так и расплачивались, кто и что мог предложить.

Твою мать. Нельзя так. Нельзя ее оставлять на дороге ночью, пусть даже и тысячу раз выбесила своим упрямством. Он вообще ожидал, что свалившиеся на горничную из трущоб деньги вскружат ей голову так сильно, что придется забирать бухую в хлам из клубов и баров и следить за каждым списанием с кредитки, чтобы она не купила какой-нибудь «Бентли». А здесь почти святость, по крайней мере такой экономии Игорь в жизни не видел. Он на кофе тратит в неделю больше, чем Калинина умудряется за целый месяц на все расходы.

Останавливается, чтобы набрать Германа. Выдернет его из дома, пусть заберет эту Золушку, глаза бы ее не видели.

Вот только телефон Игорь оставил дома, в пылу ревности даже не заметив. Приходится лезть в бардачок, в каждой из машин должен быть запасной, а уж в личной отцовской — и подавно.

Когда он вытаскивает телефон, из ящика выпадает какой-то листок, при ближайшем рассмотрении оказывающийся фотографией. В первые секунды Игорь не верит своим глазам: с фото на него смотрит Аня. Еще маленькая, нескладная и застенчивая, не превратившаяся в красивую молодую девчонку. Подросток с яркой розовой челкой, напоминанием о самом сложном периоде становления личности.

Она сидит в каком-то дурацком пластиковом кресле, очевидно на даче или озере, а ее обнимает миловидная моложавая женщина с очень знакомыми чертами лица — наверное, мать. Они похожи, но неуловимо, с ходу и не скажешь, какие именно черты Аня взяла от матери. С возрастом будет такой же эффектной, тот случай, когда годы совсем не портят женщину.

Откуда у отца в бардачке их фото? Калинина не их сестра, он проверил в двух разных клиниках. Нет, конечно, существует вариант, что ее мать все же была отцовской любовницей, в конце концов, он имел право на отношения спустя столько лет после смерти жены. Может, привязался к ней? Полюбил? И, узнав, что дочь любимой женщины осталась одна, решил ей помочь?

Что ж, если так, то скорее наказал. Не похоже,

что Анна радуется такой помощи.

Игорь ругается. Как же бесит вся эта ситуация! И как близко вожделенная свобода, стоит только уговорить Калинину и впрямь куда-нибудь сбежать, чтобы Майк выполнил условия завещания отца и передал все Сержу. Оплатить ей вон квартиру в Питере, пусть поразвлекается с месяца три-четыре, погуляет.

Только Серж, скорее всего, не только в бизнес гендиректора наймет, но и с мелкими не справится. Крис еще хоть как-то его слушает, и на нее можно повлиять, а Алекс… он вообще словно чужой.

С фотографии смотрят пронзительные голубые глаза. Такие счастливые, каких он у нее вообще не видел за эти несколько недель. Вряд ли Аня в принципе сохранила свою юношескую беззаботность и открытость. Жизнь ее хорошенько побила, а Игорь теперь добавляет.

Приходится развернуться. Дорога до дома займет минут двадцать, телефон он так и не нашел, а еще ее жалко. Что там будет, на этой дороге, пока он обиженно катается туда-сюда, кого она встретит. И замерзнет, дурочка. Зачем вышла из машины? Он бы уступил, промолчал, как-то успокоился. Неужели так сильно ненавидит, что

готова в ночь и холод идти в одиночестве.

Упрямая! Сдастся она ему когда-нибудь или нет?

Не похож он на отца. Как бы ни старался, не похож. И обидеться как следует не умеет, и бизнес кажется неповоротливым, и младших воспитывает только угрозами. Машина и та не нравится, хотя Крестовский-старший с нее пылинки сдувал.

Фары освещают маленькую фигурку. Аня идет по обочине, игнорируя все раздражающие факторы. Не только упрямая, но и безрассудно-бесстрашная. Даже в лесу, в такой-то близости от города, безопаснее, чем на дороге. Хоть бы на пару метров спряталась среди деревьев. На самом деле Игорь уже представлял, как будет искать ее в темноте, с каждой минутой поддаваясь волнению.

Она даже не поворачивает головы, когда он тормозит рядом!

— Аня! — Он выходит из машины, оставляя ее открытой.

Идет. Игнорируя, словно его тут вообще нет. Одно хорошо: идет медленно. Приглядевшись, Игорь понимает почему: новые туфли натерли жуткие мозоли и Аня босиком.

— Хватит, не дури, садись в машину.

Он догоняет ее, протягивает руку, но изящным, хотя и немного нервным движением Аня отстраняется и упорно пытается идти дальше. Уговаривать ее Игорь не намерен, не привык, да и не умеет. Ему сейчас хочется только протянуть руку, схватить девчонку и заставить уже понять, что или она признает, что принадлежит ему, или… он и сам не знает, что будет.

Потом вдруг понимает: он не к ней тянется. К другому миру, который виднеется среди беспроглядной тоски. Там, в мире этом, девочки с голубыми глазами радуются дешевым книжкам и чувствуют себя счастливыми, сидя на пластиковых стульях. Лишь бы рядом была мама, обнимала, позируя для фото, глядя такими же чистыми голубыми глазами.

Только мир этот все время ускользает. А ведь был когда-то. Только никто из них его не ценил.

Она снова отдергивает руку, и Игорь не выдерживает, сгребает девушку в объятия. Она хоть и сопротивляется из последних сил, все же надежно зафиксирована в его руках. Замерзшая, дрожащая, уставшая и еще испуганная. Он молча ждет, пресекая все ее попытки освободиться, и, наконец, спустя бесконечно долгие мгновения, она затихает, прижимается к его груди и молчит.

Греется, невольно подаваясь ближе. Он думает, что неплохо бы снять куртку и закутать ее, но боится пошевелиться, словно Аня вдруг очнется и снова сбежит.

Удивительно: она вроде замерзла, а такая теплая. Ему кажется, близость этой девушки буквально обжигает. Он невольно поддается искушению и запускает руку в шелковистые волосы, пахнущие цветочными духами.

Аня вдруг всхлипывает, и он стискивает ее в объятиях.

— Ну, тихо, тихо. Прости. Не буду больше.

Нереально сводит все внутри от ощущения хрупкой, слабой и обессиленной девушки в его руках. Противиться соблазну невозможно, остается только склонить голову и вдохнуть ее запах, раствориться в ней и так стоять, пока совесть не проснется и не заворочается: без обуви, сонная, голодная, наверное.

Все-таки кутает ее в куртку. Аня старательно отводит глаза, стесняясь слез, но, кажется, сопротивляться уже устала. Игорю без труда удается усадить ее в машину, включает обогреватель.

Надо ехать. Но ему вдруг кажется, что если сейчас тронуться с места, то атмосфера тепла, к которому он случайно прикоснулся, исчезнет.

— Ты голодна? — спрашивает. — Дома наверняка ничего уже не осталось от ужина. Хочешь, поедем перекусить?

— У меня голова кружится, — вдруг тихо и испуганно говорит Аня.

К удивлению Игоря, сердце пропускает удар. Словно вдруг испугавшись.

— Ты пила что-то?

— Немного шампанского и коктейль. Голубой такой. Красивый.

Тяжело вздыхает, отворачиваясь, и так ее жалко. Даже не потому, что от разъяренной и язвительной Калининой не осталось и следа, а потому, что запуталась девчонка. И он заодно, и ничем ей помочь не может. Потому что его не бросали в новый мир внезапно и он не привыкал жить среди акул. Он здесь родился.

Надо сосредоточиться на физическом. Оно хотя бы понятное и привычное.

— Сильно кружится?

— Терпимо.

Он опускает сиденье на максимум, чтобы хоть немного ее уложить. И как не заметил, что выпила? Хотя два бокала — это немного, скорее, просто с непривычки, да от испуга упало давление. Такое раньше бывало у Крис — до того, как она

научилась пить круче Сереги.

— Но я же не пьяная, — хмурится Аня.

— Нет, конечно. Ты голодная, тебе нужно сладкого чая, тарелку с бутербродами и под одеяло.

— Почему ты вернулся?

Он чуть не давится воздухом, такого вопроса от нее явно не ожидал. И что сказать? Что как дурак пожалел о сказанном уже через несколько минут? Что сам понятия не имеет, куда вообще катится его жизнь? Что хочет ее? Так об этом уже говорил, только эта наивная душа все приняла за издевки и сейчас снова разозлится.

Но сказать самое очевидное — контракт обязывает его заботиться о ней — язык не поворачивается.

— Не хочу садиться за убийство, — усмехается он.

Аня качает головой:

— С твоими деньгами можно уйти от любого наказания.

— Если бы это было так, я бы давно прикопал в саду парочку деловых партнеров.

Машина несется по трассе к дому. В такое время здесь почти никто не ездит, темные деревья вдоль обочин смотрятся пугающе. Каждому, кто обладает хоть малой толикой воображения, без

проблем могут привидеться светящиеся глаза в глубинах чащи. Но Игорь к таким вещам равнодушен, а вот Аня старается не смотреть по сторонам. А может, ее просто укачивает.

— Кружится? — спрашивает он, поворачивая к дому.

Она морщится, но качает головой.

— Немного. Не знала, что у меня такие слабые сосуды.

— В большинстве коктейлей есть водка. А водка с шампанским для человека, который никогда не пил, — привет, вертолеты.

Дом тих и темен. Ни одно окно не светится, только в домике охраны постоянно кто-то дежурит. Игорь останавливает машину и выходит, чтобы вытащить Калинину, но она справляется сама. И босыми ногами шлепает к дому. Приходится бросить ключи Ивану и вслед за девушкой войти в дом.

Тепло и хорошо, а главное — тихо. Только мысли о том, что делать дальше, одолевают голову. Уложить бы Аню спать да уйти прилечь на пару часов перед работой, но, кажется, это будет не так-то просто. Она как магнитом тянет, хочется коснуться ее, послушать тихий голос, понаблюдать за сонной и расслабленной девуш-

кой. Вспомнить, как она прижималась к нему, как плакала в его руках и несколько мгновений бесконечно доверяла.

Черт, как наваждение какое-то. Нельзя становиться настолько одержимым одной девчонкой, да еще и годящейся в младшие сестренки. Сколько баб было в прошлом? В некоторых Игорь, возможно, влюблялся. Или думал, что влюблялся. Но ни одна еще не выводила его из равновесия так, как это делает Калинина.

Все это легко и просто раскладывается по полочкам в голове. А в реальности он произносит:

— Идем на кухню, выпьешь чаю.

Марина уже убрала все со стола, посудомоечная машина негромко гудит, перемывая тарелки с ужина. Игорь задумчиво смотрит в холодильник и в который раз обещает себе дать задание экономке поддерживать запас замороженной еды. Когда она в отпуске или гостит у родни, всяких блинчиков и лазаний в морозилке полно, только суй в микроволновку и ешь. Обычно они заказывают еду в ресторане или ужинают в городе, но если уж приперло, можно что-то добыть. Сейчас — пустота. Конечно, ведь Марина дома и с утра приготовит свежие блинчики, а не разморозит готовые.

Только жрать-то хочется. После такого всплеска эмоций особенно хочется чего-нибудь мясного. Разбудить, что ли, экономку?

Пока он думает, Аня моет руки, проходит к холодильнику и отстраняет Игоря.

— Что ты делаешь?

Он с интересом наблюдает, как она достает яйца и ставит на плиту сковородку. Черт, ради такого шоу он согласен блуждать по ночному лесу и подольше.

Многие девки, просыпаясь с утра в его постели, пытались приготовить завтрак. Ну, типа, он оценит, какую хозяйку трахал, и срочно рванет за кольцом. У некоторых даже получалось сделать что-то типа яичницы, но большинство просто переводило напрасно продукты. Пожалуй, только одна из любовниц запомнилась ему в связи с утренними кулинарными подвигами. И то только потому, что сушила тосты в фартуке на голое тело.

Вот бы так Калинину приодеть… и хрен бы с ней, с этой едой.

Вскоре по кухне разносится умопомрачительный запах омлета на сливках. А пока он готовится, Аня делает бутерброды. На самом деле они стараются не есть такими вот перекусами, на ночных

бутербродах запросто можно угробить желудок. Но сейчас Игорь готов сожрать металлическую шпалу, если только ее принесет эта невыносимая девчонка.

Вдруг раздаются шаги и в кухню вваливается Серж. Волосы блестят после душа, рубашку братик, как всегда, забыл надеть. И удивленно смотрит на них.

— А я иду, чувствую, вкусненьким пахнет…

Аня забавно закатывает глаза и без лишних вопросов разбивает в сковороду еще несколько яиц. Пока она, отвернувшись, делает чай, Серж внимательно осматривает ее платье, босые ноги и удивленно приподнимает брови.

Игорь старательно делает вид, что не замечает вопросительного взгляда брата, и наблюдает за спокойными, размеренными и уверенными движениями Ани. Она явно делала это десятки раз. Готовила кому-то завтрак не потому, что хотела произвести впечатление на богатого мужика, а просто потому, что эти завтраки были частью ее жизни.

Она ставит перед каждым из них по большой тарелке с омлетом, на середину стола — бутерброды, а себе наливает крепкий чай с мятой и садится, задумчиво рассматривая чашку. То

ли у него совсем крыша едет, то ли омлет у нее нереально вкусный, ни одного пригоревшего или даже просто подрумянившегося кусочка. Нежный, сливочный и рассыпчатый. Убил бы за такой. А тут просто так перепал, надо же.

Серега жрет, только за ушами трещит. И куда в него лезет, а главное, куда девается. Чего он в такое время не спит? Этот тоже себе на уме. До сих пор его бабы Игоря не интересовали, но смотри-ка, омлетик уплетает. Попробует подкатить к Калининой, Игорь ему лично штангу на ногу уронит.

Вообще, Серегу давно пытают насчет подруги. В то, что Игорь женится, Наталья верить перестала, поэтому обратила свое внимание на среднего племянника. Тот отшучивался и до сих пор перебивался случайными связями. И, похоже, Сержа это устраивало. Вот и пусть устраивает дальше.

— А чего это мы не едим? — интересуется брат у Ани. — Давай я тебя, как сестренку маленькую, с ложечки покормлю.

Он тянет к ней вилку с кусочком омлета, а Игорь едва сдерживается, чтобы не ударить по руке. Это будет смотреться совсем глупо.

— Хочешь, чтобы ее стошнило к тебе в тарелку? — усмехается он. — Вперед.

— Ты че, бухая? — наконец доходит до Сереги. — А я думаю, чего вы в ночи решили тут перекус устроить.

Аня злится, очень забавно это делает.

— Я не пьяная! Голова болит.

— Быстро, — фыркает Серж. — Тренироваться надо.

— А ты, я смотрю, толк в тренировках знаешь. — Аня неожиданно раздраженно смотрит на Сержа, и тот, к удивлению Игоря, умолкает.

Вот это да… Порой, если братика несло на юмор, заткнуть его удавалось только Крис, и то для этого она показательно обижалась и уходила из его общества. А тут прямо удивительное взаимопонимание. Но, кажется, совершенно не сексуальное.

— Посуду сами помоете, — говорит Аня, — я пойду спать.

Убирает кружку в мойку и, зевая, уходит. Игорь провожает взглядом точеную фигурку, размышляя, оставить ее спать или пойти следом. Мало ли что будет с девчонкой, впервые попробовавшей алкоголь…

— Мне кажется, — делится сомнением Сергей, — что если мы попробуем вымыть посуду, то разбудим весь дом. Особенно меня пугает

сковородка.

Игорь усмехается. Его сковородка не пугает, но и желания возиться на кухне нет.

— Кто последний, тот дурак, — вырывается у него идиотская детская присказка.

Он быстро закидывает в рот последний кусок бутерброда и резво вскакивает из-за стола, оставляя офигевшего Сержа с набитым омлетом ртом.

— Хад ты, Крефтофкий! — орет он вслед Игорю.

Ну гад, это да. Зато не последний…

В комнате Игорь снимает куртку, стаскивает ботинки и чувствует, что если хоть на секунду приляжет, то отрубится и вряд ли вовремя приедет в офис. Он в последнее время вообще как-то слишком халатно стал относиться к работе. Уезжал пораньше, приезжал попозже, срывался по личным делам в середине рабочего дня. И начинал потихоньку понимать, что катастрофы, в общем-то, не случается. И все архиважные вопросы вполне могут подождать до обеда, а если уходить с работы вместе с остальными сотрудниками, то и время отдохнуть и выспаться появляется. Кажется, отцу такого понимания недоставало, глядишь, и не умер бы так неожиданно для собственных детей.

Он медленно проходит к окну, смотрит на ноч-

ной лес, слушает его звуки. Некоторое время в Игоре здравый смысл борется с непреодолимым желанием заглянуть в гости к одной вредной и сумасбродной девице. Спит? Или еще нет? Да вроде времени прошло всего ничего, значит, не успела.

И что он собирается делать? Придется смотреть по обстоятельствам.

Когда нужно, он умеет передвигаться по дому бесшумно. Поэтому Аня не замечает открывшуюся дверь. А может, задумалась. Как бы то ни было, несколько минут он просто стоит и рассматривает ее со спины. Захаров этот далеко не дурак, знал, за кем ухлестывать. Надо бы с ним пообщаться, чтобы больше не дергался в эту сторону.

Она стоит у окна, в небольшую щелочку между шторами рассматривая лес. И еще пытается расстегнуть молнию на платье, но руки слушаются плохо, и никак не удается дотянуться. Кажется, еще чуть-чуть, и плюнет на это неблагодарное дело.

Прежде чем она его замечает, Игорь подходит и тянет молнию вниз, обнажая спину девушки. Платье, вопреки ожиданиям, не падает к ногам, потому что Аня удерживает его обеими руками.

— Решил выгнать меня на крылечко, чтобы подумала о своем поведении?

Посидела минут десять в одиночестве и все-таки обиделась. Что ж, это он оставит без внимания, потому что сложно не обидеться после их скандала. Но и не уйдет, потому что кровь кипит уже на пределе возможного. И хочется коснуться нежной кожи, обогреть дыханием и, как желанный подарок, осмотреть, изучить, насладиться.

— Я тут нашел кое-что твое, — хрипло говорит он, разворачивая Аню к себе.

На ее лице — холодность, смешанная с подозрением, но глазки блестят, а грудь часто вздымается, и сердце бьется очень быстро, это понятно даже сейчас, пока он не касается ее.

— Решил вернуть.

— Совесть? Оставь себе, нужнее ведь.

— Я-я-язва, — тянет он, усмехаясь. — А казалась такой тихоней.

— Игорь, я устала, чего ты хочешь?

Устала, это видно. Но утомлять ее он не собирается, сегодня не время и не место. Но попробовать дико хочется, до ломки. Как пригубить дорогущее вино, ощутить прохладный и терпкий вкус.

— Если глобально, то я хочу тебя, — задумчиво отвечает он, — и ничего не могу с этим поделать, представляешь? Поэтому решил не сопротивляться. А сейчас…

Он вдруг подхватывает ее на руки, не дав шанса сопротивляться или сбежать.

— Игорь! — В голосе звучит страх, неясный и слабый, но все же.

— Успокойся, — досадливо морщится. — Я уложу тебя спать.

Она уже умылась, несколько прядей, на которые попала вода, закрутились в кудряшки. Платье держится только на ее силе воли, а еще в комнате очень темно, и эта темнота, кажется, играет ему на руку.

Он только попробует. Раздразнит аппетит и даст себе помучиться перед отпуском, чтобы ярче ощутить полный вкус победы.

Кровать прогибается под их тяжестью. Руки Игоря скользят к платью, чтобы снять, но она не дает, смотрит внимательно и осторожно.

— Неудобно.

Пожимает плечом, и он решает не спорить. Только толкает ее, чтобы легла. Шоколадно-карамельные волосы рассыпаются по подушке. Длинные стройные ноги, нежная, но пока еще бледная кожа. Совсем не загорала, даже юбок, наверное, коротких за лето не носила. Прямо антипод Кристинки, хотя в чем-то их красота схожа. Только Крис прячет ее под стандартным

набором: подкачанными губами, блондом и отвратной манерой хамить на любой вопрос, а эта прятать не научена. И не захочет, наверное, даже если и освоит.

Черт, как же она возбуждает. Больше, чем все, кто был раньше. Что же в тебе такого? Таких же сотни, тысячи! Берешь тачку, приезжаешь к любому универу и выбираешь на свой вкус, хоть скромницу, хоть отличницу, хоть последнюю блядь. Только эффект будет нулевой. А с этой так не выходит. Наверное, единственное, что останавливает его от того, чтобы взять ее здесь и сейчас, — отсутствие уверенности, что наутро сможет отпустить. Привычно послать воздушный поцелуйчик и свалить на работу, выкинув из головы все, что было.

Отпустить ее придется. Прежде всего для нее же самой. Захаров — пустышка, но рано или поздно Калинина выскочит замуж, и хрен что ее остановит. Такие обычно выходят по любви, ну или хотя бы верят в это.

Игорь проводит рукой по ее ножке, согревая холодную и влажную кожу. На ступне мелкие царапины — шла босиком. Он осторожно берет в руки стопу и сжимает, гладит, снимая усталость от каблуков и нагрузки.

Аня вся напряжена, и хоть с виду кажется, будто ее совсем не интересует то, что делает Игорь, на самом деле она внимательно следит за каждым его движением. Интересно, за какое время он ее заведет?

Ему хочется ее раздеть, хотя бы посмотреть, хотя бы взглядом прикоснуться, но ведь не дастся. По крайней мере пока. Ощущение хрупких, замерзших ножек в руках бьет по мозгам. Ему нравится, а ей…

Проходит несколько минут неторопливого чувственного массажа, прежде чем с ее губ срывается стон. Пока еще не наслаждения, скорее, облегчения или удовольствия, которое может испытать девчонка, проведшая весь день на каблуках.

Он вдруг с удивлением понимает, что словно подпитывается ее эмоциями. Ловит реакции, с жадностью впитывает информацию об ее теле. Анины ощущения вдруг кажутся ему намного более захватывающими. Сам Игорь испытывает нереальное, уносящее крышу чувство безграничной власти в самом безумном ее проявлении.

Вот только эта власть — обоюдоострый меч. С каждой секундой, с каждым новым прикосновением они оба проваливаются в пропасть. Он ненавидит это ощущение и одновременно не

желает отпускать.

Игорь знает, что сейчас Ане открывается то, чего она никогда еще не знала. Если он настоит, подтолкнет, она станет его, будет стонать от наслаждения и биться в руках, кричать, забыв о том, что совсем недавно люто его ненавидела.

Только ему уже хочется не так. Не разок перепихнуться, стараясь, чтобы никто в доме не услышал. Ему хочется обладать ею полностью, просыпаться рядом, засыпать, слушая мерное дыхание. Раздевать ее на пляже, под мерцающими звездами. Показать ей другую жизнь, увидеть восторг в синих глазах. И самому окунуться в омут с головой.

Сейчас не время и не место, но дикая неконтролируемая жажда ухватить еще хоть немного ее эмоций перекрывает все на свете.

Аня расслаблена, Игорь возбужден до предела. Это общая беда на долгую темную ночь.

Он нависает над ней, проводя руками по контурам тела, склоняется к губам, согревая дыханием. Но даже поцелуй сейчас кажется непозволительной роскошью. В нем обязательно будет что-то личное, но позже. В иной обстановке.

А вот шейка так и манит нежной светлой кожей. Игорю достаточно лишь легонько провести

пальцем по ключице, как Аня откидывает голову назад и с шумом выдыхает.

Твою мать… она словно знает мельчайшие детали, которые его заводят. Десятки опытных, шикарно упакованных любовниц не могли выгибаться так, чтобы сердце пропускало сразу несколько ударов, а член становился каменным. Мучительная пытка — смотреть на нее, легко касаясь. Покрывая шею мелкими влажными поцелуями.

Сколько он ее целует? Кажется, целую вечность. Сам не замечает, как Аня обнимает его за шею. Не отвечает, не целует в ответ, но обмануть и не старается. Никогда в ее жизни не было такой близости, и, кажется, это ее пугает.

Восхитительно чувственная девушка, неопытная, но, черт возьми, даже взгляд у нее словно из Игоревых фантазий.

Он обожает таких вот неопытных и неискушенных, да только почти никогда не встречал. Аня буквально с каждым вдохом становится одной фантазией. Средоточием всего, чего он хочет.

Помня о ее нежелании снимать платье, Игорь исследует тело девушки, едва касаясь, только представляя, что почувствует, заполучив ее всю.

Мысль о том, что он уйдет без разрядки, достав-

ляет почти болезненное удовольствие.

А вот Ане предстоит ощутить кое-что в первый раз. На самом деле у него были девственницы, так что Игорь точно знал, что первый опыт стоит начинать с удовольствия. Когда она поймет, что он может подарить ей намного больше, почти перестанет бояться.

Он проводит пальцами по внутренней стороне бедра, проникает под тонкое кружево и касается влажной разгоряченной кожи. С губ Ани срывается стон, который он ловит, едва касаясь. Ее бьет мелкая дрожь, а глаза… глаза удивительно ясные, совсем не затуманенные страстью. Черт, да она же хочет его! Так какого не может отпустить себя? Почему не доверится ему?

— Хочу, — мать твою, как хрипло звучит голос, — чтобы ты кончила для меня.

Аня слабо протестует, но не хочет или не может сопротивляться. Хотя сопротивляющаяся Калинина его тоже заведет. Как-нибудь Игорь обязательно об этом попросит.

— Закрой глаза. — Он серьезно не узнает свой голос. — Не бойся того, что почувствуешь. Я рядом.

Когда он говорил о том, что принес, имел в виду стимулятор. Дурацкая игрушка, купленная,

чтобы побесить такую правильную и скромную Анютку, теперь завладела его фантазией целиком и полностью. Она идеально подходит для этой ночи, и решение опробовать подарок приходит спонтанно и мгновенно.

Никаких прикосновений. Только ритмичная пульсация воздуха рядом с чувствительным набухшим клитором. Игорь чувствует, как Аня вздрагивает, как у нее вырываются короткие тихие стоны. А сам он не может, чисто физически не способен оторваться от ее восхитительной шейки. Перестать целовать, вдыхать слабый цветочный запах, покусывать и сразу же зализывать покрасневшую кожу.

Это все очень похоже на одержимость. Сводящую с ума. Он ждет, как голодный зверь ждет свою добычу, только сейчас добыча Игоря — Анино удовольствие.

— Кончай, малыш, — шепчет он.

И как бы она ни пыталась держаться, игрушка вкупе с его умелыми пальцами делают свое.

Она выгибается в его руках, протяжно стонет и запрокидывает голову. Инстинктивный волнующий жест, почти доверие к мужчине, подарившему наслаждение.

Он долго сжимает ее в объятиях, слушая пре-

рывистое дыхание, подпитываясь ее эмоциями. А еще Крестовского ведет, будто пьяного. Он почему-то вдруг понимает, что Аня девственница не только технически. Она действительно никогда даже сама себе не доставляла удовольствие, и сегодняшняя ночь для нее становится первым открытием. А Игорь — ее первым мужчиной.

Он ждет, когда она затихнет и последние волны оргазма схлынут, оставив всепоглощающую усталость.

Затем медленно, справляясь с искушением и договариваясь с самим собой, произносит:

— Я могу остаться, если хочешь. Но тогда тебе придется позволить мне больше того, к чему ты не совсем готова.

Аня хмурится, пытаясь вникнуть в смысл его слов.

— Могу уйти, но тогда пообещай мне, что сразу разденешься и ляжешь спать. Хорошо?

Она медленно кивает. В глазах — Игорь чувствует нереальный кайф — туман, оставшийся после пережитого.

— Тогда спокойной ночи, — улыбается он.

Ужасно жалко оставлять ее вот так. Но если выждет, получит намного больше.

Глава 12

Сегодня я совершенно точно не усну. Дурацкое состояние, когда кажется, что, едва голова коснется подушки, ты провалишься в глубокий и крепкий сон, а по факту лежишь, лежишь, мучаешься до головной боли, и никак не удается уснуть.

Сначала я просто брожу по комнате, кутаясь в толстовку, затем пью остывший чай, который кто-то принес в комнату вечером, а я и не заметила. Потом, когда слабые-слабые, самые первые краски рассвета касаются неба, решаю выйти во двор и подышать воздухом. Темный лес меня пугает, но я убеждаю себя, что лишь посижу на качелях там, где мы жарили шашлыки, и все. Подышу лесным воздухом, успокоюсь и придумаю, как утром посмотрю ему в глаза.

Натягиваю шорты, кеды с майкой, застегиваю толстовку и выхожу из комнаты. Дом такой огромный и такой тихий. А еще не очень счастливый. Нет, я не возвожу страдания Крестовских в абсолют. Обычная семья с не самой простой, но и не самой сложной судьбой. Потеряли мать? Не

они первые, не они последние, к сожалению. Развалившийся брак родителей? Сплошь и рядом. Сестра с психическими проблемами? Достаточно посидеть на приеме в психиатрии, чтобы увидеть десятки еще более несчастных. Обычные судьбы, которые не становятся лучше от нулей на банковском счете.

Но все равно мне их жалко. Там, эти чужие судьбы, бесконечно далекие. А здесь трагедия рядом, и от того, что она не уникальна, детям Крестовских не легче.

Когда я прохожу по коридору, я вдруг слышу шум, доносящийся со стороны библиотеки.

В абсолютной тишине, в тягучей тьме бешено бьется сердце. Двери библиотеки видятся мне дверями в ад, и хоть этот ад не принадлежит мне, приближаться, даже просто смотреть, страшно. Но, несмотря на этот страх, меня буквально тянет туда, как магнитом, и противиться такому притяжению нет никаких сил.

Я осторожно открываю дверь и вхожу. Сначала мне кажется, что в библиотеке никого нет, но потом я замечаю между стеллажами хрупкую фигурку, съежившуюся на полу.

— Крис? — шепотом зову я. — Ты в порядке?

— Уйди! — в голосе звучат слезы.

Она обнимает голову руками, ритмично раскачиваясь, а когда вдруг поднимает на меня голову, то я ужасаюсь тому, какое бледное у нее лицо и какие синяки залегли под глазами. Я знаю, что Крис ненавидит меня, до скрежета зубов ненавидит, но все равно сердце сжимается от жалости. Я опускаюсь возле нее на колени и осторожно глажу по плечу.

— Тебе помочь чем-нибудь? Может, «Скорую» вызвать?

— Иди в жопу! — рычит она.

И я ее даже понимаю. Я точно так же кусалась и царапалась, когда кто-то пытался выковырять меня из горя по отцу.

— Ну хочешь… — закусываю губу. — Я Сережу позову?

— Да отвали ты! Не хочу! Не буду жрать таблетки!

Тут я, кажется, понимаю, что мучает Крис.

— Ты не можешь спать? Не получается уснуть, да?

Она отворачивается, пытаясь спрятаться от унижения, которое чувствует, представая передо мной в таком виде.

— Пойдем, я тебе помогу, — зову. — Я умею.

— Иди в жопу!

— Да ты меня второй раз уже туда посылаешь, идем вместе. Скоро все проснутся, начнут суетиться, вызовут тебе «Скорую», и поедешь в оплачиваемый санаторий на неопределенный срок вместо Греции.

Я несу какую-то ерунду, но Крис уже в таком состоянии, что ей плевать на смысл моих слов. Мне почти без труда удается поставить ее на ноги и, взяв под руку, повести по коридору. Девушку колотит мелкая дрожь. Я понятия не имею, где ее комната. И не хочу шарохаться по дому, заглядывая во все двери, поэтому иду к себе. Кровать большая, да и я, кажется, уже перехотела спать.

Сейчас в измученной бессонницей Кристине очень сложно узнать роскошную стервозину, встретившуюся мне в первый день в этом доме. Она растерянно осматривает мою комнату, пока я поправляю подушки и встряхиваю одеяло. Потом послушно, не выражая никаких эмоций, ложится на центр кровати и угрюмо смотрит в потолок. Я беру смартфон и залезаю следом, сажусь в ногах.

— Закрой глаза, — командую.

— Дура ты, — беззлобно говорит Крис.

— Поверь, мой бубнеж может усыпить кого угодно. Мне за артистизм на внеклассном чтении всегда двойку авансом ставили.

Выкручиваю яркость на минимум, чтобы не слепил экран, и начинаю читать, неспешно и медленно:

— «Я обещал Алисе: «Кончишь второй класс — возьму тебя с собой в летнюю экспедицию. Полетим на корабле «Пегас» собирать редких животных для нашего зоопарка».

Я сказал об этом еще зимой, сразу после Нового года. И заодно поставил несколько условий: хорошо учиться, не делать глупостей и не заниматься авантюрами…»

Время замирает, напоминая о себе лишь меняющимся цветом неба. Из темно-синего оно переходит в светлое, а затем розовеет. Я читаю, погружаюсь в старую детскую сказку и словно наяву слышу мамин ласковый голос. Это всегда работало: я засыпала, не дождавшись конца первой главы. И каждый раз просила маму читать сначала, думая, что уж сейчас-то точно дотерплю до конца! Когда папа сказал, что мамы больше нет, я в один присест дочитала «Алису» и забросила на самую дальнюю полку.

Теперь достала, и, кажется, не зря. Когда совсем рассветает, я вдруг осознаю, что Крис давно спит, свернувшись клубочком поперек кровати. Чувствую себя словно выжатый лимон, но даже

не надеюсь уснуть. Решаю только на минуточку прилечь, дать отдых затекшей шее, а потом собираться куда-нибудь, не знаю, в клуб, погулять… лишь бы не оставаться в одном доме с Игорем.

Но минуточка оборачивается долгими часами вожделенного сна. И когда я просыпаюсь, часы показывают почти десять.

От неудобной позы все тело ноет. Крис по-прежнему спит, и я не собираюсь ее будить, но и ждать, пока исстрадавшийся без отдыха организм девушки изволит проснуться, не стану. Я беру домашнее платье, свежее полотенце, а затем иду в ванную, где долго и с наслаждением принимаю душ с видом на утренний лес. Не хватает, пожалуй, только чашечки кофе, но ее я получу, если спущусь вниз. Все-таки в такой жизни есть нечто потрясающее, умиротворяющее.

Но моя идиллия заканчивается резко. Пронзительным криком, раздающимся из спальни.

Я стремглав вылетаю в комнату и обнаруживаю там перепуганную и не очень понимающую, где она вообще находится, Крис. А еще ошеломленного Игоря, сидящего на краешке кровати. Крис жмется к изголовью, а Игорь смотрит на нее, потирая челюсть.

Тут до меня доходит, что случилось, и я склады-

ваюсь пополам от смеха.

— В следующий раз, — задыхаясь, произношу я, — положу здесь Сержа, у него удар лучше поставлен.

— Какого хрена?! — рычит Игорь. — Крис, что ты тут делаешь?

— Ой, разбирайтесь сами!

Сестричка Крестовских, отдохнув, кажется, вернула себе маску циничной стервы. Ничего другого я и не жду, поэтому, когда Крис поднимается и, хлопнув дверью, уходит, даже не пытаюсь с ней говорить. Жива, здорова, и ладно. Благодарностей тут не дождаться.

— Может, объяснишься?

Крестовский поднимается и подходит так, чтобы стоять почти вплотную. У меня вдруг резко начинается какая-то странная аритмия, но я пытаюсь сохранять хладнокровие.

— Считаешь, что я должна объясняться? Это ты вломился в мою комнату с утра пораньше. Кстати, я могу поставить на дверь замок?

— Нет! — рявкает он.

— Почему это?

— Потому что это мой дом! И ты тоже моя, ясно?!

— Слушаюсь и повинуюсь. Тогда раз это твой

дом, и я, и все остальные, то и разбирайся сам. Я не собираюсь тебе помогать. Вот тебе твоя карточка, — хватаю с тумбочки кредитку, — вот тебе твои ключи. А вон туда ушла ТВОЯ сестра. Определяй приоритеты. Я пошла завтракать твоим кофе и твоей булкой в твоей кухне. А потом поеду не в твой клуб.

— Размечталась, — кричит Игорь мне вслед, — ты наказана и под домашним арестом!

Когда-нибудь я выйду в лес, подкараулю там Крестовского и уроню на него елку. А всем скажу, что это несчастный случай.

Сегодня завтрак Марина решает подать в столовую, правда, вовремя спускаюсь только я. Игорь наверняка бесится у себя, Крис (хочется верить) пошла досыпать, а Алекс вообще тень этого дома, его не видно и не слышно с тех пор, как на меня напали.

Аппетит утренняя стычка отбила напрочь, так что я без удовольствия потягиваю кофе и жую гренку исключительно из уважения к труду экономки, которая расстаралась, вероятно, ожидая всю семью и гостей в сборе за завтраком. Когда я уже собираюсь было подняться, в столовую входит Серж.

— Стоп, Калинина! — Он не дает мне уйти и

усаживает обратно в кресло.

Даже подкладывает свежей клубнички в тарелку, только такая забота неспроста: парню что-то нужно.

— И как ты это сделала? Делись секретом!

— Довела твоего брата до истерики? Одной левой! Правда, не своей…

— Ты довела Игореху? Вот блин, а я хотел у него скидочку на поставки выпросить, по-братски. Но я вообще не об этом. Как ты усыпила Крис?

— Она тебе что, кошка, чтобы ее усыплять?

— Вы когда с братиком сретесь, оба невыносимые язвы! Тебе сложно, что ли, сказать? Она отказывается от таблеток и не спит. А сегодня спала, я видел. Как?

— Почитала ей книжку.

Серж удивленно моргает, и мне вдруг становится смешно. Удивительный у них мир. Потрясающий в своей непонятности.

— Чего ты сделала?

— Книжку, Сереж, книжку. Такие листы бумаги с буковками. Я понимаю, что в твоем мире принято упарываться таблетками и коньяком, но в моем иногда помогают книжки и внимание.

— Простая ты, Анька, как три копейки, — тяжело вздыхает он. — Книжки и внимание. Я же не с

потолка ей таблетки даю. Врач выписал. А она не пьет и капризничает.

— Вы зато все сложные, — тоскливо огрызаюсь я, — и книжки у вас проклятые, и внимание… нездоровое. Оставь ее уже в покое! Я бы тоже не пила таблетки, если бы они делали меня овощем. Крис нужен системный подход. Врач, я не знаю, терапия.

— Да все у нее есть. К врачу не загнать, бьется, как дикая кошка. Ей бы уехать, да никак, Майк быстро по папочкиной просьбе кислород перекроет. На море ее и возим, в общем-то, Игорехе на хрен не сдались эти семейные вояжи. Мама любила наш дом в Греции, вот и ездим. Типа из уважения к памяти и прочей хреноте.

Я задумчиво жую клубнику и размышляю, что же меня смущает в рассказе Сержа. Нет, море — это прекрасно, но…

— Вы ездите в дом, который любила ваша мама?

— Ну да. Тебе тоже зайдет. Охрененно здоровый, на берегу.

— Вот понимаешь… — Я неуверенно кусаю губу. — Сменили б вы географию.

— Чего?

— Я квартиру, где с папой жили, видеть не могу.

До темноты в глазах не могу. Как мимо иду, так потом неделю кошмары снятся. А отдыхать в доме, который любила погибшая мать… это для вас — память. А для Крис напоминание.

— Чет я об этом не думал… — Серж задумчиво чешет голову. — Думаешь, в другое место везти? Снять другой дом?

— Попробуйте. Деньги у вас есть, сестру вы любите. Не живите по отцовским шаблонам, они не работали.

— Ладно, — наконец кивает Серж, — поговорю с Игорехой. Если сработает, с меня подгон. А книжка-то какая?

— Моя любимая, — улыбаюсь я. — «Путешествие Алисы».

— Ну, я с книгами на «вы». Больше по железкам. У нас как в сказке: старший умный был детина, средний был ни так, ни сяк…

Я фыркаю, мысленно закончив отрывок. Поганое настроение после стычки с Игорем и смутные воспоминания о ночи отступают, и я все-таки уделяю должное внимание клубнике. Серега со свойственным ему увлечением ест все подряд и не отвлекается, пока вдруг не звонит его мобильник. Несколько секунд он слушает, сдвинув брови.

— Так, погоди, я ни хрена не понял, ща ее дам.

И протягивает трубку мне. Такого я точно не ожидаю.

— Анна Артемовна, — это голос Германа, — у меня ваш смартфон с утра разрывается. А еще… вам тут… серенаду вроде как поют.

— Что делают? — обалдеваю я.

— Да парень какой-то с гитарой у забора трется. Мы, конечно, его можем выкинуть, но…

— Нет-нет-нет! — восклицаю я. — Сейчас подойду.

— Ох, Анька, братик не одобрит! — кричит вслед мне Серж, но я отмахиваюсь и на всех парах несусь к посту охраны.

Герман уже ждет меня там, возвращает смартфон и открывает ворота, сообщив:

— Мы его проверили, он один, но на всякий случай наблюдаем.

— Ерунда, — отмахиваюсь я, — это мой друг.

И он наверняка хочет объяснений за вчерашнее. После того как Игорь почти силой забрал меня с праздника, у любого возникнут вопросы.

Я решаю сначала поговорить с Сашей, а уж потом разобраться с кучей сообщений на смарте. Наверняка там девчонки напоминают о просьбе дать в долг, а я совсем забыла поговорить с

Игорем. Теперь это будет сделать сложно. Он наверняка еще зол, а я слишком растеряна, чтобы позволить себе остаться с ним наедине и обратиться с просьбой.

— Аня! Я пришел, хотел романтично спеть песню под твоим окном, но у вас такая территория, что пришлось петь под забором. Мне кажется, я не впечатлил вашу охрану.

На улице зябко, а я в тонком хлопковом платье.

— Я думаю, ты разнообразил их утро. Как ты меня нашел?

— Одна подружка со вчерашней вечеринки узнала Крестовского и сказала, где он живет. Я приехал извиниться, Ань! Я не знал, что все так получится. У тебя теперь будут проблемы?

— Да нет, не волнуйся, Саш. У меня всегда проблемы, но не из-за тебя. Тут… много личного и денежного.

— Это хорошо… даже если ты меня знать не захочешь, я хочу сказать, что сделал все, чтобы удалить видео, но…

— Что? — перебиваю я.

У меня зарождается крайне отвратительное предчувствие. И с каждой секундой оно растет, достигая такого масштаба, что начинает подташ-

нивать.

— Ты не видела? Я думал, тебя завалили сообщениями.

— Забыла телефон у водителя, — бормочу я и лезу в смарт, который и впрямь разрывается от сообщений, отметок и писем.

Саша наблюдает за мной с явным волнением. Сначала в этом сетевом хаосе я ровным счетом ничего не понимаю, но затем натыкаюсь на пресловутое видео. Кто-то из гостей на вечеринке заснял, как мы с Сашей пели вместе. На самом деле на видео нет ничего, что может мне навредить. Я неплохо выгляжу и на удивление чисто пою. Да, Игорь будет в бешенстве, но это не конец света…

Мысль обрывается на середине, когда я дохожу до сообщений в мессенджерах. Добрые подруги заботливо накидали ссылок на светские хроники и блоги о знаменитостях. Конечно, новую песню Принzz не пропустили. И не упустили шанс проехаться по незнакомке, которая так счастливо зажигала со всеобщим кумиром. Они раскопали все! Мое имя, место жительства, вскрыли соцсети и опубликовали на порталах с многомиллионной аудиторией статьи обо мне. И, разумеется, кто-то пронюхал, что я живу у Крестовских, и проехался еще и по этому поводу. За ночь, пока я боролась

сама с собой, пытаясь не потеряться в том, что Крестовский делал, пока спала вместе с Крис, отвоевывая для нее минуты отдыха, вся индустрия звездных сплетен копала, искала подробности моей жизни и строчила статьи, чтобы уже наутро быть в топе новостей.

Нет, я ошибаюсь. Это конец света! Игорь не просто убьет меня… наверное, это прямое нарушение контракта, и уже к обеду я вновь окажусь на улице. И это будет чертовски справедливо.

Я стараюсь не думать о том, как жалко расставаться с новой жизнью. Растерянно смотрю в экран и понятия не имею, что делать, кому писать и как оградиться. Под моей аватаркой сотни комментов, на некоторые из них без слез не взглянуть. Вся армия влюбленных в Сашу фанаток сейчас ненавидит меня яростно и неистово.

— Ань, я просто хочу извиниться за все это. Я должен был предвидеть. Кто-то нарушил запрет на съемку. В общем, ты все еще мне очень нравишься. Дай мне второй шанс? Сходим вечером в ресторан. Только вдвоем, на свидание.

Я не верю, что говорю это, но выхода у меня нет. И не только потому, что Игорь вышвырнет меня вон, а Саша не станет встречаться с горничной. Но еще и потому, что нечестно идти на свидание

с одним парнем, а накануне ночью сгорать от страсти в руках другого.

Но черт… его песни — часть меня, часть души. Я просто не нахожу сил оборвать общение без возможности быть хоть чуточку ближе к нему.

— Давай поговорим позже, ладно? Мне надо прийти в себя. А еще я под домашним арестом.

— Что? Ты же не ребенок! И ты с этим согласна?!

— Да, если я реально нарушила обещание.

Я грустно улыбаюсь и смотрю на дом, скрытый пушистыми сосенками. Там наверняка принцессу уже ждет дракон.

* * *

Сижу на кровати, как в детстве, обнявшись с подушкой. Рядом валяется телефон, к которому у меня постоянно тянется рука, хоть я и знаю, что не стоит туда заглядывать. Но все равно, словно вдруг открылись мазохистские наклонности, читаю и читаю личку, разрывающуюся от гадостей. Остается только поражаться, сколько злости скрывается за совершенно обычными страничками.

«Сдохни, ебаная сука!» — пишет девочка с миловидной фотографией на аватарке. У нее есть

фотки с моря и недавно была свадьба. Даже десятой части такого нет у меня, но почему-то она злится, словно я отобрала у нее нечто важное.

И таких сотни.

Они комментируют мои фотографии, пишут мне сообщения, угрожают и желают смерти. Это невозможно читать без подготовки, я к такому совершенно не готова, поэтому плачу. Сейчас я и впрямь чувствую себя одинокой.

Но надо отдать должное Михаилу Сергеевичу. Он взял все мои пароли от страниц, и все время, пока я как дурочка реву в комнате, постепенно исчезает информация обо мне в Сети.

Конечно, вычистить все невозможно, и я это понимаю. Но юристы Крестовских работают вместе с компанией, продюсирующей Принzza. Видео песни теперь недоступно по запросу правообладателей, а все крупные и брендовые журналы удаляют статьи. Это утешает, но слабо. Я до сих пор не видела Игоря, хотя он наверняка уже в курсе. До сих пор меня никогда так не трясло. Сама не знаю, чего боюсь. Меня не пугает нищета, не пугает перспектива вернуться к привычной жизни. Но все же я чувствую сожаление. И очень боюсь увидеть в глазах Игоря разочарование. Я так часто кричала, что не заслуживаю прене-

брежения, постоянно обвиняла его в хамстве, а вышло, что почти во всем он был прав.

Дверь вдруг медленно открывается, и сначала появляется поднос, а затем и Серж.

— Привет страдающим, — весело говорит он. — Я тут тебе поесть принес. Встретил по дороге Криську, она мне восхищенно поаплодировала. Сказала, что она-то по-плебейски мечтает спустить тебя с лестницы, а я решил убить оригинальнее и изощреннее — холестерином. Но она ничего не понимает во вкусняхах. Это лучшая бургерная в городе.

На подносе действительно лежит огромный и жутко аппетитный бургер. Не бледное нечто из фастфудовых сетей, которое частенько покупали девчонки. А почти рекламная картинка. Но я не чувствую голода и с Сержем общаться тем более не хочу.

— Да ладно, Аньк, чего ты расквасилась? Подумаешь, светанулась с певцом. У меня есть знакомая, она как-то пьяная в компании белорусов, с которыми познакомилась в отпуске в Европе, скидывала в реку двухместные машинки. И тоже на «Ютуб» попала. А ты всего лишь песенку спела.

— Дело не в песенке, и ты это знаешь, — взды-

хаю я.

— Простит, — хмыкает Серж. — Зайдешь, жалобно посмотришь, скажешь «Я так больше не буду», и растает. Давай-ка, поешь.

Он берет бургер двумя руками и буквально заставляет меня откусить кусочек. И мне даже вкусно, несмотря на отвратное настроение, я чувствую вкус пищи и понимаю, что голодна.

— А это не читай, — Серж кивает на смартфон. — Дай Майку время. Снесет подчистую и настроит тебе все, как сделал нам. Хрен кто найдет инфу. Вон Криська даже инсту ведет, и никто не знает, кто она реально. И фотки в Сети поддельные. Не переживай. Рано или поздно это случается.

— Просто… — Я не решаюсь рассказывать о сомнениях. — Я так долго убеждала его, что меня не нужно контролировать, а теперь вот…

— Строго говоря, контролировать надо было не тебя, а ту сволоту, что слила видео. Ты посмотри на это другими глазами. Тебя просто готовы разорвать влюбленные фанатки, а у Захарова новую песню слили. Это для музыканта пиздец трагедия, я тебе скажу. Так что кому-то скоро будет хуже, чем тебе. А поешь ты здорово. Выучи колыбельную, будешь петь Игорюше, когда наш

правильный мальчик будет ложиться в девять вечера…

Я округляю глаза, потому что в дверном проеме стоит Игорь и, сложив руки на груди, мрачно слушает Сержа. Но его не так-то просто смутить.

— Приперся? — усмехается он. — Ну на, корми сам.

Мне вручают поднос с остатками еды, к которой я снова охладеваю. Серж неспешно проходится по комнате под мрачным взглядом Игоря, зевает, смотрит в окно и направляется к выходу. Я едва удерживаюсь от того, чтобы попроситься вместе с ним. Но понимаю, что это глупо и разговор со старшим Крестовским все равно придется пережить.

Некоторое время мы молчим. Игорь рассматривает меня, я — лист салата в бургере. Похоже, нам одинаково скучно, потому что он проходит и садится на кровать, туда, где еще минуту назад вольготно располагался Серж. Честно сказать, мне больше нравилось общество его брата. Оно хотя бы не пугает.

— Ну что ты на меня так смотришь? — наконец не выдерживаю я. — Говори уже, чтобы собирала вещи.

— Куда ты намылилась?

— Ну… — Я пожимаю плечами. — Это ведь нарушение контракта. Там же было про прессу и всякое публичное поведение.

— Ну, было, — подтверждает Игорь.

— Значит, я нарушила контракт.

— Значит, нарушила. Хорошо, что ты это хотя бы понимаешь.

Молчу. И он молчит. Понятия не имею, что делать. Собираться идти? Или извиниться? Извиниться, наверное, все-таки нужно. Только заговорить не выходит, не хватало еще разреветься у него на глазах. От обиды за себя, от глупости ситуации и от совершенно не вовремя накатывающих воспоминаний.

— Ты так хочешь, чтобы я тебя выгнал?

— Не знаю, — честно признаюсь. — Я вообще не знаю, чего хочу, я запуталась. Ты меня запутал. Влез в мою жизнь со своим завещанием и все перевернул.

— Я все ждал, когда ты спросишь, почему за Крис нет такого контроля. Не дождался. А надо было спросить, Золушка моя, и тогда ты бы узнала, что Кристина вполне способна справляться с такими вот побочными эффектами действующего баблопровода. Как бы ни косячила, она никогда не свяжется с медиаперсоной. Бросаться

в отношения с певцом спустя месяц после получения денег — не тот сценарий, с которым ты можешь справиться.

— Нет у меня никаких отношений! — Я жутко краснею. — Мы друзья.

— Были. Захарова предупредили, чтобы он к тебе не лез.

Я вскидываю голову, но Игорь говорит это спокойно и серьезно, и… я понимаю, что выбора у меня просто нет. Даже если мы продолжим тайком встречаться, рано или поздно пресса снова влезет в мою жизнь. Большие деньги требуют ответственного подхода к безопасности. Подростковая любовь к кумиру в этом мире не уживается.

В отличие от желаний Крестовского, видимо. Они здесь как родные.

— Я думал, что через пару месяцев после переезда ты начнешь пробовать героин и разбивать машины, гоняя по ночной трассе. Так что выгонять тебя не за что. Но хоть иногда, Аня, хоть иногда, думай не только о том, что злобный Игорь тебя контролирует, но и о причинах этого контроля.

Я задумчиво киваю, не зная, то ли радоваться тому, что все же не совершила ничего непопра-

вимого, то ли обидеться, что меня посчитали перспективной наркоманкой и вредительницей. Хотя, наверное, сложно предугадывать события в такой ситуации, когда тебе навязали девчонку и ты не знаешь о ней ничего.

Я вдруг вспоминаю, совершенно не к месту, о просьбе девчонок и решаюсь сказать, раз уж Игорь в не слишком дурном настроении:

— Девочки попросили одолжить им немного, у них задерживают зарплату. Можно? Один раз. Я их подвела, внезапно съехав.

Игорь внимательно смотрит на меня и… черт, лучше бы орал! Потому что пронзительный взгляд, кажется, выворачивает наизнанку душу. Все он видит, все понимает, и я тоже. Только я цепляюсь за свой мирок, пытаясь доказать, что Крестовский не прав, что его подход слишком циничный, не все люди — волки. Но каждый раз я проваливаюсь и зализываю раны, а он вот так смотрит.

Легко тебе, скотина, в тридцать два. В этом возрасте и я (хочется верить) буду умная и уверенная. Посмотреть бы на Крестовского в его двадцать. Наверняка зрелище до ужаса интересное. Он и сейчас нереально красивый, а в юности вполне мог быть мечтой всей старшей школы. А может,

и средней тоже.

И как нас судьба столкнула? Я вот всегда в тенечке отсиживаюсь.

— Дай, — наконец говорит он, а я уж и забыла, о чем речь, так задумалась.

— Но… они…

— Не вернут, — кивает он. — Попросят еще и еще, а потом наплюют тебе в душу. Только я не собираюсь ради вшивой десятки снова с тобой спорить. Набивай шишки сама. Обещала — дай. Если есть мозги, сделаешь выводы. Если нет, дашь снова. И с Захаровым своим снова сбежишь.

— Не сбегу. Его публичность не для меня, я такое не выдержу, даже если и захочу.

Он снова окидывает взглядом сначала меня, потом постель, и я отворачиваюсь. Чертовы воспоминания! Почему в такой неподходящий момент? А ведь мы явно думаем об одном и том же. Только, похоже, с разных сторон.

— Ладно, одевайся. — Игорь поднимается. — У тебя час.

— Куда? — я вскидываю голову.

— Какая разница? — усмехается он. — Тебе понравится. Одевайся.

— Во что? — не сдаюсь.

— В то, что понравится мне.

Он идет к шкафу и по-хозяйски рассматривает содержимое. Я хмурюсь, пытаюсь подобрать слова возмущения, но в итоге просто машу рукой. Пусть делает что хочет. Для меня, кажется, передоз событий на сутки времени. Сначала возвращение домой, потом Крис, потом утренняя стычка, приход Саши, вся эта вакханалия в соцсетях, и вот разговор, окончательно выбивший почву из-под ног.

Интересно, куда Крестовский меня тащит? Вряд ли это будет увеселительная прогулка.

— Вот это. А туфли к нему у тебя есть?

Пока он копается в обувном шкафу, я рассматриваю платье и пытаюсь вспомнить, в какой белой горячке я его купила. Наверняка Стася выбрала в процессе бесконечных примерок. Я и половины из всего не рассмотрела.

Платье темно-зеленого, очень красивого цвета. Длиной сильно выше колена. Оно обтягивает все тело, лишь чуть-чуть расширяясь к самому подолу, который украшен крошечными серыми жемчужинками и снабжен небольшим игривым разрезом. Откровенность низа платья компенсирует верх: нет ни декольте, ни украшений, просто короткие рукава и скромный V-образный вырез.

Я беру смартфон и, стараясь не смотреть всплы-

вающие уведомления, перевожу девчонкам деньги. Ровно ту сумму, которую обычно платила за комнату. Затем убираю телефон в ящик тумбочки, мне не хочется ни читать их ответ, ни смотреть, что там с моими соцсетями.

— Пойдут.

Игорь дает мне черные туфли на дикой шпильке. Я даже не уверена, что способна на них ходить, никогда не пробовала. Но вместо того чтобы возмущаться и снова давать повод меня мучить, я беру все предложенное и иду в ванную, потому что оставлять меня одну Крестовский не собирается. Он по-хозяйски садится в кресло и включает телевизор.

В ванной я надеваю платье, крашусь и собираю волосы в косу. Некоторое время любуюсь на себя в зеркало, все же стильная и дорогая одежда здорово меняет человека. Это будто и не я вовсе, хотя знакомые черты все еще угадываются. А потом, перед самым выходом, надеваю каблуки.

Высота — голова кружится!

Я появляюсь перед Игорем, и он плохо скрывает интерес во взгляде. Глаза у мужчины блестят, словно он смотрит не на меня, обычную и надоевшую Аню, а на ту, которая была с ним ночью. Которая сорвалась и позволила себе очень много

лишнего.

Ну и тут я, конечно, разбиваю вдребезги это наваждение, когда нога подворачивается и я с визгом падаю на пол.

Игорь удивленно моргает, а через несколько секунд заглядывает Серж и спрашивает:

— Чего за грохот? Ты тут ее не бьешь?

В Сержа летит моя свалившаяся туфля, подобранная с пола Крестовским. С хохотом Серега прячется за дверью, а я развожу руками:

— И так будет всю дорогу.

На этот раз победа за мной. Я получаю обычные плетеные босоножки на не слишком высоком и, главное, удобном каблуке. Так я еще ниже и рядом с Игорем смотрюсь совсем ребенком. Вот интересно, я никогда не видела, как он занимается спортом, откуда тогда такое тело? Не на вафлях же Марины он такие плечи себе отгрохал.

— Куда мы едем? — спрашиваю, когда мы садимся в машину.

Снова без водителя, с Игорем за рулем.

— Ужинать, — отвечает он.

— А дома поужинать нельзя?

— Я хочу ужинать не дома.

— А я тебе там зачем?

— А ты — десерт.

Мне хочется, как в детстве, надуться и отвернуться. Хотя сегодня, пожалуй, Игорь имеет право надо мной издеваться, геморроя я принесла немало, пусть и не со зла.

— А если я не хочу быть десертом?

— Значит, будешь закуской.

— Я вообще не хочу быть едой!

— Какая ты капризная, Золушка.

— Я не Золушка. Ее мачеха заставляла перебирать чечевицу от золы, а спасла ее фея, и там еще, кстати, был принц. А ты…

— А я?

— Не принц.

— А Захаров, значит, принц?

— По-моему, отношения с Захаровым не у меня, а у тебя, — поддеваю я. — Во всяком случае, ты его вспоминаешь куда чаще.

За пререканиями мы въезжаем в город и каким-то чудом умудряемся избежать пробок. Мне нравится, как водит Игорь — куда спокойнее Сержа. Кажется, ему все-таки хочется доехать до места, а не убиться по дороге.

Мы останавливаемся перед каким-то старым зданием в самом центре. Вывеска гласит, что здесь находится клуб-ресторан «Панорама». Я понятия не имею, что он собой представляет,

хотя иногда проходила мимо, когда не работала станция метро у отеля.

Нас провожают в зал, и я аккуратно осматриваюсь, стараясь не слишком пялиться и не подавать виду, что такие места мне в новинку. В зале царит приятный полумрак, на всех столах мерцают свечи, а удобные диванчики усыпаны разноцветными подушками. Народу почти нет, но на всех столиках виднеются таблички «Резерв». Вероятно, для ужина слишком рано. Зал разделен на две зоны: общая, с небольшими столиками, и приватная, на небольшом возвышении вдоль стены. Она состоит из кабинок, наполовину закрытых шторками от посторонних глаз. В одну из таких кабинок нас провожает миловидная девушка и подает меню.

Я кошусь в меню Крестовского и с удивлением замечаю важное отличие: в моем экземпляре совершенно нет цен. Только описания и фотографии блюд. Пока я размышляю над таким интересным феноменом, Игорь уже определяется и откладывает в сторону меню. Я понимаю, что понятия не имею о своих желаниях, и, кажется, Крестовский это понимает.

— Мне салат с языком, дорадо на гриле и американо, а для девушки салат «Панорама», креветки

на гриле с овощами и бокал белого сухого на ваш вкус.

— Десерт желаете? — уточняет девушка.

— У меня свой, — усмехается Игорь.

— Ты решил меня споить? — когда она уходит, спрашиваю я. — У тебя ничего не выйдет. После вчерашних коктейлей я не притронусь ни к чему, что крепче кефира.

— Зря, — пожимает он плечами, — здесь хорошее вино к морепродуктам.

На это я молчу, а вот другой вопрос интересует очень остро:

— Ты хотел о чем-то поговорить?

— С чего ты взяла? Я хотел поужинать. А тебя надо учить выходить в свет. Чтобы ты не пугалась при виде креветок в ресторане и умела пользоваться приборами.

— Да за кого ты меня держишь! — возмущаюсь я. — Я умею пользоваться приборами и уж точно пробовала креветки!

— Сколько зубчиков на вилке для рыбы?

— Кокильная вилка маленькая, с тремя зубчиками и прорезью, бывают и четырехзубчатые. Для консервов — с пятью зубчиками и перемычкой. Для креветок двузубец. К омару подают иглу.

Игорь смотрит, удивленно подняв бровь, а я,

пережив минуту триумфа, признаюсь:

— Нас же учили в отеле сервировке, чтобы мы могли, если что, пойти на замену в ресторан на завтраки или ужины.

Официант приносит Игорю кофе, мне вино и приборы. Я хихикаю, потому что, несмотря на то что мне заказали креветки, а Игорю — рыбу, вилки самые обычные, какими мы все привыкли есть.

Пока я занята рассматриванием интерьера, Игорь пересаживается на мой диван и притягивает меня к себе. Это происходит так неожиданно, что я вздрагиваю, а потом его губы касаются шеи, и меня снова куда-то уносит. Только сейчас это нельзя объяснить опьянением. Я просто таю, низ живота сводит от совершенно нового ощущения, а во всем теле появляется дикая слабость. Мне хочется расслабиться и продлить мгновение жутко приятного касания, но не дает покоя мысль, что это неправильно.

— Игорь! — пытаюсь возразить, правда, выходит как-то неубедительно.

— Что?

— Не надо.

— Приведи хоть одну причину почему. Только не говори, что не хочешь, потому что этот довод

я разнесу минуты за две.

— Нас увидят!

— И пусть, что с того?

— Тебе — возможно. Я к такому не привыкла.

— Еще варианты?

Мне хочется его укусить, честное слово! Прямо впиться зубами в шею, чтобы следы остались и на работе как дурак с шарфиком ходил.

— Ты старше.

— Опытнее, это в плюс.

— Ты мой опекун.

— Вообще заводит нереально, да?

— Нет!

Я отпрыгиваю от него, едва замечаю официанта с салатами. Игорь смеется, официант профессионально бесстрастен, а я краснею и берусь за вилку. Не станет же он приставать, пока я ем? Но, очевидно, я плохо знаю Крестовского, потому что он не возвращается на свое место, а намеревается ужинать рядом со мной. И даже не знаю, нравится мне это или нет.

Страшно, очень, прямо до слабости в коленях. Потому что до сих пор у меня не было возможности пережить первую подростковую влюбленность. Конечно, какие-то чувства в школе были, но такие… несерьезные. Я плохо понимала, что

вообще можно делать с парнем, о чем говорить, что я должна чувствовать. Мифические «бабочки в животе» были не более чем красивой метафорой из книг о любви.

Ан нет, не метафора, только к бабочкам этим прилагается еще огромная куча сомнений и проблем.

— На чем мы там остановились?

Лично я останавливаюсь на салате, ибо такого вкусного не ела никогда. Очень легкий, с тонкими ломтиками твердого сыра, маленькими сладковатыми помидорками, бальзамическим соусом и хрустящей смесью салата и базилика.

Игорю не удается добиться от меня продолжения разговора, поэтому мы молча едим. Сначала салаты, а затем и горячее, которое вообще не оставляет мыслей о чем-то, кроме нежного вкуса креветок в сочетании с легким лимонным соусом. Давно и редко мама делала потрясные креветки с рисом в сливках, на сковороде. Я обожала их, эти маленькие кусочки розового мяса. Конечно, таких огромных, какие принесли мне, я ни разу не пробовала. Наелась двумя, а еще две отдала Игорю, который, кстати, с удовольствием съел.

Все-таки иногда на него находит затмение и он становится нормальным. Даже каким-то

заботливым или просто самим собой. И я начинаю думать, что мне бы хотелось иметь такого старшего брата. Несмотря на все отрицательные качества Игоря, которых, будем честны, вагон и маленькая тележка, он реально умеет решать все проблемы.

— Хочешь десерт? — спрашивает он, вырывая меня из раздумий.

Я даже не замечаю, что его рука вольготно расположилась на моей коленке и осторожно ее поглаживает кончиками пальцев. Черт, так приятно, что с трудом получается отстраниться.

— Нет, спасибо, я наелась.

И только я думаю, что сейчас мы поедем домой и я смогу спрятаться в норке и обо всем подумать, как Игорь говорит:

— Идем, потанцуем.

Чуть подальше, в окружении мягких диванов, действительно есть площадка для танцев, и уже развлекаются две или три пары. Меня вдруг охватывает настоящая паника:

— Я не умею!

Я даже на выпускном не танцевала в паре! И сейчас опозорюсь на весь ресторан. Тем более с ним!

— Умеешь, идем.

Игорь буквально силой вытаскивает меня на танцпол и прижимает к себе. Я чувствую оцепенение, но, увидев, что на меня никто не смотрит, расслабляюсь и даже начинаю получать удовольствие от плавных движений под неспешную музыку, от крепких объятий, окутывающего запаха сложного парфюма. Сердце гулко стучит в груди, и Крестовский наверняка это чувствует, но ему, кажется, хорошо. И я решаю в этот раз не дергаться, потому что после сумасшедшего дня вечер выходит уютный. С оговорками, но все же.

Время замедляется, пока мы танцуем, я рассматриваю зал и гостей. Игорь о чем-то задумался и не разговаривает. В один из моментов я вдруг натыкаюсь взглядом на ничем не примечательную парочку на одном из диванов. Красотка в красном платье и парень в черных брюках и черной же рубашке.

В красотке я узнаю Машу, девицу из клуба Сержа, а в парне — Принzza. Он смотрит на меня не отрываясь, и я не знаю, как прочитать этот взгляд. Но он мне не нравится, это совершенно точно. Как и эта встреча.

Я отстраняюсь от Игоря и смотрю в его темные, похожие на ночь глаза.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я. — За-

чем ты меня сюда привел? Добить? Ты ведь знал, что он здесь будет.

В глубине души я надеюсь, что Крестовский сейчас удивленно нахмурится, обернется, выругается и уведет меня прочь, но он и не собирается отрицать, что привел меня специально, чтобы увидеть Сашу с новой красоткой.

— Шишки набивать надо самому, — наконец говорит он, — но лучше, чтобы при этом кто-то страховал. Чтобы падать было не больно.

Я не знаю, что на это ответить. Иногда я не понимаю его. И себя не понимаю, себя даже чаще, потому что, казалось бы, вот она, открытая книга, все мысли мне доступны, все чувства известны. Но все равно никак не разобраться.

— Уйдем? — спрашивает Игорь.

Я киваю. Когда мы проходим мимо Саши, он едва заметно кивает мне и тут же смеется над чем-то, что Маша говорит ему на ухо. Эта картина вызывает во мне горечь, но одновременно с этим облегчение. Я же все равно ему отказала, так хотя бы не буду мучиться, что обидела человека, спасшего меня своими песнями. В общем-то, распространенная ошибка — я куда серьезнее воспринимала наши отношения. Без каких-либо на то оснований.

Игорь расплачивается по счету, и мы выходим на улицу. Стоит очень теплый приятный вечер, солнце уже клонится к закату. Не сговариваясь, идем гулять по широкой набережной. Ветер почти растрепал косу, и я ее расплетаю, чтобы не выглядеть неряшливо.

Думаем каждый о своем, и удивительно, но в молчании нет никакой неловкости. Мне даже хорошо вот так идти рядом, рассматривать старые дома, людей, попадающихся на пути. Даже когда Игорь берет меня за руку, я не сопротивляюсь. Портить такой вечер у реки совсем не хочется.

И вдруг я слышу:

— Аня? Анечка! Анюта Калинина!

Женский голос кажется мне знакомым, я оборачиваюсь и вижу тетю Свету — мамину давнюю подругу. И хоть мы с тетей Светой в последний раз виделись еще до маминой смерти, ездили вместе в Санкт-Петербург, я жутко рада ее видеть!

Мы обнимаемся, а муж тети Светы и Игорь тактично стоят в нескольких шагах от нас.

— Как же ты выросла, Анечка! — Она осматривает меня. — И красавица какая, только посмотри! Володь, смотри, как Маринкина кнопка выросла!

— А я думала, вы в Америке живете, — гово-

рю я.

— Ну да, мы и жили, вот вернулись три дня назад. Как же я переживала, что потеряла с вами связь! Анечка, как дела у мамы? Я до вас так и не дозвонилась, и на письма вы не отвечали…

Я напрягаюсь и инстинктивно отступаю на шаг в сторону Игоря. Потом тихо говорю, делая над собой усилие:

— Теть Свет, мама… умерла. Давно. И папа.

Последние слова получаются шепотом.

Они дружили с института, две красавицы-подружки. И вышли замуж почти одновременно, только ребенка тетя Света родила позже, я помню ее Павлика маленьким и забавным карапузом в синей коляске. Когда ему был годик, они переехали в Штаты. Мама периодически созванивалась с тетей Светой, а после ее смерти контакты потерялись, и я даже не знала, помнят ли они еще нас.

Сейчас в глазах женщины блестят слезы, но она быстро их смахивает тыльной стороной ладони.

— Вот как… — голос звучит глухо. — Не знала, Анютка, не знала. Ох, Маришка. Бедная ты моя.

Она вдруг крепко меня обнимает, и я понимаю, что еще чуть-чуть, и разревусь. Это привет из прошлого, легкое дыхание счастливой и беззаботной жизни. Меня словно касается мир, в котором не

было смерти близких мне людей, в котором мы были одной семьей, здоровой и счастливой.

Горло болит от подступающих слез.

— Муж твой? — спрашивает тетя Света, кивая на Игоря.

— Нет, — качаю головой, — это так… длинная история.

— Игорь, — представляется Крестовский.

— Светлана, а это Владимир. Очень приятно познакомиться. Анечка, нам бы поговорить. Расскажешь?

— Конечно, теть Свет. — Я грустно улыбаюсь: — Встретимся…

— Приходите к нам, — вдруг говорит Игорь. — Как договоритесь, скажите, пришлем водителя.

Надо же, но я ему благодарна. Мне кажется, сидеть в Светланиной квартире, пить ее любимый лотосовый чай и разговаривать о маме будет невыносимо. А зная сентиментальную и эмоциональную мамину подругу, мне еще придется рассматривать их фотографии, что в буквальном смысле вытрясет из меня душу.

Мы обмениваемся телефонами и снова обнимаемся напоследок. Меня буквально разрывают противоречивые чувства. Я рада встретиться с близким, которого давно считала утраченным, но

в то же время мне хочется свернуться в клубочек и выть, потому что вернулась боль, которую я так долго в себе давила. Когда Светлана и Владимир скрываются из виду, я не могу больше улыбаться, отхожу на пару метров в сторону и опираюсь на перила.

Меня трясет, и слезы сами катятся из глаз, душу буквально рвет на части. Я закусываю руку, чтобы не реветь в голос. А меж тем оказываюсь в теплых объятиях. Цепляюсь за Игоря, как утопающий цепляется за спасательный круг.

— Это не пройдет, да? — спрашиваю я без особой надежды на ответ.

— Пройдет, — мягко говорит Игорь. — Не сразу, но пройдет.

— Почему твой отец не оставил мне наследство раньше? Почему не нашел меня хоть на год раньше! Я бы, может, успела помочь папе.

— А мой отец никогда ничего вовремя не делал. Такое вот у него проклятие. Везде опаздывал. И жену спасти опоздал. И детей воспитать тоже не успел. Только бабла нагреб и помер, жутко довольный этим фактом. Что уж теперь его вспоминать.

Мы стоим так, кажется, целую вечность, и мне не хочется, чтобы она заканчивалась. Теперь я не

только растрепанная, но и с покрасневшими глазами, опухшими губами и заложенным носом.

— Чего хочешь? — спрашивает Крестовский. — Домой?

Я прислушиваюсь к себе.

— Мороженого хочу.

Он тихо смеется, будто не верит.

— Мороженого?

— Ну да. Пломбира с шоколадной крошкой. Пойдем купим? А потом домой.

Мы идем в ближайший супермаркет. В этом походе есть что-то очень необычное. Глупо, но мне нравится бродить среди рядов всякой всячины в поисках мороженого. Можно представить, что сейчас мы купим продуктов и поедем домой, как самая обычная семья. Но продукты в доме Крестовских покупают Марина с водителем, так что я ограничиваюсь мороженым. А вот Игорь прихватывает бутылку воды, о которой я даже не думаю. А ведь после сладкого наверняка захочется пить.

Сначала я по привычке смотрю на вафельные стаканчики, которые покупаю обычно. Люблю их с детства: когда часто болела, мама не разрешала есть мороженое, и я упрашивала ее купить вафельный стаканчик, убрать из него пломбир,

а вафельку отдать мне. Казалось, ничего вкуснее этой вафельки на свете не существовало. А потом, уже будучи взрослой, я просто брала самое дешевое лакомство. Тратить почти сотню на сладость мне не позволяли совесть и зарплата в пятнадцать тысяч.

А теперь меня осеняет: я могу выбрать любое мороженое из холодильника! Чувствую себя такой идиоткой, кошусь на Игоря, но он задумчиво рассматривает витрину у кассы. Когда-нибудь это стеснение при покупке чего-то дорогого для себя пройдет?

Выбираю, назло судьбе, здоровый рожок с шоколадом и вишней. Честно сомневаюсь, что осилю его, но хочу и не могу сопротивляться. Мы идем на кассу, и, пока подходит наша очередь, Игорь что-то берет со стойки.

Расслабленная атмосферой уюта, я с любопытством сую нос в его покупки и тут же дергаюсь, краснея: презервативы и тюбик с каким-то прозрачным гелем. Догадаться, что это такое, труда не составляет. Я открываю было рот, чтобы высказать этому гаду все, что я о нем думаю, но в последний момент замечаю его лицо и понимаю: да он издевается! Специально выводит меня, чтобы я покраснела и почувствовала неловкость.

До чего противоречивый мужчина, а какой разгон от старшего брата до козла!

Отворачиваюсь, насупившись, а Крестовский ржет уже в голос. И возвращает покупки на стойку.

— Да ладно, я пошутил. В машине много.

Мне очень хочется сделать ему гадость, но уйти из магазина я не могу, потому что нет ни денег, ни документов. Так что я решаю не разговаривать с Крестовским. Получается, правда, плохо. Едва мы выходим из супермаркета, я не успеваю даже лизнуть мороженку, как он наклоняется и отхватывает от верхушки рожка здоровый кусок.

— Ну ты крокодил! — возмущаюсь я. — Купи себе и ешь!

— Не жадничай, кнопка, а то вырастет большая попа и найдет себе новые приключения.

На второй раз я проворнее, и челюсть Игоря клацает рядом с мороженкой, которую я отдергиваю. Хихикаю ему в ухо и несусь к машине. Тактическая ошибка: в машине он царь и бог, так что мороженым приходится делиться. Через полчаса я, объевшаяся и вся измазанная, пытаюсь вытереть лицо и руки влажными салфетками, что находятся в бардачке. Мы выезжаем за город и несемся по ночной трассе, свет от фар разрезает

темноту.

— Вот, казалось бы, богатый район, — задумчиво говорю я, — одни особняки за заборами, машины по цене бюджета небольшой страны, а фонари на трассе повесить не могут.

И только Игорь согласно кивает, как тут же резко тормозит, а сбоку нам под колеса летит что-то большое и… мохнатое.

Меня спасают ремни, я только чувствую, как перехватывает дыхание, и на мгновение закрываю глаза, чтобы избавиться от головокружения. Потом охватывает страх: перед машиной ничего не видно, но я точно видела, как «нечто» бросилось нам под колеса. Игорь решительно отстегивает ремень, но я хватаю его за руку и прошу:

— Не ходи!

Мне кажется, в машине безопаснее, и до ужаса не хочется оставаться здесь одной в темноте. Наверное, выражение лица у меня очень выразительное, потому что Крестовский кивает и берет телефон:

— Серег, Германа возьми и подлетай на трассу нашу. После Боброво километров пять проехали. Давай без вопросов, тут обсудим, резче катись, я ж не один тут.

— Что это? — спрашиваю я. — Собака?

Мне хочется надеяться, что воображение изрядно преувеличило размеры животного. Но прыжок у него получился фееричный, я таких прыгучих собак вообще не видела.

— Наверное, — пожимает плечами Игорь. — Бывает, убегают с территорий.

Он выглядит совершенно спокойным. Моя рука все еще держит его, и я, опомнившись, сажусь прямо. Но все равно не хочу, чтобы он выходил. Это иррациональный страх ребенка, пересмотревшего ужастики. И пусть.

Наконец впереди показываются две машины. Одна Серегина, вторая — знакомый черный внедорожник, на котором мы ездили с Германом.

— Посиди пять минут, — говорит Игорь и выходит из машины.

Я стараюсь глубоко дышать, не поддаваться панике. Крестовский обходит машину, задумчиво смотрит вниз. У меня замирает сердце и воздух в легких просто заканчивается. А Игорь спокойно идет к Сержу и Герману, выходящим из машин, и о чем-то с ними говорит.

Серж кивает, идет ко мне и открывает пассажирскую дверь.

— Привет, Золушка, — весело говорит он, — я — твоя мышь, пошли в тыкву, поедем домой.

Принц задержится, у него государственные дела.

— Он не принц, а фея, — нервно бормочу я.

— Тем более. Сейчас кого-нибудь отфеячит, пар сбросит и подарит тебе хрустальные туфельки.

— У тебя вся сказка поехала.

— Так я ж необразованный, по книжкам не обучен.

Я выхожу, вдыхаю холодный ночной воздух и, когда мы проходим мимо, не могу удержаться — смотрю на землю. Там и впрямь лежит жутко огромная черная собака, под которой растекается алая кровь.

Мой взгляд замечает Серж и быстро разворачивает к машине.

— Не-не-не, чего на гадость смотреть. Давай в машину быстро ныряй, там дома я нашел банку какао и не смог сварить, спасай братика от смерти без глюкозы.

— Что теперь будет? — спрашиваю я по дороге домой.

— Да ничего. Вызовут ГАИ, оформят протокол. Не человек, и слава богу. А то тут, куда ни плюнь, везде дети олигархов.

Серж замечает мое изменившееся лицо и поспешно добавляет:

— Аньк, я пошутил. Это у нас местный юмор,

что даже после десяти музыку не включишь, потому что за забором прокурор живет.

— Расслабься, — вздыхаю я. — Просто устала.

Мне думается, что чистить унитазы и заправлять постели было куда как проще. По крайней мере я возвращалась домой с гудящими руками и ногами, но с относительно ясной головой. Ложилась, немного читала и засыпала, чтобы с утра снова бегать по этажам с тяжеленной тележкой.

Сейчас я ровным счетом ничего не делаю, но мне кажется, что голова вот-вот взорвется. Мы оба забываем про упомянутое какао и разбредаемся по комнатам. Я переодеваюсь в ночную рубашку, залезаю под одеяло и пытаюсь уснуть.

Конечно, не выходит. Лежу, прислушиваюсь к звукам внизу, надеясь услышать, как вернется Игорь. Мне все еще не по себе. Стоит только вспомнить темную мохнатую фигуру, прилетевшую под колеса, как пробирает дрожь. Уж очень неестественно этот пес вылетел из темного леса.

Стараюсь не думать, не вспоминать. Пытаюсь думать о мороженом, о вкусном ужине и теплых объятиях, в которых очень спокойно и безопасно.

Как же сложно, оказывается, это все! И невозможно ему сопротивляться, а ведь нужно, потому

что впереди пять лет жизни в этом доме. Без шанса плюнуть на все и сбежать. Игорь привык расставаться с людьми, которые ему не интересны, а я, кажется, вообще не способна наслаждаться моментом.

Я сама не замечаю, как засыпаю, проваливаюсь в беспокойную дремоту. А просыпаюсь уже, когда луна вовсю светит в окно, от того, что рядом кто-то есть. Вскакиваю.

— Тихо, это я, — слышу голос Игоря, но не сказать, что успокаиваюсь. — Спишь?

— Не видно?

— Язва.

— Что там было? Хозяина нашли?

— Да все нормально, задолбался только.

Он вдруг стаскивает ботинки и ложится прямо в джинсах и рубашке на край кровати. Вот наглый-то! Но такой усталый, что мне даже жалко его, и я решаю не возмущаться. Ну и немного корыстного интереса тоже присутствует. Мне не хочется оставаться одной.

— Я тут подумал, — вдруг говорит Игорь, — а поехали-ка в отпуск. Послезавтра утром полетим.

От удивления я даже приподнимаюсь и заглядываю Крестовскому в глаза, чтобы удостовериться, что он не говорит во сне.

— Так хотели же в августе…

— Уже почти август.

— Но…

— У тебя планы?

— Нет, но…

Сквозь сонливость до меня смутно доходит:

— Что-то случилось, да? И ты решил всех увезти?

— До чего ты любопытная. Нет, ничего не случилось, но я решил всех увезти. Просто сделай, как я прошу. Управься завтра со своими предпляжными маникюрами, педикюрами, почисти перышки и собери вещи, Герман привезет тебе чемодан. В восемь утра будь готова внизу, ладно?

— Ладно, — легко соглашаюсь я, поняв, что Игорь мне больше ничего не скажет. — А разве билеты на самолет можно так быстро купить? Я думала, летом их почти нет.

— Найдутся.

Тут я вспоминаю о встрече с тетей Светой.

— Я тогда напишу ей, что мы уезжаем. Надолго?

— На две недели.

— Ого, я думала, тебе нельзя так надолго уезжать с работы.

— Я проведу пару встреч в Афинах. И посмотрю

один отельный комплекс на Крите, довольно перспективный. Короче, работа не убежит, а вот я от нее попробую.

— А зачем ты пригласил Светлану сюда?

Игорь задумывается, ну, или делает вид.

— Во-первых, я хочу контролировать твой круг общения.

— Что?! — возмущаюсь я, хотя это, в общем-то, не новость.

— Подружки — ерунда, а вот взрослый человек в твоем окружении, увидевший огромное бабло, должен быть одобрен мной.

— Тетя Света не такая, — бурчу я.

— Значит, тебе нечего бояться. Я не буду их кусать. Поговорю полчасика и свалю, Серега пожарит вам мясо, будете развлекаться, блеснешь красивой жизнью.

— А во-вторых?

— А во-вторых, подруги — кладезь ценной информации. Твоя Светлана вполне может пролить свет на отношения твоих родителей с моими и на причины твоего появления здесь. Такой шанс нельзя упускать.

Вот, блин, об этом я и не подумала. Мама наверняка делилась с тетей Светой всем, вот только в последние годы они почти не общались. Но если

жизни Крестовских и Калининых пересеклись до тетиного отъезда в США, то она наверняка что-то да вспомнит.

Мое сердце бьется чаще, и непременно хочется расспросить Светлану обо всем. А еще я чувствую жуткий стыд, потому что так и не решилась заглянуть в вещи мамы, которые забрала из квартиры. Конечно, выходные выдались насыщенными, но все же… я понимаю, что малодушно разрешила себе не бередить старые раны. Смотреть в ее записную книжку, видеть знакомые аккуратные круглые буковки…

— Игорь, можно спросить? — шепчу я.

— Давай, — сонно соглашается Крестовский.

— Почему… ну… когда я думаю про папу, вижу его вещи или вспоминаю что-то, я чувствую, как мне грустно от того, что его нет. Ну просто грустно. А когда думаю о маме, мне кажется, что физически больно. Я не понимаю, я ведь тоже хочу вспоминать ее с тихой грустью, а не так, как сегодня.

— Как умерла мама?

— Приступ. На улице. За городом, она была журналисткой, поехала на интервью в какой-то ПГТ к заслуженному хирургу, и что-то случилось. Несколько дней в реанимации, и все. Мы даже не

виделись, я видела ее только на похоронах.

— Съезди на могилу, разбери вещи. Иногда помогает. Иногда нет. Кристинке не помогает ничего. Это потому что неожиданно, потому что не успела попрощаться, испугалась. Надо подождать немного, несколько лет спокойной сытой жизни — и полегчает.

Я вздыхаю и переворачиваюсь на спину, смотрю на белый, идеально ровный потолок.

— Хорошо тебе. Ты взрослый.

— И ты будешь. Через десять лет будешь взрослой, умной и морщины появятся, будешь вздыхать: «Хорошо им, они молодые».

Я смеюсь и пихаю его ногой, а потом понимаю, что засыпаю. И не противлюсь, потому что впереди суматошный день. А после него я впервые полечу на самолете, впервые увижу море и попытаюсь сохранить хрупкий мир, установившийся между мной и Крестовским.

* * *

— Станислава, — Игорь мельком бросает взгляд на секретаршу, — завтра я уезжаю с семьей на море. На тебе все представительские функции. Встречи перенести, курьеров встречать, фикус поливать, ну и так далее. Я буду тебе раз в два-три

дня писать, доложишь, как тут дела, ну и так, по мелочам. Присутствия с девяти до шести не требую, но постарайся хоть изредка бывать на рабочем месте и настрой переадресацию входящих, поняла?

— Да! — активно кивает Стаська. — А можно спросить?

— Ну, спроси, — не отрываясь от мобильника, бросает он.

— Аня с вами едет?

— Куда ж без нее. Сбежит еще. Так, у меня есть что на утро?

— Михаил Сергеевич сказал, что зайдет, просил освободить тебе час, сказал, разговор очень важный. Через полчаса будет.

— Окей. Значит, мне кофе и на полтора часа в глухую оборону. Потом соберешь начальников отделов.

От разговора со Стасей его отвлекает звонок от Сереги. Игорь садится в кресло, с наслаждением потягиваясь. Какая-то неудобная кровать у Калининой, спина ноет. Надо сказать, чтобы поменяли матрас, так можно и ползком начать передвигаться.

— Игорех, ты охренел? — с места в карьер начинает Серж. — Че значит летим завтра? Я на кого

клуб оставлю?

— Ну найди на кого, уж не обломаешься.

— Да иди ты, тиран домашний. Что тебя в жопу клюнуло? Собирались в августе!

— Серег, Алекс вляпался, и серьезно. Нам вчера под машину зарезанную собаку бросили. Ты думаешь, она туда сама прилетела? Это Золушка наша искренне полагает, что мы эту шавку сбили, а я прекрасно видел, откуда она появилась. И Герман подтвердил, что уже дохлая была, с пером в бочине. Пусть парни разбираются, вон Лев вышел злой, пиздец, вынесет всех по кирпичику. А вы на море, Кристинку как раз надо везти уже витаминизировать, бледная вся.

— Ладно, — недовольно бурчит Серж, явно слегка ошеломленный последними новостями. — Тогда как раз о Кристинке. Ты можешь дом другой снять?

Игорю кажется, он ослышался.

— Чего? Теперь моя очередь настала спрашивать, не охренел ли ты. Где я в разгар сезона на Миконосе дом сниму?! За сутки?!

— Ну не на Миконосе. Греция большая, раз тебе кровь из носу надо в Афины, найди где-нибудь еще.

— Тебе чем наш дом не нравится?

— Мне тут твоя Золушка идею подала.

Несколько минут Игорь слушает рассказ Сержа, понимая, что ему одновременно хочется и рассмеяться, и наорать на всех, кто рушит идеально встроенные планы. Вот же… Мэри Поппинс доморощенная! Плохие воспоминания… мамин дом.

— Игорех, я тебя по-человечески прошу, попробуй, а? Ну поищи что-нибудь, не дом так отель. Криську надо вытаскивать, мы на нее и так внимание почти не обращали, а теперь уже все, край. Не хочу я ее сдавать в больницу.

— Ладно, — вздыхает Игорь. — Я попробую что-нибудь сделать.

Когда все это кончится? Когда на его плечах перестанет лежать ответственность за мелких? Хоть бы месяцок пожить так, как он жил в Штатах, для себя. Чтобы не думать ни о чем, просто развлекаться и работать в удовольствие. Как вчера, например, гоняясь за Анькой с мороженым. Почему так не может быть всегда? Вечно что-то портит ему минуты отдыха.

— Станислава, — говорит он, — найди мне жилье в Греции, не на Миконосе. Чтобы четыре спальни, на берегу моря и с пешей доступностью еды. И о транспорте позаботься.

— На когда?

— Завтра на восемь утра.

В телефоне раздается многозначительно молчание. Стаська явно мысленно кроет начальника матом.

— Премию выпишу, — заканчивает он, потому что в кабинет уже входит Майк.

— Привет, Игорех, как дела? Слышал, на море собрались? Молодцы. Садись, разговор есть.

Вообще, когда к тебе в срочном порядке приходит адвокат, волей-неволей начинаешь нервничать. С чего бы это Майк заявился с утра пораньше? Исков вроде нет, несколько судебных процессов идут в штатном режиме, а с ГАИ и полицией вчера разбирался Герман. Может, хочет обсудить случившееся?

Но Майк пришел не за этим.

— Жаль, что приходится портить тебе отдых, но ты же знаешь, что скрывать что-то не в моих правилах, если на это нет прямой просьбы клиента. Твой отец не просил хранить тайну, так что… я раскопал, почему он оставил ей наследство и притащил в ваш дом. Сядь лучше, рассказ длинный.

Он замирает и весь обращается в слух. Часть Игоря хочет услышать наконец, как судьба свела его с Калининой. А другая вдруг опасается, что вот сейчас Майк скажет нечто такое, что навсегда

изменит его, ее, их отношения. Вдруг он больше не сможет ее коснуться?

— Помнишь, ваши родители начали ругаться? — спрашивает Майк. — И все разладилось, самое начало их размолвки.

Конечно, он помнит, они с Серегой были достаточно взрослые, чтобы в полной мере ощутить все родительские сдвиги. Они постоянно ругались, отец пару раз сходил налево. После рождения Кристинки все вроде как наладилось, и даже появился Алекс, а потом мать покончила с собой. Именно тогда семья и развалилась, хотя отец и пытался изо всех сил поддерживать ее видимость. Но это как склеивать треснувшую стену скотчем — только людей смешишь.

— Намекаешь, что папа все-таки гулял? Но я сделал тесты, мы не родственники. Дважды сделал.

— Если ты не будешь меня перебивать, то я расскажу, — недовольно ворчит Майк. — Скандал помнишь, когда мать ушла?

— В городе? Ну да, вышла из машины и свалила в неизвестном направлении, отец всю охрану на уши поднял.

— Ну вот, и нашел ее в больнице, с гипертоническим кризом. А там и роды начались, под Москву

ее везти отказались, пришлось рожать как есть. Они только-только помирились, твой отец ждал, роды с осложнениями, пришлось делать кесарево. Ребенок умер, и, пока мать отсыпалась, чуть не отъехав, твой отец нашел изящный, но противозаконный выход из ситуации. Заплатил кучу денег и добыл младенца, девочку, одного дня от роду. Там пока лечение, пока восстановление, вот и ребенок, никому и в голову не пришло делать ДНК-тест.

Он трясет головой, пытаясь осознать то, что сейчас говорит Майк. Его сестра умерла?

— Девочку забрали у недавно родившей женщины. Она родила двойню, ей потом сказали, что один ребенок умер. Такое бывает. Врач, которому заплатили за это, весьма цинично решил, что один-то ребенок у нее останется. А второй будет у вас. Ну и вот. Кристина поехала домой с новыми родителями, а Анна — с родными. Перед смертью Олег, видимо, раскопал информацию или как-то еще узнал о существовании сестры, выяснил, что она живет в нищете, и оставил ей столько же, сколько и двойняшке.

— Бля.

И других слов просто нет.

— Погоди, но они даже не похожи! Я бы заме-

тил…

— Ага, я тоже полез в учебник биологии за восьмой класс. Идентичные близнецы рождаются, если яйцеклетка одна и затем по какой-то причине делится. А если изначально яйцеклеток две, то… разнополые так и получаются. А тут две девочки. Ну и потом, Кристинка же делала ринопластику, когда разбила себе нос, красится в блондинку и без макияжа даже на кухню не спускается. А Калинина простоватая. Я фотки сравнил, детские и нынешние, сходство видно невооруженным глазом, просто вы не искали.

— И что мне теперь делать?

— Вот уж не знаю. Но Анну не выгонишь, она, считай, сестра ее. Вполне возможно, с ее появлением Кристине станет полегче.

— Полегче?! — Он нервно смеется. — Если я ей сейчас скажу, что она неродная, она на крышу полезет!

— Да, с этим всегда непросто. Промолчишь?

Блядь, ну почему он?! Почему эту охренительно ценную информацию Майк не вывалил, например, на Сержа? И пусть бы он с этим разбирался!

— Так, — Игорь медленно проводит рукой по столу, — вот что мы сделаем. Кристине и Анне ни слова, по крайней мере на время отпуска. Такое

не обсуждают сидя жопой на пляже. Возьми у всех нас биоматериал, сделай тесты, а то вдруг папа еще какой сувенир из роддома прихватил. С остальным разберемся, как приедем, все вопросы относительно того, кто мне тут подарки под машину подкидывает и битами машет, остаются в силе.

— Принял, — кивает Майк. — Ладно, Игорех, держись как-нибудь. Это все равно лучше, чем мы предполагали.

— Я уже не знаю, что лучше. Он даже из могилы продолжает мне жизнь портить!

— Ну, его совести хотя бы хватило, чтобы привести вторую сестру в дом и дать ей образование.

— Что ж храбрости-то не хватило сделать это при жизни? Познакомил бы дочурку с настоящими родителями, да, может, на лечение отца бы денег дал. Ладно, давай до августа, я сейчас всех отменю, пойду и нажрусь.

— Будьте осторожны, пока мы не разберемся с тем, кто вам угрожает.

Игорь машет рукой, одновременно набирая номер Стаси.

— Дом нашла?

— Ищу, Игорь, я же не фея, чтобы за час найти вам жилье у моря в сезон!

— Похрен, ищи. И отмени все встречи на сегодня.

— И руководителей не собирать?

— Я же сказал — все. Пусть напишут отчеты и сбросят мне на мыло, завтра напишу указания. Ко мне никого не пускать, меня нет.

— А кофе?

— А кофе, милая, надо было раньше нести. Все, меня нет.

От злости швыряет телефон в стену и гасит свет, укладываясь на диван в обнимку с бутылкой виски. Будет считать, отпуск уже начался.

Глава 13

Кажется, у Игоря была нелегкая ночка. Когда мы приезжаем в аэропорт, все на разных машинах, и я вижу старшего Крестовского, мне кажется, он или не спал, или много пил. Мрачный, небритый, недовольный. Хотя с утра они все, кроме Сержа, недовольные. Крис зевает и огрызается на всех, кто попадает в поле ее зрения, Алекс залип в планшет, только Серега бодр.

— Жрать хочу, — тоскливо вздыхает он. — Скорее бы в самолет сесть. Там хоть покормят.

— И кто тебе мешал поесть дома? — хмыкает Крис.

— Ты! И три твоих чемодана!

Я прячу улыбку. С утра Серж действительно повелся на просьбу сестры отнести косметичку в машину и, похоже, чуть не надорвался.

Но в основном семейство Крестовских сонное и удивленное. Игорь собрал всех и срочно решил отвезти на море неспроста, это даже я понимаю. Гадаю, что могло заставить этого хладнокровного и циничного мужчину так спешно уехать. Но варианты не слишком убедительные.

Миловидная девушка в форме служащей аэропорта приводит нас в небольшой зал ожидания с большими удобными креслами и диванами. Я стараюсь не пялиться на все вокруг, но, кажется, получается плохо. А я еще думала, что обвыклась в доме Крестовских и перестала впадать в ступор от богатства. Так это я просто не летала бизнес-классом.

Мы рассаживаемся, и тут же другая девушка приносит парням кофе, а нам с Крис по бокалу мохито. Очень вкусного, безалкогольного. Я с наслаждением тяну сладковатый мятный коктейль через трубочку и краем глаза замечаю, как Алекс и Крис копаются в карманах, а Игорь будто бы чего-то ждет.

— Давайте-давайте, — кивает он.

— Что? — я поворачиваюсь к Крис.

Та закатывает глаза:

— Карточку ему отдай. И наличку.

Пожимая плечами, я вытаскиваю из сумки кошелек и возвращаю Игорю его кредитку и несколько сотен наличных. Взамен получаю две пятидесятиевровые бумажки. Тут уж удержаться не могу: внимательно их рассматриваю.

— Сотня? — возмущается Крис. — Сотня была в прошлом году!

— Уверяю тебя, цены в Европе не изменились с того года, — холодно отвечает Игорь.

— Мне кто-нибудь объяснит, что это значит? — спрашиваю я.

Отвечает Серж:

— Это еще папа придумал. Вывозя всю семью на отдых, он отбирал карты и наличку, взамен выдавая сотню евро на непредвиденные расходы. Ну то есть если ты заблудишься в Афинах, то у тебя будут деньги на метро и телефонный звонок, а вот взять напрокат машину и съехать с обрыва бухой в хлам ты не сможешь. Игореха продолжает славное дело отца, правда, у меня карточки чет отбирать боится. Хотя, подозреваю, я в этой поездке тоже воспитатель.

Пока убираю деньги в кошелек, решаю еще немного позадавать вопросы:

— А во сколько рейс?

— Минут через двадцать, думаю. Мы рановато приперлись.

— А почему нас не досматривали? Бизнес-класс не досматривают?

Я же не дурочка, я даже и не думаю, что Крестовскому придет в голову полететь экономклассом. Поэтому изначально не жду картинок из интернета с толпой туристов наперевес с багажом. Но

кое-что о перелетах я знаю и немного недоумеваю, ведь бизнес-класс обычно сажают в самолет первым.

— Каким еще бизнесом? — хмыкает Серж. — Рейс частный, самолет наш, Золушка, ты что, тыквой ударилась?

Я краснею и затыкаюсь. Ладно, на частный самолет моей фантазии не хватило. Все время, что нас везут до самолета, я пребываю в задумчивости. Сколько же нового мне откроет этот мир?

Внутри салон очень красивый, светлый, с удобными мягкими креслами, телевизорами и столиками. Серж мгновенно утыкается в телик, выбирая фильм, Алекс занимает самое дальнее кресло и снова погружается в планшет. Кристина проходит вперед, небрежно бросает сумку на соседнее кресло, пресекая все возможные попытки кого-либо сесть с ней рядом, и открывает глянцевый журнал.

— Крис. — Игорь протягивает ей блистер с какими-то таблетками, и девушка послушно вытаскивает одну, запивая ее водой. — Аня.

Он протягивает блистер и мне.

— Что это?

— Таблетки от укачивания.

— Меня не укачивает.

— Ты же не летала.

— В машине же не укачивает.

— Выпей, я тебе очень советую. Кристину укачивает в самолетах с детства, а с машинами, как сама видишь, все в порядке.

Но я упрямо сжимаю губы. Мне не хочется пить сомнительные таблетки, да и как вообще в самолете может укачать? Его же не мотает в воздухе, как старую маршрутку на проселочной дороге…

Самолет приходит в движение, мы все рассаживаемся по креслам и пристегиваемся. Странно, но Игорь сидит в самом дальнем конце салона, не пытаясь усесться рядом, не подкалывает меня и даже не пристает. То есть… не то чтобы я злюсь или расстроена, просто это… странно. Как будто он вдруг осознал все последствия своего такого поведения и решил держаться в отдалении.

Но эти двадцать минут, что самолет скользит по взлетной полосе, мне до жути хочется, чтобы Крестовский сидел рядом, как тогда, в машине, и утешал меня своим стоическим спокойствием. Потому что мне страшно! Адски страшно в ожидании момента, когда мы оторвемся от земли и взмоем в небо. В голову приходит широко известная истина о том, что большая часть катастроф происходит при взлете и посадке, а сердце бухает

в груди. В момент, когда мы набираем скорость, я чувствую рывок — и уже лечу.

Тут-то и накрывает.

Вкупе с безысходным страхом от того, что я заперта в железной, непонятно как летающей фигне, меня буквально скручивает в тугой узел. Я радуюсь, что ничего не ела перед взлетом, и стараюсь глубоко дышать, закрыв глаза. Наверное, если бы меня стошнило, было бы проще, но я даже тошноты не чувствую, а мир вокруг вращается, и в голове селится отвратительное ощущение, которое я даже самой себе не могу описать.

Мне хочется на землю и сдохнуть, чего больше — непонятно.

Чья-то рука тыкает меня в плечо, и я вижу Сержа с уже знакомым блистером таблеток. Я готова уже съесть не одну, а целую пачку. Жадно пью холодную воду и прикладываю запотевшую бутылку к шее. Легчает.

Что ж, за время полета я хотя бы не бегаю в уборную. Но все равно чувствую себя так, словно сверху попрыгал бегемотик. Когда мы набираем высоту, Кристина с явным удовольствием завтракает йогуртом с фруктами и выпивает бокал шампанского, Серж молотит здоровую тарелку со стейком и картофельными оладьями, Алекс

задорно хрустит чипсами в процессе какой-то компьютерной игры, а Игорь пьет кофе с шоколадом и смотрит в ноутбук, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг.

Все напитки и блюда приносит миловидная стюардесса, и я, в общем-то, завидую, что не могу как следует насладиться полетом. А красота за окном просто нереальная! Мягкие пушистые облака, какие-то далекие земли внизу. Когда мы пролетаем над бескрайним синим морем, у меня дух захватывает от красоты и нереальности происходящего.

На посадке мне чуть легче, но все еще страшно и плохо, так что я выхожу из самолета с ощущением безграничного счастья. Дышу воздухом, смотрю в небо, пытаюсь найти отличия в пейзаже и с нетерпением жду дальнейших событий.

Мужчина в темном костюме провожает нас к небольшому стеклянному зданию с вывеской «Rent Car», где Игорь получает две пары ключей от машин. Похоже, здесь у братьев нет водителей, и они садятся за руль сами. Через несколько минут ожидания нам пригоняют две машины, и я изумленно ахаю, потому что одна из них — стандартный темно-синий внедорожник, а вот вторая — ярко-красный кабриолет на два места.

— Ну, малышня, разбирайте кареты, — усмехается Серега. — Кто куда? Я, чур, в темненькую, буду на ней клеить горячих греческих девочек.

— Единственные, кого ты сможешь склеить на этой развалюхе, — горячие тетушки-гастарбайтеры, — кривится Крис.

Но все же садится на переднее сиденье внедорожника и уже оттуда кричит:

— Не вздумай посадить сюда эту нищенку, иначе я спрыгну на ближайшем серпантине!

Серега задумчиво чешет затылок…

— Все нормально, — усмехаюсь я, — мне тоже не очень хочется с ней ехать.

Тем более что я влюблена в кабриолет. И пусть в нем окажемся только мы с Игорем вдвоем, зато я получу незабываемые впечатления от пейзажей, свежего ветерка в лицо и моря!

Серега первый резво стартует с места и уносится вдаль, явно получая удовольствие от вождения. Мы едем следом, и я верчусь, как ребенок в троллейбусе, пытаясь рассмотреть все и сразу. Сначала дорога самая обычная, городская, только заметно у`же, чем в России. Всюду вывески на греческом и английском, но встречаются и русские. В основном, конечно, туристические: «шубы», «таверна», «бар», «сувениры», «экскурсии». Я

всматриваюсь в витрины супермаркетов, с любопытством рассматриваю сувенирные лавочки, пока Игорь лавирует между домами и медленно преодолевает повороты.

Я с нетерпением жду встречи с морем, но когда вдруг вижу его, одновременно и восхищаюсь, и до полусмерти пугаюсь.

Потому что дорога — это двухполосный серпантин вдоль небольших, но очень внушительных гор. И хоть скорость движения на этой дороге не сказать чтобы большая, каждый раз, когда Игорь входит в крутой поворот и машина оказывается в паре сантиметров от хиленького сетчатого заграждения, я чувствую, как все внутри переворачивается.

А если дорога идет под углом, то я вообще наклоняюсь в сторону пропасти и закрываю глаза.

— Ты боишься, что ли? — хмыкает Крестовский.

Он традиционно невозмутим и даже расслаблен.

— Я… боюсь, — соглашаюсь.

— Расслабься, я ездил по таким дорогам сотни раз. Ты еще не была в порту Санторини, подъем в Фиру из него такой, что впечатлительным становится плохо.

— Мне и этого хватает, — бормочу я.

Потом, конечно, успокаиваюсь. Мы не срываемся в пропасть, в отличие от Сереги Игорь не несется так, словно куда-то опаздывает. Так что я могу насладиться видами, от которых захватывает дух! Синее-синее, всех возможных оттенков, море. Живописные бухточки, отвесные скалы, песчаные пляжи и голубое небо с редкими полупрозрачными облачками.

А еще жутко жарко, даже утром, и я жалею, что не надела кепку. Хотя ее, по-моему, вообще нет в моем багаже. Надо будет отыскать какой-нибудь магазин.

— Красиво, — говорю я, потому что странная тишина уже начинает напрягать.

Что я снова такого сделала, что Игорь мной недоволен?

Он вдруг смотрит на меня, долго, задумчиво, и говорит совершенно неожиданное:

— Ты не хочешь наладить отношения с Крис?

Я давлюсь водой и надсадно кашляю. Его что, по голове вчера ударили?

— Ну да, это же я отказалась ехать с ней в одной машине.

— Ну да, Кристина сложная девушка, но вы одного возраста, живете в одном доме, почему бы

не подружиться?

— Тебе тоже кепочку купим, — обещаю я. — Перегрелся.

— С Серегой ты подружилась.

Мне кажется или в голосе прямо-таки ревность? Даже забавно, как настоящий Игорь Крестовский отличается от того, который встретился мне в номере отеля. В мужчине с ледяным сердцем и темными глазами, оказывается, бушуют вполне человеческие чувства.

— Серега не мечтает сбросить меня с лестницы. Это, кстати, почти дословная цитата твоей сестрички. Как только ее это желание попустит, мы непременно станем как близняшки. Одинаково оденемся и будем всем говорить, что нас разлучили в роддоме.

Выражение лица у Игоря становится — хоть портрет пиши. То ли идея одеваться одинаково не нравится, то ли садистские наклонности Крис все же немного беспокоят. Но я смеюсь и снова поворачиваюсь к морю.

— А что мы будем делать? Ну, в отпуске… просто гулять?

— Сегодня — да. Завтра покатаемся по округе, посмотрим на другие пляжи, расспросим местных, куда тут можно выбраться.

— А что это вообще за место? Ну то есть… Греция, это я знаю, а какой город?

— Сейчас мы выехали из Ираклиона, едем в отельный комплекс, который я хочу купить.

— Значит, не в ваш дом?

Я действительно обрадовалась, что Сергей и Игорь вняли моему совету. Ну и что, пусть Кристина — последняя стерва, которая меня ненавидит, все равно ее жалко. И она не заслужила жизни в постоянном напоминании о покончившей с собой матери.

— Не в наш, — согласился Игорь. — Посмотрим отель, потестируем и решим, стоит ли в него вкладываться.

Мы едем еще с полчаса, и все это время я с восторгом наблюдаю за меняющимся пейзажем. Мне хочется увидеть и попробовать все! Посмотреть на забавные оливковые рощи, попробовать местные фрукты, окунуться в кристально чистую голубую воду, посмотреть на звезды и… не знаю, лечь на песок, закрыть глаза и попытаться поверить, что я и впрямь оказалась в сказке.

Когда мы въезжаем на территорию отеля, я изумленно открываю рот. Он шикарен… он огромный! Состоит из множества корпусов и одного большого здания. Игорь на несколько

минут оставляет меня в машине, чтобы сходить за ключами на ресепшен. Сергея уже не видно — поехал на стоянку у номера.

Мы спускаемся по витиеватой дороге к самому дальнему месту на территории отеля, где в небольшой бухточке стоит дом очень интересной конструкции. Белый, современный, с большими окнами, так любимыми Крестовскими. Каждая спальня в нем — отдельная пристройка, практически у самой линии воды. Мне хочется спросить, как оно — жить там в шторм, но Игорь паркует машину и двери щелкают.

— Можно выйти? — спрашиваю я.

Крестовский кивает, я выскакиваю из машины и несусь к морю, чтобы потрогать рукой воду у самого берега, вдохнуть аромат и поздороваться. Долго стою, смотрю в даль, обрамленную двумя живописными скалами с редкой растительностью. Вода бирюзовая, прозрачная и очень спокойная.

Затем разворачиваюсь и бреду к дому по узкой каменной дорожке. Каждая спальня представляет собой бунгало с отдельным входом, а основное здание — гостиная и ресторан. Наверное, жутко здорово просыпаться и видеть в окно море так близко.

Только…

В одной из спален расположилась Крис, в другой Алекс закрылся и врубил музыку, в третьей Серж отправился в душ, а в четвертой ноутбук в Сеть подключает Игорь. К нему я и решаю пристать.

— А где моя комната?

— А где твой чемодан? — спрашивает он.

— Вот. — Я тыкаю пальцем в свой красненький чемодан, прислоненный к небольшому бежевому диванчику.

— Ну и сделай вывод.

Несколько минут я растерянно стою посреди комнаты, а потом до меня доходит:

— Ты это специально сделал! Я не буду с тобой жить!

— А где ты будешь жить?

— Сниму номер в отеле, я не знаю…

— С сотней евро в кармане?

Я молча бешусь, потому что совсем не знаю здешних цен, но теперь уверена, что Игорь этот момент предусмотрел. У меня нет карточки, в кошельке сто евро, а в перспективе ночевка или на пляже, или с Игорем. И вроде как на пляже мне ночевать совершенно не хочется, но в этой спальне одна (хоть и большая) кровать, а к тако-

му я просто не готова!

— Ладно. Ладно, я так просто не сдаюсь.

Я выхожу из домика и направляюсь к следующему, в котором расположился Серега. Он уже вышел из душа и с наслаждением валяется на кровати с бутылкой пива, завернутый в полотенце.

— О, привет, — говорит он мне. — Чего это ты такая взъерошенная? Вот говорил я Игорехе с откидным верхом машину не брать, мозги продует.

— Можно я у тебя поживу? — спрашиваю без вступлений.

Серж давится пивом и кашляет:

— Не-не-не, Калинина, тормози! Я, конечно, против тебя ничего не имею, но я жить хочу. Меня с двух сторон убьют и вон на пляже закопают. Давайте-ка решайте с братиком свои проблемы сами и не добавляйте мне новых, окей?

— Но… — я пытаюсь возразить. — А если я пострадаю, ты себя не будешь чувствовать виноватым?

Серж закатывает глаза:

— Только не прибедняйся. Игореха не из тех, кто дубасит подружек после неудачного дня. Все, брысь отседова, пока нам обоим не прилетело.

— Знаешь, для человека, спалившего свой секрет, ты удивительно вредный! — бурчу я.

К Алексу не сунусь даже под страхом смерти, а вот Крис…

— Привет, — говорю я, заглядывая в ее домик.

— Денег нет, — отмахивается девушка.

— Очень смешно. Слушай, а можно я у тебя поживу?

— С хуя ли?

— Ну… я не хочу жить с Игорем, Серега меня выгнал, с Алексом мы не общаемся.

— Ну вот и спи на пляже.

Но Крис — не Серж, ее я не боюсь. Она агрессивная и стервозная, но понятная и близкая по возрасту. Противостоять ей проще. Поэтому я тоскливо вздыхаю и говорю:

— Ладно, извини, что побеспокоила. Пойду к Игорю и буду надеяться, что я не болтаю во сне и не выдаю все секреты…

Крис замирает над цветастым платьицем, которое как раз намеревалась повесить в шкаф.

— Ты что, меня шантажируешь? — Она нехорошо щурится.

— Предупреждаю. В вопросах общения с мужчинами у меня опыта, как у монашки, поэтому, о чем Игорь изволит общаться в процессе сов-

местного проживания, понятия не имею. Вдруг напоит меня и расспросит о всяком-разном…

Мне кажется, сейчас Крис взорвется от злости.

— Ладно, живи, — наконец с трудом говорит она. — Но хоть одно слово…

— Да, знаю, на пляже закопаешь, Серж уже намекнул.

Я возвращаюсь в номер Крестовского и по дороге размышляю, в кого же я превращаюсь. Как легко и удачно получилось шантажом выбить себе место в комнате. А если бы Крис отказала? Я ведь все равно бы промолчала, вернулась к Игорю и забилась в угол дивана. Что ж, повезло, что Крис не слишком хорошо меня знает.

Крестовскому хорошо. Мне даже смешно от того, как он сидит у входа, на крошечной верандочке, за столиком, потягивает минералку и смотрит на море. Довольный, расслабленный, в расстегнутой рубашке, на которую я стараюсь не смотреть. Он видит меня и довольно улыбается, а я прохожу мимо и через минуту выхожу с чемоданом, аккуратно спуская его на дорожку.

— Ты это куда? — удивляется он.

— Дружить, — сообщаю я.

— Чего?

— Ты сам сказал мне подружиться с Крис. Вот я

и решила с ней дружить, а чтобы дружба вышла более крепкой, мы поживем с ней две недельки.

— Калинина… — У него в голосе столько возмущения, что я не могу не смеяться.

— Что, Игорь, что? Неужели ты запретишь нам с Крис налаживать отношения?

Несколько секунд он так на меня смотрит, что кажется: да, запретит. И не просто запретит, а на плече вернет в комнату и затолкает под одеяло. Я размышляю о том, как мы будем смотреться, несущиеся по пляжу: я, Игорь и чемодан на колесиках.

— Ты же понимаешь, что это только бой, а не война? — интересуется он.

— Я знаю лишь то, что ни с кем не воюю, — отвечаю и бодро топаю к третьему домику.

Ну да, две недели в террариуме со змеей, наверное, лучше, чем с Игорем.

После обеда, который проходит в отдельном ресторане (больше напоминающем столовую, потому что в нем накрывают только для нас пятерых, мы отправляемся на пляж. Солнце жарит нещадно, но в нашем распоряжении зонтики, лежаки с удобными матрасами, персональные небольшие вентиляторы и бар в основном корпусе, где можно заказать приятно освежающие

напитки.

Я давно не была ни на каких водоемах, но даже в детстве, когда родители вывозили меня купаться, не видела такого, чтобы целая бухта с чистым бирюзовым морем и мягким песком принадлежала только пятерым людям.

Я чувствую себя неловко в открытом купальнике. Отчасти потому, что не привыкла к нему, отчасти потому, что ловлю на себе задумчивые взгляды Игоря. Он, кажется, занят разговором с Сержем, Алекс так и не отлип от планшета, Крис потягивает шампанское и листает журнал.

Я немного жалею, что не взяла книгу, но все равно наслаждаюсь морем. Пожалуй, сейчас я счастлива, просто от того, что вокруг такая красота.

— Чего не дружим?

Я вздрагиваю от неожиданности. Игорь садится на соседний шезлонг и нахально отпивает лимонад из моего бокала.

— Хорошенького помаленьку, — бурчу я.

Стараюсь не смотреть на Крестовского, потому что он в одних купальных плавках, и мне кажется, это только усиливает неловкость. Вообще в плавках все, а у Крис купальник вообще одно название — только ниточки да цепочки. Но именно

Игорь вгоняет меня в краску.

— Упрямая ты, Анька. Вечером бы взяли бутылку вина, фрукты, сыр, сели у моря, киношку бы посмотрели. А теперь будешь слушать недовольное Кристинкино сопение и отбиваться от ее богатейшего лексикона.

Я молчу, уставившись куда-то в скалу. Ну а что тут скажешь? Не признаваться же, что вино и сыр в его обществе меня пугают намного больше, чем лексикон Крис. С ней как раз все понятно: она меня ненавидит. А вот с Игорем…

Мы оба вздрагиваем, когда Серж вдруг орет на Кристину, направляющуюся к морю:

— Куда пошла бухая! Щас догоню, по заднице получишь!

Он срывается с места вслед за сестрой, оставляя меня на съедение хищнику, потому что Алекс давно уже отполз куда-то в тень, подальше от палящего июльского солнца.

— Зачем ты меня с собой взял? — спрашиваю.

— Я уже говорил, оставлять тебя в доме одну чревато разгребанием последствий.

— Ты сам-то в это веришь?

— Возможно.

Он вдруг поднимается и протягивает мне руку:

— Идем? Ты еще не купалась.

Мне жутко хочется окунуться в прохладное море и в то же время ужасно страшно. Где-то на мелководье плещутся Крис с Сержем, причем со стороны непонятно, то ли ругаются, то ли дурачатся, но брызги разлетаются на половину пляжа.

Вода поначалу кажется холодной, а потом — удивительно теплой. Солнце скрывается за крохотной тучкой, и я ныряю, чтобы оказаться под водой. Она очень соленая и чистая. Игорь проплывает мимо и бросает на ходу:

— Далеко не заплывай.

Мне кажется, он вообще не знает усталости, потому что я смотрю всего несколько минут, а Игорь уже доплывает до буйков, и ни одна мышца не дает сбоев. К нему мгновенно липнет загар, чего нельзя сказать обо мне.

Сзади вдруг что-то хватает меня за ногу, и я кричу от неожиданности, но это лишь Серж.

— Что за атмосфера невыносимых страданий? — смеется он. — Пошли, я тебя покатаю.

— Мне же с Крис жить! — фыркаю я.

— Да пошли, не бойся, не укусит. Я ее уже задолбал, а тебя еще нет.

Мы плаваем почти до буйков, и сначала я думаю, что Игорю это не нравится, потому что он

буквально прожигает меня недовольным взглядом. Потом понимаю: дело не в дальности, а в компании. Игорь ревнует! К собственному брату!

Это понимание так веселит, что остаток дня я пребываю в прекрасном настроении. Мы еще немного времени проводим на пляже, потом Серега тащит меня в ближайший поселок, в магазин. Вообще он предлагал всем, но никто не согласился, а я, вспомнив про панамку, с удовольствием прокатилась.

Мы провели там весь вечер. Сначала долго бродили по супермаркету, где я рассматривала все-все товары, с удивлением отмечая знакомые марки, и не просто знакомые, а с надписями на русском языке.

— В туристических поселках много такого, — пояснил Серж. — Лучше покупают знакомое.

— Но разве отпуск не для того, чтобы пробовать новое?

— У всех свои предпочтения. Кто-то в баре люксового отеля заказывает исключительно русскую водку и весь отпуск бродит в поисках соленых огурцов.

Это точно не про меня, я хочу пробовать как можно больше нового. Жизнь научила ценить то, что имеешь, потому что в скором времени этого

можно и лишиться. И хоть Серж говорит, что по моему желанию в номер принесут хоть греческие сладости, хоть русскую водку, я все равно взяла чай с майораном, разных фруктов и несколько местных йогуртов.

Потом Серж предложил зайти в кондитерскую и выпить по чашке кофе с выпечкой. Там, среди рядов вкуснейшей и свежей выпечки, я просто потерялась, и в конце концов Сереге надоело ждать, пока я расспрошу продавщицу о каждом кексике.

Уезжали мы с пятью большими коробками на заднем сиденье, где, цитируя Сержа, было «все по кусочку, что понравится, потом возьмем».

— Мог бы просто сказать, что я тебе надоела и пора домой. — Я сижу красная как рак, а этому дураку весело!

Еще в багажнике бутылок пять разного… всего. Вина, какой-то настойки, ликеров.

— Зачем это, если в баре могут подать все, что угодно? — спрашиваю, когда мы возвращаемся обратно.

— Не знаю, всегда берем у местных всего понемногу, в доме же жили. Доставку заказывали. В отеле первый раз. Привычка.

Еще мы купили забавную белую шляпу, так

что теперь я защищена от солнца. Купить бы что-нибудь еще для защиты от Игоря, но от таких гадов мелок не продают.

Вечером я сижу в столовой с огромной кружкой травяного чая, а на тарелке куча крошечных кусочков кексов, рулетов, печенья и так далее. Я это вряд ли осилю, но хоть половину бы попробовать, потому что запах просто нереальный!

— Ух ты, — Игорь поднимается из спальни и сует нос через мое плечо, — хорошо вы погуляли.

Он тянется к одному из кусочков, но я бью его по руке:

— Не трожь мою еду!

Прежде чем Крестовский решает возмутиться, заходит Серж.

— О, чаек! А мне сделаешь?

— Конечно.

Пока я встаю за чайником, Серж выбирает себе кекс и с довольным видом жует.

— А почему ему можно, а мне нет?

— Потому что это он купил для меня. Тебя, как видишь, в этой схеме нет.

— Дружить с Серегой установки не было, — обиженно бурчит Игорь, но явно не всерьез.

— Да ладно, брателло, я с тобой поделюсь. Вот, возьми этот сухарик и благодари меня вечно!

Ладно, я не настолько злая и вредная, чтобы не сделать человеку чай, так что возвращаюсь с двумя кружками. Но с приходом Игоря уют, который я ощущала, сидя в одиночестве, испарился, а легкий нрав Сержа не сглаживает неловкость. Так что я допиваю чай и ухожу в комнату, где Крис принимает душ.

Мне не хочется с ней встречаться и разговаривать, а еще кровать в комнате одна, хоть и огромная. Момент, когда надо будет лечь спать, грозит мне еще большим напряжением. Думается, с тем же успехом я могу отправиться ночевать на пляж, вряд ли в комнате Крис я высплюсь лучше.

Сижу на веранде с книгой, смотрю на море и сама не знаю, куда катится моя жизнь. Крестовские меня меняют, близость к ним заставляет переосмысливать очень многое. Но нравятся мне эти изменения или нет, я понять не могу.

В один момент Крис уходит. То ли в гостиную, то ли на пляж, я не знаю, но решаю, что лучше момента не придумаешь. Переодеваюсь в пижаму и забираюсь под одеяло, стараясь занять как можно меньше места. Переизбыток впечатлений и переживаний дает знать: отрубаюсь мгновенно.

Лишь в середине ночи, проснувшись от шума

дождя, понимаю, что ночевать Кристина так и не вернулась.

Глава 14

На следующий день, еще до обеда, мы едем исследовать остров. Все в том же составе: с Сержем едут Алекс и Крис, а мы с Игорем в кабриолете. От ночного дождя не осталось и следа, только приятная свежесть. На заправке Серж покупает нам лимонад, и, пожалуй, я чувствую себя совершенно счастливой, наслаждаясь видами.

Периодически Сереге становится скучно, и он звонит нам. Мне приходится ставить телефон на громкую связь.

— Слушай, я тут глянул карты, до Балоса не доедем. Вернее, ты не доедешь, на пузо сядешь, мы, может, еще и проскочим.

— Надо взять на корабль билеты, — лениво отвечает Игорь.

Я понятия не имею, о чем они говорят, но все равно интересно.

— Кстати, тут принцесса сообщила, что хочет подарков, — говорит Серж.

— Ну а она знает, куда ехать?

— Ага, уже все разведала. Минут через тридцать по пути салон.

— Ладно, двигайте, мы за вами.

Когда Серж отключается, я спрашиваю:

— Куда мы?

— Увидишь, — хмыкает Игорь.

Надо же, он даже не злится за то, что я сбежала с Крис. Это его вечерний чай так успокоил? Надо будет захватить пару ящиков в Россию.

От поворотов и высоты захватывает дух. Я немного меньше боюсь этих серпантинов, но все равно сердце замирает, когда машина выделывает особенно крутые виражи. Спустя полчаса с небольшим въезжаем в какой-то город, название которого я прочесть не успеваю. Паркуемся и идем пешком. Сначала вдоль моря, а затем сворачивая на уютные узенькие улочки, чем-то напоминающие итальянские переулки. Здесь полно сувенирных лавок, кафешек, баров и магазинов. Но очень красиво и колоритно. Вот только людей очень много, так что сделать классные фотки не особо выходит.

Серж и Крис, идущие впереди, так резво скрываются в одном из магазинчиков, что я теряю их из виду и лишь благодаря Игорю не остаюсь на оживленной улочке одна.

Это оказывается ювелирный магазин, оформленный под старину. По большей части среди

украшений преобладают серебряные, но есть и золотые комплекты. Нас встречает улыбчивая хозяйка средних лет. Игорь что-то говорит ей, и она провожает Крис к одной из витрин. Алекс со скучающим видом рассматривает что-то снаружи, а я отхожу к стеллажу с изящными серебряными статуэтками.

Работа, похоже, ручная, хоть я в этом ничего и не понимаю. Но меня завораживают плавные линии, соединяющиеся в изящные фигуры.

— Вот это и это, — слышу я голос Крис.

И следом Сержа:

— Боже, храни женщин, которые быстро определяются с покупками!

И как ему удается, учитывая все обстоятельства, постоянно шутить? Хотя, может, Сергей так прячется от проблем? Ведь если казаться весельчаком всем остальным, то можно и самому в это поверить.

Эта неожиданная мысль так увлекает, что я не замечаю момента, как чьи-то руки смыкаются на моей талии и тащат меня куда-то в сторону.

— Игорь, что ты…

Из его захвата не вырваться, держит хоть и мягко, но очень настойчиво. Я оказываюсь перед одной из витрин и несколько недоумеваю. За

кассой уже упаковывают покупки Крис, Серега расплачивается, а мы стоим как дураки. Игорь чего-то ждет, а я туплю, как обычно в неудобные для себя моменты. Мне тоже проще поверить в то, что я не понимаю, чего от меня хотят.

— Давай посмотрим, что у нас тут подойдет для тебя. Хочешь туфельку? Как у Золушки?

В углу витрины действительно притаилась небольшая сказочная коллекция. Среди нее и серебряная туфелька, и золотые сережки-тыковки, и даже медальон с принцем и Золушкой, закружившимися в танце.

— Нет, — я качаю головой, — это точно лишнее.

— Ну как это? Крис получит подарки, а ты нет?

— А Алекс?

— Ладно, я куплю ему серебряную стопку. Калинина, почему ты не можешь просто порадоваться подарку и сказать спасибо? Это что, адски сложно?

— Дело не в том, что я не могу порадоваться. Дело в том, что ты потратил на меня куда больше положенного. И привез на море. Это уже сам по себе подарок, а принимать еще больше, да еще и такие дорогие, мне неловко. Это выходит за рамки, и я к такому не привыкла, поэтому…

Я вдруг замираю, увидев на витрине, на самом последнем ряду то, что увидеть совершенно не ожидала.

Игорь все видит и все замечает, наверное, я не просто умолкаю, но еще и вздрагиваю. Он пытается проследить за взглядом, но на витрине десятки украшений! Поэтому берет мою руку в свою и ведет по идеально чистому стеклу.

— Ну-ка, пальчиком покажи, что ты там увидела.

— Ничего, — усилием воли я выхожу из оцепенения. — Показалось. Игорь, правда, мне ничего не нужно, но я очень тронута, что ты предложил.

Он даже не сдвигается с места! Просто ждет, когда я передумаю, понимая, что выбора у меня нет. И так он делает всегда. Я снова смотрю на тонкое золотое колечко с крошечной птичкой. И вспоминаю то, которое давным-давно сдала в ломбард, чтобы хоть как-то ослабить нужду в деньгах. Оно было подарком на восемнадцатилетие, не очень дорогим, но очень ценным.

Это кольцо не точно такое же, на моем птичка сидела на нем, как на веточке, а на этом — расправила крылья, будто собираясь взлететь. Но оба этих кольца совершенно точно были выпол-

нены или одним мастером, или по одному эскизу. Слишком уж характерной вышла птичка.

Я солгу сама себе, если буду продолжать утверждать, что мне его совсем не хочется. Очень тяжело выбирать подарок от Игоря, непривычно, скорее неловко, чем волнительно. Я медленно провожу рукой по витрине, и палец замирает над вожделенным украшением.

Наверное, Игорю смешно, потому что вокруг куча изделий с камнями, куча куда более изящных комплектов. Но он кивает женщине, и та достает коробочку с колечком.

Когда я надеваю его, чтобы примерить, у меня натуральным образом дрожит рука. Но, может, это от того, что Игорь не отпустил ее и задумчиво поглаживает запястье. Кольцо садится на левый безымянный палец как влитое, но я знаю, что, даже если бы оказалось мало или велико, я все равно бы не смогла отказаться.

Украдкой смотрю на цену. Почти пятьсот евро! Пытаюсь перевести в рубли, но мысли путаются, а Игорь уже достает бумажник, и они с женщиной идут к терминалу. Кольцо у меня не забирают, не упаковывают его в коробочку, лишь отдают небольшой крафтовый пакет с логотипом салона.

Пока терминал обрабатывает платеж, я стою у витрины, зачем-то прижимая руку с кольцом к груди. Мне одновременно и плохо, да так, что хочется лечь и пореветь, и удивительно хорошо, как бывает хорошо ребенку новогодним утром, сразу после обнаружения подарков.

— Пойдем, — кивает Игорь, — сейчас Серега изноется, что снова хочет есть.

Я иду вслед за ним к выходу и понимаю, что должна сказать спасибо. Но голоса у меня просто нет, он исчез вместе с невыплаканными слезами. К счастью, Игорь останавливается, когда я дергаю его за рукав, и оборачивается.

Аккуратно приподнявшись на цыпочки, я целую его в щеку. Я даже той ночью так не боялась! И сердце стучало слабее, и голова не кружилась, а сейчас, кажется, не смогу и шага сделать без опоры. Тем более что Крестовский не намерен довольствоваться мимолетным поцелуем в щеку. Он привык брать все, что хочет, не обращая никакого внимания на то, что ему готовы предложить.

Он целует меня в губы, с силой вжимает в себя, ласкает языком и просто сносит все преграды, которые я так старательно строю. Словно их и нет. Сопротивляться его напору я не могу и не

хочу, меня словно током бьет, все внутри сжимается и требует большего, чем просто объятия. Я бы хотела, видит бог, хотела, чтобы этот поцелуй принадлежал только ему, чтобы потом я сказала, что и не хотела его целовать вовсе, просто не стала устраивать скандал. Но нет, между «он целует» и «мы целуемся» огромная разница величиной в пропасть. В ту самую, куда я лечу, забыв обо всем на свете. До сих пор мы не целовались и вряд ли кто-то из нас думал, что это так крышесносно.

— Блин, ребята, я жрать хочу! — раздается голос самого несчастного и голодного мальчика на свете.

Явно нехотя Игорь меня отпускает.

— Идем, — говорит он. — Надо пообедать.

Если бы он не взял меня за руку, я бы вряд ли даже нашла выход из салона. У него таких поцелуев миллион в прошлом и еще столько же впереди. Игорь думает, он подарил мне просто кольцо и за это я его поблагодарила.

Но на самом деле он подарил не кольцо. Крылья, что ли? Как у маленькой золотой птички.

Мы обедаем в потрясающем ресторанчике. Очень уютном. Он располагается прямо в переулке-тупике, вместо крыши — сетка, увитая зеленью и цветами, повсюду антуражные фона-

ри. Салат, который я заказываю, такой вкусный, что мне стоит немалых усилий не заглатывать моцареллу целиком. Крис вообще мало волнует еда, Серж и Игорь увлечены разговором, Алекс… в неизменном планшете.

Я предоставлена самой себе, так что наслаждаюсь едой и рассматриваю кольцо. Это хоть немного отвлекает от навязчивых мыслей. Я считала, Игорь ничего не добьется своим поведением, я смогу устоять, но на самом деле думаю о том, поцелуют ли меня еще раз. И это невыносимо, мысли несутся, как снежный ком с горы. Я даже не сразу замечаю, как Игорь рассчитывается и они все встают.

Пора возвращаться. Мне нравится этот город, и я даю себе обещание обязательно сюда вернуться как-нибудь в другой раз.

По дороге домой Крис и Серж ссорятся. Я понятия не имею, что у них произошло, но во время одной из остановок они буквально шипят друг на друга, а Крестовская в выражениях не стесняется.

— Кристина, я тебе рот с мылом вымою, если еще раз услышу, — бросает Игорь, проходя мимо.

Посылают и его.

Мне неловко становиться свидетелем этого

скандала, так что я впервые с начала путешествия сетую на открытый верх машины. Игорь тоже мрачнеет. На него семейные проблемы, похоже, влияют куда сильнее. Он будто старается держать родных вместе, но видит, что отношения с каждым днем все больше дают трещины. И я понятия не имею, как это исправить, да и не смогла бы, даже если бы захотела.

Здесь рано темнеет, и хоть часы еще показывают всего пять, цвета уже меняются, море становится беспокойнее. Мы проезжаем очаровательную бухточку, как вдруг Игорь резко бьет по тормозам, как тогда ночью, на дороге. Только на этот раз я вижу нарушителя, из-за которого машина врезается в заграждение и опасно наклоняется.

Внизу — скала и море. Позади — горы и двухполосная дорога. Машина стоит устойчиво, но мне все равно жутко, потому что угол наклона сумасшедший.

— Сиди спокойно, — говорит Игорь.

Звонит Сержу, и тот возвращается.

— Н-да-а-а. Кто вас так?

— Козел.

— Это я понимаю, а конкретнее? Мне полиции-то что говорить?

— Блин, Серега, реально козел. Горный.

— Подтверждаю, — сказала я. — Он самый.

Серж начинает неприлично ржать, одновременно набирая номер. Он что-то долго объясняет по-английски, а потом идет в свою машину, на ходу крича:

— Приедут скоро с эвакуатором. Сидите там и не дергайтесь, сейчас трос достану. Кстати, страховая очень интересовалась судьбой козла. У них тут полкосаря штраф за него.

— Что? — ахаю я. — А он жив?

— Живой, — смеется Серж.

— Пока, — мрачно добавляет Игорь.

Картина, как Крестовский бегает за козлом в жажде мести, немного сбавляет напряжение. Не везет нам с машинами в последнее время, прямо как проклятье какое-то.

— И что будем делать?

— Ждать эвакуатор.

— А выйти…

— Поранишься.

Я чувствую какое-то напряжение, изменившееся настроение Игоря. Наверное, это неприятно — разбить машину из-за козла, но внутренний голос подсказывает, что причина далеко не в аварии. Мне не хочется знать. Я, как маленький

ребенок, оттягиваю неприятный момент, но Игорь сам заводит разговор:

— Ты спрашивала, зачем я тебя взял с собой.

— Да.

— Потому что хочу. Тебя. В своей постели.

Я качаю головой и вздыхаю. Да, это Крестовский. По-другому он просто не может. Как только мне кажется, что лед между нами тает, Игорь снова превращается в того холодного мудака, который силой запихнул меня в машину и привез в свой дом.

— Ты для этого снял дом с четырьмя спальнями? Чтобы у меня не было выбора?

— Да. Ты сломала мой план, и я этим очень недоволен. Хватит бегать, вечером ты или спишь со мной, или спишь на пляже.

— Я живу с Крис…

Чувствую, как начинаю злиться.

— Мнение Крис никто не спрашивал.

— Да, я заметила. Поэтому она и на таблетках. Вы ее ни о чем не спрашиваете. Как и меня.

— Да плевать, Калинина. — Он усмехается: — Правда в том, что если раньше я сдерживался, потому что ты делала вид, будто меня ненавидишь, то теперь сбежать не получится. Я запомнил, как ты меня целовала. Не ври самой

себе, ты хочешь заняться любовью не меньше.

— Ты псих! Я не буду с тобой спать!

— Будешь.

— Ага, сейчас.

— Это твой единственный вариант, Аня.

— Иначе что? Что ты мне сделаешь, если я откажусь?

— Ты не откажешься. — Он улыбается. — Не сможешь. Два раза, что мы были рядом, ты сходила с ума. Думаешь, в третий будет иначе? Вечером. Или придешь сама, или я унесу тебя на плече, на потеху народу.

Я молчу, мне кажется, еще чуть-чуть, и я наброшусь на него с кулаками. За то, что уничтожил на корню все возможности нормальных отношений. За то, что испортил мне день.

— Почему ты все портишь? Почему каждый раз, когда я думаю, что между нами может быть что-то, кроме скандалов, ты напоминаешь мне, за что я тебя ненавижу!

Игорь молчит, копается в телефоне и выглядит совершенно спокойным. Мы сидим так вплоть до приезда эвакуатора. Мне дико страшно, когда машину вытаскивают и она на мгновение зависает над пропастью, но я слишком зла на Игоря, чтобы просить у него защиты.

Когда я уже собираюсь выходить, он говорит:

— Я просто честен. Это куда более порядочно, чем держать тебя за дурочку и пользоваться наивностью, убеждая в вечной любви.

Не говоря ни слова, я выхожу из машины. Хочется орать и бить посуду, но вокруг только горы и редкие деревья.

Оформление ДТП затягивается до темноты, хотя еще и не поздно. Затем мы ждем вторую машину, хотя Серж предлагает как-нибудь укомплектоваться в одну. Но ничего не выходит, да и полицейский категорически запрещает нам так ехать.

Постепенно все начинают злиться. Мы голодные, уставшие. Крис и Серж все еще дуются друг на друга, и теперь в их компании я. Игорь делает вид, что все в порядке. Но между нами не все в порядке. Мы делаем шаг вперед и сразу несколько назад, оказываясь друг от друга очень далеко.

Я не сомневаюсь, что он сдержит слово и сегодня придется остаться в его комнате. Но сомневаюсь, что смогу дать ему то, что он хочет. Мы из разных слоев и с разным опытом. Не понимаем друг друга от слова «совсем». Я боюсь его напора, а он словно намеренно держит меня на расстоянии. И как только я ступаю на запретную

территорию, Игорь тут же холодно отодвигает меня в сторону.

— Ну че, я, может, пожрать съезжу возьму? — предлагает Серега. — Или давай девчонок отвезу до отеля, пусть заваливаются спать, мы уж тут покараулим. А завтра вставим фирме по первое число. Премиум рент кар, мать их.

Крис вместо ответа показывает брату средний палец.

— Вон там, — я показываю на возвышение чуть подальше, — есть таверна и пляж. Идемте, поужинаем и погуляем. А когда машину пригонят, позвонят.

Я, в общем-то, не предлагаю, а скорее информирую о собственных планах, потому что устала сидеть на одном месте, а еще почти кончилась вода. Мне нужно в туалет, умыться, перекусить, и, возможно, я перестану приходить в бешенство от одного вида Игоря.

Крестовские нехотя идут за мной, но вид простенькой таверны с десятком столиков на краю живописной бухты их совсем не впечатляет. Это не похоже на рестораны, в которых они привыкли питаться, это настоящая деревенская греческая таверна. Очень уютная и домашняя.

— Я туда не пойду, — кривится Крис. — Ужас

какой-то.

— Да, помойка знатная, — впервые на моей памяти подает голос Алекс.

— Как хотите, — пожимаю я плечами и смело захожу в таверну.

У меня есть деньги, я хочу здесь поужинать — так какие могут быть возражения? Пусть Крестовские тащатся в свой фешенебельный ресторан пешком и, закинув языки на плечи, освежаются вином за тысячу евро. Я буду делать то, о чем мечтала. Сидеть в простенькой и уютной таверне с видом на прекрасное лазурное море. И потягивать вино. Да, оно стоит несколько евро, зато без вездесущего снобского взгляда Кристины.

А нет — я слышу, как все семейство заходит внутрь за мной. Как недовольно сопит Крис, как презрительно цокает Алекс. Но мы размещаемся за столиком у самых перил, и приветливый официант приносит нам несколько картонок — меню.

— Фу, — морщится Крис. — Они все потертые и старые.

Я не слушаю ее, напоминая себе, что Крестовские сами потащились за мной, и с интересом смотрю, что предлагает местная кухня. Здесь нет креветок в винном соусе и осьминогов под трю-

фелями, зато есть греческая запеканка «Мусака», а еще куча всяких салатов.

— Блин, кошмар какой-то. — Крис оглядывается и морщится. — Народ, ну вы серьезно? У них вообще есть лицензия? Да здесь для кишечных палочек естественная среда обитания!

— Как же ты купаешься в море? — усмехнулась я. — Ведь там столько грязи.

Крестовская снова демонстрирует свой средний палец, и я с интересом рассматриваю яркий маникюр. А что? Зачем-то же она его всем показывает. Вдруг мы пропустили шедевр?

— Я не буду здесь есть.

— Тебя никто и не заставляет, — не отрываясь от меню, сказал Игорь.

— Почему ОНА выбирает ресторан?

— Потому что других ресторанов я здесь не вижу.

— Значит, пусть потерпит!

— Не вопрос. Кто не хочет есть, тот ничего не заказывает и терпит.

К нам подходит женщина. Обычная, полноватая, в льняном сером фартуке, вышитом греческими узорами. На ее лице ни грамма косметики, а руки явно привыкли к работе. В сравнении с ней Крис просто барби, существо из совершенно

другого мира.

— Готовы сделать заказ? — к моему удивлению, по-русски спрашивает женщина.

Наверное, на лице это отражается, потому что она смеется:

— Да я из Москвы, ребята, рада видеть вас.

Крис предпочитает молча смотреть на море, Алекс демонстративно игнорирует весь мир, Игорь рассматривает меню, а Серж…

— Я буду это, вот это и это, — тыкает он в меню. — А вот это есть?

— А ты не лопнешь? — вырывается у меня.

Серж показывает мне язык.

Выбираю креветки на гриле, Игорь заказывает дорадо. Крис и Алекс, всем видом демонстрируя холодность, от заказа отказываются. Игорю приходится попросить для всех воды в бутылках. Мне кажется, когда мы приедем домой, всем как следует попадет. И я, может, еще в выигрышном положении. Меня-то просто в постель затащат, а их выпорят.

Эта мысль меня одновременно и забавляет, и пугает.

Женщина приносит напитки и представляется Натальей, она оказывается хозяйкой таверны. Уже пятнадцать лет живет здесь вместе с мужем.

Дети учатся в Ретимно, приезжая на выходные, а они в компании нескольких парней из поселка неподалеку держат таверну.

— В основном у нас едят туристы, берущие напрокат машины. Останавливаются по дороге, обедают. Раньше клиентов было меньше, а в последние годы они оставляют отзывы в интернете, и люди едут специально.

Тут у Игоря включается профессиональный интерес, и он расспрашивает Наталью о здешних местах. В основном с точки зрения человека, намеревающегося купить отель.

Приносят еду, я с наслаждением пробую нежные огромные креветки, пахнущие углями. Пожалуй, они смиряют меня с неприятностями этого дня. А еще на пальце блестит подаренное колечко.

Серега ест так, словно его не кормили с самого начала отпуска. Перед ним большая миска салата, в тарелке куча гриль-ассорти, еще стоит блюдо с запеченным сыром и баклажанами, а закусывает он это все большим бутербродом с маслом и оливками. Некоторое время я, открыв рот, наблюдаю за этой умилительной картиной. Нет, все-таки, несмотря на все, Серж — это нечто. Такую любовь к еде я еще не встречала.

Какие же они с Игорем разные. На самом деле все Крестовские настолько не похожи друга на друга, что я бы подумала, их воспитывали совершенно разные родители.

Наталья тоже замечает, с каким аппетитом ест Серж, и смеется, шутя гладит его по голове:

— Вот, правильно, надо кушать хорошо. Что-то у вас младшие совсем не едят.

— Угумс…чавк… — многозначительно отзывается Серега.

Я не могу справиться с последней креветкой, и она тоже кочует в тарелку к парню.

— О, порция йода! — радуется он.

Закусывает креветкой кусок баранины и, в общем-то, совершенно счастлив и готов никуда не ехать.

— Дорогая, давай я тебе хоть кекс принесу с кофейком? — предлагает Наталья Крис.

Та не удостаивает ее даже взглядом. Меж тем Игорь рассказывает, что мы ждем машину, и Наталья предлагает остановиться в ее доме.

— Наверху есть пара свободных комнат, переночуйте.

Я мысленно улыбаюсь, представив себе реакцию Крис, но Игорь сам вежливо отказывается.

Он дожидается, пока мы закончим, и просит

счет. Краем глаза я вижу сумму и с неожиданной радостью понимаю, что Крестовский оставляет щедрые чаевые. Мне нравится, что он далек от позиции Крис и не считает чем-то зазорным пообедать в обычной таверне.

Забрав деньги, Наталья снова нас удивляет: возвращает всю сдачу и вместе с ней большое блюдо с десертом и по чашечке кофе для каждого.

— Комплимент, мой фирменный кекс, называется «коридопита», ореховый.

Удивительно нежная, тающая во рту, пропитанная сиропом выпечка. Невозможно оторваться, и если после креветок я чувствовала себя сытой, то после пирога понимаю, что объелась.

А еще у меня вдруг появляется мысль, что Крестовским на самом деле очень не хватает мамы. Вот такой, как Наталья, которая приготовит для всех обед, а в конце угостит кексом и будет радоваться тому, какой у детей, пусть и давно выросших, хороший аппетит. Я и сама понимаю, как не хочется отсюда уходить, просто потому, что кто-то проявил заботу. Что чувствуют дети, оставшиеся без мамы давным-давно…

Мы выходим из таверны, и Наталья нас провожает, а еще… вручает Крис и Алексу по бумажному пакету, в котором отчетливо угадывается

пластиковый контейнер.

— Вдруг проголодаетесь, возьмите. Мне приятно встретить соотечественников.

Я внутренне вся сжимаюсь, потому что сейчас Крис или демонстративно откажется, или еще чего похуже. Мне даже кажется, ее рука с зажатым пакетом тянется к мусорке, но вдруг строгий голос Игоря возвращает меня в реальность.

— Кристина! — рычит он.

Благодарит Наталью и провожает всех к машине. Удивительно, но Крис, при всем ее бунтарстве, просто относит угощение и бросает на сиденье в машине.

— Тачка будет через полчаса, — говорит Серж, снова связавшийся с фирмой. — На них подействовало обещание выебать всех при случае.

— Я спущусь к морю? — спрашиваю у Игоря. — На десять минут. Подышать.

— Пошли, — говорит он, не спрашивая, хочу ли я гулять в его компании.

Но мне сытно и спорить совсем не тянет. По узкой каменной тропинке мы спускаемся к пляжу. С наступлением темноты волны на море становятся сильнее. У берега темно-синяя вода превращается в белую пену. Я захожу по колено и смотрю на звезды.

— Это Марс? — спрашиваю, увидев яркую красную точку.

Мы скачиваем приложение и пытаемся найти названия всех звезд, которые видим на небе.

— Наро-о-од! — орет Серж. — Карета приехала!

Приходится вернуться, несмотря на то что мне нравится этот спокойный пляж. Вокруг горы, вершины которых скрыты не то туманом, не то облаками. Шумит море, белая пена остается меж камней, ноги утопают в холодном песке. И темнота. Такая, что я с трудом понимаю, куда ставить ногу.

Нам привезли новый кабриолет, на этот раз черный.

— Прикинь, эти идиоты искали второй с открытым верхом, поэтому долго ехали. Типа, поменять люкс на люкс, а то, что мы застряли на трассе и уже готовы на «Жигулях» ездить, это фигня.

— Скажи спасибо, «Жигули» бы они еще дольше искали, — бурчит Крис.

Даже у веселого Сержа кончается терпение:

— Все, братик, теперь твоя очередь нянькой работать. Бери этих скандалистов, и катитесь… домой. А я повезу Золушку. Хоть отдохну, в отпуске-то.

С этими словами он хватает меня за руку и

буквально силой сажает в кабриолет. Мне, в общем-то, пофиг, с кем ехать, но это решение явно не нравится Игорю. И Крис… хотя Крис сегодня все не нравится.

— Слушай, мне кажется, идея так себе, — делюсь я опасениями. — Кристина меня живьем съест, сам сказал.

— Не съест. Я больше к ней отношения не имею.

Вот как… тогда понятно, почему они весь день скандалят. Мне до жути интересно, что между ними такое произошло, но не лезть же в чужие отношения. Поэтому я молчу и наслаждаюсь дорогой.

Дома меня ловит Игорь и практически приказывает:

— Спишь у меня.

— Игорь, я устала, мы весь вечер шатались по трассе, я хочу в душ и спать.

— У меня есть и душ, и спать.

— Все мои вещи в комнате у Крис.

— Значит, иди за вещами, а потом ко мне.

Спорить сил нет, сопротивляться тоже. Я усну, едва коснувшись головой подушки, а назавтра буду решать проблему под названием «Игорь Крестовский». Как — пока не знаю, но обязатель-

но придумаю. У Сержа, может, спрошу.

Я беру полотенце, пижаму, косметичку и, подумав, сумку с документами и деньгами (не то чтобы я не доверяю Кристине, просто… хотя все ж не доверяю). По дороге еще захватываю бутылку воды, потому что дико хочется пить. А может, я волнуюсь. Я-то собираюсь просто спать, а вот в намерениях Крестовского не уверена. Хотя вечернее ожидание машины и встреча с козлом даже его вымотали, и наверняка он отрубится еще быстрее.

В какой-то мере мне несложно отправляться спать в его комнату: остаться наедине с Крис, раздраконенной ссорой с Сержем, сродни кошмару.

Я решаю пройти не через дом, а по пляжу, подышать на ночь прохладным воздухом. Спускаюсь к нему и вдруг вижу чуть вдали, там, где кончаются лежаки и начинаются скалы, хрупкую фигуру.

Сначала я думаю пройти мимо и сделать вид, что не заметила Крис, но вспоминаю, как она отключилась у меня на кровати, смотрю на волнующееся море и не могу просто так уйти.

Она не видит меня, сидит на холодном песке. В темноте — пляж освещается только луной — я плохо вижу, что Крестовская делает. Подойдя поближе, понимаю, что ест. То самое угощение,

что дала Наталья. Какие-то крошечные пирожки и еще что-то, я в темноте не могу понять. Только щеки Кристины блестят от слез.

Уйди, Аня, ну уйди! Почему я никогда не могу пройти мимо этой девчонки? Почему она мне средний палец, а я лезу ей сочувствовать? Ведь проще будет, сейчас развернусь и сбегу, к Игорю под теплый бок. А она пусть тут сидит, пожинает плоды своего воспитания.

Но не могу. И упрямо бреду к ней, сажусь рядом и протягиваю бутылку воды, непонятно зачем схваченную дома.

Крис молчит. Сидит, словно оцепенев, молчит и смотрит на море.

— Уже распиздел?

— Поделился, скорее.

— Ну пляши.

— Не буду.

— Че это?

— Не все же такие, как ты. Некоторые чужим несчастьям не радуются.

Что делать дальше, не знаю. Воду я дала, убедилась (или нет?), что Крис в порядке. Надо встать и уйти, но я почему-то сижу и сижу. До тех пор, пока Кристина снова не начинает реветь. Я аккуратно глажу ее по плечу. Жалко, аж сводит

все. Я хорошо знаю чувство, когда хочется выть, свернувшись клубочком.

Она это и делает, а я растерянно перебираю светлые волосы и не даю ей лечь на песок. Я злюсь на Сержа, потому что он, похоже, сказал ей то же самое, что и мне в машине. Все же для Крис это слишком. У нее и так никого.

— Да ну их, мужиков, — вздыхаю. — Сбежать бы куда-нибудь. Чтобы утерлись.

Крис поднимается, шмыгает носом и вытирает покрасневшие глаза.

— Куда тут свалишь, сто евро в кармане.

Меня словно ударяет током, я подскакиваю на месте и лезу в косметичку, куда бросила визитницу. Там, в самом дальнем кармашке, я нахожу карточку. Старенькую, потертую, еще без возможности оплачивать касанием.

— Может, и не сто… — показываю ее Крис.

Та скептически хмыкает, но в глазах уже светится интерес.

— И сколько там?

— Немного, — признаюсь я, лезу в телефон, чтобы посмотреть баланс.

Игорь сам договорился о моем увольнении, а остаток денег за отработанные недели перевели на карту. Я и забыла про нее, ведь с самого начала

у меня была кредитка Крестовского. Никаких особых трат у меня не было, а в ситуациях, где я теоретически могла заплатить сама, я даже не вспомнила про то, что на счете у меня были отложены деньги. Как быстро привыкаешь к хорошему-то, в который раз поражаюсь!

Я копила с весны на зимнюю одежду и так, на черный день. Откладывала, сколько получалось. Получилось тридцать с лишним тысяч, если сплюсовать с последней зарплатой.

— Четыреста евро? — Крис заглядывает в мой телефон. — Негусто.

— Ну, на двухнедельный отдых точно не сойдет, а вот на пару дней свалить вполне получится. Еще плюс по сотне у нас. Итого шестьсот.

— Жить в коробке из-под телевизора?

— Ой, ну уж ради святой цели побесить братца можешь и рассмотреть отели для простолюдинов.

Некоторое время я гуглю отели, цены и билеты.

— Вот, смотри, десять тысяч за сутки за двоих. Колоритный.

Крис мрачно взирает на отель, который мне кажется шикарным.

— Ну…

Она смотрит в небо.

— Может быть. И как мы туда доедем?

— Семьдесят евро билеты на паром, получается двести восемьдесят…

— Сто сорок, — отрезает Крестовская. — Обратно Игореша заберет.

— А если нет?

Меня не вдохновляет идея застрять на острове без денег и возможности вернуться.

— Заберет, куда он денется. Бронируй.

— Погоди, а до порта мы как доедем?

— У меня ж есть права.

Я смутно вспоминаю что-то про способности Крис к вождению, о которых говорил не то Серж, не то Игорь. Но не могу уловить ничего конкретного.

— Они нас догонят. Надо…

— Да я сейчас ключи от машин заберу. На одной свалим, а вторую пока заведут…

— Новую пришлют.

Кристина закатывает глаза:

— Ага, так же, как днем прислали. Ты едешь или будешь тут дрожать и во всем слушаться Игорешеньку?

Я бросаю взгляд в сторону домиков и с сомнением закусываю губу.

Нам попадет. Обеим. И если Крис Игорь не убьет — она все же его сестра, то мне прилетит по полной. А еще это, наверное, нарушение контракта. Или нет? Я же не сбегаю насовсем… я лишь еду гулять, да еще и с его сестрой.

Как сложно удержаться от глупости, когда страшно оказаться лицом к лицу с противником, превосходящим тебя во всем. Требующим от тебя того, что ты не можешь дать. Я боюсь ехать с Крис, боюсь последствий, боюсь осуждения и разочарования Игоря, которые я испытала, засветившись на видео с Принzzем.

Но еще больше я боюсь идти к нему в комнату. Чтобы отсрочить этот момент, я готова хоть на гору забраться.

— Блядь, резче думай! — рычит Крис.

Мне очень хочется показать ей средний палец, но все, на что меня хватает, — язык. Я поднимаюсь с песка, и мы ныряем в темноту, к дорожке, ведущей на стоянку.

Глава 15

Он твердо решил в ближайшее же время покончить с этой выматывающей одержимостью.

Сначала это было прикольно, необычно. Кеды со звездочками, невинность, наивный взгляд. Неискушенность заводила, ну а удивительным образом уживавшаяся с ней ершистость добавляла перчинки. В один момент она с любопытством рассматривала манго, ибо никогда такого не пробовала, а в другой огрызалась так, как умела. Интересная девчонка, живая и яркая.

Но с прилетом в Грецию все это приобрело масштаб катастрофы. В самолете он никак не мог понять, как теперь воспринимать Калинину. Она не была ему сестрой по крови, но была сестрой Кристине, и… Игорь должен был смотреть на нее как на родственницу или все же новые обстоятельства открывали простор для действий? Потом она радовалась морю, солнцу, отдыху, ходила в купальнике, дразнила его, сама не замечая.

Потом поцеловала. И он начал допускать ошибки. Мелкие, несерьезные. Вместо того чтобы

следить за дорогой, бросал взгляды на девушку, вместо того чтобы сесть и почитать отчеты с работы, смотрел, как она плещется в воде. Это становилось похоже на зависимость.

И тогда, после поцелуя, он твердо решил получить наконец все, что хочет, и избавиться от одержимости. Нравится это Калининой или нет.

Хотя, конечно, нет. Он бы удивился, если бы она вдруг с радостью согласилась спать с ним. Но у Игоря нет ни времени, ни сил на бесперспективные ухаживания и прогулки по пляжу. Главное, получить Аню в свое личное пользование, а там он сумеет сделать так, чтобы у нее и мысли не возникло сбежать. Уже делал, и целовала она его не без удовольствия. И согласилась ночевать, недолго препираясь. Правда, больше из-за взбесившейся Крис.

Пока она ходила за вещами, Игорь принял быстрый контрастный душ и лег в постель, оставив половину девушке. Проверил почту, ответил на пару сообщений, представил, как сейчас обнимет теплую, маленькую, сонную и недовольную Аню, и… отрубился.

Теперь вот проснулся, лежит и соображает, что происходит и почему в окно светит солнце.

Рядом — никого, причем подушка выглядит

так, словно ее не тревожили. Ну, Калинина… сейчас он ей устроит. Что-нибудь, что именно, пока не решил.

Когда он приходит в столовую, надеясь встретить там всю честную компанию, с удивлением находит лишь Алекса и Сержа.

— О, проснулся, — хмыкает Серега. — Ты принцесс не видел?

— В смысле?

Похожее ощущение иногда возникает на работе. Когда близятся неприятности.

— В прямом. Криськи нет, ночевать не приходила, Калининой тоже нет, я проверял. Сумок их не нашел. Камеры над пляжем посмотрел, но купаться они точно не ходили. Рядом, конечно, есть дикий пляж…

В какой-то момент ему становится дурно, но потом холодный разум берет верх. Разве стала бы разумная до противного Аня купаться ночью на диком пляже? Да еще и с Кристиной. Они друг друга, кажется, ненавидят.

— Звонил?

— Конеш. Раз десять. Выключены телефоны.

— Ладно, поехали до главного корпуса, посмотрим камеры по всей территории.

— Пошли, — поправляет его Сергей.

— Что?

— Ключей в машине нет. В моей. А кабриолет вообще исчез.

— Та-а-ак.

Он быстро сначала набирает номер Ани, но слушает равнодушное «Аппарат абонента выключен…». Глупые девки! Там же серпантин, там опытные водители ночью ездить не рискуют! Блядь!

Уже не особо надеясь, набирает Крис, и вдруг с удивлением слышит гудки и ленивое «Алле».

— Кристина!

От его вопля Алекс с Сержем даже подскакивают.

— Где, мать твою, ты шляешься?

— Я не шляюсь, я сижу. На пароме.

— На каком еще пароме?!

— Представляешь, — весело говорит сестренка вместо того, чтобы ответить на вопрос, — я еду экономклассом. Так прикольно! Тут к бару надо ходить самой, прикинь?

— Кристина… — Он делает глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Где Калинина?

— Калинина? Ща покажу…

Несколько секунд в трубке только шорохи — Кристина включает камеру. А затем на экране

Игорь видит Аню, сидящую в светло-бежевом кресле и потягивающую чай. Она кутается в тонкую куртку и выглядит уставшей.

— Калинина у нас проморгала последнюю таблетку «Драмины», так что с переменным успехом то блюет, то чаек попивает. Качает — пиздец!

— Крис, ну вот обязательно меня в этот момент показывать, да? — интересуется эта нахалка.

Изображение пропадает.

— Кристина, я убью вас обеих! Немедленно выходите на первой же остановке!

— Да мы так и планируем, в общем-то, паром скоростной. Только что за остановка, тебе знать не обязательно.

— Лучше по-хорошему кончайте этот бардак, иначе, я клянусь, Крис, вам придется бомжевать! Я тебе все выходы перекрою на хрен, симки заблокирую.

— Да пжа-а-алста, — фыркает Крис. — Пока ты спал, мы уже перекинули все мои деньги на карточку Аньки и сняли. В следующий раз не забирай карты, а блокируй онлайн-банк, лады?

— Кристина…

— Что? — смеется она. — Вы нас бесите. Оба. Поэтому развлекайтесь друг с другом, а мы тут как-нибудь сами. Чмоки, братик, увидимся через

пару деньков. Или через неделю… Созвонимся, в общем.

С этими словами она отключается. Сержу и Алексу, кажется, весело, а вот ему ни хрена. Две идиотки одни в чужой стране, да еще и с наличными. Он проверил баланс — ну да, со счета Криська перекинула в аккурат две штуки евро. Причем куда! На карту Калининой, единственную принесенную из ее прошлой жизни. Он вообще про нее забыл, а должен был заблокировать! Теперь в этом нет смысла, они сняли все деньги в этом же порту.

— Ладно. — Аппетит пропадает, словно и не было, остается только холодная решимость. — Найти их будет просто. Серый, звони в аренду, пусть пришлют еще машину. Я пока звякну в порт и выясню, куда они взяли билеты.

* * *

Признаю: Крис — мастер побегов. Она собрала документы и все необходимое за считаные минуты, стащила ключи, и вот, казалось бы, еще десять минут назад мы сидели на пляже, а потом уже мчались по ночной дороге навстречу приключениям на задницу.

— Ты оставила записку? — спросила я тогда.

— Зачем?

— Крис, они же решат, что мы пошли ночью купаться или еще что похуже!

Она только отмахнулась, но я не отставала.

— Ладно, — сдалась Крестовская, — отправим с парома эсэмэску. Но только когда будем в открытом море! С Игоря станется нанять какого-нибудь громилу, чтобы тормознул нас в порту.

На том и порешили. А еще через полчаса пути Крис так резко нажала на тормоз и съехала на обочину, что у меня сердце оборвалось.

— Дай карту! — потребовала она.

Затем стала копаться в телефоне.

— Этот дебил онлайн-банк не заблокировал. Ща со счета перекину на эту карту и в порту весь нал снимем. Будь уверена, он ее заблокирует, как только узнает, что мы свалили.

— Если еще не узнал.

— Не-а, они, по ходу, уснули. Иначе уже бы трезвонили.

Мой телефон разрядился, так что я даже не знала, звонил мне Игорь или нет. Вряд ли на пароме будет розетка, так что придется терпеть до отеля. Когда адреналин прошел, я немного пожалела о внезапной глупости. Попадет ведь… убьют, сожрут и шкурку не оставят. Но деваться было

некуда. Перед Крис не спасуешь — засмеет.

В порту мы сняли все деньги с карты, разделили на несколько частей и быстренько прошмыгнули на первый утренний паром до Санторини. Я смотрела на все, как на чудо, а Крис явно с трудом смирилась с экономклассом.

— Почему тут нет бизнеса?

— Потому что мы пришли за десять минут до отплытия, — напомнила я, — и обычные-то билеты чудом успели поймать.

Машину бросили на стоянке в порту.

И сидим теперь, ждем, когда паром тронется. Я волнуюсь, ибо еще ни разу не плавала на такой махине через Средиземное море, а Крис изучает бар. Сначала подумывает о шампанском, но потом останавливает выбор на кофе.

Как только трогается паром, меня очень сильно укачивает. Эта нахалка беззастенчиво ест последнюю таблетку. Не то чтобы я надеюсь, что она отдаст ее мне, но из вежливости могла бы сделать это в туалете или хотя бы отвернуться.

А еще, пока зеленая я отпаиваюсь крепким чаем, Крис звонит Игорю. Ее голос веселый и беззаботный, а мне кажется, Крестовский рвет и мечет.

— Сильно орал? — спрашиваю, когда она закан-

чивает разговор.

— Угу. Обещал заблокировать симки и карты, но у нас уже нал, так что пох. Возьмем местные симки.

Она наслаждается бунтом, свободой. А я не решаюсь испортить Кристине момент и поделиться мыслями, что билеты на паром приобретались с паспортом, и Игорю ничего не стоит выяснить, куда купили билеты Кристина Крестовская и Анна Калинина. Хотя это и так очевидно, куда еще мы могли рвануть с моей страстью смотреть новые места и с Кристининой любовью к роскоши?

Но я решаю не думать о последствиях и наслаждаться поездкой. Пусть она и в компании Крис, пусть после нее меня ждет условный «месяц без сладкого».

Наконец пытка заканчивается. Еще до того как паром останавливается, мы идем вниз, и едва появляется возможность, я спешу ступить на твердую землю. Жадно пью холодную воду и размышляю, что обратно поплыву на надувном матрасе, и никак иначе.

Меня оглушают духота и жара. Я ошеломленно смотрю на горы, практически лишенные растительности, на яркое синее море. И вулкан, виднеющийся вдалеке, чуть выступающий над

кромкой воды.

Пока Крис копается в сумке в поисках мелочи, я смотрю наверх и паникую. Потому что все серпантины, что мы видели раньше, по сравнению с этим — легкие проселочные дороги. Это просто отвесная скала, в которой выдолблена дорога! И по ней со скоростью едва ли километров пять, медленно ползут громадные двухэтажные автобусы. Теперь уже и паром не кажется такой плохой идеей. Я ведь даже не знала, что такая жуткая трусиха! Надо преодолевать себя…

— Ты идешь?! — кричит Крис, уже нашедшая такси.

Нам уже не надо экономить, но все равно я бы с большей охотой поехала на автобусе. Хотя, наверное, местные таксисты — мастера вождения по таким дорогам, но уж очень жутко все выглядит.

Мы едем недолго, около часа. Нас высаживают на стоянке автобусов и объясняют, что там, где находится отель, что мы забронировали, только пешеходная улица, машина не проедет. Поэтому мы берем сумки и спускаемся туда, куда показал таксист. Со всеми местными общается Крис, и я понимаю, наверное, только половину из их разговоров. Наверное, Крестовская с детства привыкла общаться с носителями других языков, а вот я

впадаю в настоящий ступор. Хотя уж сказать откуда я и спросить дорогу даже со школьным английским не должно возникать проблем.

Отель поражает колоритом. Небольшой, уютный, с видом на вулкан, если верить сайту. Нас селят очень быстро, даже несмотря на то, что мы приехали рано утром. Миловидный хозяин особенно интересуется Кристиной.

— Вам повезло, что вы смогли забронировать номер в сезон, буквально сразу же после того, как гости отменили бронирование!

Внутри отель, как и все дома в Ие, белоснежный. Он словно небольшая пещера. С низкими потолками, шероховатыми прохладными стенами.

— Да уж, площадь поражает.

В нем условно две комнаты — условно, потому что одно большое пространство разделено на две части. Первая — комната с большой кроватью и выходом на балкон, а вторая — утопленная в нише односпальная кровать, причем до второй комнаты нужно подняться по пяти забавным ступенькам. Я сразу же занимаю этот уютный угол и с наслаждением растягиваюсь на постели. Как же я устала! Бессонная ночь и жуткая поездка на пароме вымотали меня до предела.

Крис, кажется, тоже изрядно устала, но я засыпаю прежде, чем узнаю ее планы. Только и успеваю что поставить телефон на зарядку.

После обеда я чувствую себя неприлично счастливой просто от того, что пью огуречный лимонад, смотрю с балкона вниз, на синее-синее море, белые, похожие на грибы домики, темный величественный вулкан и крошечные кораблики, с такой высоты кажущиеся игрушечными. Ради этого вида стоило сюда приехать, и пусть Игорь хоть тысячу раз злится, я не пожалею, что сбежала от него.

К слову, об Игоре…

«Ты хоть понимаешь, что я с тобой сделаю, Калинина?» — Он все никак не может успокоиться и, едва я включаю телефон, пишет в мессенджер.

«Ага, выпорешь. Я тебя больше не боюсь».

«Это с чего это?»

«А я про вас все поняла. Вы боитесь нормальных людей и нормальных отношений. И как только в вашей жизни случается что-то непонятное и непривычное, агрессивно рычите, чтобы от этого «непонятного» избавиться. Можешь беситься сколько угодно, но вы сами виноваты в том, что мы сбежали. Одну довели, вторую допрессовали».

«И кого из вас довели?»

«Сами решите».

«Обязательно. Посмотрим, как поведет себя твое бесстрашие, когда мы встретимся».

«Я час фотографировала Кристину для аватарки под палящим солнцем. Как ты думаешь, хоть что-то еще в этом мире способно меня впечатлить?»

В другом «окне» уже стучится Серега. Мне совершенно не хочется проводить часы свободы, уткнувшись в смартфон, но до ужаса интересно, что там средний брат написал. Раньше он не отличался интернет-болтливостью.

«Как она?»

«Будет лучше, если ты сдержишь своего брата-истеричку».

«Его сейчас и танк не сдержит. Но, к счастью, он скорее по твою душу. Ты тоже на меня злишься, что ли?»

«Я не злюсь, я не понимаю, чего вы от меня все хотите. Дай хоть ты отдохнуть, все равно ведь Игорь примчится сюда скоро».

«А кстати, куда вы рванули?»

«Размечтался)))»

«Обижаешь. Я своих не сдаю».

«Да? А кто сдал, что я встречаюсь с Сашей? Я, думаешь, не догадалась?»

«Я тебя ненавижу».

«Не ты один».

«Ань, ну помоги, ты же добрая. Что сделать, чтобы она проще это пережила?»

«Сережа, Я НЕ ЗНАЮ. Крис не подпустит меня близко, не поделится наболевшим. Она терпит меня, но и только. Отчасти потому, что если бросит в чужой стране в одиночестве, то отгребет от Игоря. Ей не хочется со мной общаться, понимаешь? И как ей помочь, я тоже не знаю».

«Я не жду чуда, малышка. Я хочу хоть какую-то идею. Потому что цветы и конфеты она засунет мне в задницу, а обнять ее я не могу».

Мне очень хочется выбросить телефон куда-нибудь с балкона, но я сдерживаюсь и думаю, а как бы я переживала такое? Чего бы мне хотелось?

«Я не уверена, но попробуй купить собаку».

«Чего??»

«Собаку. Кошку. Но лучше собаку, они умнее и преданнее. Ей нужен близкий друг, кто-то рядом. Но не Игорь, который вынужден ее воспитывать, не ты. А кто-то зависимый от нее и безусловно любящий, не из прошлой жизни. Мне кажется, собака ей подойдет».

Серж долго молчит.

«Спасибо. Я попробую. Ань, если вам надо денег,

скину, скажи куда. И еще: можно кое-что попросить, только обещай, что сделаешь?!»

«Как я могу обещать, не зная что? Денег не нужно».

«Пофоткай ее. Мне».

«Это уже слишком».

«Я же не прошу ничего особенного. Просто где-нибудь у памятника или на фоне моря. Обычную фотку».

«Ничего не обещаю, но подумаю».

Я отключаю мессенджер и допиваю лимонад, теперь уже изрядно разбавленный растаявшим льдом. Возвращается Крис с большой тарелкой фруктов.

— Мальчик с ресепшена принес. Кажется, запал. Ничего такой, можно развлечься. У тебя резинки нет?

Я против воли краснею.

— Нет. И я это не одобряю.

— Ага, мисс-недотрога. Не даешь Игорю ты, а страдают все остальные.

— Игорь давно бы не страдал, если бы не вел себя как последняя сволочь.

— Тогда в его жизни не было бы захватывающих моментов, когда он удивляется: «А чо это меня баба бросила».

Я торможу, раздумывая, стоит ли говорить Крис о чате с Сержем, но все-таки не выдерживаю. Скрываться и плести интриги у меня при всем желании не получится.

— Сергей просил скидывать ему наши фотографии.

И снова полуправда. Ну да, наши, только мои-то ему на фиг не сдались. Но, как могу, сглаживаю углы.

— Сказать, куда можете идти вместе с фотками? — Крис снова рычит.

— Да нет, я так. Для проформы.

Сидеть в отеле скучно, так что мы идем гулять. Только быстро понимаем ошибку: улицы просто заполнены туристами. И это не оживленный проспект в час пик, не Красная площадь в обед воскресенья, а скорее вечерняя давка в метро.

— Н-да… — Крис хмурится. — Надо сюда попозже выходить.

Мы ныряем в какой-то магазинчик, оказывающийся винным салоном и приветливый на удивление русскоговорящий продавец устраивает нам целую экскурсию и дегустацию. Рассказывает о том, как здесь производят вино, дает попробовать приятный кактусовый ликер, а в конце, когда мы решаем купить пару буты-

лочек, еще и дарит нам какую-то коробочку со сладостями.

Народу становится поменьше, и мы гуляем. Я фоткаю аккуратные мощеные улочки, белоснежные домики, вид на вулкан и море. Мы заходим в кафешку и пьем холодные молочные коктейли, а потом выбираем магниты и блокноты. Крис тащит меня в какой-то бутик с одеждой и часа два, не меньше, выбирает платья.

На самом деле Крестовская не такая уж и плохая. Когда рядом нет братьев, когда она вынуждена таскаться всюду вместе со мной, она вполне приятная. Я не спорю в вопросах траты денег, раз уж их все равно достаточно, она не язвит и по большей части молчит. Пожалуй, в таком отдыхе есть своя прелесть.

Мы покупаем платья. Крис — белое и длинное, с открытыми плечами, а я любимого «рубашечного» типа из тонкого, но приятного телу хлопка. Ближе к вечеру ужинаем в маленькой уютной таверне, потом оставляем покупки в комнате и идем на большой балкон, чтобы насладиться закатом, который так хвалят и советуют все туристы.

Яркое солнце раскрашивает белые домики в оранжево-розовые цвета. Солнечный диск

медленно опускается в море. Мы сидим, думая каждая о своем, пьем вино и грызем печенье из коробки, подаренной приветливым владельцем магазинчика.

На соседних балконах практически нет мест от желающих сфотографироваться на фоне заката. Красиво до ужаса. Еще месяц назад я даже не думала, что могу оказаться в таком месте. У нас была сауна… изредка я выходила туда на подработку, когда кто-то из девчонок болел. ВИП-класса, очень красивая, стильная. Мне нравилось там убирать, клиенты почти никогда не оставляли после себя грязь, уж не знаю почему. Наверное, действительно приходили наслаждаться спа-услугами и отдыхом, а не как обычно в саунах. Так вот, она была оформлена в греческом стиле, и на стене висели картинки с этими белыми домиками. Мне нравилась эта аккуратность, некая фантастичность антуража. А сейчас я сижу и смотрю на это вживую.

— Ладно, — вздыхает Крис, — фоткай.

— Что? — Я не сразу понимаю, о чем она.

— На фоне заката меня фоткай.

— На аватарку? — Я в шаге от того, чтобы спрыгнуть с балкона и усиленно начинать грести в сторону вулкана, честное слово!

Но Крестовская закатывает глаза и развязывает хвост, чтобы красиво распустить волосы.

— Чтоб сдох, скотина, — красноречиво поясняет свое намерение.

Что ж, порыв благородный, так что я сделаю несколько потрясных кадров на свой смарт. Что ни говори, а в свою внешность Крестовская вбухала, наверное, миллионы. И выглядит именно на эту сумму. Я сравниваю наши снимки и удивляюсь тому, насколько мы разные. Причем одного роста, одной комплекции, даже, возможно, чем-то похожи, но она как с обложки модного журнала, а я… ну миленькая, ну в рубашке, нос немного обгорел, и волосы, не избалованные средствами для укладки, растрепал ветер.

Я отправляю фотку Сержу и несколько секунд колеблюсь, прежде чем открыть диалог с Игорем. Но волнение напрасно: его нет в Сети с обеда. Ну и ладно, не судьба ему выслушать мои восторги на тему заката в Ие.

— Все, — хмыкает Крис, — дай сюда бутылку, напьешься. Пойду развлекаться с мальчиком с ресепшена. Буду поздно. Кодовое экстренное слово «трансформаторная подстанция».

— Ты хоть знаешь, что это такое? — кричу ей вслед.

Ну и ладно, одной тут тоже неплохо.

Я сижу до тех пор, пока солнце не заходит окончательно. Наслаждаюсь видами, грущу, что родители вряд ли вообще видели нечто подобное в своей жизни. Как бы мне хотелось, чтобы это наследство свалилось раньше. Когда я могла их радовать поездками или подарками.

Сидела бы и дольше, но поднимается сильный ветер и становится некомфортно. Мне жаль уходить в комнату, что-то подсказывает, что свободного времени у нас с Крис совсем немного. И уже завтра придется решать, что делать дальше. Возвращаться, наверное. Бунт удался, пора и честь знать. Хотя есть еще Фира… можно позволить себе еще денек прогулок по новому интересному городу.

Я принимаю душ, переодеваюсь в рубашку, купленную уже здесь — из дома я захватила всего ничего вещей, — и ложусь в постель, чтобы почитать немного перед сном. Но едва заканчиваю первую главу, раздается стук в дверь.

— Трансформаторная подстанция! — Голос Крис явно очень недовольный.

Я подскакиваю к двери, полная самых жутких ожиданий, но… за дверью стоит Кристина. Морщится, кривляется, в руках початая бутылка

вина. А ее за ухо держит злой, как чугунный утюг, Игорь.

Реакция у меня достойна КВН и стендапов: я ору и захлопываю дверь.

— И это благодарность за компанию?! — бурчит Крис.

Приходится справиться с эмоциями и снова открыть дверь. Ладно, я этого ожидала, глупо было думать, что Игорь не приедет и не найдет нас.

Он буквально втаскивает сестру за ухо в комнату.

— Да отпусти меня, я ничего не делала!

— Ага, я видел.

— Во-первых, я уже взрослая. А во-вторых, он вообще гей!

— Да ладно? — удивляюсь я. — А чего заигрывал?

— А он не заигрывал. У него произношение дерьмовое, я решила, что он говорит «ребята», а он спрашивал, не пара ли мы. Ну и кивнула. Он, блин, в нас родственные души увидел!

Она косится на брата:

— Так что ты спас меня от позора века. Как идиотка с винищем потащилась.

Я не выдерживаю и начинаю ржать. Картинка прямо-таки анекдотична. Пожалуй, вид

раздосадованной любовной неудачей Крис и разъяренного по жизни Игоря, держащего ее за ухо, я запомню на всю жизнь.

Наконец он отпускает сестру.

— Я же говорю, — она округляет глаза, — гигантская трансформаторная подстанция.

Игорь мрачно на нас смотрит:

— Ну и что? Как будем объясняться?

Кристина хмыкает. Я замечаю, как буквально на глазах из обычной, немного стервозной девицы она превращается в колючий, полный ненависти комок эмоций.

— Бес попутал. Я уже покаялась, — рычит она.

— Очень в твоем стиле. Свалить на других свои проблемы и сбежать шопиться.

— Что-то, я смотрю, рядом с тобой тоже мало кто задерживается.

— Ведешь себя невыносимо!

Крис взрывается:

— Так высели меня уже на хрен! Че терпишь-то?! Давай, будь мужиком, хоть раз в жизни реши проблему по-настоящему!

Прежде чем Игорь ей отвечает, я не выдерживаю. Буквально пихаю его в грудь, толкая к двери.

— Игорь, можно тебя на секундочку…

— С тобой мы поговорим позже!

— Нет, сейчас!

Когда мне что-то нужно, я пру как танк. Такое редко случается, но сейчас как раз подходящий момент. В руках у меня смартфон, вот только рубашка слишком короткая, хоть и закрывает более-менее важные места.

— Что ты творишь?! — спрашиваю я.

— Это вы что творите? Уехать ночью по серпантину! Сбежать хрен знает куда, отключить телефоны. Ладно Крис, но от тебя я такой безответственности не ожидал.

— Сюда смотри. — Я включаю телефон и открываю фотки. — Сюда, сюда, прямо на экран. Что видишь?

— Фотографию. Кристины. Бухает сидит.

— Это все, что ты видишь? — мне не хочется в это верить. — То есть ты не видишь, что она здорова и довольна жизнью? Что смотрит на закат и пьет вино? Что позволяет мне себя фотографировать и не демонстрирует окружающим средний палец? Почему ты не можешь оставить ее в покое? Почему не даешь жить своей жизнью? Что это за идиотское правило с карточками, зачем привязывать ее к себе? Ей двадцать! А не два, Игорь. Зачем ты продолжаешь традиции

своего отца, который, будем честны, мало что понимал в воспитании детей? Что случится, если Крис на пару дней съездит погулять по магазинам в Ханью? Что такого она натворит, если в одиночестве отправится на Санторини и погуляет? Переспит с парнем? Так ты вроде большой мальчик, постоянно мне пытаешься это доказать, что тебя смущает? Дай ты ей свободы! Дай ей пространство, чтобы она сама с собой подружилась! Зачем ты приехал? Мы бы вернулись через пару дней, ты и сам знаешь, знает даже Серега. Тебя бесит тот факт, что мы сбежали, но ты даже на минуту не задумался о причинах! И не моего побега, Игорь, а Крис. Фу, аж язык устал.

Игорь слушает молча, сощурившись, будто сканируя меня своим пристальным взглядом.

— Нельзя заставить человека ловить кайф от отдыха с тобой, забрав у него возможность уединиться. Это не ей ты хорошо делаешь. Ваш отец это делал ради себя, чтобы себе показать образцовый отдых образцовой семьи, но тебе-то это зачем? Она уже взрослая, она не будет милой и веселой младшей сестренкой. Крис нездорова, это факт, с которым ничего не поделаешь. И ты делаешь выбор. Либо ты пускаешь пыль в глаза окружающим, что у вас все нормально,

и ломаешь сестру под свои нужды. Либо ты ей помогаешь.

— Я ее ломаю? — Игорь хрипло смеется. — Да, вот я не слушал еще такого от…

Он обрывает фразу на полуслове, а мне остается только догадываться, что он чуть не сказал. Мне хочется его то ли ударить, то ли разреветься. А может, все вместе, а потом впихнуть в глупую голову то, что я пытаюсь до него донести.

— Дура я. Ходила, скучала. Думала, вот это надо Игорю показать. О, а вот это бы ему понравилось. Мы тебе вина в подарок купили.

— Ань…

— Ну что?

Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза. Темные. Красивые.

— Хватит уже всех воспитывать. Семья должна быть вместе не потому, что у нее выбора нет. А потому, что она семья.

— А если она иначе развалится?

— Ваша не развалится. Просто дай всем немного свободы. И не контроля, а заботы. Пойдем завтра с нами гулять. Пройдемся по Ие, съездим в Фиру, на пляж. Потом поедем домой. Сейчас иди… Ты где остановился?

— Здесь и остановился, номер через два от вас.

— А говорили, сезон… Ладно, иди к себе. Мы никуда не денемся. Завтра погуляем. Я Крис уговорю, она не будет тебя кусать. Ну или хотя бы постарается. Но и ты не изображай строгого отца, побудь братом, и все. Она хорошая девчонка, она не делает ничего криминального, и совсем не обязательно водить ее на поводке.

— Ты только о Крис. А о себе не хочешь поговорить?

— Не хочу, но ты же не отстанешь.

— Приходи.

— Позже. Через пару часиков.

Он двигается вслед за мной в сторону двери, но я его останавливаю:

— Свобода-а-а. Ну что тебе стоит?

— Подарок принесешь?

— Какой подарок?

— Вино. Сама сказала, мне купили. Хочу подарков.

Я фыркаю и закатываю глаза:

— Иди к себе!

Потом возвращаюсь в комнату. Немного, но становится легче.

— А где Мэри Поппинс? — хмыкает Крис.

Она как ни в чем не бывало сидит на постели и мажет кремом ноги.

— Отправила спать. В его возрасте нельзя так нервничать.

— И что, даже в угол не поставил?

— Поставит еще. Просил зайти на разговор. Будет воспитывать.

— Ага, — фыркает Крис. — Как же. На, раз мне не пригодилось, хоть ты дел не натворишь…

Она кидает какую-то темно-синюю коробочку, которую я автоматом ловлю. Слегка краснея, читаю надпись «Презервативы» и бросаю ее обратно в Кристину. Та смеется и с легкостью уворачивается, а коробочка улетает через открытое окно… снаружи доносится ругань на греческом. Мы молчим. О чем думает Крис, не знаю, а вот я представляю реакцию Игоря, если сейчас кто-нибудь придет на нас жаловаться.

— Все. Я спать. — Кристина укладывается в постель, но я вижу, что под одеялом она включает телефон.

Сама я беру бутылку вина, которое мы купили в подарок, и, подумав, складываю в вазу оставшиеся фрукты. Возможно, Игорь голодный. Я плохо себе представляю Крестовского, неспешно остановившегося поесть во время поиска сбежавших подопечных.

Когда ухожу, Крис уже спит, а телефон так и

остается зажатым в руке.

* * *

В комнате темно. Единственный источник света — месяц, заглядывающий в балконное окно. Штора от сильного ветра развевается, вазочка на подоконнике опасно качается. Но вставать и закрывать окно не хочется. Внутри еще теплится надежда, что она придет.

Он будет чувствовать себя наивным идиотом, если они сбегут. Если она его обманула, Игорь их обеих за уши притащит домой и никуда не выпустит до самого двадцатипятилетия. Отдаст им наследство, и пусть валят на все четыре. Криське только еще бизнес организовать придется, тоже геморрой.

Убеждать себя в том, что Аня не придет, ему даже понравилось. Такое болезненное удовольствие. На хрен ты ей сдался. У нее вон свои идеалы, в них секс не вписывается. Там любовь, белое платье размером с церковный купол, счастливый влюбленный жених. Что там дальше? Свадебное путешествие на Мальдивы, ребенок, красная машина в подарок на выписку из роддома, второй ребенок, счастливая семья и уютная старость. Пожалуй, на Мальдивы он еще способен, а осталь-

ное… не в духе времени, это точно. Можно вон глянуть на родителей и убедиться, что все сопли и слюни кончаются не слишком хорошо.

Интересный мазохизм, конечно. Ему кажется, если накрутить себя до предела, то не придет чувство обидного разочарования, когда Аня окончательно откажется смотреть в его сторону.

В дверь тихо стучат. Игорь пружиной подскакивает на ноги, распахивает дверь и крепко хватает Аню, прижимая ее к себе.

Раздается грохот, звон стекла, Аня ругается, и через несколько секунд в комнате вспыхивает свет. Игорь щурится с непривычки, а Калинина ползает по полу, собирая рассыпавшиеся фрукты.

— Что вы за люди, — бурчит она. — Хочешь вам добро сделать, вы грушу потеряете, клубнику раздавите, манго вообще… под диван укатилось. Вазу разбила, теперь мне тут еще убираться и фрукты заново мыть.

Ему хочется рассмеяться, хотя с ее стороны, наверное, ничего смешного и нет.

— Я заказал ужин, — зачем-то сообщает он.

— Поздравляю, — мрачно отвечает Аня. — А я принесла тебе перекусить. С пола есть будешь? Или помыть?

— Смотря что есть, — задумчиво тянет Игорь, рассматривая соблазнительную попу, обтянутую джинсовыми шортами.

— Ну как что? «Манго из-под диванго»! Мое новое фирменное блюдо. Почти без пыли!

— Да кончай ты там копаться, завтра приберут.

Она всерьез сейчас будет собирать с пола какой-то мусор? Когда он тут готов не то прибить нахалку, не то пристегнуть к батарее и не отпускать, пока она не поклянется больше никуда не убегать.

— Ага, такие, как я. Может, завтра убираться придет симпатичная греческая Анна и ты ее заберешь играться?

— Размечталась, — усмехается. — Садись, поешь.

Теперь он с удивлением замечает, что голоден. С тех пор как прилетел на Санторини, даже воды не выпил, сразу поехал в отель. Хватило ума, прежде чем подниматься в их комнату, сначала заказать ужин. И теперь на столе ждет аппетитно пахнущая еда.

— Как ты так быстро приехал?

Аня наконец добывает вожделенный манго и отряхивается. Вопрос проходит мимо сознания,

потому что Игорь не может отвести взгляд от ее коленей, на которых краснеют пятна от стояния на полу. У него словно трансляция порнухи прямо в голову включается. Если когда-нибудь он ее уломает, от одного вида стоящей на коленях Калининой, готовой ласкать его своим язычком, он кончит.

Так. Стоп, не туда. О чем она?

— Иго-о-орь? Ты спишь? Я спрашиваю, как ты так быстро примчался, паромы ведь не так часто ходят.

— Зато частные самолеты летают.

Она хмурится:

— Здесь что, есть аэропорт?

— Да. Полчаса — и ты на месте.

— Обратно мы полетим самолетом?

— Разумеется.

На лице Ани появляется облегчение.

— Слава богу! Когда я думаю о том, что придется снова два с половиной часа плыть, меня начинает тошнить.

Она садится за стол и с любопытством сует нос в тарелки.

— А мы ели вкусные санторинские… забыла, как называются, в общем, вкусные такие.

— Вино-то где?

— Сам возьми, на тумбочке.

— Ну вот, я еще и за подарком должен сам ходить. Ух ты, винсанто 2011 года.

— Не издевайся! Я знаю, что ты любишь дорогие вина, но мне оно понравилось. Сладкое такое.

— Никогда не пробовал винсанто. Был здесь раза четыре и не пробовал.

— Ты здесь был?

— Ага, подружек возил.

Она с подозрением косится и незаметно (возможно, даже для самой себя) дуется. Давай, девочка, ревнуй. Но что он поделает, если действительно поездка на романтичный остров с открыток и плакатов — лучший подарок для подружки, по крайней мере для той, которая в открытую не продается. Игорь всегда давал что-то взамен. Поездки, подарки. И они тянулись, кто ж не потянется к молодому и симпатичному богатому парню.

Никто не сбегал от него ночью, на пароме.

— О чем задумался? — спрашивает она.

— Да вот прикидываю, как тебя наказать.

Аня давится запеченным сыром:

— За что?! Хватит уже наказывать всех!

— Нет уж, милая, раз вы с Крис так сдружились, что друг за друга горой, завтра я устрою вам обеим

очень увлекательную прогулку.

Она смотрит с подозрением, настороженностью. Так внимательно и пронзительно, что приходится уточнить:

— Это не нанесет непоправимую психологическую травму… кому-либо. Но будет весело, это я обещаю.

— Не ругай ее, — просит. — Она вас любит. Но боится.

— Ты можешь объяснить, что с ней происходит? Рычит на Серегу, сбегает, кидается в объятия хостес. Это даже для Кристины слишком.

— Я не могу открыть чужую тайну и пересказать частные разговоры. Ей грустно. Просто грустно.

— А тебе нет? — спрашивает он.

— Мне по-другому. На самом деле я только сейчас поняла, какой подарок мне сделал ваш отец.

— Что, и даже мы — часть подарка?

— Ну, — она забавно морщит нос, — разве что один не очень… подарочный. Знаешь, как при кредите страховку навязывают.

— Да ты что-о-о, и чем же я заслужил звание кредитной страховки?

— А зачем ты мое манго повалял?

Ему одновременно и смешно, и очень странно,

потому что… взрослый мужик, владелец огромного холдинга, всерьез спорит с двадцатилетней девчонкой.

— Да помою я тебе твое манго. Вот прямо сейчас и помою.

Берет со стола фрукт и решительно идет в ванную. Аня, складываясь пополам от смеха, ползет следом. И внима-а-ательно наблюдает, как Игорь, закатав рукава рубашки, моет фрукт.

— Хорошо мой! С мылом! Ты вообще хоть раз это делал?

— Ну вот. Ты довольна? Оно чистое.

Берет фрукт, внимательно рассматривает, морщит нос:

— На троечку.

— Что?

— Фрукты надо мыть, как зубы чистить, три минуты.

— Я тебе сейчас, Калинина, покажу, что можно делать три минуты. Хотя это маловато, конечно…

— Фу, как грубо. Ладно, на первый раз сойдет. У тебя есть чай? Я хочу съесть вон то пирожное.

— А манго ты что, съесть не хочешь?

— Не-а, — весело откликается она. — У меня на него вообще аллергия.

Он ее убьет. Если она не перестанет над ним издеваться, то точно убьет и никому не скажет. А еще она ест его пирожное.

— Ты перепутала, я его уже покусал.

— Да? — Аня замирает с ложкой во рту. — Блин, а я думала, эта вмятина на креме — декор…

— Теперь придется компенсировать мне сладкое.

— Так есть же второе пирожное!

— Я хотел покусанное.

— Ладно, один-один.

— Так, значит, — Игорь разливает по бокалам вино, — ты все-таки нас любишь.

— Ну… — Аня раздумывает, — я бы не назвала это любовью. Вы меня не бесите.

— Так почти любовь.

— Кроме Алекса. При всем уважении, битой в лицо — все же перебор.

— Я учту.

— Да, пожалуйста.

Она фыркает, выскребая остатки крема из вазочки. Ветер надрывается снаружи, приходится закрыть окно и задернуть шторы.

Ладно, Анна Артемовна, хватит пустых разговоров и перепалок, пора уже выяснить все раз и навсегда. Стоило убегать так далеко, чтобы все

равно оказаться с ним в комнате, на пороге ночи. Вряд ли она не понимает, зачем здесь и чего он хочет. И вряд ли совсем уж не хочет того же.

— Ну и что дальше? — спрашивает он.

— Дальше? — Она поднимает глаза, отпивает чай и делает вид, будто не понимает, о чем он. — Я ем, а что такое?

— Аня-я-я…

Невооруженным глазом видно, что она нервничает. И почти готова сбежать, но «почти» здесь ключевое слово. Что-то держит, и если за это уцепиться, она останется.

— Идем, — Игорь протягивает ей руку.

— Куда?

— На кровать.

— Игорь! До чего ты…

— Я сказал «на кровать». Там мягко. И там ноутбук.

— Зачем тебе ноутбук?

— Да пошли уже!

Он подхватывает ее на руки и поднимается на возвышение по белоснежным ступенькам. Там, в нише, стоит большая кровать с двумя мерцающими электрическими свечками по бокам и небольшая тумбочка, на которой он оставил ноутбук.

Садится на край постели, подтягивает девушку к себе. Потом, подумав, сажает на колени и берет ноут. Аня молчит, заинтригованная, даже почти не боится.

— И что там такое?

— Будем выбирать тебе институт. Раз уж ты совсем забила на это бесполезное занятие.

Она забавно краснеет и пытается сползти с колен, но куда там. Игорь вцепился в нее и никуда не планирует пускать в ближайшие часы. Ну разве что поближе к центру кровати, на подушечки, чтобы помягче.

Он открывает поисковик, вбивает названия вузов и начинает методично все просматривать: факультеты, кафедры, специальности. Отбирает в отдельные вкладки все более-менее приличные, с хорошей базой, с нормальным составом.

— Направление-то у тебя хотя бы есть?

— Не знаю. Наверное, надо научиться управлять деньгами, которые оставил твой отец. Боюсь, если я окажусь с ними один на один, то быстро провалю экзамен на зрелость.

Ему кажется, это не ее. Во всяком случае, он не может представить Аню в строгом костюме, серьезным инвестором или генеральным директором. Ей бы пошло что-то творческое, яркое.

Владелицей галереи или ресторана. Чего-то красивого, индивидуального. Для управления деньгами можно нанять специалиста, благо за пять лет жизни в их семье связей у нее появится достаточно. А вот возможность посвящать время чему-то интересному… такой у него самого не было. И Игорь совершенно искренне не понимал, почему она, имея свободу выбора, идет туда, куда его загнали обстоятельства?

Не то чтобы он не любил работу. Любил, конечно, и образование выбирал сам, с расчетом на будущее. Но все равно чувствовал, что ему крупно повезло и желаемое совпало с необходимым. Выбери он профессию музыканта или режиссера, пришлось бы хуже.

Но если сейчас надавить, она послушно выберет то, на что он укажет. Зато если разочаруется в скучном экономическом образовании, то перейдет на другой факультет и задержится подольше. Диплом-то для наследства обязателен.

— Управление бизнесом, значит. Пойдет?

Она недоверчиво смеется:

— Здесь нет мест. И никто не возьмет сюда сироту, которая год пахала уборщицей.

— Это я сейчас в вашем голосе, Анна Артемовна, слышу сомнения в моих способностях?

— Да! — упрямо кивает. — Даже ты не способен купить место за месяц до занятий.

— Та-а-ак, сейчас выясним, на что еще ты не считаешь меня способным.

Он убирает ноутбук и откидывается на спину. Ане ничего не остается, как упасть сверху, он вдыхает цветочный запах, исходящий от волос, чувствует тепло ее тела и то, как медленно возбуждение становится нетерпимым. Руки сами по себе тянутся к пуговичкам на ее рубашке.

— Про это я не говорила.

— Я додумал.

— Ты всегда так делаешь?

— Додумываю?

— Под невинным предлогом тащишь девушек к себе в постель.

— Нет, обычно предлоги не невинные. Так что это мой первый раз.

Он убирает волосы, чтобы коснуться нежной кожи на шее, и тихо-тихо говорит, щекоча дыханием ухо:

— Так что тебе придется быть со мной очень нежной.

— Я могу быть настолько нежной, что расскажу тебе сказку и уложу спать.

Он смеется, продолжая расстегивать рубашку.

Стянуть ее полностью не получается, Аня не приподнимается, чтобы облегчить ему задачу, но зачем, если ее плечи и живот открыты, а грудь скрыта только легким кружевным бюстом. Он определенно любит этот новый тренд на рубашки.

Им некуда спешить, впереди долгая южная ночь. Темная, ветреная. Ане некуда сбегать, а еще им некому мешать. Даже ее сестричка вряд ли проснется, чтобы обломать ему ночь. Нет, определенно он свое получит.

На самом деле, если делать все не спеша, шаг за шагом продвигаясь к цели, Аня и не поймет, в какой момент от сомнений перейдет к однозначному «да». Ему остается только наслаждаться. Гладить живот, целовать шею сзади, одновременно с этим подбираясь к застежкам лифа.

— Я против… — как-то не слишком уверенно звучит ее голос.

Особенно сильно срывается, когда Игорю удается добраться до груди и пальцы сжимают сосок, а тело девушки словно пронзает током. У Ани вырывается полустон-полувсхлип, обреченный и усталый. Она понимает, что проиграла, понимает, что не хочет и не может сопротивляться его рукам.

Игорь перекладывает ее на постель и смотрит. Взгляд скользит по растрепанным шоколадно-карамельным волосам, в полумраке и мерцании светильников они кажутся слишком темными. По распахнутой рубашке, набухшим и затвердевшим соскам. Длинным стройным ножкам. Ее кожу еще не схватил загар, отчего Аня кажется еще более хрупкой в сравнении с ним.

И это нереально заводит.

К черту все стеснения и отмазки. Равенство в постели точно не для него. Опытные любовницы — это отлично, активные соблазнительные шлюхи — замечательно. Но ничто не сравнится с опьяняющим ощущением власти над такой, как Аня. Ничто не сможет снести крышу сильнее, чем выгибающееся от удовольствия тело, в полном его распоряжении.

Ему нравится дразнить ее легкими прикосновениями к губам, нравится контраст между невинностью поцелуя и порочностью твердых горошин сосков под пальцами. Нравится приучать ее к большему, с каждой минутой открывать новые грани удовольствия.

— Я завтра об этом пожалею.

Последняя попытка, довольно слабенькая. Уж такой аргумент и подавно не заставит его отка-

заться от ночи.

— В этом я даже не сомневаюсь. Причем жалеть ты будешь вне зависимости от того, что мы тут будем делать.

Аня, словно задумавшись, замирает. Игорь пользуется моментом, впивается в губы поцелуем. Сначала ему даже удается себя контролировать и быть нежным, потом страсть побеждает, и единственное, на что хватает выдержки, — не делать ей больно напором.

И он даже готов к сопротивлению, уже давно смирился, что просто не будет. С тех пор как увидел ее возле гостиницы. Этот образ сводил с ума, выводил из равновесия несколько бесконечных месяцев.

Как же она его измучила! Сначала своим упрямством, потом просто существованием, незнанием причин, по которым Аня попала в их семью. А потом еще и побегом. Игорь чувствовал себя последним идиотом, пускаясь за ней в бега. Но не мог не увидеть, как за считаные сутки они с Крис изменились.

Не глобально, просто… стали чуть счастливее, что ли. Пока он ждал Аню, все смотрел на блог Кристины. На ее фото, в которых впервые за много лет появилось что-то кроме еды, цацок и

селфи. Закат, море, белые домики.

Черт, если ей станет легче здесь, он купит ей дом, и плевать на завещание отца.

Неожиданно для себя самого Игорь вдруг понимает, что Аня на поцелуй отвечает. И не просто отвечает робко и неуверенно, как обычно, будто сомневаясь, стоит ли вообще его целовать, но и проводит рукой по его шее, плечам. От ее пальцев словно разлетаются искры. Хочется податься прикосновению, продлить его, лежать так долго-долго, и чтобы она гладила, целовала и не злилась, а хотя бы сделала вид, что дело не только в физическом влечении.

Он стаскивает с нее остатки одежды, ласкает взглядом, запоминая изгибы, прикосновения, ощущения, запах ее духов. В глазах Ани немного страха, капелька волнения. Они подернуты дымкой желания, но все равно умудряются смотреть в самую душу, выворачивать наизнанку.

От мысли, что у нее никого не было, что он первый, сердце бьется слишком сильно, как будто хочет выпрыгнуть из груди. Член каменный, сил сдерживаться остается все меньше и меньше. На неторопливую прелюдию их уже точно нет.

Игорь снова склоняется к ее губам, проводит языком, прикусывает, забирает у нее сладкий

и тихий стон. Палец выводит узоры на животе, спускается ниже, касается чувствительного бугорка, и Аня выгибается. Простая ласка доводит ее до исступления. Она готова ко всему, что он хочет с ней сделать. Восхитительно горячая и влажная.

— Игорь, подожди! — Она вдруг упирается в его грудь руками, так отчаянно, что он пугается и отстраняется.

Да что он сделал не так?!

— Ань?

— Так нельзя, так…

— Ты что, убить меня решила? Нельзя отказываться в последний момент…

— Нет, я…

Она отчаянно краснеет, даже в полумраке заметно, как алеют щеки. Сначала ему кажется, будто она пытается сказать, что девственница, но это он и так знает, при ней смотрел карту. А потом доходит.

Вот черт. Он идиот. Кому из них за тридцатку перевалило, ему или этой сексуальной невинности?

— Тише, — снова накрывает ее своим телом, — я все помню. Я очень ответственный.

— Угу, как же, — все еще смущенная, но уже — вот ехидна-то! — привычно-ироничная.

— Что за недоверие? Я рулю здоровой компанией. Неужели не справлюсь с одной маленькой Золушкой?

Кажется, если он не заткнется, то получит хрустальной туфелькой по тыкве…

Рукой дотягивается до тумбочки, достает из верхнего ящика пачку презервативов и убирает под подушку. Причем умудряется это сделать во время поцелуев, не давая Ане нового повода начать смущаться.

Быстро сбрасывает рубашку, джинсы и…

Твою мать. Прикосновение затвердевших сосков девушки к разгоряченной коже груди отзывается сладким и одновременно болезненным спазмом. Он вряд ли выдержит еще хоть сколько-нибудь. Анина грудь тяжело вздымается, она хватает ртом воздух, тоже потрясенная соприкосновением тел.

Ждать нечего. Нет смысла.

Его палец проникает внутрь, Аня стонет и закрывает глаза, откидывая голову назад, открывая для него изящную нежную шейку. Покрывать ее поцелуями — отдельный вид удовольствия, и надо будет как-нибудь распробовать его как следует.

К пальцу добавляется второй. Нереально горя-

чая и невинная. Принадлежащая только ему.

Он замирает перед тем, как войти в нее. Хочет насладиться взглядом на распухшие от поцелуев губы, потемневшие от страсти глаза. Убедиться, что это действительно Аня, та самая девочка в кедах, которая завладела его мыслями с первого же взгляда.

Нет. Наваждение не кончится. И не пройдет никуда, не схлынет. Сколько бы раз он ни взял ее сегодня, завтра захочет с новой силой. Это осознание начисто лишает рассудка.

— Будет немного больно, совсем чуть-чуть. — Он голос-то свой не узнает, хриплый до ужаса.

Медленно толкается в нее, замирает перед преградой и вспоминает давний совет при первом разе подложить под попу девушки подушку, чтобы было не так больно. Тянется к краю кровати, где валяются небольшие, декоративные. От этого движения тело словно пронзает током, они оба охают и замирают.

Хрен с ней, с подушкой.

Когда Игорь входит на всю длину, Аня до крови прикусывает губу. Но — в этот момент в груди разливается тепло — не отталкивает его, напротив, прижимаясь в поисках защиты и ласки. Ему кажется, больше выносить он это не может,

хочется начать двигаться. Но ждет, ждет, когда ее боль утихнет. Каким-то непостижимым образом чувствует, когда она расслабляется, и медленно двигается.

Вот так, раз за разом, сдерживая желание с силой ее трахать, вбиваясь на всю длину. Медленно, осторожно, большим пальцем поглаживая набухший клитор.

Аня вскрикивает, извивается в его стальных объятиях. Ему бесконечно нравится эта картина, он обязательно сохранит ее в памяти и не раз передернет на одно лишь воспоминание о том, как она выгибалась под ним, сжимая его член, доводя до изнеможения. Даже и не думал, что ее голосок может звучать так сладко.

У него просто нет сил и желания мучить ее долго. Поэтому Игорь двигается быстрее и одновременно усиливает напор, лаская клитор, чтобы помочь ей. В первый раз так проще. Позже, когда оправится, он научит ее кончать и без стимуляции, просто от ощущения его внутри.

У Ани вырывается всхлип, и он чувствует, как она дрожит. Выгибается, он вжимает ее в постель и, ощущая, как сжимается вокруг его члена горячая плоть, отпускает контроль, позволяет себе отключиться. Окунуться в вихрь эмоций, впиться

в яростном поцелуе в ее шею, оставляя красный след, и глухо застонать.

Вот так. Она принадлежит ему. Без остатка, полностью. В этом дурацком отеле, на романтичном засушливом острове Санторини. Как будто на границе между двумя мирами: ее миром — простым и бедным, и его — роскошным, но каким-то тусклым.

Впервые, пожалуй, в жизни женщина в его постели оказывается не потому, что он Крестовский и в кармане золотая карточка, а потому, что… он сам не знает. Захотела? Соблазнил? Завоевал, скорее. Личная заслуга, не денег, а его личная. От того жутко ценная и невероятно желанная.

Игорь долго держит ее в объятиях, прислушиваясь к дыханию и сердцебиению. Хотя с последним сложно, его-то сердце не сказать чтобы ровно бьется.

— Не засыпай, — говорит он, глядя в закрывающиеся глазки. — Надо идти в душ. Больно?

Аня облизывает пересохшие губы. Как у нее это получается? Так, что он снова заводится с полоборота?

— Не больно.

— Пить хочешь?

— Наверное.

Он спускается к столу, где еще осталась нетронутая бутылка чистой воды. Возвращается, не упуская возможность насладиться видом Ани, кутающейся в простыню. Растрепанные волосы, красный след на шее от его поцелуя. Еще хранящая его запах.

— Пойдем наберем ванну?

Не то чтобы он надеется, что она согласится. Но очень этого хочет.

— Можно я сама? Быстро. Спать очень хочется.

— Давай.

Пока шумит вода, он перестилает постель. И мысли нет, чтобы отпустить ее к себе. Чтобы наутро она вышла холодная и язвительная, будто между ними ничего и не было. Нет уж, проснутся они вместе и вместе позавтракают на балконе с видом на море. А потом поедут домой, и там, в домике на пляже, Игорь будет мучить ее, пока она не окажется принадлежащей ему целиком, без остатка, всей душой и, уж конечно, телом.

К счастью, ему не приходится спорить. Аня без слов ложится в постель, прячась под одеялом и сладко зевает. Насыщенный у нее выдался денек. Когда Игорь возвращается из душа, девушка уже спит.

Глава 16

Не так я представляла себе пробуждение в постели с мужчиной. По крайней мере, в моих наивных мечтах там было утро, солнышко, все дела. А не глубокая ночь и звонок мобильника, а следом за ним негромкий мат Крестовского.

Сквозь сон, прищурившись, я смотрю, как он в темноте пытается найти телефон в кармане джинсов, которые сам же куда-то и закинул.

— Денис, ты охерел? Ночь на дворе!

Он пытается говорить шепотом, но я все слышу. Звук отражается от каменных купольных потолков, и даже отдельные слова таинственного Дениса на том конце провода можно разобрать.

— Его всегда в августе лихорадит. Возьми под расчет пару-тройку лямов, больше не трогай. В сентябре снова упадет, рублей на пять упадет точно, объебешься с курсом, я тебе в бубен лично дам. Все, кончай херней страдать. Открывай курсы прошлых лет и смотри, что там с баксом обычно в августе происходит. Еще раз позвонишь — убью.

Он кладет телефон на тумбочку и возвращается

в постель.

— Разбудил? — спрашивает.

А я… я малодушно делаю вид, что сплю. Потому что не уверена, что хочу сейчас разговора с ним. Утро вечера мудренее. А уж глубокой ночи тем более.

Мне довольно быстро удается снова заснуть, но…

— Бля.

Телефон надрывается так, словно там не курс доллара скачет, а как минимум остаток Санторини погружается в Средиземное море.

— Денис, я тебе вроде сказал… Чего? В какой список? Они идиоты? Погоди, какие в жопу санкции, мы туда с благотворительностью едем! Они же сами привлекали, типа, к своему суперпроекту по лечению рака… так, ладно, напиши им, что они дебилы. Вот так и напиши. Со швейцарской дочкой приеду, решу, но вообще ее на хрен продавать надо, задолбали.

Так, все. Я больше не могу. Встаю, прямо на голое тело надеваю рубашку и босиком шлепаю к двери.

— Ань… — доносится мне вслед.

Зеваю и машу рукой:

— Оставляю вас с Денисом развлекаться в оди-

ночестве.

— Да все, погоди, ща я…

— Я пошла спать. А ты как хочешь. Можешь оставить телефон здесь и тоже идти, Кристина подвинется.

Даже не запоминаю, как иду по коридору к нашему номеру, но очень тихо проскальзываю внутрь и юркаю в постель. Хорошо-о-о… вытягиваюсь на прохладной простыне, обнимаю подушку.

Судьба жестоко мне мстит: едва засыпаю, звонит уже мой телефон. Теперь, кажется, я понимаю Игоря, потому что за две секунды оказываюсь на балконе и закрываю дверь, чтобы не разбудить Крис.

На проводе Серега. Вот что ему не спится?

— Ань, — судя по голосу, слегка поддатый, — я тут подумал, а собачка ведь умрет…

— Сережа, ты тоже умрешь! И если еще раз позвонишь мне ночью, то раньше, чем собачка!

— Аньк, ну я серьезно. Мне кажется, я сделаю ей хуже, если принесу собаку, а она потом сдохнет.

Я вздыхаю. Вообще, объяснить всю гамму женских чувств мужчине, да еще и спортсмену, не так-то просто. А если он не совсем трезвый, то практически нереально.

— Умирают все. Родители, животные, иногда друзья. Однажды наступит момент, когда сообщение о смерти кого-то, с кем ты ходил в пятницу вечером в бар или на обед на работе, не вызовет шока. Если об этом думать, то можно навечно остаться одному. Собачки живут десять лет и даже больше. И их смерть немного отличается от той, что привела Крис к… м-м-м… печали. Они преданные и любят хозяина.

— Ладно, убедила, — ворчит Серж. — А слушай, вот по породе, я сейчас смотрю…

Я почти никогда не матерюсь, но сейчас очень хочется.

— Сережа, сколько сейчас времени? Четыре утра! Мы что, до завтрака будем выбирать между пуделем и чихуахуа?

— Чего сразу чихуя-хуя, я нормальные породы смотрю.

— Вот приеду, и расскажешь. Спокойной ночи.

Недолго думая, я отключаю телефон совсем. Да, вот так мне выспаться точно дадут. Если только никто не возжелает в ночи поговорить с Крис. Дурдом какой-то.

Но на этот раз мне удается крепко заснуть. Правда, оставшихся часов все равно не хватает, чтобы выспаться. Я чувствую себя… не разбитой,

конечно, но очень сонной и уставшей. И тело болит, и хочется проваляться в постели остаток дня. Интересно, что будем делать? Вчера хотела съездить в Фиру и на пляж, но сейчас уже не уверена, что хватит сил.

Принимаю быстрый душ, с горячей (да и вообще пресной) водой на острове напряженка, так что душ выходит бодрящий. Ставлю чайник и завариваю растворимый кофе, найденный еще при заезде, как комплимент гостям.

Кристины нет.

Подумав, выхожу на балкон, чтобы насладиться видом на море. И вскрикиваю, чуть не уронив кружку: за стеной притаился Игорь.

— Ты что тут делаешь?! Я чуть с балкона не упала!

— Стою. — Он пожимает плечами: — Жду, когда ты проснешься.

— А где Крис?

— Пошла в бассейн. Хочешь, тоже спустимся.

— Не, — я морщусь, — хочу кофе внутривенно.

— Я тоже, дай сюда.

Он самым наглым образом отбирает у меня чашку и делает хороший такой глоток, половины кружки как не бывало.

— Мог бы и сказать, я бы две сделала.

— Из чужой тарелки вкуснее.

Ладно, пить из одной кружки — не самое интимное действо на свете. Особенно после вчерашнего. Или уже сегодняшнего? Мне везет, что утро выдается ветреное: хоть щеки не краснеют.

— Хочу нормальный кофе, — говорит Игорь. — Пошли позавтракаем.

— А Крис?

— А в большой семье клювом не щелкают. Я ей предлагал, она сказала, что сыта по горло. Правда, не уточнила чем. Пойдем, выселяться будем перед обедом, а кофе хочется.

Честно сказать, мне впервые в этой поездке сонно и лень.

— А с ужина ничего не осталось?

— Только манго. Все остальное я съел, когда проснулся.

Приходится идти одеваться, хороший кофе не помешает.

Я собираюсь быстро, надеваю платье, собираю волосы в косу и беру сумку. Но за этот короткий период солнце вспоминает, что оно вообще-то южное, и начинает изрядно припекать. К счастью, мы идем недалеко, в уютную кофейню неподалеку. Я ее знаю, когда мы приехали, именно там перекусили перед тем, как исследовать

остров. Там работает приятная русскоговорящая женщина.

Игорь берет себе только черный кофе, а я получаю венский и большой яблочный пирог, политый сливками и усыпанный корицей. Мы сидим на диване, возле окна, выходящего на узкую оживленную улочку. Молчим. В воздухе чувствуется какая-то неловкость.

Я даже не знаю, чего хочу. Точно не прятать глаза и с напускной вежливостью общаться. Но по-другому как-то пока не выходит.

И еще я замечаю, как Игорь поглядывает не то на мою тарелку, не то на меня саму. Тянет крепкий кофе и ждет, пока я доем. Несколько минут я медлю, а потом со вздохом отрезаю вилкой половину куска и пододвигаю к нему поближе.

Крестовский вдруг смеется.

— Что? Что ты смеешься?

— У моего у друга кот есть, так вот он с таким же лицом, когда Влад валяется в похмелье и не может себе пожрать приготовить, носит ему птичек, пойманных в саду. Типа ладно, так и быть, последнее от сердца отрываю, только не помирай с голоду.

— Я же не кот, — делаю вид, что обиделась.

А этот наглец с довольным видом начинает

есть мой пирог! И вот отобрать бы, да жалко. Честное слово, с ним будто никто никогда не делился вкусненьким.

— Вот ты, между прочим, миллионер. А ешь из одной тарелки с девчонкой.

— Я мифиофдеф. — Он заглатывает остаток пирога и теряет способность внятно говорить.

Кофейня постепенно наполняется людьми, но все равно улицы еще пусты: паромы не привезли пока туристов.

— Пойдем погуляем, скоро здесь будет не протолкнуться, — говорит Игорь.

Ах да, он же часто здесь бывал.

Мы собираемся к выходу, как он вдруг останавливается и берет меня за руку:

— Не наелась? Хочешь йогурт?

Прислушиваюсь к себе и киваю. Не наелась. Хочу.

Пока делают заказ, Крестовский спрашивает:

— Почему ты просто не сказала? И не попросила?

— Не знаю. А зачем? В обед поедим.

— Как с тобой сложно.

— А с тобой так просто, проще только с барабаном!

Я получаю огромный стакан с охлажденным

йогуртом и фруктами и недовольно грызу трубочку, пока мы идем по улице к одной из смотровых площадок.

— Тебе надо научиться требовать то, что хочется.

— Это вы все требуете. Я к такому не привыкла.

— Ну хорошо, не требовать. Но хотя бы сообщать о том, что ты чего-то хочешь. Давай захоти чего-нибудь и попроси.

— Чего?

— Ну не знаю. Чего-то же ты хочешь? Такого, для души.

Я честно пытаюсь придумать, что я хочу такого, чтобы с этим вопросом понадобилось обратиться к Игорю. Но теперь даже есть не хочу, йогурт оказывается сытный и вкусный. У меня есть куча обуви, одежды, украшений, книг, которые я еще не успела прочитать. Безлимитные тарифы на телефоне и ноутбуке, комната, водитель с машиной, карта в спортивный и развлекательный клуб. Почти есть место в вузе.

— Не знаю, — наконец сдаюсь. — Ничего не хочу. Материального.

— Ну пойдем купим тебе платье?

— Зачем?

— Чтобы я его снял.

— Если нет разницы, зачем платить больше? — выдаю я рекламный слоган и смеюсь, потому что Игорь, кажется, его даже не слышал.

У «мифиофдефов» на телик времени нет.

— А можно с отложенным стартом? Ну, сию секунду это купить невозможно, но будет возможно позже?

— Ну давай.

Мы заходим за беленький домик с забавной торговой лавкой внизу, садимся на небольшую скамейку возле какого-то отеля, у самого края кальдеры.

— Хочу куда-нибудь поехать. Еще что-нибудь посмотреть.

— Давай конкретнее, мир большой, а то можно посмотреть как Прагу, так и Саратов.

— Океан. Где-нибудь с белым песком, подальше от больших городов. Чтобы бирюзовый и теплый, и… не знаю, природа какая-нибудь другая. Непохожая на наш юг. Такое вообще бывает?

— Мальдивы. Или Карибы.

Названия из другого мира. Фильмов или модных книг, где все герои поголовно мотаются на Мальдивы на выходные. Ну или картинка с рекламы в метро. Точно не реальное место и уж

точно не то, где я могла бы оказаться.

— На Новый год полетим, — вдруг говорит Игорь.

Я давлюсь йогуртом. Что, вот так просто? Полетим на другой конец света?

— Понимаю, что вопрос глупый, но сколько это вообще стоит?

— Понятия не имею, — с довольной улыбкой признается Игорь. — Говоришь Стасе все организовать и расслабляешься.

Да ему нравится меня шокировать! Он как ребенок, которому купили велосипед, скорее бежит, чтобы дать покататься подружке из садика, которую дергает за бантики.

— Я с гораздо большей охотой буду тратить деньги на путешествия, чем на какую-нибудь машину для Крис или очередную выходку Алекса.

— Ладно, — вздыхаю. — Раз проблемы с деньгами больше не стоит, толку о них переживать. Вот если ты разоришься и нам придется жить в хрущевке на окраине, тогда другое дело. Ты пойдешь в Сбербанк работать оператором, Серега в школу физруком, а из нас с Кристиной получатся отличные официантки.

— Ага, а Алекс прокормится как-нибудь сам.

— Ну я же говорила, что битой в лицо — это

перебор. Кто не спрятался, я не виновата.

— Дай йогурт.

— Ты опять мою еду отбираешь?

— Ладно, не буду отбирать. Просто попробую.

Я сую ему под нос трубочку, но Игоря, кажется, не устраивает йогурт из стакана, потому что он привлекает меня к себе и целует. Сомнительный способ попробовать лакомство, хотя если скажу, что мне не нравится, — совру.

Шумит море в уютной тишине санторинской улочки, ласково, но еще не опасно, припекает солнышко. В ослабевших пальцах стакан с йогуртом, и мне приходится собрать все силы, чтобы найти, куда его поставить. Меж тем, пока я пытаюсь не разбросать по всему острову вещи, Игорь увлекается настолько, что его рука уже расстегивает нижнюю пуговичку на платье.

Мне явно не хватает дыхания, ну и немного равновесия. Несколько его пальцев входят в меня, и я выгибаюсь, захлебываюсь стоном, потому что удовольствие нереальное. Понятия не имею, откуда во мне все эти ощущения, как за такой короткий период можно загораться от одного поцелуя.

— Стой! — Я нахожу в себе силы отстраниться и для убедительности покачать головой. — Здесь

же улица! Ты можешь… просто погулять со мной?

С явным разочарованием Игорь вздыхает:

— Могу.

Правда, потом хитро-хитро лыбится:

— И что, вот так тебя оставить?

Черт! Я понимаю, что если он не закончит, то меня скрутит от болезненной неудовлетворенности. Как наркотик.

Мне даже не нужно давать согласие, он просто продолжает меня мучить, буквально за несколько минут доводя до взрыва, а потом, пока я прихожу в себя и выравниваю дыхание, занимается тем, что нагло лапает. Насколько вообще нагло это может происходить.

— Нам пора, — говорю я.

Хотя на самом деле даже не уверена, что смогу нормально идти. В голове туман, в теле слабость, ну и засос на шее.

— Кстати, я еще придумала материальную покупку.

— М-м-м?

— Мне нужен шарфик. Закрыть этот след вампира на шее, а не то все будут тыкать пальцем.

— Шарфик… а мне нравится и без шарфика.

— Будешь под него заглядывать.

— Знаешь, когда я запихивал тебя в машину, чтобы привезти домой, я не думал, что ты окажешься такой язвой. Это на тебя наша компания так влияет или ты просто скрывалась?

— Ну так ты тоже не такая уж скотина.

Игорь делает вид, что кланяется, и мне очень хочется дать ему в лоб просто из вредности.

— Благодарю за комплимент, леди. В знак своей признательности позвольте выбрать для вас шарфик.

И мы идем в один из магазинчиков, тех самых, куда нужно спускаться, пригнув голову, чтобы не удариться о каменный потолок.

Выбираем симпатичный шелковый шарфик с панорамой Санторини, нарисованной вручную. Шарфик не слишком хорошо сочетается с платьем, поэтому меня уговаривают купить другое, с открытыми плечами. И в довершение образа хозяйка магазина дарит небольшую брошку, которая и фиксирует этот самый шарф у меня на шее.

— Как можно пойти за шарфиком и потратить кучу денег на шмотки? — задумчиво спрашиваю я.

— Спроси у Крис, она в этом лучше разбирается.

Когда мы возвращаемся, Крис уже готова выходить. Крестовская, похоже, не в духе. И я мысленно уже смиряюсь с тем, что ни в какую Фиру мы не поедем, а сразу через аэропорт домой. Но у Игоря оказываются свои планы:

— Итак, дамы, теперь, когда мы выселились из отеля, хочу вам напомнить, что я обещал мстить.

— Чего? — фыркает Крис.

— Того. Бегом в машину, теперь моя очередь развлекаться.

Мне даже интересно. Правда. Я всю дорогу до Фиры, а это почти час, пытаюсь догадаться, что же такое придумал Игорь, но сдаюсь и даже с каким-то волнением жду, когда он найдет парковку и оставит машину, чтобы мы могли погулять. Мне нравится вот так вот по-простому кататься по острову. Что-то подсказывает, что Крестовские нечасто развлекаются подобным образом. А я уже четко уяснила: любой выход из зоны комфорта их меняет. Как по мне, в лучшую сторону.

Фира прекрасна! Не знаю, какой из двух городов острова мне нравится больше. Аккуратная туристическая Ия с ее белоснежными домиками и узкими улочками или более живая Фира. Мы брели по набережной, смотрели на вулкан и круизные лайнеры возле него, пили лимонад в

баре прямо над морем, откуда открывался потрясающий вид. Заходили в лавочки, катались на фуникулере, я даже погладила милого ослика — символ острова. И накупила кучу разной ерунды. Почему-то Игорь в этот раз решил не забирать у нас все деньги. Так что я, пользуясь доступом к машине, набрала себе блокнотов и открыток, зная, что долгими зимними вечерами обязательно захочу вспомнить это путешествие.

Прогулка была бы сказочной, если бы не пресловутая Игорева месть за наш побег.

Он заставил нас с Крис все делать вместе. Не просто не расходиться в городе или сидеть за одним столиком, нет. Мы фотографировались исключительно вдвоем, причем стояли возле каждой достопримечательности до тех пор, пока Игорь не будет удовлетворен нашим взаимным дружелюбием.

— Хотели вместе поразвлекаться? Развлекайтесь! Объединяйтесь и дружите против меня, — посмеивался он, глядя на наши лица.

Нет, лично я не имею ничего против Крис (ну, почти), но все же несколько часов в обнимку с ней и ни единой сольной фотографии — это перебор. Мой смартфон буквально забит фотками с Кристиной, складывается впечатление, что мы

сестры. Если долго вглядываться в экран, можно даже вообразить некоторую схожесть.

И это мне еще везет, я не особенно активна в соцсетях. Крис Игорь заставляет размещать наши фотки в Сети. Неудивительно, что, когда мы уже к вечеру садимся в самолет, чтобы вернуться на Крит, Кристина устраивает маленькую пакость любимому брату.

Она садится на кресло у окошка, в самом первом ряду. Игорь чуть подальше, оставляя место для меня. Судя по тому, как блестят его глаза и какая улыбочка играет на губах, он рассчитывает на приятный полет в моей компании. Но я вижу взгляд Крис и ее едва заметное движение головой, так что прохожу мимо Крестовского и сажусь рядом с ней.

— Не понял…

А Крис нарочно достает смартфон и делает со мной селфи.

— Для бложика, — показывает брату язык.

Перед взлетом мы пьем таблетки от укачивания, а затем, когда самолет поднимается в воздух и меня перестает трясти, приветливая стюардесса спрашивает, не желаем ли мы попить.

— Принесите кока-колы, — просит Крис. — Две.

Я не хочу колы, я хочу чай, но Крестовская, когда я пытаюсь возразить, больно щиплет меня за коленку. Игорь в середине салона уткнулся в ноутбук и пьет кофе. Когда нам приносят два запотевших стакана с газировкой, Крис открывает сумку и… достает небольшую бутылку то ли рома, то ли виски.

— Ты что, с ума сошла! — шепчу я.

— Откуда ты такая правильная? Это всего один коктейль! Назло этому… или ты что, уже перешла в разряд послушных любовниц?

— Крис, в самолете не стоит пить…

— Пей, сказала! Это вкусно!

Она щедро разбавляет колу алкоголем, и я с любопытством сую туда нос. Потом пробую на язык и долго сомневаюсь. А ведь и правда вкусно, необычно так. И совсем не чувствуется алкоголь.

Ладно, от одного коктейля ничего не будет, а моменты, когда Крис не бесится и не рычит, особенно ценны. Понятия не имею, почему мне так хочется с ней подружиться. Но мы смотрим какие-то смешные ролики на смартфоне, пьем колу с ромом и летим над Средиземным морем, с одного потрясающего острова на другой.

Это точно я? В частном самолете, в дорогущем платье, да еще и недавно проведшая впервые

ночь с мужчиной? От таких поворотов голова кругом.

Или не от поворотов, а от алкоголя… коктейль оказывается коварным. Мне кажется, я выпила всего ничего, но на самом деле я чувствую себя по-настоящему пьяной. Крис смеется, глядя на мое растерянное лицо.

— Да ладно, — потягивается и фыркает: — Первый раз, что ли.

— Вообще да. Предыдущий не считается.

Самолет останавливается. Крис пытается встать, но тоже не держится на ногах и со смехом падает в кресло. Игорь подходит и с подозрением на нас смотрит:

— Это что значит?

Мне стыдно. Правда. Но еще и очень смешно. Как можно было напиться за полчаса полета?

Крестовский берет стакан и пробует остатки моего коктейля на вкус. Учитывая, что Крис еще подливала рома в процессе, там сейчас не кола с ромом, а ром с запахом колы.

— Девки, вы совсем офигели? — возмущенно интересуется Крестовский.

А мы не офигели. Мы напились. Мне все еще дико смешно, Крис, похоже, тоже. Пока мы заливаемся, он тащит нас к машине. Прямо идти

выходит с трудом, мне жутко стыдно, ведь нас видят сотрудники аэропорта. Но наконец мы оказываемся на заднем сиденье машины и медленно трогаемся в ночь по извилистой горной дороге.

Крис пьяненько поет себе под нос песню и копается в телефоне, а я уже немного трезвею. Коктейль, хоть и ударил в голову, выветривается. Сначала я смотрю в окно, а потом, украдкой, на Крис.

И до меня доходит, зачем она напилась. А еще я подозреваю, что она не такая уж пьяная, какой хочет казаться. И просто боится встречи с Сергеем после ссоры. Всегда проще притвориться пьяной и все списать на алкоголь. Не встречаться с человеком, к которому сама не знаешь, что испытываешь. Или свалить на коктейль реакцию на прикосновения одного наглого товарища.

Жалко ее, до ужаса. Но я понятия не имею, как и чем помочь, а сама она не расскажет. Ни мне, ни Игорю, а теперь и Серегины усилия ей не помогут, если не помирятся. Из-за чего вообще можно так поругаться?

Наконец мы подъезжаем к отелю. Я почти сплю, Крис спит совсем не «почти». Но меньше всего Игоря заботит наш покой:

— Серега, выходи, я дрова привез!

— Какие дрова? — с пляжа удивляется средний Крестовский.

— Килограмм по пятьдесят каждое. Инвентарные номера «Бревно 1, светлый дуб» и «Бревно 2, темный дуб». Тебе какое?

Серега начинает ржать, потому что задние стекла в машине все еще запотевшие, а Крис недовольно щурится от яркого света на парковке.

— Пошли, отконвоируем по домам этих звезд. Причем по разным. А то я сейчас амбарный замок не найду, чтобы бар закрыть.

Он наклоняется ко мне и тихо, чтобы не услышали остальные, говорит:

— А с тобой мы отдельно поговорим.

Мне все еще смешно. Думаю, чем ответить, не придумав, как кошка, зеваю Крестовскому в лицо. Ладно хоть палец в пасть не положил. Зато мне почти хорошо: пожалуй, я бы чего-нибудь съела. Мы заводим (точнее, Игорь заносит) Крис в ее комнату и идем к нему. О том, чтобы спать где-то еще, похоже, и речи не идет. Серж возвращается к ноутбуку на пляже и включает какой-то боевик. Хм, а интересная идея — смотреть кино у моря ночью. Надо будет взять на заметку.

В комнате меня ждет прекрасное: большая ванна с пеной и всякими солями, бомбочками,

розочками и так далее. А еще столик с шампанским и фруктами, пирожными и сырами.

— Вообще я планировал, что ты нажрешься немного попозже, — мрачно сообщает Игорь.

— Да я уже трезвая.

— Я слышу.

Прежде чем пустить меня в этот рай из пены и воды, Крестовский очень внимательно смотрит мне в лицо.

— Ань, скажи мне, почему ты напилась? Только честно?

— Честно? — я удивляюсь. — Было вкусно.

Похоже, он ожидал не этого ответа.

— Вкусно? И все?

— Ну да. Вкусно. Я же не знала, что оно так в голову бьет. Почему ты спрашиваешь?

— Не важно. Ныряй. Будет у тебя сегодня личная ванна с шампанским. А я буду следить, чтобы ты не утонула.

Ишь какой спасатель Малибу. Да я стекла как трезвышко, как говорила одна горничная.

Бросаю взгляд на шампанское. Кажется, это ненадолго…

* * *

— Не боишься, что приливом унесет вместе с ноутом?

Игорь садится на соседний лежак и отбирает у Сереги пиво.

— Я быстро бегаю, а ноут все равно уже старый. А где Золушка? Обломала тебе ночь разврата?

— Выпила шампанское, сожрала все бутерброды, побултыхалась в пене и спит в позе звезды на всю кровать.

Брат откровенно ржет, запрокинув голову. Игорю очень хочется разбить ему лицо. Вот прямо ни за что, просто потому, что его бесит это состояние растерянности.

Для начала Аня. Думал, трахнет ее пару раз и успокоится. Покажет светскую жизнь, научит вести себя в обществе, представит как члена семьи. Ну, чтобы в двадцать пять она не охренела от свалившегося богатства и чтобы ее не сожрали. Сразу показать, кто за ней стоит, чтобы и мысли не было полезть. Потом все бы сошло на нет. У нее появились бы друзья в универе, первая настоящая любовь, бегала бы на свидания, и Игорь бы от нее отстал.

Только как-то не вышло. И хочется еще и еще,

еле сдерживается, чтобы не запереть ее в комнате на пару дней и не выпускать, пока всю и везде не попробует. Одержимость какая-то идиотская.

И Крис. А точнее, Крис и Аня. Спелись, двойняшки. И слаженно еще так, сначала сбежали, потом напились. Рядом особенно видно сходство, хоть они сами на него внимание и не обращают. Надо им рассказать, только как и когда? Не в отпуске, это точно, здесь у него меньше ресурсов. На случай, если вдруг реакция окажется непредсказуемой.

— Ну и? — меж тем спрашивает Серега.

— Что и?

— Предложение делать будешь?

— Чего?

Он всерьез это слышит?

— А почему нет? Пора бы уже. До каких пор будешь эскорт вызывать на тусовки? Вот тебе идеальный вариант. Во-первых, милая молоденькая девочка, ничего не знает, не умеет, воспитаешь под себя. Во-вторых, деньги, опять же, в семье останутся. В-третьих, а почему нет? Свадьба, праздник, девочкам как котику сметанка. Надоест — разведетесь.

— Серый, иди на хер. И разбирайся со своими проблемами.

Он поднимается и ставит бутылку обратно на столик.

— Пока с ними не начал разбираться я.

Когда он возвращается в комнату, сон не идет. С трудом удается подвинуть Аню так, чтобы не разбудить. Она спит как-то беспокойно, тревожно. Игорь спал с ней в одной постели немного, суммарно хорошо, если на ночь наберется. После того как им под колеса бросили собаку, успел вздремнуть пару часиков по соседству и накануне ночью, пока она не сбежала от его вечного рабочего аврала. Но все равно она спала спокойно и глубоко, а сейчас как-то нехорошо.

И раз уж делать все равно нечего, он решает подождать, пока она не успокоится. Ну или не проснется.

Просыпается от того, что прижимается к его боку мокрым от слез носом. Вот это новость. И что это мы рыдаем?

— Аня, — зовет он, — что такое?

Она моргает, непонимающе смотрит и даже дрожит.

Невозможно не обнять и не погладить по еще влажным мягким волосам. И невозможно не поразиться тому, какая она горячая. В самом плохом смысле этого слова: на лбу хоть глазунью делай.

— Ну и что это значит?

— Что-то приснилось. Нехорошее. Очень. Про тебя.

— Про меня?

— Ну… да. Как с папой.

— Ерунда, ты переволновалась и выпила.

— Нет! — она трясет головой. — Мне кажется, это предчувствие! Надо…

— Аня, у тебя температура, и ты бредишь. Полежи пару минут, я вызову врача.

— Температура?

Она хмурится, трогает лоб, прислушивается к себе и вздыхает:

— Кажется, да. Продуло на пароме, наверное. Или в самолете.

— Или недоперепила, — хмыкает Игорь.

Вызывает врача и буквально готов нервно смеяться. Что еще помешает ему наслаждаться отпуском и Аней? Он не удивится, если на пляж рухнет кусок скалы с утра пораньше.

Врач приезжает быстро, в таком отеле, как правило, есть дежурный. Пока Аню осматривают, Игорь в гостиной, у кофемашины, делает себе кофе. Вряд ли сегодня вообще удастся уснуть.

— Что ж, похоже на вирусную инфекцию, — наконец миловидная женщина, гречанка средних

лет с вполне сносным русским, пишет рецепт. — Лечение смптоматическое, много пить, не перегреваться, ни в коем случае не купаться в море. Ну и, конечно, никакого алкоголя.

Она многозначительно смотрит на полупустую бутылку шампанского на столике.

— Ну мы ж не знали, — зачем-то оправдывается он.

— С вашей девушкой все будет хорошо. Но если температура продержится дольше трех дней, то лучше поезжайте в госпиталь в Ретимно, там сделают все анализы. Я дам вам витамины, пропейте их, помогут иммунитету бороться. Инфекция может передаваться воздушно-капельным путем, поэтому старайтесь не контактировать.

Ага, размечталась. На три дня ее тут оставить скучать в одиночестве? А если она опять в приступе бреда решит, что ей знамение привиделось. Все это проносится в голове, но вслух он говорит:

— Девочку мне вторую посмотрите? Они вместе… — бросает многозначительный взгляд на Аню, — гуляли.

Отводит ее к Крис, которая спит здоровым похмельным сном. Приходится дать врачу в три раза больше чаевых, потому что разбуженная посреди ночи Кристина крайне несдержана на

язык. Зато она не болеет, и это уже хорошо.

Проводив врача, Крестовский возвращается к Ане.

— Тебе нельзя со мной спать, — бурчит она, наблюдая, как он раздевается. — Ты заболеешь.

— Зараза к заразе не липнет. Болит что-нибудь?

— Голова, — признается она. — Температура поднимается.

— Ага или ваш ром с колой из организма выводится.

— Ты теперь будешь мне это вечно припоминать?

— Ближайшие полгода точно, — усмехается. — Я же должен отыграться за то, что ты обломала мне жаркую ночь.

— Ну почему обломала.

Она прижимается всем телом и… везет ей, что простыла. Похоже, Аня даже не понимает, какой эффект оказывает, прижимаясь к нему в тонкой ночной сорочке.

— Тебе жарко? Это еще у меня всего тридцать девять. Вот будет сорок два…

— Когда тебе будет сорок два, я уже буду на пенсии.

— Да ну тебя. Ты старше на двенадцать лет.

— Тебя это пугает?

— Нет.

Она молчит, а потом вздыхает:

— Ты ведь все равно в любовь не веришь и отношениями себя связывать не собираешься. Какая разница, на сколько тебя кто старше в кратковременном романе.

— А если бы это был не кратковременный роман? Разница имела бы значение? Или ты видишь рядом с собой исключительно ровесника?

И почему же так до ужаса не хочется слышать ответ?

— Я вижу рядом с собой человека, который будет меня любить. И которого буду любить я. А возраст это так. Дополнительная опция.

Она вздыхает и сама не замечает, как пальцами поглаживает его плечо. До ужаса приятно, аж шерсть дыбом и мурашки по спине. Страшно подумать, что будет, когда она начнет делать это сознательно. Пожалуй, Игорь в такие моменты будет способен пообещать что угодно.

— Ты что, правда будешь тут спать? — спрашивает.

— Если не перестанешь меня почесывать, то никто не будет спать.

— Ой! — краснеет. — А можно мне таблетку от

температуры? Там врач оставила…

Встает, наливает в стакан воды и вместе с таблеткой заставляет выпить все.

— Слышала, что тебе сказали? Много пить! Завтра еще есть заставлю. Тоже много.

Теперь точно не уснет.

— Со мной так давно никто не сидел, когда я болею.

— Я тоже ни с кем не сидел давно. Последний раз с Криськой, когда ей лет десять было и она поймала ангину с осложнениями. Мы по очереди дежурили у нее с Серегой.

— У вас хорошая семья, — бормочет Аня, засыпая. — Сложная, но хорошая.

— И снова бредишь.

Хорошая, как же. В хороших семьях такой бардак не случается. В хороших семьях матери не вешаются. А отцы не крадут из роддома младенцев.

* * *

Как и сказала врач, я болею ровно три дня. И до сих пор таких странных ОРВИ у меня не было. Температура поднимается всякий раз, как перестают действовать жаропонижающие. Но в перерывах я успеваю наслаждаться видами на

море, интересными книжками, вкусной едой, которую приносят прямо в номер. Ну и Крестовским, который то работает за столиком рядом с постелью, то решает архиважные задачи по телефону прямо в постели. То плавает (и хоть он не в курсе, это тоже оказывается своего рода развлечение — посмотреть на красивого мальчика. Даже если он вовсе не мальчик).

На третий день температура начинает спадать.

К вечеру я ее почти не чувствую, только слабость не дает встать и бегать вокруг отеля от переизбытка энергии. В конце концов, когда Игорь идет ужинать с клятвенным обещанием принести мне из ресторана что-нибудь вредное и вкусное, я рискую и вылезаю на пляж. Сажусь у кромки воды и дышу морским воздухом. Тоже полезно при болезни.

Не замечаю, как подходит Крис.

— Любовничек не заругает? — хмыкает она.

— Он пропал в ресторане. Обещал принести мне еды и пропал.

К моему удивлению, Крис протягивает половинку персика, который жует. И несколько минут мы молча едим фрукт, смотрим на море и… ну его, этого Игоря.

— Помирились? — спрашиваю я, имея в виду, конечно, Крис и Сержа.

— Ну так. — Она пожимает плечами. — Типа того.

Больше не спрашиваю, не мое дело. Не хочется, чтобы она снова превратилась в рычащую на всех стерву. Если сидеть молча, можно представить, что у нас дружба и взаимопонимание.

Возвращается Игорь, об этом я узнаю, когда слышу его возглас:

— Калинина, что бы она тебе ни дала, положи это и отойди!

— Это просто персик, — флегматично фыркаю я.

Игорь садится между нами. У него в руках контейнер с чем-то вкусным, и я тянусь к этому, но он не дает.

— Дай персик попробовать.

Развожу руками, потому что секунду назад запихнула в рот последний кусочек. Тогда Игорь поворачивается к Крис, и та спешно делает то же самое.

— Ффсе! — говорит ему с набитым ртом.

— Злые вы. Значит, кальмары и осьминога съем один.

— Ой! Осьминог!

Мне до ужаса хочется это зажаренное на гриле с лимонным соком щупальце. Даже руки дрожат от предвкушения! Мы отбираем у Крестовского еду и в два счета ее приканчиваем.

— Ну, раз у вас больше ничего не осталось, я пошла. — Крис встает. — И сообщаю тебе, что завтра я планирую поход по магазинам, так что или дай машину, или вези меня.

— Напомни утром, — говорит Игорь.

Он смотрит вслед сестре. Долго, пока Крис не скрывается в доме. А потом с легкостью пересаживает меня к себе на колени и целует.

Наверное, однажды я привыкну к такому тесному контакту, но пока он немного пугает.

— Ты уже выздоровела? — с нехорошей такой улыбочкой спрашивает Крестовский.

Мне хочется над ним немного поиздеваться, хотя я и понимаю, что как соперники мы в разных весовых категориях. Но я все равно отстраняюсь и пересаживаюсь так, чтобы быть к нему лицом.

Наглые руки тут же сжимают мои ягодицы.

— Возможно, выздоровела…

Я берусь за пуговички платья, которое надела сегодня.

— Вот как, — усмехается он. — Кто-то стал очень смелым.

Закидывает руки за голову и опускается на лежак.

— Посмотрим, насколько тебя хватит.

Ни за какие блага я не признаюсь, что жутко нервничаю. Но расстегиваю пуговичку за пуговичкой, пока полы платья не расходятся и холодный воздух не касается груди.

— Даже та-а-ак… а скажи, на тебе вообще нет белья?

Только улыбочка уже не такая уверенная.

— Можно предположить, что после душа я забыла о нем…

— Но мы оба знаем, что это не так, и мне придется его снять.

Губы обжигают кожу на груди, язык играет с соском, и я теряю нить. Забываю начисто, о чем хотела говорить и что делать. Платье летит куда-то в сторону, рубашка Игоря тоже. Мы все еще на пляже, и это обстоятельство мешает медленному и чувственному занятию любовью.

Он резко входит в меня, на грани между болью и удовольствием. Я цепляюсь за его плечи, отвечаю на поцелуй и двигаюсь ему навстречу. Страх того, что я не буду иметь понятие, как вести себя в постели, отступает. Есть только один путь, чтобы покончить с томительным напряжением. Только

одно движение, чтобы получить удовольствие.

По телу проходят разряды тока. Я чувствую его внутри себя, восхитительно новое и крышесносное ощущение. Тогда, на Санторини, это было не так ярко.

Игорь вдруг ругается и отстраняется. Я еще не получила ничего из того, что хотела, да и он тоже.

Хмурюсь, получаю легкий поцелуй и заодно объяснение:

— Мы забыли про защиту. Так нельзя. Пойдем в дом.

Точно. Защита. Мы про нее не забыли, мы о ней даже не подумали. Эта ошибка могла стоить очень и очень дорого.

Игорь тащит меня в комнату. Ему плевать, что я без одежды. Этот пляж принадлежит ему, как и будет принадлежать отель в скором времени. Как и я, похоже, по крайней мере, он в этом искренне уверен.

Движения резкие и грубые: достает из ящика пачку презервативов, вытаскивает один и прижимает меня к стене. Я чувствую, как он снова входит в меня, и замираю.

— Игорь! Подожди!

Для него все это привычно, а я чувствую, как

не успеваю за ним, не привыкаю к тому, что он со мной делает.

— Куда ты торопишься? Я же не сбегу.

Кажется, ему нравится, когда я глажу плечи и шею. И мне до ужаса приятно пальцами касаться рельефных мышц, горячей кожи и жестких темных волос.

Я влюбляюсь. Безнадежно и, наверное, безответно. Каждый раз сильнее и сильнее. Отношения с ним как американские горки. То медленно вверх, то с замиранием дыхания вниз. Правда, все равно настанет момент, когда оплаченное по билету время выйдет и придется уступить кабинку другим.

— Больно? — Он все же находит в себе силы остановиться.

— Нет, — качаю головой. — Не больно.

— Тогда что такое?

— Просто… я… черт…

Он во мне, не двигается, но я чувствую напряжение и сама подаюсь навстречу. Мы снова целуемся, до тех пор, пока дыхание не заканчивается. А потом я просто позволяю ему делать все, что захочет, становлюсь послушной глиной в горячих сильных руках. Меня накрывает удовольствием, чувством абсолютной легкости. Я

завожусь и взрываюсь быстрее, чем Игорь.

Он укладывает меня на постель, скользит взглядом по обнаженному телу, руки медленно дразнят, касаются нежной кожи на внутренней стороне бедер, но не трогают пульсирующего от напряжения и новой волны желания местечка.

Коварно улыбаясь, этот гад вдруг переворачивает меня на живот. Сердцем чувствую укол страха и невольно вздрагиваю.

— Нет, так не надо…

— Ш-ш-ш… — Он опускается сверху, горячий, твердый, губами проводит по шее.

У меня вырывается тихий стон. Нереальное ощущение от поцелуя. Коктейль из страха и удовольствия похож на наркотик, почувствовав его вкус, я уже не хочу заканчивать то, что делает Крестовский. Он осторожно собирает мои волосы в руку, не переставая гладить спину, спускаться ниже.

Пальцы проникают в меня, доводят до черты, но не позволяют ее перейти. Теперь я готова на все, готова просить заняться любовью человека, которого несколько месяцев назад не то ненавидела, не то боялась. Неужели это тот Игорь Крестовский, что встретил меня в номере отеля? Неужели ему в кофе я высыпала целую переч-

ницу?

Неужели это он ревновал меня как сумасшедший к Принzzy, высаживал на ночной трассе, издевался, выставляя своей девушкой? А теперь мы целуемся, занимаемся любовью, и… это точно я? Мне кажется, я уже не представляю себя без этой семьи. И без него.

Сейчас Игорь груб ровно настолько, чтобы мое сердце забилось чаще, он с силой входит, одновременно заставляя меня прогнуться в пояснице, держит волосы и двигается медленно, но мощно. С каждым толчком я всхлипываю. Раньше казалось, чувствовать его сильнее я уже не смогу. Ну подумаешь, секс, что в нем? Да, с Игорем это очень и очень приятно, да, я по-настоящему радуюсь нашей близости, несмотря на все сложности.

И как же все-таки я мало знаю об отношениях мужчины и женщины в постели.

— Аня… — Он отпускает мои волосы, они рассыпаются по плечам. Разгоряченная кожа чувствует даже такую мелочь. — Аня…

Я таю от крышесносного ощущения полной беспомощности. Я не могу заставить его снова начать двигаться, не могу прекратить медленную пытку. Даже оттолкнуть его не могу, хотя, пожалуй, и не хочу. Руками крепко сжимаю по-

крывало.

— Игорь, ну пожалуйста…

— Попроси еще, — тяжело шепчет он. — Скажи, что ты моя. Скажи, что ты не сбежишь, Аня!

— Твоя, — выдыхаю я. — Мне некуда бежать. Я не хочу.

Несколько глубоких и сильных толчков отправляют меня за грань, я, кажется, кричу. Легким не хватает воздуха, а тело выгибается дугой, будто от разряда тока. Пальцы обессиленно разжимаются, но внизу все еще пульсирует.

Игорь стонет сквозь стиснутые зубы, и я чувствую тяжесть его тела. Долгие, восхитительные секунды. Потом он ложится рядом и запускает руку в мои волосы. Как ребенок прижимает во сне любимую игрушку, так Крестовский в полудреме прижимает к себе меня, будто боится отпустить. Словно я встану и сбегу куда-нибудь, оставлю его тут одного наедине с проблемами и диким, я бы сказала, катастрофическим недостатком любви.

Размечтался. Попал ты, Игорь Крестовский. И я заодно.

* * *

На следующий день снова начинается шторм. Серега сетует, что не везет с погодой — он мечтал

посерфить, как раз были волны. По его словам, для Крита в конце июля такая погода совсем не типична. Кристина и Алекс заняты ноутбуками — каждый своим. И если Крестовская хоть изредка ходит в дом за чем-нибудь вкусненьким или очередным бокалом мохито, то Алекс… Порой я начинаю про него забывать. Мне не очень нравится, что не только я. Но с Игорем на эту тему говорить не решаюсь, в конце концов, не мое дело, как он воспитывает младших, я и так достаточно влезла.

Ну а мы, пока море волнуется, просто отдыхаем. Едим пиццу, заказанную из ресторана, читаем про универ, в котором я буду учиться, смотрим фильмы, занимаемся любовью. Кажется, друг друга изучаем и привыкаем. Я-то уж точно, мне все проще и проще принимать желания Игоря.

А уж его удивление, когда я однажды вечером первая лезу целоваться, достойно запечатления. Но мне не хочется притворяться, что происходящее между нами не нравится. Не хочется стыдливо опускать глаза, когда он выходит из душа. Если все уже случилось, почему я не могу наслаждаться своим первым в жизни романом? Почему должна думать о том, что он, возможно, скоро закончится?

К слову, об этом.

На третий день, когда шторм успокаивается, а Игорь огорошивает меня новостью о том, что через пару дней самолет вернет нас в Россию, мы решаем поехать куда-нибудь на яхте. Одновременно с волнением — я еще никогда не плавала в такие путешествия — я чувствую грусть. Мне вдруг приходит в голову, что Крестовский непременно закончит наши отношения, едва мы вернемся. Зачем тащить в повседневную жизнь приключение из отпуска?

Яхта несется через море, навстречу какой-то красивой бухте, а я украдкой посматриваю на Игоря. Мне немножко стыдно за то, что хочется любоваться им бесконечно. Красивый, гад. Как с обложки. И яхта шикарная, и относятся здесь ко мне, как к принцессе: приносят напитки, мороженое и фрукты. Вокруг море и скалы, мы идем вдоль берега, я могу полюбоваться на потрясающую бирюзовую воду.

— Чего грустим, Золушка? — Серж садится на скамейку рядом и бесцеремонно пересаживает меня к себе на колени.

— Сережа! — восклицаю я. — Прекрати.

— Что? — обижается он. — Просто пришел поболтать.

Я снова сползаю на скамейку.

— Крис неприятно. Не надо ее огорчать.

— Мне что, теперь вечно виноватым ходить из-за того, что она обиделась?!

— Просто дай ей остыть и отдохнуть. Ты ведь знаешь, что она вас с Игорем ко мне ревнует. И демонстративно эту ревность подогреваешь. Прекрати. Так нельзя, она не заслужила, она хочет быть вам близкой. А вы ее ругаете и отталкиваете.

— Я, Ань, уже давно не знаю, что мне сделать, чтобы Крис не отталкивалась. И устал.

— Тогда пожалей меня. Я хочу с ней подружиться.

— Почему? — спрашивает он.

Но я и сама не знаю ответ на этот вопрос. Просто хочу. В Крис мне чудится что-то знакомое. Может, мы в чем-то похожи. Может, наоборот, я тянусь к девушке с характером совершенно противоположным моему. Это не объяснить словами, можно лишь прочувствовать.

Серж уходит, и я снова обращаюсь к морю. Его вид успокаивает. Пожалуй, я буду скучать по Греции.

Сколько здесь оттенков воды! От бирюзового, почти зеленого, до ярко-ярко-голубого. Чистей-

шая вода так и манит окунуться. Мы медленно подходим к удивительной красоты бухте. В ней голубая вода, а рядом розовый песок, какого я еще никогда не видела.

Украдкой, чтобы никто не заметил, я вытираю слезы. Как бы хотелось, чтобы мама и папа увидели это. Они ведь нигде толком не бывали. Если бы они прожили чуть дольше, до моей встречи с Игорем, я бы смогла им все это показать.

Он подходит бесшумно, обнимает за плечи.

— Нравится?

— Да. Очень.

По моему голосу слышно, что я расстроена. Игорь разворачивает меня к себе.

— Что-то не слишком ты радостная.

— Просто вспомнила папу и маму. Им бы понравилось здесь, так красиво. Я бы могла их сюда привезти, показать это море. Они всю жизнь положили на то, чтобы меня вырастить, а я не успела отдать им долг.

— Да, я тоже ничего не успел. Запомнить маму. Понять отца. Просто в один момент Майк позвонил и сказал, что я должен вернуться и занять его место.

— Не надо занимать его место. Создай свое.

— Философ ты мой. Не плачь, куплю тебе калач.

И Мальдивы, помнишь?

Я поднимаю голову, улыбаюсь сквозь слезы.

— До Нового года придется поработать, чтобы нам не пришлось все-таки жить в однушке на окраине и отправлять Серегу в физруки, а потом полетим к океану. У меня на эту поездку большие планы.

— Да?

Я ненавижу себя за надежду, которая расцветает в душе. Новый год… как далеко этот праздник. Сколько времени у нас еще есть.

— Не забудь, что скоро у нас гости — твоя знакомая, родительская подруга. А еще я хочу, чтобы ты рассказала мне о своих папе и маме.

— Зачем? — хмурюсь.

Но вместо этого получаю осторожный поцелуй в обгоревший нос.

— Герман звонил, они разобрались с теми, кто нас доставал. Трое в СИЗО, четвертый в больничке. Так что можно смело возвращаться.

— А что ты будешь делать с Алексом?

— Отправлю его в армию, — к моему удивлению, говорит Игорь. — Пусть выбирает: или в армию, или в клинику для зависимых. Потом посмотрим. Вот уж кому не помешает хрущевка на окраине, но ты, моя злая Золушка, не преду-

смотрела для него роль.

— Ладно, — бурчу, но самой хочется смеяться, — пусть будет промоутером. Листовки раздавать.

— Щедрая женщина. Прямо как я люблю.

Это «люблю», относящееся, разумеется, не к нашим отношениям, становится первым «люблю», которое я слышу из уст Игоря. Мне нравится, как оно звучит. Он явно редко говорит это слово, но получается довольно проникновенно.

Что ж, одно я успела уяснить: Крестовский не врет. А значит, Греция для нас не конец, а скорее начало. Сейчас мне хорошо и спокойно. А потом… я уже и загадывать-то боюсь.

Глава 17

Дни до первого сентября проходят в суматохе и постоянной занятости. Я медленно, но верно превращаюсь в самую обычную Крестовскую. Нет, не в том плане, что становлюсь стервой и трачу баснословные деньги. Просто…

Отныне мой день выглядит так.

В восемь я встаю и спускаюсь вниз, где Марина готовит для меня завтрак. Игорь уже на работе, Серж тоже, Крис спит до обеда, а с Алексом мы почти не встречаемся. Он переваривает предложение брата и судорожно ищет выход из ситуации. Но выхода нет, так что отношения между старшим и младшим Крестовскими крайне напряженные.

Затем мы с Германом едем в клуб, и там я сначала иду на какой-нибудь фитнес, а потом полчасика плаваю. Обедаю в ресторане в «Эдеа», быстренько собираюсь и еду по делам.

Дел много. Подготовить документы для начала учебы. Медосмотр, фотографии для студенческого, купить всякие тетради и инструменты. Волнительные и долгожданные приготовления.

Чувствую себя школьницей, которая собирается на линейку.

У Игоря какой-то, как он сам выражается, традиционный августовский капец. Хотя он говорит другое слово, я не настолько по нему скучаю, чтобы материться. Но уходит он рано утром, приходит — поздно вечером. Иногда мне обидно, потому что накатывает ощущение, будто он уходит от общения со мной. Именно общения, потому что секс у этого Крестовского возведен в статус священной коровы. И с одной стороны, я понимаю, что мы жутко разные и чудо, что нас вообще так тянет друг к другу, а с другой — хочется немного больше того, что называют конфетно-букетным периодом. Можно даже без конфет и букетов.

Перед первым сентября я жутко волнуюсь. С утра еду в салон, чтобы привести в порядок волосы, ногти, ресницы и все остальное. Потом собираю сумку, перепроверяю по десять раз расписание, чем довожу Германа до икоты.

Потом долго перебираю наряды. Вот плохо, что Стася со мной больше не общается. Без нее ходить по магазинам сложнее, а у Крис и мысли нет помочь мне в нелегком деле одеться в универ как следует. Я выбираю между темно-вишневым

кожаным платьем и черным платьем-смокингом. Первое — модное, молодежное, с кокетливой блестящей брошкой. Второе — строгое и элегантное, а в комплекте с новыми туфлями смотрится улетно.

Марины нет, уехала в магазин. Игорь с работы вернулся, но уже час болтает по телефону. Серж в клубе, остается только Крис. Она меня, конечно, пошлет, но я все равно иду к ней.

Уже возле комнаты слышу грохот.

Осторожно заглядываю: наследница Крестовских в ярости швыряет в стену какие-то статуэтки. Вот летит хрустальная туфелька, вот — карманное зеркальце.

— Крис? — зову я. — Ты в порядке?

— Отвали! — рычит она.

— Понятно. А я думала, выберешь мне платье на завтра.

Она продолжает методично бросать в стену все, что попадает под руку. Я не обладаю талантом оставлять людей в покое, когда им хреново, поэтому прохожу в комнату и сажусь на постель. Она вся усыпана какими-то записями и расчетами. Странно. Учеба же еще не началась, что она так усиленно считает?

— Это бизнес-план? — Я разбираю за пере-

черканными линиями нечто, напоминающее концепцию ночного клуба.

Предметы для уничтожения у Крестовской кончаются.

— Я хочу уехать, — глухо говорит она. — Для этого мне надо наследство. Его я получу, если открою успешно бизнес. Блядь, я понятия не имею, как это делается!

— Э-э-э! — Я останавливаю ее руку, в которой телефон. — Не бросайся техникой, там аккумулятор, взорвется и спалит всю твою коллекцию туфель. Дай сюда.

— Что? — Она смеется. — Ты и в бизнесе шаришь?

— Я — нет. «Гугл» шарит.

— Ага, вот бы сейчас по статьям из «Гугла» открывать ночной клуб.

Я закатываю глаза:

— Ощущение, будто не меня из горничных вытащили, а тебя. Крис, твой брат не зверь, тебе не надо делать бизнес-план, достойный инвесторов с Уолл-стрит. Тебе надо корявенько, но старательно написать о том, что ты хочешь, показать ему с позиции «я тут накидала, дай совет», и все! Неужели ты думаешь, Игорь не даст тебе денег на этот бизнес, не наймет бухгалтера и не обеспечит

консультациями?

— Думаешь? — в глазах Крис промелькнуло сомнение.

Она им не верит. Совсем. Может, не без основания? Может, мне застилают глаза чувства?

— Я уверена. Нам надо придумать концепт, сделать бизнес-план по статье из «Гугла», посчитать всякие… что там считают? Рентабельность, смету. И пойти с этим к Игорю.

— Он камня на камне не оставит от этого детского лепета.

— Пусть попробует. Я тогда найду на помойке кота, принесу в дом, объявлю, что это Семен и он будет с нами жить. Причем исключительно в спальне Крестовского, ибо Семен благородных кровей и в гостевых опочивать не изволит. Пусть потом рыбий хвост из пододеяльника вытряхивает. Во, нашла… так…

Я читаю статью про открытие ночного клуба, и у меня открывается рот от удивления.

— А… э-э-э… тебе очень принципиально именно его открыть?

— Да хоть бордель. Хочу наследство — и адье.

— Давай остановимся на кофейне.

Кристина делает жест, который я расцениваю как «валяй».

— Так, погоди. Какое платье?

Показываю два своих варианта.

— Черное. Снимать проще.

— Зачем в универе снимать платье?

— А, ты для универа. Я думала, для братика. Тогда красное. Только сними эту убогую брошь. Верх безвкусицы.

Она достает из комода деревянную шкатулку, вываливает на постель и долго копается в груде украшений. Интересная она, Кристина Крестовская: бриллианты хранит так, словно это стекляшки, в куче, перемешанными с другими ювелирными шедеврами. Я до сих пор смотрю на золото как на чудо света.

Тут вдруг я понимаю, что уже несколько секунд не дышу.

— Что это? — спрашиваю, показывая на тонкое золотое колечко.

Очень похожее, с птичкой и веточкой, сейчас на моем пальце. Я не снимаю его с тех пор, как Игорь мне его купил.

— Кольцо.

— Я вижу. Откуда оно у тебя?

— Не помню. Купила, наверное. Да, пару лет назад, в каком-то гадюшнике. Ваня, мудак, опоздал, пришлось зайти в ближайшее здание, это

ювелирный. Истеричка за прилавком начала орать, что у них нельзя греться, и я купила кольцо, чтобы ее заткнуть.

— Я его сдала.

— Чего? — Крис удивленно поднимает голову.

— В ломбард. Давно, когда деньги кончились.

— Прямо его? Да их полно!

— Нет, вот здесь щербинка. Видишь? Оно.

— Ну-у-у… — Крис хоть и делает равнодушный вид, скрыть удивление не может. — Забери. Мне не нужно.

— Нет. Пусть будет у тебя. У меня уже другое.

— Ну как хочешь. Вот, эту надень.

Она цепляет к платью перо из белого золота с гранатами и бриллиантами. Оно действительно смотрится благороднее цветка, который Крис с меня сняла.

— Спасибо. Завтра верну.

— Ага. Так что с бизнес-планом?

— Игорь спалит, что я тебе помогаю, если влезу в творческий процесс, поэтому продумай весь концепт сама. Вот, я сброшу ссылку на хорошую статью. Придумаешь, скинь мне. Посчитаю смету, доходы и все такое. Ну и пойдем каяться к старшенькому.

— На хрена?

— Ну потому, что без его денег ты сможешь открыть только бордель, причем оформленный на ИП без наемного персонала.

— Да нет, я про то, что тебе это на хрена?

Я пожимаю плечами:

— Придумай сама. Мне просто интересно. И я не считаю справедливыми условия вашего отца. Разве что в отношении Алекса.

— Надо думать, его бизнес-планом были бы игровые автоматы, — фыркает Крис. — А черное братику все-таки покажи. А то он явно расслабился в последнее время.

Я действительно собираюсь идти к Игорю, правда, сначала завернув к себе — повесить наряды в шкаф. И каково же мое удивление, когда я обнаруживаю Крестовского на собственной постели, с интересом листающего одну из моих книг.

— Золушка, а ты в курсе, что скоро в твоем шкафу кончится место? Ты не даешь мне разобрать мамину библиотеку, а сама тоннами таскаешь книги. Думаешь, мы найдем где-нибудь еще помещение под стеллажи?

— Что ты делаешь в моей комнате?

— В кабинете Серега оккупировал экран, проводит с кем-то собеседования.

— А в твоей комнате?

— Марина убирается, я просыпал протеин, когда делал коктейль.

— А гостиная уже не принимает?

— По лестнице спускаться лень.

— Последняя отмазка так себе. — Я улыбаюсь. — Но на самом деле хорошо, что ты пришел. Я как раз хотела с тобой поговорить.

— О чем?

— О Крис. Она хочет уехать.

Игорь мрачнеет. Разговоры о сестре и ее проблемах всегда сбивают его с легкомысленного настроя.

— Она хочет правильно уехать. Открыть бизнес, как требовал ваш отец, получить наследство и зажить самостоятельно.

— Флаг ей в руки, препятствий я не вижу.

— Ты же ей поможешь?

Я сажусь на постель рядом с ним и вдыхаю аромат парфюма. Уже очень родной и знакомый.

— Я должен дать ей денег, разумеется.

— Не о деньгах речь. Она не взрослый мужик, который собаку съел на бизнесе, она двадцатилетняя девушка. Ей нужна твоя помощь. Нужен бухгалтер, нужны связи, нужна юридическая помощь, нужны твои знания. И главное, нужна поддержка. Если ты будешь ее хвалить и двигать

вперед, все получится. Сможешь?

— Попробую. Но не обещаю, что Кристина снова не оттолкнет всех. К слову, раз уж тебя она слушает, можешь сделать мне одолжение и заставить ее пропить вот это?

Он достает из кармана коробочку с каким-то лекарством, и сразу становится ясна цель этой засады у меня.

— Что это?

— Ничего особенного. Витамины и легкое успокоительное. Начало учебного года — всегда стресс. Я хочу, чтобы нервная система Кристины не перегружалась.

— Игорь, я ведь не дурочка. Я сомневаюсь, что твоя сестра в принципе способна перегружаться в универе. Я же просила не пичкать ее таблетками.

— Ань, это действительно просто витамины. Ладно… слушай, мне надо поговорить с Кристиной очень серьезно. То, что я ей скажу, касается наших родителей. Для нее это болезненная тема. Я боюсь за нее. Боюсь, что она снова сорвется в свое состояние. Поэтому, прежде чем вывалить на нее новое потрясение, хочу укрепить ее нервную систему. Я консультировался у врача. Он видел ее историю болезни. Можешь прочитать

инструкцию, ничего страшного там нет. Меня Крис не послушает, а тебя… Есть шанс.

— Ладно. — Я с сомнением беру лекарство. — Не обещаю. Сначала почитаю. А что за разговор?

Он молчит. Тяжело вздыхает и привлекает меня к себе.

— Расскажу позже. Нечестно будет рассказать тебе прежде, чем Кристине.

— Хорошо. Я не настаиваю. Просто сложно представить, что у вас есть еще какие-то тайны, поверх уже имеющихся.

— Я думаю об этом же. До каких пор все это будет всплывать и мешать нам жить?

Я вздыхаю, на этот вопрос ответа нет.

— Приходи завтра после учебы в офис. Поговорим, поужинаем.

— Ладно. Приду.

— Ну что, я пошел? — спрашивает Крестовский.

Я фыркаю, потому что на самом деле он хочет остаться. Я просила перед универом дать мне время и пространство, чтобы спокойно войти в колею. Над учебниками я не сидела уже очень долго, и, подозреваю, будет тяжко.

— Ладно, — сдаюсь под горячим взглядом, — можешь остаться. Но мне рано вставать! Поэтому

ровно через час мы ложимся спать.

— Как пожелаете, Анна Артемовна.

— Покажу тебе платье для первого учебного дня. Жди.

Ухожу в ванную и там переодеваюсь в черное платье-футляр. Н-да… определенно для учебы оно коротковато. А вырез слишком откровенный, никакой шарфик не спасет. В умении подбирать одежду Крис не откажешь.

Зато Игоря подразним…

Я выхожу в комнату и останавливаюсь перед постелью. На лице Крестовского совершенно чудное выражение удивления.

— Это… кхм… что?

Его взгляд скользит по моей шее к ложбинке, ничуть не прикрытой платьем, по ряду пуговичек вниз, до подола и выреза.

— Платье, — отвечаю я.

— Платье?! Для универа?

— А что такого? Черное, строгого покроя. Мне кажется, очень хорошо.

— Калинина, только через мой труп! — рычит он.

Боже, какие мы серьезные. И ревнивые. Да откуда на экономическом парни, там наверняка целый факультет девиц.

— А мне нравится. Стильно так, интересно.

— Я тебя не пущу. Плевать на универ. Плевать на наследство. Куплю тебе диплом. Но в этом платье ты за двери комнаты не выйдешь!

— Ладно, — я делаю вид, что обиделась, — придется его снять.

Тяжелая ткань падает к ногам, а Крестовский, кажется, забывает, что хотел сказать. Ну да, вся кровь от мозга вниз ушла.

Но, черт, как же мне нравится его тяжелый, жаркий, пожирающий взгляд! Никто и никогда не смотрел на меня с таким желанием, с таким интересом. Если расслабиться и позволить утонуть в его желании, то можно получить незабываемые впечатления.

Я забираюсь на постель. Кожу покалывает от взгляда Игоря, он молча наблюдает, напряженный. Ждет, что я буду делать. А я аккуратно расстегиваю пуговички белой рубашки, пряжку ремня и брюки.

У него вырывается стон сквозь зубы:

— Аня-а-а…

— Что? — Я усиленно делаю невинный вид.

На самом деле мне жутко стеснительно, но если позволить смущению овладеть ситуацией, то ничего не выйдет. Я, в конце концов, уже не ребенок.

И влюблена, что только добавляет удовольствия.

— Покажи мне, — говорю, облизывая губы, — как это делать.

— Мне кажется, не стоит сейчас…

— Как хочешь, — пожимаю плечами. — Нет так нет.

— Стой!

Он хватает меня за руку. Какая горячая кожа… и какие темные глаза. Темнее, чем ночь за окном.

— Хочу, — хрипло говорит Крестовский.

Моя ладонь в его, он кладет ее на напряженный член и заставляет сжать. Я чувствую, как по телу проходит волна дрожи. Пьянящее, безумное ощущение власти и удовольствия. От мысли, что легкое движение моей руки заставляет его так тяжело дышать, крыша куда-то уезжает и остается там лежать.

Я медленно двигаю рукой. Игорь закрывает глаза и откидывается на подушки. Мне кажется, я ничего не умею, но ему все равно со мной хорошо. Удивительное ощущение, правда. Непохожее ни на что, испытанное ранее.

Осторожно я обхватываю губами головку, провожу языком и неумело пытаюсь повторить то, о чем читала в любовных романах. Мне хочется доставить ему удовольствие, хочется почувство-

вать контроль, хочется побыть немного главной.

Но Крестовский не был бы самим собой, если бы мне это позволил. Я смелею с каждой секундой, ласкаю его языком, помогая рукой, он стонет. И когда мне кажется, что я все же на этот раз победила, Игорь резко меня отстраняет, поднимается, а затем легко, будто я ничего не вешу, сажает сверху и медленно проникает внутрь.

Сдержаться невозможно, я ногтями вцепляюсь в его плечи.

— Так нельзя! — слабо возмущаюсь. — Ты не дал мне закончить!

— Потом, — бормочет он, двигаясь быстрее и быстрее. — У нас не так много времени. Кто-то хотел спать, помнишь?

Окончание фразы тонет в моем изумленном вдохе.

— Игорь! — Я слышу в голосе явственную панику.

Да, черт, да… Я чувствую его внутри, целиком. Очень остро, ярко. Без защиты.

Мы смотрим друг другу в глаза и понимаем, что нет никакого смысла сопротивляться. Одна мысль о том, что мы забыли о защите, начисто отключает голову. И прежде чем кто-либо из нас успевает сообразить, накатывает оргазм. Усилен-

ный многократно острым, пряным ощущением запретности. Я закусываю губу, чтобы не кричать. Наслаждение подхватывает нас, уносит куда-то далеко. Не оставляет ни единой возможности сохранить трезвый рассудок.

Все, на что меня хватает, — сползать в душ и обратно, лечь рядом и закрыть глаза.

— И что теперь делать?

Он обнимает меня, голос сонный и довольный, как у кота, объевшегося сметаной.

— А теперь ты не сбежишь.

* * *

Стол идеально пустой. За исключением моноблока, мышки, клавиатуры, кружки с остывшим кофе и небольшой коробочки. На нее-то Крестовский и смотрит, задумчиво и сосредоточенно. В коробочке изящное девичье колечко, с топазом и бриллиантами. Классического дизайна, изготовленное в единственном экземпляре. Хорошее, в общем, колечко.

И на хрена он его купил?

Нет, с одной стороны, почему, собственно, нет? Серж ведь, по сути, был прав. Ему пора жениться, а к Ане его тянет. Как магнитом, отойти от нее не может. До чего упрямая девица, все в комнате

от него прячется и делает вид, что они старшеклассники, встречающиеся украдкой от родных. Да и вчера они напрочь забыли о презервативах, и кто знает, как это аукнется через пару месяцев? Если тянуть с колечком, замуж ей придется выходить с большущим животом. Да и всегда можно развестись, если вдруг все погаснет и жить вместе станет невыносимо. Он не отец, а Калинина очень далека от их матери.

С другой стороны, куча «но». Они знакомы-то с лета, несколько месяцев. И вообще не в стиле Крестовского так быстро принимать важные решения. А еще есть висящий дамокловым мечом разговор о подмене в роддоме. Давно уже пора им все рассказать, да только никак не может выбрать момент. Удобно постоянно откладывать тяжелое решение. Сначала отпуск — не портить же поездку на море? Потом длинная командировка, тоже отложил беседу до возвращения. А потом подумал: скоро универ, и у Ани без семейных тайн будет куча забот, а Крис… Крис надо поддержать. Позвонил врачу, выпросил таблетки. И получил отсрочку в еще несколько недель, пока она не пропьет курс витаминов. С виду все логично.

Только на деле это он от проблем бегает. А если от них бегать, то рано или поздно споткнешься и

расшибешь ебальник. Проверено временем.

— Стася, Селехова вызови ко мне, хочу поговорить на тему одного гражданско-правового вопроса.

— Хорошо. Игорь Олегович, к вам тут Александр Олегович, — подает голос Стася. — Пускать?

Алекс? Игорь хмурится и быстро убирает коробочку.

— Пусть войдет.

Выражение лица брата ему уже не нравится. С ним стало невозможно общаться. И дело не в зависимости, а в том, что Игорь просто не понимает, не чувствует этого парня своим братом. Может, его тоже подменили? Но тесты вроде ничего такого не показали.

— Слушаю тебя, — говорит он.

— Я тут подумал над твоим предложением. — Алекс нахально закидывает ноги на стол, но не удерживается и едва не падает. — И решил, что пошел ты на хуй. Ни в какую армию я не пойду. И знаешь что? Я хочу свою часть наследства.

— До хера хочешь. Ты видел завещание. Топай обдумывать бизнес.

— Не держи меня за идиота, я читал законы. Все эти папочкины условия — полная хрень. И я не собираюсь разбираться в его маразме. А хочу

свою долю и не видеть вас больше никогда.

— Что ж, ты ее не получишь, — холодно откликается Игорь. — Свободен.

Алекс, к его удивлению, смеется.

— Вот так тебе и скажет наша Золушка, когда я ей расскажу кое-что о нашем папочке. А может, даже в ментовку пойдет. Или к журналистам. Ну а не пойдет, я схожу. Расскажу, так сказать, все фамильные секреты.

— Секреты? — Ему нечеловеческим трудом удается сохранить бесстрастное выражение лица.

— Ну да, например, тот, где папочка убил мамашу нашей Золушки. Сойдет тема для большого интервью?

— Что? Повтори, что ты сказал.

— Да все ты слышал, — морщится Алекс. — Она начала копаться в той истории с рождением Крис, вышла на отца, потребовала вернуть ее ребенка. Он пересрал и прикончил ее. Сбил на машине. Машину в утиль, сам свалил, райончик там удобный подобрался. Вуаля бля! Потом, правда, под сраку лет сдал, совесть замучила, приютил бедняжку-сиротку. Но, боюсь, это не сойдет за «квиты». Анне Артемовне не понравится, что нашей машиной по ее мамочке проехались…

Ярость мгновенно берет контроль и над ра-

зумом, и над телом. Он подскакивает к Алексу в мгновение ока и как следует бьет в челюсть, да так сильно, что тот вместе со стулом падает на пол.

— Игорь, что… — Стася заглядывает в кабинет и испуганно ойкает.

— Вон! — рычит он.

Поднимает брата с пола и швыряет на соседний стул.

— И откуда у тебя эта информация?

— Слышал их разговор с Майком. А ты думаешь, кто все замял? Они во всех подробностях все обсудили.

— Доказательств не найдешь.

— Думаешь? А они вообще нужны?

И ответа не надо. Кусочки мозаики соберутся в единую картину. Отец забрал у семьи Ани ребенка. Ее мама, журналистка, напала на след. Попыталась решить все лично. Была убита. Ане, чтоб не травмировать ребенка, сказали, что мать умерла из-за приступа. Хоронили наверняка в закрытом гробу. Отец от переживаний выиграл в смертельную лотерею, и девчонка осталась на улице одна.

А теперь живет в семье убийцы своих родителей. Трахается с его сыном. И дружит с сестрой,

которую у нее забрали двадцать лет назад.

Прекрасно, блядь. Просто прекрасно.

— Ладно, братик, — Алекс вытирает кровь с губы и поднимается, — я тебе расклад дал, ты уж думай и принимай ответственные решения. Даю тебе недельку, а потом буду общаться с Анной Артемовной и Андреем Малаховым. Кто-то да приголубит. Ничего сверх меры не прошу, только причитающееся мне. Бывай.

Он уходит. Оставляет Игоря в одиночестве, на руинах семьи, которую он так и не смог собрать по кусочкам. Должен был. Обещал. Но не смог.

Сколько он так стоит, не знает. Из оцепенения выводит голос Стаси:

— Игорь, к тебе Михаил Сергеевич. Попросить, чтобы подождал?

— Пусть заходит, — мрачно, сквозь зубы, цедит Крестовский.

Он готов убить его голыми руками за это предательство. За то, что позволил Алексу встать на ступеньку выше него, за то, что не был полностью откровенен. Сейчас Майк получит сполна, сейчас все, что Игорь чувствует, адвокат шкурой ощутит. И ему это не понравится.

— Привет, Игорех, чего хотел? Ты рассказал Крис и Анне о том, что они сестры?

— Нет. Не рассказал.

— А чего тянешь?

— Жду.

Повисает напряженная тишина. Селехов не дурак, он чувствует. И нервничает.

— Что-то случилось?

— Сколько ты отца знал?

— Да с института, учились вместе.

— И маму.

— Конечно, знал, что с тобой такое?

— За что ж ты, тварь такая, меня-то ненавидишь?

— Игорь, что ты несешь?

— Ты ведь все знал. Ты знал про подмену. Про Калинину. Знал про то, почему он ее нашел. И про то, что убил ее мать, тоже знал.

Молчит.

— Молчал-то чего? Ссал?

— Да чтоб ты работал спокойно. Оставь дела отца ему. Там его за них уже судят. А тебе здесь выкручиваться надо.

— И не знать, что родной отец — убийца?

Селехов морщится и смотрит на Игоря так, словно тот — наивный школяр, ляпнувший глупость.

— Игорех, жизнь не черная и белая. Это только в сериалах для домохозяек показывают, какие все

богатые дяди хорошие, а злодеи в черных кепках и плащах. В жизни зачастую все ой как непросто. Он растерялся, эта сучка начала копать…

— Да, я понимаю. Непросто, наверное, смотреть, как я тут охреневаю от доставшегося пиздеца. И пытаюсь разобраться в мотивах его поступков. А уж выбрать время, чтобы рассказать мне о происхождении Ани и убийстве ее матери, вообще невыполнимая задача. А ведь он оставил мне дела. Считал наследником. Хочешь, чтобы жизненно? Тогда скажи мне, а вот попадание этой истории в прессу — жизненно? Полоскание моего имени из-за папочки-долбоеба — жизненно?! Ты бы хоть спросил, откуда я знаю!

Он делает глубокий вдох и успокаивается. Все, пора рушить вертикаль власти, выстроенную отцом, и делать собственную.

— Значит, так, — говорит Игорь, садится в свое кресло и холодно смотрит на покрывшегося испариной Селехова, — сейчас будет как в жизни. Той самой, где нет добрых олигархов. Ты передашь мне все бумаги отца, касающиеся завещания. Ты забудешь обо всех договоренностях с ним касательно условий завещания. Подготовишь все дела, которые ведешь, напишешь к ним пояснения для своего преемника. За неделю освободишь

должность.

— Игорь, ты что, свихнулся?

— Нет, я абсолютно здоров и серьезен. На хер ты мне, Майк? Ты верен отцу, а отец никогда не жил моими интересами. Я был идиотом, оставив тебя рядом.

— Да это моя контора! — кричит Селехов. — Я ее заработал! Трудом! Не посмеешь отобрать…

— Жиз-нен-но. Посмею. Через неделю чтобы тебя там не было.

— А иначе что?

— Закопаю, — отрезает Крестовский.

У Майка не возникает сомнений в том, что он серьезно.

— Если решишь козырнуть компроматом — считай, труп. Я успею с тобой поквитаться. Если решишь напакостить напоследок — аналогично. Решишь слить что-нибудь интересное конкурентам, я придумаю тебе конец поинтереснее. А если тихо и молча уйдешь на пенсию, получишь компенсацию и заживешь где-нибудь на островах с шумом моря, здоровым фруктовым рационом и утренним минетом от симпатичных аборигенок. Доступно? И не думай, что я шучу. Если будешь брыкаться, то или мне будет нечего терять и я потащу тебя за собой, или я буду очень зол и искать

тебя будут долго. По частям. А теперь свободен.

Он поднимает трубку:

— Станислава, проводи Михаила Сергеевича на выход и забери пропуск, ему он больше не понадобится.

Стася несколько секунд молчит.

— Поняла, сейчас.

Майк мнется. То пытается что-то сказать, то нервно озирается. Но все же уходит. Он и впрямь хорошо знает семью Игоря и примет правильное решение. Пусть скажет спасибо, что из уважения к их с отцом дружбе Игорь не просто его отпустил, но и фирму выкупит. Если бы не многолетняя помощь, Майку не сдобровать.

— Лев, — он набирает начальника охраны, — нужна помощь, только по-тихому. Обыщи комнату Алекса, машину, пробей все контакты: с кем общается, когда, как, куда ездил недавно и ездит.

— Понял, Игорь Олегович, а что искать?

— Все, что покажется тебе подозрительным. Документы, флешки, харды, папки, вложения в книги, тетради. Что-то связанное с отцом или Анной, ее родителями. Проследи, куда он ездил, проверь, не мог ли где что спрятать. Все хранилища в Сети тоже проверь и отформатируй подчистую.

— А если Александр будет задавать вопросы?

— А чтобы он их не задавал, предварительно отвези его в Непряхино, в реабилитационный центр. Там ждут. Только тихо, чтобы никто не знал, и замаскируй, выложи там от его имени фоточку билетов в какую-нибудь Германию или еще куда. И следи, чтобы у него при себе никакой техники не было. Лучше прямо из душа вытащи и в багажник засунь, чтобы не успел ни с кем связаться. Сделаешь? Потом все объясню.

— Сделаю, конечно, Игорь Олегович.

Вот и хорошо. Алекс не успеет слить информацию, если окажется в больничке. Посидит там, подумает о жизни, а он пока тут разберется с этим дурдомом.

Черт! Аня… Что же ты такого мирозданию сделала, что оно тебя так бьет?

Крестовский не обольщается: она его не простит. За убийство матери точно не простит. За сестру бы простила, но не за такое. И пусть убил отец, пусть он давно в могиле, лечь в постель с сыном убийцы для таких, как Калинина, подобно смерти.

Но хрен бы с ним. Перетопчется как-нибудь.

Хуже, что она не простит Крис. И отвернется от нее, возненавидит за то, что новоявленная близ-

няшка невольно стала причиной, разрушившей ее семью. Если бы не было Крис, если бы не было этой подмены, мать Ани бы не убили, а ее отец, возможно, протянул бы немного дольше. Или вообще остался здоров.

Крис это, возможно, убьет. Она всю жизнь живет с воспоминаниями о смерти мамы, всю жизнь вспоминает, как сидела рядом с ней в библиотеке, пытается понять, почему и за что она так поступила. Если узнает, что невольно стала причиной ее самоубийства, если узнает, что отец убил ее настоящую мать, а затем, будто издеваясь, привел в их семью Аню…

Игорь может наплевать на себя, отказаться от собственных желаний. Но не может причинить такую боль Кристине.

— Привет, — слышит он до боли родной голос.

Она возбуждена и счастлива, ее первый день в институте закончился, и она жаждет поделиться с ним впечатлениями. Он долго шел к тому, чтобы она вообще захотела с ним чем-то делиться.

А сейчас ее бросит.

Спасибо, папа.

* * *

Первый учебный день заряжает меня такой энергией, какой я не чувствовала уже давно. Меня восхищает все: от старого, пропитанного знаниями и историей здания до прохладной потоковой аудитории. Я с интересом слушаю лекции, пробую на зуб новый режим жизни и знакомлюсь с однокурсниками. Волнующий и счастливый день.

Мне немного тяжело, после школы я почти не училась, поэтому математика дается непросто. Всю перемену я думаю о том, разрешит ли Игорь нанять репетитора, хотя бы на первое время. Наверное, разрешит, для него это не такие уж и большие деньги, а многие преподаватели с удовольствием занимаются со студентами за очень скромную плату.

Я вижу Крис в перерывах между парами. Она в этом году уже заканчивает бакалавриат. Хоть мы одного возраста, между нами целая пропасть. Она едва кивает, увидев меня в коридоре, а я с тоской думаю, как было бы здорово, если бы она показала мне, где столовая, или просто прогулялась по коридорам и рассказала, куда идти дальше.

Пока я об этом думаю, кто-то хлопает меня по

плечу:

— Привет, Золушка, а я уж думал, тебя заперли в башне и дракон тебя не пускает.

Я вижу Сашу и улыбаюсь — хоть одно знакомое лицо.

Он не один, рядом плетется невзрачный парень с длинными, слегка спутанными волосами в бесформенной толстовке и с рюкзаком на плече.

— Это Гена, мой кореш и заодно мозг, потому что я ни хрена не понимаю во всем этом… как там? Матстате? Пофиг, в общем. Ты как тут оказалась?

— Учусь, — пожимаю плечами. — Вот, первый день. Еще две пары. А ты? Я думала, ты поешь, играешь.

— Ну да, но еще и учусь. Типа, такой плюсик к образу, я не просто поп-певец, но еще и с высшим образованием. На самом деле я тут редко бываю, это такой взаимовыгодный союз. Факультет мне диплом, а я ему — возможность повесить на стенд «У нас учились…» клевую афишу с концерта.

— И не пристают с автографами?

— Да нет, привыкли. Ладно, идем, я тебе тут все покажу.

Принzz с другом показывают мне крыло, причем Саша трещит без умолку, а вот его приятель

предпочитает держаться на пару шагов позади, тенью. Мне немного неуютно в его присутствии, да и с самим Сашей у нас вышло не слишком хорошее расставание. Игорю точно не понравится, если Герман доложит, что видел меня с ним.

И мне даже есть до этого дело, совсем не хочется, чтобы Игорь волновался и ревновал.

Я с облегчением убегаю на пару, едва звенит звонок. А отсидев честно лекцию и семинар по истории, лечу к машине, чтобы поехать к Игорю и поделиться с ним впечатлениями. А еще поблагодарить, так искренне и горячо, как смогу, за то, что дал мне этот шанс. За то, что вернул эмоции предвкушения и вовлеченности в нечто очень интересное и сложное.

Стаси на месте нет, так что я прохожу сразу в кабинет, приоткрываю дверь и говорю:

— Привет.

Сразу понимаю: что-то случилось. Я чувствую это, почти осязаю. Вижу по его лицу, отмечаю краешком разума какой-то странный беспорядок в кабинете. И холод. Боже, меня буквально обдает холодом! За столом сидит не Игорь, который вчера так потерял голову, что забыл о защите. И не тот Игорь, который обнимал меня на Санторини и требовал йогурт.

Какая-то страшная сила вернула Игоря Крестовского, которым он был в самом начале нашего знакомства, холодного, отстраненного и недосягаемого.

— Что-то случилось?

— Ничего особенного.

— Тогда что… то есть… у тебя проблемы на работе? Я не вовремя?

— Нет, ты очень вовремя, я как раз хотел звонить и просить, чтобы ты подъехала. Садись, хочу с тобой поговорить.

Мне хочется его обнять или сказать что-то, что вернет тепло между нами, но я, как нашкодившая школьница, сажусь в кресло напротив. Смотрю, ищу в его глазах хоть намек на то, что я сделала, чем провинилась, но там только холод.

— Я все обдумал и принял решение. Вы с Кристиной к следующему семестру отправитесь в один из колледжей в Штатах. Нынешнее образование в нашей стране меня не устраивает. Я хочу, чтобы вы получили степени в США.

Мне кажется, я ослышалась.

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Я хочу, чтобы вы с Кристиной учились в Штатах, — повторяет он. — Поедете в ноябре, чтобы оформить документы, подучить язык и пройти

акклиматизацию.

Нет, я в это не верю, это же шутка?

— Игорь… — Я слышу свой голос и его не узнаю, мне стыдно за слезы в нем, но ничего поделать не выходит. — Зачем ты так? Ты просто мог бы сказать…

Я обрываю фразу на полуслове. Поднимаюсь. Нет, не сейчас.

— У меня разболелась голова, — тихо говорю. — Я поеду домой?

— Езжай. И скажи Крис, я буду поздно.

Выхожу из приемной. Стася уже на месте, смотрит на меня равнодушным и даже немного презрительным взглядом.

— Увези меня, — говорю Герману, — куда-нибудь.

— Куда? — не понимает он.

— Не знаю. Только не домой.

Поднимаю на него взгляд:

— Увези к себе, а? В столовую. Я заплачу, сколько надо. Увези!

Я ничего не понимаю, я, кажется, уже ничего не чувствую. Я не привыкла сражаться за любовь, я понятия не имею, что мне нужно сделать и что произошло с Игорем. Но сил на то, чтобы расспросить, добиться ответа, не хватит, а еще жутко

страшно услышать «я совершил ошибку».

С самой первой ночи с ним я боялась, что однажды он наиграется и решит, что я больше не интересна. Этот страх преследовал меня почти всегда, никак не хотел отпускать. На него очень удобно легло объяснение поведения Крестовского.

И я не стала разбираться. Гордая дура.

Глава 18

Мне кажется, я стала тенью самой себя. Каждое утро я спускаюсь к завтраку раньше всех. Марина радуется: ей приятно, что я получаю все самое свежее и горячее, а потом несусь в универ. Она, как и все остальные, думает, что я обожаю учебу.

Но на самом деле универ — единственное место, где ничто не напоминает об Игоре. Я приезжаю туда за час, а иногда и за полтора. Иногда Герман катает меня по городу, а я сижу на заднем сиденье и тоскливо смотрю в окно. Иногда мы паркуемся у главного корпуса и идем в парк неподалеку. Там я беру кофе и подолгу сижу на лавочке. Раньше я не позволяла себе ароматный напиток в бумажном стаканчике. Эти стаканчики с именем на стикере казались приветом из другого мира. Это был своего рода признак успеха — стаканчик из «Старбакса», который ты сжимаешь по пути на учебу. Признаюсь честно, я завидовала студентам, спешащим на пары и бодрящимся с помощью кофе.

Сейчас я была одной из них. И даже радовалась, нельзя сказать, что расставание с Игорем вывер-

нуло мне душу. Вывернуло, конечно… я до сих пор подолгу не могу заснуть, вижу перед собой Стасю в его руках, почему-то именно на ее образе меня буквально заклинило. Не высыпаюсь, сплю потом, после пар, в машине. Пару раз, когда Игоря не было дома, Герман на руках относил меня в спальню.

Мне кажется, все знают, что происходит, и меня жалеют. Крис точно знает, Серж тоже — отношения между ними совсем чуть-чуть потеплели, но в прежнее русло так и не вернулись. В какой-то мере это роднило нас с Крис. Мы обе подыхали от чувства, с которым не могли справиться.

Поэтому держались рядом, как ни странно. Я даже научилась отвечать на ее шпильки и наконец-то показывать средний палец, если она слишком уж бесила. Но даже несмотря на то, что мы периодически удивляли Игоря то совместным просмотром фильма, то дорогой в универ, Кристина все равно адово ревновала.

Она мгновенно заводилась, если Серж со мной шутил или подвозил до клуба. Такие качели в отношении с Крестовской жутко выматывали. Я часто спрашивала себя, зачем это все, не проще ли перестать обращать внимание на Кристину, словно она и не живет со мной в одном доме.

Забить на то, что в скором времени мы улетим на другой конец света, и перестать к ней тянуться. Но почему-то не выходило.

Вот так незаметно каждый из Крестовских вошел в мою жизнь, стал ее неотъемлемой частью. С момента, когда я спала на их диване в гостиной, прошло немногим больше четырех месяцев, а я уже и не представляла себе другой жизни. Разве она бывает, без толстых стекол машины и высокого забора среди елей?

Кристина притягивала меня, как магнит, Алекс все-таки уехал на реабилитацию, без веселья и любви к еде Сержа я бы свихнулась, без стряпни Марины тосковала бы вечерами, ну а как добираться до универа без Германа, и вовсе понятия не имела. Наверное, если бы мне пришлось поехать на метро, я бы долго изучала карту. А Игорь… Игоря я любила. И хотела бы от этой любви избавиться, но не выходило. Только сильнее падала в пропасть, в которую шагнула на Санторини. Я сходила с ума и даже надеялась — всерьез, без какой-то злости, свойственной другим девушкам по отношению к бывшим, — что кто-нибудь делает его счастливым. Что он хоть изредка отдыхает от работы и непростой семьи. Черт, иногда мне хотелось узнать, как он! Здоров ли, устал, хочет

чаю. Я закусывала губу и прислушивалась к шагам в коридоре, чтобы поймать момент, когда он пойдет спать.

В один из вечеров Серж притащил собаку, как я и советовала. Он был бы не Крестовским, если бы взял дворнягу с улицы. Нет, он добыл где-то акита-ину, японскую, жутко дорогую и редкую породу. Как из фильма «Хатико». Пушистый рыжий малыш с любопытством сидел у парня на руках и смотрел на нас. А потом на Крис, когда Серж протянул ей подарок.

— На хрена мне эта блохастая шавка? — скривилась та.

— Э-э-э… подарок. Криська, ну ты чего, помнишь, мы хотели собаку, а у папы была аллергия? Я вспомнил и купил. Смотри, какой милый.

Собака безропотно терпела его тискания и даже не гавкала на Криську, которая снова впала в неудовольствие.

— Убери, она мерзкая, — скривилась Крестовская. — Выпусти ее вон во двор. Насрет еще.

— Дура ты, Криська, — буркнул Серж.

Я украдкой показала ему кулак, потому что Кристина от этих слов даже будто вздрогнула. Не понимает он, что после ссоры не может больше подначивать ее, как обычно. Нельзя говорить че-

ловеку то, что сказал он, а потом весело шутить.

Когда стало ясно, что бедная акита-ину скоро всерьез поедет домой, я поднялась:

— Ладно, давай мне. Я буду ухаживать, Игорь разрешит. Всегда мечтала о собаке.

Подхватила на руки дрожащий теплый комок и прижала к себе, испытав запредельную нежность.

— Хороший какой. Будем считать, тебя дядя Сережа мне подарил, да? Пойдем ко мне жить?

Крис, конечно же, тут же подскочила и вырвала у меня из рук животное.

— Пошла в жопу, — рыкнула она, уносясь вместе с собакой наверх.

— Она ему ничего не сделает? — с сомнением спросил Серж.

— Нет.

Я потом заглянула к Крис, тихонько, чтобы не разбудить. Они с песей лежали в постели, практически обнявшись. Мне показалось, Кристинка плакала, но я решила не лезть. Главное, что начало положено и у нее будет кто-то родной. Пусть и собака.

Так и жили. Каждый несчастный по-своему.

Неожиданно пошел снег. Несколько минут я недоуменно смотрю в небо — правда, что ли? Вот

прямо снег, в октябре? Большие белые хлопья падают на землю и… не тают. Красиво, но странно как-то.

Потом Герман раскрывает надо мной зонт и просит идти в здание. Я ведь в легком драповом плаще и тонких ботинках. А он вообще в костюме. Мы бежим, стараясь не поскользнуться, юркаем в главный корпус и расходимся. Я — на пары, а Герман в столовую и библиотеку, ждать меня. С трудом, но удалось уговорить охранника не таскаться за мной прямо везде.

Хотя все и так знали, что я не из простой семьи. Мало кого привозили в универ на бронированном внедорожнике.

Поднимаюсь по ступенькам на второй этаж, прохожу по коридору филологов, увешанному портретами писателей. Понимаю, что сейчас прозвенит звонок после предыдущей пары, народ вывалит на большую перемену, и решаю срезать путь по узкой лестнице в конце крыла. Ею мало кто пользуется, потому что в экономический корпус надо бежать через улицу, но мне подойдет. Не хочу видеть людей.

Я открываю дверь на лестницу и с изумлением вижу там Крис.

Крестовская сидит на ступеньках со стаканчи-

ком кофе в руках и плачет. Нет, не так, скорее ревет, потому что это настоящая истерика, несравнимая с обычным расстройством.

— Крис! — Я опускаюсь рядом и трясу ее за плечо: — Что случилось?

В голове лихорадочно мечутся мысли. Что-то с Сержем? Игорем? С ней самой?

— Уйди, — просит.

— Крис, мы это уже проходили, я не уйду. Что случилось? Тебе помочь?

Она качает головой, но мне не хочется оставлять ее здесь одну.

— Слушай, ну я же никому не скажу. Но вдруг помогу чем-то.

— Да как ты поможешь, тут никак.

— Рассказывай, — требую.

— Мы с Серегой ну… помирились. Вчера он забирал меня с пересдачи. В парке в машине сидели и говорили, потом… ну, ты понимаешь. Не сдержались, я не знаю, это сильнее меня, понимаешь?!

— Понимаю. — Я действительно представляю, о чем она говорит.

Мне дико от самой себя, но я рада, что Крис теперь не мучает эта разрывающая сердце на части любовь.

— Но что в этом… то есть давай дальше.

— И нас кто-то снял.

Тут я чувствую, что мне надо попить, потому что мир вокруг слишком быстро вращается. Я беру у Крис стаканчик с кофе, делаю щедрый глоток и кашляю.

— Что это?!

— Кофе, — невозмутимо отвечает Крис. — С виски. Я добавила.

— Это виски с кофе! С ароматом кофе! И часто ты так делаешь?

— Зато знаешь, какие пары сразу увлекательные? Да ладно, не криви рожу, редко.

— Кто вас снял?

— Генка Самодуров. Ты его не знаешь, он на аналитике учится. На видео… много снял. И сказал, что выложит в Сеть. Я ему и деньги предлагала, и все, что угодно, но я его пару лет назад нехорошо бросила… так что он выложит.

— Генка? Погоди-ка, а он с Принzzем не дружит?

— С кем? — не понимает Крис.

Я показываю ей фотку.

— А, да, пару раз болтался с ним.

— Ты что, встречалась с…

Нет, я не превратилась в сноба, я все еще счи-

таю, что людей не судят по внешности или деньгам, но Крис и невзрачный паренек в растянутой толстовке?!

— Да это он последний год страшный, а раньше был вполне ничего. Не знаю, что там с ним случилось, но когда мы встречались, он уже начал крышей ехать.

Кажется, мне придется прогулять пары, даже не закончив первый семестр. Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Бросить Кристинку тут я не могу. Пусть она и не в восторге от того, что я лезу в ее дела, но нельзя же не помочь.

Судорожно ищу в телефоне номер Саши и звоню. Тот берет трубку не сразу, я с отчаянием закусываю губу. А если он на репетиции? Или вообще уехал?

— Привет.

— Саша! Можно тебя попросить о помощи?

— Попробуй.

Мне не нравится его голос, обычно он теплее. Но пути назад нет.

— Твой друг Гена… он кое-что…

— А-а-а, ты об этом. Слушай, идите на хрен, ебанутое семейство. Я с вами больше не хочу иметь ничего общего.

— Саш, но ты даже не знаешь всей истории!

— И не хочу. Знаешь, ты, конечно, миленькая и все такое, но хватит с меня того, что твой Крестовский как с цепи сорвался и угрожал. Живите в своем зверинце сами.

Он отключается, а я ошалело смотрю на Крис и… нет, ну, наверное, такая реакция логична для человека, с которым не слишком хорошо поступили. Но все равно я не ожидала, что вот так все получится.

— Помогла? — смеется сквозь слезы Крестовская.

— Погоди. Еще не вечер. Езжай домой и никуда не ходи.

— И что ты будешь делать? — с сомнением спрашивает она.

— А ты? Сидеть здесь и рыдать в виски? Рыдай уж дома, там хотя бы никаких идиотов с камерами нет. Ты Сереге рассказала?

— Нет еще. Убьет.

— Это да. Что там хоть, на видео? Ну миритесь вы, ну и?

— Ну и целуемся.

— И все?

— Возможно, не все…

— Вас что, гостиницы снимать не учили? — Я закатываю глаза.

— Нас вообще учили, что братья — не лучшие кандидаты в любовники, — огрызается Крис.

— Топай домой. Попробую что-нибудь придумать. В любом случае Сержу придется рассказать. Игорю, возможно, тоже.

Крис бледнеет, и я ее понимаю. Одно дело, когда все лишь догадываются о том, что с тобой происходит, другое дело — знают наверняка.

— Лучше он узнает от тебя, чем видео всплывет и ему покажет «Ютуб». К тому же вспомни, как быстро он поудалял почти все видео со мной в клубе. Будет готов — вовремя среагирует.

Не знаю, убеждают мои аргументы Крис или нет, но она уходит, потому что выхода все равно нет, а появляться зареванной и чуть-чуть пьяной на парах — путь к еще большим проблемам. Я звоню Герману и прошу его отвезти Крестовскую домой, потому что за руль, а она снова ездит сама, ей нельзя.

Затем отправляюсь на поиски этого Гены.

Расписание их курса сообщает, что сейчас «окно» — занятий нет. Я мысленно стону: где сейчас его искать? Наудачу выхожу в парк, там стоят ларьки с шаурмой, кофе, блинами и другим перекусом. Вообще в университете очень четко видно разделение студентов на тех, кто поступил с день-

гами, и тех, кто учится на общих основаниях, а живет на стипендию и родительские финансы. Я учусь меньше месяца, но мне все равно неловко, что теперь я принадлежу к первой категории.

Те, кто может себе позволить, обедают в дорогих кафешках, расположенных через дорогу. Суши, итальянский ресторанчик, кофейня, еще какие-то заведения. А остальные перебиваются или фастфудом, или ищут недорогие столовые.

Ежась от холода, я бреду вдоль ларьков, в безуспешном поиске нужной жертвы. И как же удивляюсь, когда и впрямь вижу Гену! Стоит, точит большой блин всухомятку и пританцовывает — замерз в тонких ботинках.

— Привет. — Я подхожу.

— Ну, здаров, — хмуро откликается парень.

— Пошли поговорим.

Он пожимает плечами и лениво движется вслед за мной. Сердце бьется как сумасшедшее. Мы останавливаемся у небольшого мостика рядом с карьером. Карьер небольшой, искусственный, летом в нем плавают пластиковые лебеди, а на мостике фотографируются новобрачные. Но сейчас к воде никто не ходит, холодно.

— Я тут кое-что слышала. О том, что ты снял Крестовскую.

— Уши компотом не мой, хуйню слышать не будешь.

— Покажи.

— Нечего показывать, отвали.

— А я знаю, что есть. Твой поп-приятель подтвердил. Слушай, я живу с этой стервой, но это не значит, что мы любящие сестренки. Она выпила у меня литр крови и сожрала пару мотков нервов, если есть способ ее достать, я хочу им воспользоваться. Что ты будешь делать с видео? Покажешь в инете? Так Крестовские быстро в суд подадут и оставят тебе хрен да кеды.

— А ты у нас фея возмездия?

— А мне они сделать ничего не смогут. Их папочка мне наследство оставил, так что я под надежной защитой миллионов. Дай посмотреть!

Он колеблется и не доверяет. Я бы сама себе не поверила. Хотя в универе я ни разу не появлялась с Кристиной, не разговаривала с ней, мы приезжали на разных машинах. Игорь тоже умел держать в тайне свои похождения. Никакой связи меня с Крис просто не было, а Гена понимал, что мои доводы разумны.

— Ладно, скину тебе. Но за разумное вознаграждение.

Блин, копия! Можно бесконечно кормить шан-

тажиста, пока у него есть копия видео, он не отстанет.

— Записывай адрес.

Он достает из кармана смартфон и…

О боже!

Это точно я? Я делаю это?

Крис будет должна мне по гроб жизни. А Серега оплатит год отпуска на Мальдивах!

Я выхватываю смартфон из рук парня и, прежде чем он реагирует, бросаю его в воду.

— Ты что, ебанутая?! — орет он.

Толкает меня в грудь со всей силы, я падаю, народ вдалеке не спешит на помощь, но резво достает мобильники. Удивительно, но в этом худом парне силы куда больше, чем кажется на первый взгляд. Он дергает меня за рукав, ставит на ноги и рычит:

— Ну вот сейчас и полетишь его доставать!

С облегчением я вижу Германа, который спешит к нам через парк. На лице у него такое выражение… Не знаю точно, о чем он думает, но точно что-то типа «ни на минуту оставить нельзя!».

— Руки от нее убрал, — спокойно говорит охранник.

Самодуров не дурак, связываться с амбалом он

не будет. Но и сдаваться не планирует:

— Руки убрал, я ментов ща вызову! Эта тварь телефон сперла!

Такого Герман не ожидает.

— Не сперла, — я отряхиваю пальто, — а выбросила. Вызывай кого хочешь.

Спустя час я сижу в приемной ректора и чувствую себя… странно. Ректор тоже чувствует себя странно, а страннее всех — Игорь и Герман. Герман потому, что не знает, то ли обидеться на меня за то, что я ему не рассказываю, почему утопила телефон, то ли за то, что сделала это, пока он отвозил Крис, и ему попадет. А Игорь просто офигел от того, что его вызвали к ректору и предлагают решить вопрос миром.

Меня раз пять спросили, признаюсь ли я в том, что выбросила телефон Гены. Признаюсь. Еще раз пять спросили зачем. В этом ни я, ни он не признаемся. Оба настаиваем на том, что поругались и я психанула. Игорь бесится.

Наконец двери кабинета открываются и выходит Самодуров. Мрачный, но успокоившийся. Не взглянув на меня, он уходит. За ним появляются Игорь и ректор.

— Анна, — укоризненно качает головой немолодой уже мужчина, — ну что же вы так?

Молчу. Стыдно, но молчу.

— Только из уважения к вашему опекуну и потому что компенсация вполне устроила Геннадия, я не стану давать ход этому делу. Но еще одна подобная выходка — и можете считать себя отчисленной. Вам ясно?

— Да, — говорю я, а сама думаю, что какая вообще разница, если в следующем семестре меня отправят в Штаты. — Извините.

— Ступайте. До свидания, Игорь Олегович.

Втроем мы выходим из универа и идем к стоянке. Я молчу, Игорь молчит, Герман все-таки определился и решил обидеться на все сразу. Зато видео уже не попадет в Сеть. Со дна пруда в «Ютуб» не выходят.

Только очень больно от того, что Игорь и так на меня не смотрит, а теперь еще и злится.

Мы едем в полной тишине, хотя мне хочется кричать, ударить его, вывести хоть на какие-то эмоции. Но гордость слишком сильная, чтобы я на это решилась. Поэтому просто рассматриваю его отражение в окне. Родные черты, уставший взгляд. Боже, как же я добавила ему проблем… но разве их было бы не больше, если бы видео попало в Сеть?

Когда-нибудь он простит меня за то, что я ему

не помогаю. А я когда-нибудь избавлюсь от дурацкой влюбленности и смогу вежливо улыбаться. Когда-нибудь… Еще больше четырех лет ада.

Смартфон в руках звенит, одновременно с этим звенит и телефон Игоря. Нахмурившись, я открываю «Телеграм». Серега, что ли, всех потерял?

Но то, что вижу сначала, кажется мне сном. Диким, жутким, нереалистичным сном. Это сообщение от Саши, я несколько раз проверяю номер. В сообщении видео, а название…

— Что это? — ледяным голосом спрашивает Игорь.

Мне хватает одного взгляда, чтобы понять, что на видео Серж и Крис целуются. В названии их имена, особое указание на родство и приписка: «Полное видео 18+». Я закрываю глаза, внутренне сжавшись, потому что скоро последует взрыв. Но Игорь молчит.

И лучше бы он кричал… потому что такой усталости на его лице я еще не видела. Он закрывает глаза и откидывается на сиденье.

— Ты знала? — спрашивает он меня.

Молчу. Не хочу, чтобы он снова меня ненавидел.

— Ань, ты ведь знала и поэтому выбросила телефон его дружка. Что ты молчишь?

— Игорь, это не мой секрет…

Отворачивается. Мы подъезжаем к дому, и Игорь выходит из машины, а я несусь следом, теряю туфлю на лестнице и, подумав, сбрасываю и вторую.

— Подожди, Игорь, ну подожди!

Вцепляюсь в его руку, готова почти рыдать.

— Не ругай их! Им сложно, неужели ты не видишь!

— Успокойся, — бросает он.

На наши голоса спускается Крис. По ее бледному лицу я сразу понимаю, что рассылка от Принzza пришла всем. Зачем он это сделал?! Почему показался таким классным и добрым, а оказался…

Крис молча смотрит на брата, в глазах настоящий ужас. Нервы как натянутая струна, я дышать-то боюсь рядом с ними! Надо, наверное, уйти, но до ужаса боюсь их оставить. Мне больно за эту семью, как же не хочется, чтобы она развалилась! Игорь, ну ты же умный, ты любишь их, склей как-нибудь, собери по частям, пусть без меня, но собери!

— Сергей здесь?

— Здесь, — откликается Серж с лестницы.

— Вопросы задавать надо или сами поясните,

что это?

Два брата останавливаются друг напротив друга. Крис прислоняется к стене. Я тенью проскальзываю к ней, просто на всякий случай.

Тихо. Жутко. Как будто сейчас случится взрыв. Я и жду его, подсознательно уже готова.

Но Игорь тихо спрашивает:

— Крис… Зачем? Скажи мне, зачем? Серег? Что я сделал не так?

— Я пойду к себе, — тихо бормочу я.

— Нет уж, стой! — Крис, словно змея, взвивается с места. — Слушай тоже, ты же часть семьи теперь. Слушай-слушай, как сестричка трахалась с кем Игореша не разрешил. Что скажешь? Себе он таких ограничений не ставит! Уже новую себе нашел подружку или еще на прошлую дрочишь?!

— Замолчи, Крис! Замолчи немедленно! — рявкает он.

— Иначе что? Скажи ему! Серж!

— Игорь, чего ты от меня хочешь? — устало спрашивает Серж. — Объяснений? Каких? Что я сорвался?

— Она тебе сестра!

— Она всю жизнь рядом! А вы, блядь, решаете свои проблемы и на все срете! Я понятия не имел, как воспитывать девчонку, а вы спихнули ее

на меня!

Он орет так, что хочется закрыть уши и спрятаться в каком-нибудь темном углу.

— Все время спрашивала, за что с ней так мама! Почему папа на нее не смотрит! Лезла обниматься, ходила хвостиком, потому что никого не осталось, какого хрена я должен был с ней делать?! Я не буду оправдываться перед тобой, ясно? Перед отцом не оправдывался и перед тобой не буду. Знаешь что? Я ее три года трахаю. А вы все не видите, потому что никуда, кроме зеркала, и не смотрите.

Крис всхлипывает и отворачивается, я обнимаю ее за плечи и сама готова разреветься.

— Девушки, идите наверх, подождите нас там, — говорит Игорь. — Серег, ко мне в кабинет.

— Да пошел ты… — рычит он.

— Если ты ее не только трахаешь, но и хоть немного любишь, — в кабинет, я сказал. Или на выход. Но больше никого не увидишь. Никогда. Ты меня знаешь.

Сначала я думаю, что гордость и злость победят. Смотрю на Сержа и едва заметно качаю головой, умоляя, чтобы он этого не делал, чтобы не уходил от нас. Не знаю, что на него действует, слова Игоря или моя немая просьба, но он в несколько

прыжков поднимается по лестнице. Игорь уходит следом, бросив нам:

— Наверх отведи ее.

Я с трудом заставляю рыдающую Крис подняться в мою комнату. Она сидит на краешке постели, низко опустив голову. В этой несчастной, испуганной девочке совершенно невозможно признать ту роскошную стерву, которая даже ехать со мной в одной машине отказывалась.

Понятия не имею, как ее успокоить. Когда рушится вся жизнь, сложно подобрать слова утешения. Я просто глажу бедную Крис по голове.

— Все образуется. Как-нибудь образуется.

— Он меня в психушку отправит. Теперь точно отправит.

— Я не дам.

— Ага, ты у нас тот еще авторитет.

— Что-нибудь придумаю. С Генкой же придумала. Я выбросила его телефон в пруд.

От удивления Крис даже плакать перестает.

— Ты выбросила его телефон в пруд?

— Ага. Вырвала из рук и выбросила.

— А как…

— Он Prinzzy скинул, а тот всем разослал. Обиделся на то, что я с ним не стала встречаться. Ну или просто обиделся… не важно, в общем.

— Зачем ты мне помогаешь так? Тебя ведь отчислят.

— Не отчислят, твой брат уже отвалил кучу денег в качестве компенсации. А ты не реви. Разрулят как-нибудь. Видео удалят, вы же не звезды первой величины, чтобы во всех газетах писать о сенсации.

— Врагов-то много. Игорю еще припомнят.

— Он не первоклассник. Разберется. Не драматизируй. Как-нибудь выкрутимся. Откроем с тобой кофейню, получим наследство, уедем… Куда там можно уехать? Я бы в Праге пожила. А ты?

— Не знаю, — голос у нее от слез гнусавый, — лишь бы не здесь.

— Значит, в Праге. Кофейня в Праге, круто же?

— Игорь столько денег не даст.

— Достанем.

— Деньги?

— Игоря.

Она слабо, но улыбается. Мы сидим в темноте и тишине, думая о своем. Я об Игоре, например. О том, сколько на него свалилось и как бы мне хотелось хоть немного помочь. Хотя бы морально. Если бы он позволил.

Сколько мы так сидим? Я не знаю. Но когда

вдруг дверь открывается и заходят Серж с Игорем, я вздрагиваю, а Кристина будто сжимается в ожидании удара. Но Серж вдруг делает нечто совершенно неожиданное. Он опускается возле постели на колени и берет руки Крис в свои. Держит, целует так нежно, что сердце щемит от боли за них.

— Прости. Я тебя напугал, — тихо говорит он.

Мне неловко, что я вижу эту сцену, но уходить некуда: проход загораживает Игорь.

— Ладно, я сам в этом виноват, — говорит он. — Надо было рассказать вам раньше.

Мне становится немного дурно, потому что голос у Крестовского очень серьезный. А еще он избегает смотреть мне в глаза. Я даже завидую Крис, ей легче, ее держит за руки Серж, она даже дрожать перестала.

— Ань, отец оставил тебе наследство, потому что вы с Крис сестры.

Что?

Я не произношу этого вслух, но вопрос отчетливо читается на моем лице.

— Наша мать рожала в одной больнице с вашей, ребенок погиб, папа заплатил врачу, чтобы одну из двойняшек отдали ему. И выдал ее за своего ребенка. Незадолго до смерти нашел тебя,

Аня, увидел, что ты осталась одна и включил в завещание.

— Крис — моя сестра?

Я не знаю, как реагировать. Не знаю, что должна чувствовать. Эмоции словно выключили, как звук на компьютере. Картинка есть, что-то происходит, но в совершенной тишине.

— Да. Вы с Крис сестры.

Я смотрю на нее, и Крестовская делает то же самое. Мы обе ищем сходства, но разница слишком большая, чтобы хоть что-то нашлось. Я знаю, что двойня не всегда друг на друга похожа, но… черт, в это адски сложно поверить!

Ни разу, ни единым словом родители не обмолвились, что у меня была сестра! Да, мама упоминала, что я родилась семимесячной, но мало ли по какой причине такое случается! Значит, ей сказали, что ребенок умер. Пережила трагедию вместо Крестовских. Наверное, их отцу такой обмен казался равноценным, один-то ребенок у моих родителей остался. Я.

— Лев попробует снести видео, в СМИ его пока нет. Может, остановит распространение. Теперь что касается вас двоих. Избавьте меня от подробностей, ладно? Мне не важно, как давно это началось, как вы скрывались и какие мотивы у

вас были. Я хочу, чтобы как минимум неделю вы провели порознь и подумали о новой информации, которая на вас свалилась.

— Я поеду в Питер, — говорит Серж Кристине, — попробую пробить себе квоту, чтобы готовить в «Эдеа» спортсменов из сборной по некоторым олимпийским видам. Вернусь через неделю. Потерпишь?

Она слабо кивает. Совсем сил нет, устала. Серега гладит ее по волосам и оставляет нас втроем. Игорь тяжелым взглядом смотрит на сестру. Даже издалека видно, что он смертельно устал.

— Ты походишь к психологу эту неделю, к тому, которого я выберу. Просто поговоришь. Без таблеток. Терапия и профилактика. Хорошо?

Крис неуверенно поднимает голову:

— Ты не отправишь меня в больницу?

— Что? — Игорь удивляется. — Нет, конечно, ты здорова, Кристина, а если не будешь игнорировать назначения невролога, то будешь еще здоровее.

Она вдруг подскакивает с места и бросается брату на шею. Сквозь рыдания с трудом можно разобрать слова:

— Прости меня! Я не хотела! Я испугалась! Думала, ты разозлишься! Я все порчу, я постоянно

вам мешаю!

Немного опешивший Игорь гладит сестру по голове, обнимает так, как меня уже давно никто не обнимал. За такие объятия, обещающие защиту от всего мира, я отдала бы многое. Но у меня было только наследство — компенсация за украденную сестру.

— Крис, — Игорь вздыхает, — ну хватит. Никому ты не мешаешь. Да, я на тебя иногда злюсь. Но ты моя сестра. Я дома тебя поругаю, а перед остальными буду защищать, и никто тебя не обидит! Успокаивайся давай, а то будешь всю ночь икать.

Но она так давно не получала от брата любви и тепла, что просто не может его отпустить. Я чувствую себя лишней в их присутствии. Это не моя семья, не моя любовь. Бормочу извинения и что-то о том, что надо выйти на свежий воздух, и несусь по лестнице вниз.

Мне навстречу, весело виляя хвостом, бежит щенок. Я даже не знаю, как Крис его назвала, когда я спрашивала в последний раз, она так и не определилась. Сейчас этот меховой комочек — единственное существо, готовое отдавать мне тепло. Я беру его на руки и утыкаюсь лицом в теплую шерсть.

А потом иду с ним на улицу.

Сама не знаю, куда бреду. Просто как можно дальше от дома Крестовских, куда-то в лес. Мне совсем не страшно, ведь территория огорожена высоким забором, а всюду висят камеры. Просто нужно немного побыть одной, в темноте и тишине. Как-то осознать, понять.

Я вздрагиваю, когда слышу шаги за спиной.

— Анна Артемовна?

В лицо ударяет свет фонарика.

— Герман! Не свети мне в глаза.

— Извините. Что-то случилось? Уже холодно, а вы в одном платье. Идемте, я провожу вас в дом.

— Нет! То есть… я хотела побыть одна… там… Игорь и остальные решают семейные проблемы…

Тут мне в голову приходит идея:

— А можно мне у вас посидеть? В домике охраны? Недолго! Часик… вы ведь все равно на дежурстве не спите. Ну пожалуйста!

Герман пожимает плечами и протягивает мне руку.

В их домике тепло, уютно, а еще до жути интересно. Везде мониторы, на которых территория дома и часть дороги. В небольшой комнате рабочий стол, огромных размеров. Столик поменьше

с чайником и всякой посудой — для перекусов. Несколько стульев и диван, раскладывающийся, на котором можно полежать и вздремнуть.

Сегодня дежурят Лев и Герман, что очень удобно, потому что я знаю обоих.

Мы с песей лежим, укрытые одеялом, и смотрим в телевизор, где показывают какой-то боевик. Я пью чай с сушками, а щенок просто лежит под боком и жмурится. Хозяйка рядом, вокруг все интересное, его любят и гладят — что еще для счастья нужно?

Я тоже чувствую себя щенком, который спит на пороге хозяйского дома. Ему вроде и холодно, но можно ли зайти внутрь, он не знает.

Да, я драматизирую. И из дома Крестовских меня никто не гнал. Но в двадцать сложно не драматизировать, если ты вдруг узнала, что у тебя есть сестра.

Как они это пережили? Ведь мама ходила к врачам, делала УЗИ, зная, что носит под сердцем двоих детей. Наверняка готовила две кроватки, купила коляску. И вдруг узнала, что одна девочка не пережила роды. Она выбрала имена заранее? И почему мне досталось Аня?

Я на миг представляю, что мы с Крис поменялись местами. И это она растет в не слишком

богатой, но любящей семье. А я сижу в библиотеке, рядом с убившей себя приемной матерью, а потом влюбляюсь в брата и мучаюсь от этого долгие годы, пока наконец не узнаю правду.

Что ж, их отца можно назвать трусом за то, что так и не признался в подмене, но он хотя бы дал к этому толчок. А ведь мог бы унести тайну с собой, в могилу, и мы никогда бы не встретились. Хотелось бы мне этого?

Нет. Точно нет.

— Вот ты где. — Я слышу голос Крис и поворачиваюсь к двери.

Герман и Лев немного обескуражены, потому что сразу две, пусть и младшие, но хозяйки на их территории — определенно внештатная ситуация.

— Как ты узнала, что я здесь?

— Собаку потеряла, а у него в ошейнике трекер.

— А, извини, он просился погулять, а потом пригрелся.

Она садится на диван и задумчиво чешет прибалдевшего пса.

— Как его хоть зовут-то?

— Не знаю, — пожимает плечами Крестовская. — Так и не придумала. Хотела японское имя,

он же из Японии.

Потом, чуть подумав, добавляет:

— В детстве я привязывала веревку к плюшевой собаке и называла ее Тобиком.

Я вдруг начинаю смеяться.

— Да. Я тоже.

— Будешь Тобиком? — спрашивает Крис.

«Мр-р-р-р», — выдает щенок.

— Эй, — фыркает Герман, — ты вообще-то собака, собаки мурлыкать не умеют.

Но Тобику пофиг, что там о его способностях думают остальные. Мы долго сидим на диване, гладим его в две руки и молчим.

— И что теперь делать? — спрашивает Крис.

Я пожимаю плечами:

— А у тебя фотки есть?

Сразу понимаю, о чем она, и достаю телефон. Фотографии родителей заботливо спрятаны в одной из папок, а еще сдублированы на флешку, в облако, в закрытый альбом в соцсети. Потерять их — один из жутких кошмаров.

Она листает фото, а я ложусь и закрываю глаза. Кажется, в них насыпали песка. Сейчас немного, совсем капельку, полежу и пойду в дом.

Это последняя мысль перед тем, как я засыпаю.

Глава 19

Наутро я долго не могу понять, где нахожусь. Напрочь просыпаю все пары, и чувство стыда мерзко разъедает совесть. Потом вспоминаю вечер и вздыхаю. Плевать на пары, хоть мне и наверняка попадет после вчерашней выходки. Отлично Аня начала учебный год, ничего не скажешь.

Но сил идти куда-то просто нет. Голова раскалывается, я проспала часов шесть, не больше, так что в голове туман.

— Доброе утро, — Герман отрывается от монитора.

— Ой! — краснею я. — Мы тебе спать не дали, да? Извини. Надо было растолкать и выгнать.

— Мне нельзя спать на дежурстве. Вы никому не мешали.

— А Крис ушла?

— Кристину Олеговну разбудил Игорь Олегович, и они уехали. Мы едем сегодня куда-нибудь?

Игорь заходил сюда и не разбудил меня. Ну да, а чего я ждала? А ведь он давно знает о нас с Крис. Еще в Греции он предлагал подружиться. Знал и

столько времени молчал, что у меня есть сестра.

Хотя такое просто не скажешь. Обвинять Игоря у меня не поворачивается язык. Его отец свалил на него столько, что остается лишь поражаться, как он до сих пор все не послал и не сбежал с деньгами.

— Нет, я немного нездорова, — говорю я. — Пойду в дом, выпрошу какой-нибудь завтрак. Отдыхай.

Надеюсь, Герману хотя бы хорошо платят, с таким-то графиком. Мало того что дежуришь, так еще и катаешь по городу всяких наследниц, которым влом на метро поездить.

Тобик бесится на улице, и я минут пятнадцать бегаю за ним, чтобы загнать в дом — холодно же! Марина выглядывает из окна и кричит:

— Анна Артемовна, ну вы же раздеты, немедленно заходите в дом, простудитесь!

Мне так нравится эта строгая забота, я чувствую себя частью семьи. Захожу в дом.

— Оставьте собаку, я за ним слежу и загоню в дом, как только набегается. Давайте я сделаю вам завтрак.

Бреду на кухню, где вкусно пахнет вафлями и шоколадом.

— Что сегодня со всеми случилось? Сергей

Олегович не стал завтракать, пронесся мимо с чемоданом, пока я убирала дорожку, Игорь Олегович и Кристина Олеговна едва кофе попили, хмурые, молчаливые. Вы вчера поссорились?

Я не знаю, насколько разрешено посвящать экономку в дела семьи, но даже не успеваю об этом подумать, слова вырываются сами собой:

— Крис — моя сестра.

— Что? — Марина отрывается от вафельницы. — Кристина Олеговна?

— Угу. В детстве у мамы была двойня, там както…

Я не могу сказать, что Маринин бывший начальник украл из роддома ребенка.

— Перепутали, в общем.

— Вот дела. И только сейчас выяснилось? — Марина забывает о вафлях и сочувственно на меня смотрит. — Вот же как бывает. Бедные дети, и Кристиночка даже родителей не видела… И что теперь делать будете?

— Не знаю. Как-то жить, наверное. Знакомиться. Что тут еще сделаешь.

— И правильно, надо жить. Давайте, Анна Артемовна, вы в университет сегодня не ходите, поднимайтесь к себе, я вам принесу завтрак. Глаза красные, спали плохо и мало, отдохните,

подумайте обо всем в тишине. Завтра воскресенье, за два дня придете в себя.

У меня нет сил из вежливости пытаться не напрягать Марину, я даже завтрак-то не особо хочу. А вот лечь и закрыть газа — это с удовольствием. Я поднимаюсь в комнату, переодеваюсь в теплую пижаму и смотрю на себя в зеркало. Ищу схожие с Крис черты, пытаюсь представить нас рядом. Ничего не выходит: мы слишком разные.

Марина возвращается с подносом, на котором кофе, вафли и две креманки — с шоколадом и мороженым. Она задергивает шторы и нажимает какую-то кнопку, о существовании которой я и не подозревала: комната озаряется слабым мягким светом, как от гирлянды. Уютно.

Это проявление заботы рождает внутри теплоту. Не надо никуда бежать, ничего делать, можно валяться в постели, лопать вафли и спать. Я вдруг очень четко осознаю, что работать сутки через сутки больше не придется. И вот это все, что есть вокруг, это навсегда. Может, не в этом доме, но без непроглядной нищеты уж точно. Раньше как-то все воспринималось по-другому. А сейчас я понимаю, что с семьей Крестовских связана навечно, и не только наследством их отца.

После завтрака сонно и сытно. Я сворачиваюсь

клубочком под одеялом и мгновенно засыпаю. Лишь после обеда, ближе к четырем, меня будит вибрация телефона. Сквозь сон я вижу на экране номер Крис и беру трубку.

На том конце провода тишина. Нехорошая какая-то, шуршание и тишина.

— Алло? — говорю. — Крис? Ау-у-у…

Наверное, случайно набрала, не заблокировала и бросила в сумку или опять засунула в задний карман джинс.

Сбрасываю, Крис не перезванивает, значит, ничего и не хотела. Но сон уже не идет, я умываюсь и переодеваюсь в уличную одежду. Надо вытащить Германа, съездить хотя бы в клуб и немного встряхнуться.

Внутри сидит мерзкий назойливый червячок беспокойства. Сначала я отмахиваюсь от него, но потом все же заставляю себя подумать. Что меня так беспокоит?

Звонок, понимаю я. В нем нет ничего странного, я сама десятки раз случайно кому-то звонила и замечала это потом. Крис уехала с Игорем, что может случиться? Я убеждаю себя, что это паранойя, что за ночь в обнимку с Тобиком мы не успели стать неразлучными близняшками, даже после известия о родстве.

Но все равно сердце не на месте. Плюю на то, что покажусь полной дурой, и иду к Герману.

— Слушай… — закусываю губу. — Мне Крис звонила. В трубке тишина. И сейчас не отвечает. Глупо, наверное, но я как-то волнуюсь. У нее вчера тяжелый день был, и Самодуров на нас злится…

Сначала Герман пытается сам дозвониться до Кристины, потом безуспешно набирает Игоря и Серегу. Но Серега наверняка в аэропорту, а Игорь или работает, или не слышит. Тогда охранник садится за ноутбук.

— Если что, ты меня заставила это делать, — бурчит он.

— Хорошо. А что я заставила тебя делать?

— Все ваши телефоны отслеживаются. На всякий случай. Мы не следим за вами постоянно, но при необходимости можем включить.

Я обиженно сопю. Мог бы и сказать, что я под колпаком Игоря. Я не то чтобы против, просто для порядка возмущена.

Когда на карте появляется точка, мы с Германом и подошедшим поинтересоваться Львом склоняемся к экрану.

— Это где? — спрашиваю я.

— Далековато. Что она там делает?

— Промзона какая-то, — недоумевает Лев. — А

с кем она поехала?

— С утра со старшим, а дальше понятия не имею, наверное, вызвала кого-то из наших.

— Слуш, Гер, проверь, а? Обзвони народ, кто где катается, кто увез ее. Вспомни тринадцатый год.

Мне интересно, что было в тринадцатом, но я слишком сильно волнуюсь, чтобы задавать ненужные вопросы. Хотелось бы, чтобы Кристина просто… не знаю, поехала куда-то, ее водитель заблудился. Но точка на карте не двигалась, и с каждой секундой надежда на это исчезает.

Некоторое время Герман обзванивает водителей. Из обрывков разговоров мне становится ясно, что Крис никто не забирал, охрана понятия не имеет, где Крестовская. Беспокойство все растет и растет, подкатывает тошнота. Но, может, Крис все еще с Игорем? Если они уехали вместе, водитель им не нужен, Игорь в последнее время предпочитает ездить сам. И, возможно, я нагнетаю. Где-то в самом центре города, в шикарном кабинете дорогого психолога, Крис рассказывает о своих бедах, а Игорь ждет ее в приемной.

И тут мы.

Только вот телефон, определяющийся в промзоне, пугает до дрожи в коленях.

— Ладно, возьму Ромку и Виталю, съездим и

посмотрим, — говорит Герман.

Я вскакиваю с дивана. Сидеть и ждать не смогу.

— Анна Артемовна, вы остаетесь, — строго говорит охранник.

— Но…

— Я за вас головой отвечаю. Мало ли что.

— Герман! — Я готова повиснуть у него на руке. — Пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста-а-а!

— Нет!

— Ну пожалуйста! А если что-то случилось?

— Вот поэтому и нет!

— Но если что-то случилось с самой Крис? Я в том смысле, что вдруг она расстроена? Я умею ее уговаривать! Я ей уже два раза помогала, она вчера узнала, что я ее сестра, она может глупостей наделать, я с ней поговорю! Представь, сколько времени вы потеряете, если она где-нибудь в этой промзоне на мосту стоит?!

Я намеренно его пугаю, в то, что Крис замкнет настолько, я не верю. Но в глазах Германа мелькает сомнение.

— Пожалуйста! Если уедешь без меня, поеду на метро! Сам думай, где мне безопаснее: с тобой в машине или шарохаться по промзоне. Карту я

запомнила, адрес тоже.

Наконец он сдается:

— Хорошо. Из машины не выходить. Сидеть тихо. Без моего разрешения даже не дышать. Все понятно?

Я киваю и надуваю щеки в знак того, что понимаю его указания в буквальном смысле. Герман строго смотрит, как на ребенка.

Но цель достигнута. Я еду.

Две машины присоединяются к нам на середине пути, и сердце заходится в истерике. Герман серьезен, и раз взял двух парней, вряд ли верит в то, что Крис просто потеряла телефон. Я нервничаю все сильнее и сильнее, у меня просто ледяные руки.

Нет! Нельзя, чтобы с ней что-то случилось. Я только узнала, что у меня есть сестра, она моя кровь, дочь моих родителей. Я не могу снова лишиться ниточки, что связывает с ними.

А если что-то с Игорем… мне кажется, тогда я просто перестану дышать. За что ему это? За что жизнь так бьет человека, который виноват лишь в том, что родился не в той семье?

Герман поглядывает на экран смартфона, где зеленая линия ведет нас к трекеру. Район мне не знаком, жилых домов здесь нет, только редкие

промышленные постройки и лес. Трасса ведет дальше, за город, к свалке и каким-то заводам. Я никогда здесь не была. Что может делать в таком месте Кристина?

Вариантов миллион: месть Алекса, Гены, какие-то враги Игоря, о которых я не знаю. Закусив губу, рассматриваю окрестности и вдруг вижу то, от чего в легких заканчивается воздух.

— Герман… — не узнаю свой голос.

Охранник смотрит, на что я показываю, и, выругавшись, резко тормозит. Ремень впивается мне в грудь.

Замерев, чувствуя, как к сердцу подбирается хорошо знакомая ледяная рука адской, невыносимой паники, я смотрю, как догорает машина Игоря Крестовского.

* * *

Он снова смотрит на кольцо. Оно несколько последних недель лежит в верхнем ящике стола, травит, издевается. Все время, что она на Игоря не смотрит, это чертово кольцо, как в известном фильме, шепчет, выворачивает наизнанку. Смеется над тем, что могло бы получиться, но вряд ли уже получится.

Он запутался. Игорь Крестовский провалил

экзамен на взрослость, он не справился с собственной семьей.

Понятия не имеет, что делать с Сержем. Сначала хотел его убить за то, что он сделал. Потом вдруг понял, что если заставит его уехать, то семьи больше не будет. Аня и Крис уедут в Штаты, знакомиться друг с другом, привыкать к тому, что они двойняшки. Алекс после реабилитации отправится в армию. Серж… если он и его оттолкнет, то останется один.

Как мама в свое время. Один в пустом доме, населенном призраками прошлого.

Не смог.

Хреновый из него старший брат. Младшего не уберег от зависимости, сестру чуть не довел до психушки, просмотрел нездоровые чувства брата. Разбил сердце Золушке.

Осталось сжечь к херам дерево и разобрать дом.

Хотя последнее — хорошая идея.

Звонок обрывает невеселые мысли.

— Игорь Олегович, это Игнат, вы просили следить за Селеховым. Он взял билет в один конец на Кипр. Задержать?

Что? Селехов решил смотаться? Нет, так-то решение для богатого адвоката в отставке неплохое.

Но интуиция подсказывает, что не просто так.

— Вы его, если что, найти там сможете?

— Разумеется. Знаем обе его квартиры и дома всех знакомых. Если даже сделает себе новые документы, все равно под колпаком.

— Тогда пусть летит.

На Кипре его, в случае чего, достать будет даже проще. Хотя, если это все же попытка уйти от дел и провести пенсию с комфортом, ему плевать. Даже завидно.

Игорь допивает остатки остывшего кофе. С утра ничего не ел толком. Да и накануне всю ночь сидел в библиотеке. Невыносимо, больше месяца душу наизнанку, отец в гробу раз сто перевернулся от того, сколько он его проклинал. И Анька, бедная, еще худее стала.

Рассказать о матери? Пусть хоть ненавидит его, а не плачет. Он сидел с ними в домике охраны, сидел на постели и смотрел. Криська, родная, несчастная, настрадавшаяся. Обнимала свою собаку, жалась к ней и Аньке. А та плакала во сне. Даже не проснулась, когда он ее коснулся, только потянулась к руке, как кошка к ласке.

Пусть хоть ненавидит. Ненависть убивает меньше неразделенной любви. А там пройдет потихоньку. Только бы Крис не оттолкнула.

Расскажет. Сегодня вечером и расскажет…

— Можно? — Стася несмело входит в кабинет.

— Заходи, что такое?

Он смотрит в окно, вниз, на пробку. Народ спешит по домам, суббота все-таки. А может, едут развлекаться. На свидания, в бары, в рестораны. С девушками или друзьями. Когда Игорь в последний раз выбирался куда-то? Только с Анькой. С ней было интересно, она как ребенок, способный радоваться простым вещам. Он чувствовал себя принцем, покупая ей подарки или показывая новые места. Ни одна из его девок не улыбалась, получив от него замороженный йогурт во время прогулки. Они и за брюлики-то благодарили скупо и в основном минетом.

А эта сияла, как будто ей самолет подарили. Ненормальная.

— Я домой собираюсь. Все в порядке?

— Да, ступай.

Стася не уходит, останавливается рядом с ним.

— Может, расскажешь? Я же не чужая.

— Все нормально. Дела семейные.

— Связанные с Аней?

— Со всеми. Со всей семьей.

— Я думала, она не ваша семья.

— Теперь наша. Она сестра Крис. Их перепутали

в роддоме.

Он никому не расскажет о том, что сделал отец.

Стася ахает. А потом… вдруг обнимает его за шею и прижимается губами. Они у нее сладкие, пахнут яблоком и корицей. Несколько секунд Игорь растерянно прислушивается к себе: чувствует он хоть что-то? Мужик он, в конце концов, порой Стаська перегибала с соблазнением и вызывала у него вполне естественную реакцию. Но трахать дочку друга — это слишком.

Нет. Не чувствует. Добровольно выжег себе все на хрен, сначала пустил Аньку, а потом, когда ее выбросил, так и оставил пустоту.

— Стась… — Крестовский отстраняет помощницу.

— Ну что?! Игорь…

— Иди домой, Стася.

— Да брось, мы взрослые люди, неужели я тебе не нравлюсь…

Она быстро расстегивает верхние пуговички на платье, на ней нет белья, и аккуратная упругая грудь должна его завести, но… может, в другой раз он бы и повелся.

Сейчас не может. От необходимости все это объяснять Игоря спасает звонок.

— Герман?

— Игорь Олегович… Кристина Олеговна с вами?

— Взяла мою машину и уехала, что такое?

Блядь. Только не Крис. Она клялась, что будет осторожна! Она клялась, что ей стало легче! И он, дурак, дал ей машину.

— Машина сгорела, мы тут… ищем… но… не знаю, надо людей, я вызвал пожарных и «Скорую»…

— Где вы?

— Сброшу адрес.

Это проклятие? Оно не успокоится, пока каждый Крестовский не окажется в могиле?

Несется, как псих. Последнюю наличку отдает какому-то гаишнику, тормозящему его в самом начале. Хорошо, что машина запасная всегда на парковке.

Мыслей нет, вообще, пока едет, ни о чем не думает. Холодный, сосредоточенный. Испугается он потом, сначала разберется и накажет виновных.

Дым видит издалека, кучу машин тоже. «Скорая», пожарные, какие-то любопытствующие мимопроезжалы. От машины только каркас, обгоревший. Лихорадочно пытается вспомнить, сгорает ли человеческое тело полностью? Или

что-то должно остаться?

Оставляет машину на обочине, выходит. Из «Скорой» вылезает Аня, бледная как мел. Сначала она его не видит, а потом срывается и бросается на шею. Боже, какая маленькая, хрупкая. Ее трясет, она утыкается носом ему в шею и рыдает, так отчаянно, словно он ее единственная опора.

— Ты живой!

— Конечно, я живой.

— А трубку почему не брал?! Я чуть с ума не сошла!

— Оставил в кабинете, совещание проводил. Ань… Кристина?

Впервые за много лет ему по-настоящему страшно. За Криську, которая настрадалась и не заслужила погибнуть так страшно, за Сержа, который только избавился от груза на душе, за Аньку, нашедшую сестру и потерявшую ее почти сразу. Даже за себя, потому что ближе их у него просто никого нет. И, возможно, не будет.

— В «Скорой». Сейчас увезут.

Мир качается. Переворачивается раз за разом.

— Что с ней?

— Была без сознания, замерзла. Успела выскочить из машины. У нее отказали тормоза. Сейчас они повезут в больницу, поедешь?

— Конечно. Иди в машину, малыш, холодно. Сейчас приду, только отдам распоряжения.

Он идет ко Льву, который разговаривает с пожарными.

— Значит, так, я в больницу с девчонками. Сержу позвонишь, чтобы летел обратно и был осторожен. Расскажешь, что стряслось. Потом звонишь Игнату, пусть достанет мне Селехова из-под земли.

— Это он? Селехов? Серьезно?

— Уверен. Пересрал, мудак, не думал, что Крис за руль сядет. Пусть допросят. Если он, переломайте ему ноги, чтобы без долгосрочных перспектив восстановления. И оставьте без штанов. Пусть бомжует.

Когда он залезает в машину, смотрит на Крис и жалеет, что остался слишком мягок с Селеховым. Она завернута в одеяло, исцарапанная, с обожженной рукой. Не спит, но очень слаба, едва открывает глаза.

— Ну привет, — говорит он.

— Привет, — облизывает губы, кашляет.

— Ну что, не будешь больше мою машину брать?

Она смеется, но морщится.

— Так, — фельдшер закрывает двери, — девуш-

ку не смешить, у нее сотрясение и сломаны ребра. Едем куда?

— В MTG, я позвоню, чтобы палату приготовили.

Аня сидит на скамейке рядом с постелью. Ему хочется обнять хотя бы ее, но машина набирает ход, поэтому Игорь просто гладит Крис по голове и несет какую-то ерунду.

На этот раз проклятие не сработало. Первая удача за много лет, надо же.

* * *

От переизбытка адреналина меня трясет, и врач в больнице делает успокаивающий укол. Настолько успокаивающий, что я отключаюсь прямо в комнате отдыха, на удобном диване. Никогда не спала с таким удовольствием.

Крис делают рентгены, КТ и всякие МРТ, но уже сейчас врач сказал, что может отпустить ее домой.

— Везучая девушка. Царапины, синяки, ожог небольшой, сломаны ребра и сотрясение мозга. Я могу оставить ее здесь и понаблюдать, могу отпустить домой, угрозы для жизни нет. Решайте сами, но сейчас еще посмотрим, поговорим с Кристиной Олеговной.

Я просыпаюсь от голосов, звучащих где-то над головой. Сквозь мутный взгляд понимаю, что вернулся Серж и они с Игорем обсуждают произошедшее. Интуиция подсказывает лежать тихонько, и не зря, информация прямо-таки шокирующая:

— Майк?! Бля, Игорех, ты уверен? Он же нас в школу водил!

— Уверен, он уже признался.

— На хера?! Что ему сделала Крис?

— Она мою машину взяла, а я его уволил. Слишком много на себя взял, информацию не всю передал, врал кое-где, подворовывал по-тихому. Надоел, короче. Не то обиделся, не то обосрался, что жизни не дам. Думал, прибьет и типа несчастный случай, ну а тут Криська выпросила сесть за руль. В общем, сам себе дурачок, я его и не планировал трогать. Но теперь уже поздно.

— Пиздец.

— Криське повезло, что есть Аня. У нее заело ремень, когда врезалась в сосну, позвонила Аньке и уронила телефон, не смогла достать. Ремень вытащила и выползла. Ладно, забирай ее, отвези домой. Не хочет здесь ночевать, хотя я бы оставил.

— Что, отпустишь со мной? А как же неделя на

размышления?

— Да идите вы оба. Сами разбирайтесь. Только, Серег, постарайся не ухудшить ситуацию.

— Хуже быть уже не может. На то, что мы не родные, я и не надеялся. Только не надо на меня так смотреть. Сам вспомни, как на стенку лез, пока ждал результаты ДНК с Анькой.

— Езжай давай. Пока я не передумал.

Серж усмехается:

— Ну, пока, папочка.

Когда он уходит, я еще немного лежу, чтобы не подать виду, что слышала разговор, а затем поднимаюсь.

— Привет, — вздыхаю, глядя на Игоря.

Я рада, что он жив. Но не могу выносить напряжение между нами.

— Привет.

— Как Крис?

— Все будет нормально. Повезло.

— Поедем домой?

— Да, можем ехать.

— Я схожу, умоюсь.

У меня опухшее и заплаканное лицо, даже стыдно показываться на глаза медсестрам. Клиника суперсовременная, как из кино, идеально чистая и технологичная. Даже краны в туалете с сенсо-

рами. Странно восхищаться такой мелочи, но я еще не привыкла к роскоши, которая окружает Крестовских. Смешно — восхищаться сенсорами в кранах.

Когда иду обратно, через открытую дверь в палату вижу Крис. Она пытается справиться с рубашкой, но с забинтованной рукой и корсетом это сделать сложно.

— Давай помогу.

Я захожу и осторожно помогаю ей с одеждой. Наверное, я на всю жизнь запомню, как Герман вытащил ее из леса, без сознания.

Не отпущу. Пусть хоть кусается, не пущу, пока не узнаю ее от и до.

— Говорят, это ты всех на уши подняла.

— Это Герман твой телефон засек.

— Так и знала, что они за нами следят.

— Да. Но теперь я им сама телефон принесу, чтобы все туда поставили.

— Еще предложи как Тобика чипировать. На фига тебе?

— Чтобы меня тоже спасли, если я вдруг въеду в елки.

— Да я не про это. На фига ты ко мне прицепилась?

— Мне интересно. Я хочу тебя узнать.

— Зачем?

Я пожимаю плечами. Чувствую, что для Крис очень важен ответ, но вряд ли сама знаю его.

— У меня никогда не было сестры. Так странно… в детстве мы ведь пару дней провели вместе.

— Когда у меня день рождения? — спрашивает Крис.

— На день раньше, чем сейчас.

— Оставим как есть. Не хочу делить праздник с тобой.

— Два дня подряд — мы сопьемся.

Она смеется, но тут же морщится:

— А кофейня в Праге?

— План в силе. Правда, если что, Прагу придется сменить на Москву.

— А вот ТАКИХ денег нам Игорь точно не даст.

В палату заглядывает Серж:

— Готовы? О, Аньк.

Он от души целует меня в макушку.

— Молодец. Горжусь.

— С тебя пожизненная оплата отпусков на Мальдивах. Я из-за тебя чуть из универа не вылетела.

— Дорогие у вас услуги, Анна Артемовна. Так, ладно, повеселились, и хватит. Крис, поехали, надо ложиться спать и пить таблеточки. Аня,

тебя ждет старшенький в холле. А дома извелась собака, Марина звонила, сказала, что больше успокаивать его не может.

Теперь Серж поддерживает Крис, помогает сесть в инвалидное кресло и везет к выходу. Я спускаюсь в холл, где действительно ждет Игорь. Увидев меня, он поднимается:

— Поехали?

Мы выезжаем с территории больницы и несемся по ночным пустым дорогам. Мне кажется, все это — начиная с разговора с Крис на лестнице в универе и заканчивая этой поездкой — один бесконечный, выматывающий день. Я, кажется, просто разучилась что-то чувствовать и переживать.

Однако не разучилась различать дорогу. Путь к дому Крестовских я уже давно выучила.

— Мы не домой? — спрашиваю.

— Нет.

— А куда?

— Увидишь. Пусть они там разбираются наедине.

Я доверяю ему. Люблю. Но боюсь разговора. Боюсь, что Игорь скажет: «Пойми меня, мы не пара, вот твой билет в США».

Мы приезжаем к его офису. Вопросов все боль-

ше. Забыл что-то?

Но я не лезу, просто иду вслед за Игорем. На лифте мы поднимаемся на самый верх и оказываемся в сказке.

Именно сказкой воспринимались наши с родителями походы на этот высотный каток. Здесь все увешано волшебными гирляндами, уже украшено зимними венками и постерами. До Нового года еще очень долго, а на этот каток пришел снежный праздник.

У Игоря есть ключи. И да, мы идем туда.

— Что ты делаешь?! Игорь! Так нельзя, это же чья-то собственность…

— Ага, моя.

— Твоя?

Я что, с детства ходила на каток и в ресторанчик Крестовского? Была так рядом с Кристиной и не подозревала, что где-то здесь моя сестра?

— Не совсем, конечно, мой. Арендует Архипов, но у меня есть ключи, чтобы после закрытия я мог покататься, если совсем все задолбает. Размер?

— Тридцать семь.

Игорь достает из шкафа за стойкой администратора белоснежные фигурные коньки и для себя берет хоккейные. Я растеряна, понятия не имею, что у него за план и что мне делать, но послушно

переобуваюсь. Крестовский хорошо катается, ему не составляет труда держаться на тонких острых лезвиях. А я ступаю на лед осторожно, поскальзываюсь и не падаю лишь потому, что он меня ловит.

Вокруг сияют гирлянды-снежинки, мягкие романтичные ледяные свечки, а из окон открывается панорамный вид на город. Дух захватывает.

А еще он рядом. Крепко держит меня, чтобы не упала, медленно едет спиной и увлекает за собой. Хочется довериться и позволить набрать скорость, ощутить чистый восторг от скольжения. И от его рук. И улыбки. Впервые за много недель Игорь мне улыбается.

— Страшно? — спрашивает он.

— Да.

— Я буду тебя держать. Попробуй скользить.

Мы катаемся. Недолго, минут пятнадцать, но это самые счастливые пятнадцать минут в моей жизни. Я чувствую себя принцессой, которая встретила на балу своего принца и сейчас кружится в танце. Только до танца мне далеко, я жутко неуклюжая и нескладная.

Все-таки падаю и от смеха не могу толком подняться. Едва доползаю до скамейки. Игорь неподалеку щелкает автоматом с глинтвейном.

— Блин, вилку не могу найти, в розетку тыкнуть. Ладно, шут с тобой, обойдусь.

Садится рядом, и атмосфера веселья, словно песок в часах, утекает сквозь пальцы. Мы молчим. Я боюсь говорить о том, что мучает, а он не спешит объяснять, зачем меня сюда привез.

— Ты нам сегодня Кристинку спасла. Герман рассказал. Я не знаю, чем тебе отплатить за нее.

— Я просто увидела звонок, и все.

— Да я вообще. В целом. С твоим появлением она ожила.

— Она хорошая. Но то, что сделала ваша мама, убедило ее в том, что никто не любит. И она пытается привлекать внимание. Говорите ей чаще о том, что она вам дорога. Интересуйтесь. Делайте мелкие сюрпризы. Проводите время вместе. Она все равно ваша сестра, кто бы ни были ее родители. Не бросайте Крис.

— А ты?

Пожимаю плечами:

— Ваш отец хотел, чтобы я получила образование и взяла его деньги. Наверное, это что-то вроде компенсации за сестру. Я благодарна и ему, и тебе, что мне больше не нужно жить в нищете. Правда благодарна, ты не представляешь, как обидно и страшно не знать, где найти еду или

на какие деньги купить лекарства для близкого человека. Уже за то, что я никогда не вспомню, каково это, я благодарна. Несмотря на все условия завещания.

А затем Игорь говорит нечто неожиданное:

— Нет больше завещания.

— Что?

— Такие штуки не законны в России. Это неофициальная воля отца, и плевать я хотел на его желания. Раньше соблюдение условий контролировал Майк, но теперь он уволен, и законной становится та версия завещания, в которой я единственный наследник. Крис получит свою долю, как только закончит универ, без всяких бизнесов. Алекс, когда вернется из армии, если его успехи меня удовлетворят. А ты… можешь забрать свою долю сейчас.

Я долго молчу.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что Кристина. Потому что вы все. Если я заберу сейчас деньги, я снова останусь одна.

— Я думал, ты нас ненавидишь.

— Нет, конечно, что за бред. Я знаю, что частью вашей семьи не буду, но хотя бы посмотрю на нее со стороны.

— Ань, — он берет меня за руку, разворачивает к себе и обнимает, — я хочу, чтобы ты была частью моей семьи. Но не знаю, сможешь ли. После того, что отец сделал.

— Это его дело. И моих родителей. На том свете встретятся, разберутся. А я не хочу.

— Еще не все. Там была не только подмена.

Я замираю, я… Мне хочется сбежать, но бежать некуда. Не существует в мире места безопаснее его объятий.

— Папа, возможно, причастен к смерти твоей матери. Доказательств нет, но… я уверен процентов на девяносто.

— Я знаю.

Мне нелегко даются эти слова. Я боюсь произносить их вслух, но если не произнесу, буду корить себя всю оставшуюся жизнь.

— Знаешь?

— Эта мысль приходила мне в голову. Когда я думала, почему он привел меня к вам, почему оставил столько денег. Это самый логичный вывод. Я же не дурочка, я видела, что папа скрыл правду. Приступ… и статья была в газете о том, что женщину сбили. Не стала выпытывать, а потом он заболел.

— Почему мне не сказала?

— Не хочу жить местью. Хочу забыть и жить. Я слабая. Я не могу заставить себя возненавидеть так, чтобы отказаться от мира, который ты мне показал.

— Тебе не надо. Этот мир твой.

— Мы уедем в США?

— Как хочешь.

— А если я не хочу?

— Значит, останешься здесь. Только я тебя никуда не пущу. К себе привяжу. Детьми, обещаниями, документами.

— Привязывай, — улыбаюсь, чувствуя, как счастье уносит меня куда-то далеко, в темное-темное небо.

— И не топи больше чужие телефоны. А не то из всех вузов страны останется только какое-нибудь ПТУ.

Мы сидим так очень долго. Кажется странным то, сколько я прожила без него, без разговоров и прикосновений. Очень хочется поцеловать Игоря, но неудобно поворачиваться.

— Держи, — Крестовский протягивает мне небольшую коробочку, — купил перед расставанием. Хотел подарить, а потом узнал про отца. Но раз ты знаешь и до сих пор не выбросила меня из окна, попробую спросить, не хочешь ли ты иметь

с сестрой одинаковую фамилию.

Я смеюсь. Не верю, что слышу это. Он серьезно?

— Разве так бывает? — спрашиваю я. — Разве миллионеры женятся на горничных?

— Это знакомятся миллионер и горничная. А женятся, живут и разводятся люди. Игорь и Аня.

— Ладно. Давай попробуем. Только пообещай мне… не делать так, как делал твой отец. Как бы сильно ты меня ни любил, какое бы горе у нас ни произошло, не спасай меня за счет чужих судеб.

— Не буду. Буду любить тебя из собственных резервов.

Пальцы отекшие, замерзшие, я едва надеваю красивое и явно дорогущее кольцо. Бриллиант сверкает на свету, голубой топаз поражает кристальной чистотой.

— Поедем домой? — спрашивает Игорь.

— Не хочу. Давай останемся?

— Мы не можем здесь ночевать, холодно.

— Давай добудем еды и посидим. У тебя в кабинете? Там ведь пусто?

— Мы можем поехать в ресторан.

— Я не хочу надевать пальто. Я хочу что-нибудь вкусное и посидеть немного. Только сначала сделаю пару кружков.

Я поднимаюсь со скамейки и набираю скорость, чтобы закружиться во вращении. Игорь подлетает ко мне, сгребает в объятия и ворчит:

— Так ты умеешь кататься! А чего придуривалась?

На что я немного смущенно отвечаю:

— Хотела, чтобы ты меня пообнимал.

Его глаза темнеют. Я так соскучилась по ним! И по его желаниям тоже.

Мы убираем коньки, запираем каток и спускаемся на несколько этажей вниз, в кабинет Крестовского. Пока Игорь делает заказ в итальянском ресторане и просит охрану внизу пустить курьера, я ищу посуду. Нахожу пару бокалов, кучу дорогущего алкоголя, шоколад, и все это выставляю на стол. Мы не зажигаем верхний свет, только настольную лампу, отчего в кабинете приятный полумрак.

— У тебя нет ничего переодеться? Я вся в снегу, навалялась от души.

— Только рубашки.

Я получаю свежую белую рубашку из числа запасных и быстро переодеваюсь в приемной. Она закрывает все, что нужно закрывать, а еще окутывает меня легким флером парфюма Игоря. Вот так: на мне его рубашка, его кольцо, скоро

будет его фамилия, и никуда от этого не деться. И даже не хочется.

— Чего я нашел… — доносится из кабинета.

С интересом заглядываю внутрь:

— Чего нашел?

— Не скажу. Иди сюда, выпей что-нибудь.

Я влюблена. Без памяти и без мозга. Просто влюблена, готова часами им любоваться, слушать голос. Чувствую себя Тобиком, ошалевшим от внезапной ласки хозяйки.

Вот он стоит у стола, держит стакан с вином. Немного усталый, но все еще жутко красивый. Смотрит, как только он умеет смотреть, с легкой улыбкой, полной предвкушения и удовольствия. И я стою, готовая смотреть на него вечность. Не верю, что этот Игорь и тот, с которым мы едва не подрались при первой встрече, один и тот же человек.

Беру стакан, делаю несколько глотков. Вино тут же ударяет в голову, но мне плевать. Я заслужила, а завтра воскресенье. Наступит новый день, и придется планировать свадьбу, налаживать отношения с Крис и все-таки открывать с ней кофейню, учиться, получать диплом. А еще, зная Крестовского, рожать детей тоже в скором времени придется.

Мы пьем по очереди из одного стакана, а потом целуемся. В процессе приносят еду, и Игорь забавно прячет меня от курьера: ни дать ни взять дракон на куче золота. Никому не покажу, сам любоваться буду.

Итальянская кухня великолепна, но в эту ночь мне и сухари с кефиром могли показаться лакомством. Я пробую сливочную карбонару, съедаю целую порцию нежного капрезе. На десерт меня уже не хватает, зато будет чем позавтракать. Меня накрывает нереальным облегчением от того, что Игорю я все же нужна.

Подумаешь, хотел платить по счетам отца. Главное, что любит. Хочет. Видит будущее рядом со мной, а остальное поправимо. Я научу их радоваться деньгам, которые они имеют. Скоро Новый год, скоро дом наполнится запахом мандаринов и шоколада, Серж принесет елку. Крис я вытащу по магазинам, зимней одежды у меня совсем нет. А потом сварю холодец, и пусть только попробуют не оценить!

— Продам дом, — вдруг говорит Игорь. — Возьму другой участок, построим новый. Этот меня бесит.

Я чувствую, что скоро отключусь, сил и так не было, а после катания и сытного ужина послед-

ние исчезают. Мы сидим на диване, целуемся и болтаем о какой-то ерунде. Сначала это просто поцелуи, но остановиться очень сложно, и вот руки Игоря уже у меня под рубашкой, ласкают разгоряченную кожу, пальцы сжимают соски, и я чувствую, как тело словно пронзают разряды тока. Безумно скучала по этому, за недели одиночества, кажется, превратилась в комок оголенных нервов.

Мы толком и раздеться не успеваем, на мне все еще наполовину спущенная расстегнутая рубашка, на нем брюки, но Игорь входит в меня, нетерпеливо покусывая шею, а я подаюсь навстречу. Чувствительной точки между ног касается что-то… не пальцы, нет, что-то невесомое. Знакомое ощущение, мурашки по телу.

Та игрушка, которой он дразнил меня, с помощью которой я впервые получила удовольствие. Мягкие движения воздуха рядом с набухшим клитором доводят меня до исступления, а мощные толчки подводят к самой черте.

Мы переходим ее вместе. Я теряюсь в водовороте ощущений, сердце готово выпрыгнуть из груди. Отчетливо понимаю: это начало. И впереди меня ждет множество открытий рядом с этим мужчиной.

Потом понимаем: сил на то, чтобы доехать до дома, уже нет. Нам надо хоть немного поспать, я не могу даже шевелиться. Так и лежим на небольшом узком диване для посетителей. Игорь и сверху я. Он почти спит, а я слушаю размеренное дыхание и лежу с закрытыми глазами, смакуя момент.

— Никогда не спал на диване в кабинете вместе с девушкой. Обычно койко-место как-то пошире.

— Надо будет вас покатать в плацкарте, — сонно бормочу я.

Игорь засыпает, а я еще долго лежу, вспоминаю родителей и прошу у них прощения. Я знаю, что наша трагедия связана с семьей Крестовских, и мне больно от того, что все могло бы быть иначе.

За окном какое-то движение. Я поднимаю голову, осторожно, чтобы не разбудить Игоря. Это всего лишь белый голубь. Откуда он на такой высоте? Несколько секунд он смотрит на нас, а может, мне это лишь кажется. Потом взмахивает крыльями и скрывается в утренней темноте.

Я не могу и не хочу отказываться от того, что имею. И мне кажется, что маме бы Игорь понравился. Не тот холодный Крестовский, что прячется за маской циничного дельца. А Игорь, который ради собственной семьи способен от-

казаться от всего. Он не похож на своего отца. И не идеален, далеко не идеален, но с идеальными мальчиками-принцами смертельно скучно и, как оказалось, не слишком-то радостно.

В этой сказке принцев нет. Все герои — обычные люди.

Эпилог

Я вхожу в дом и прислушиваюсь. Удивительно тихо, даже странно. Вместе со мной в помещение залетает рой снежинок и тут же тает. В гостиной весело потрескивает камин и стоит наполовину наряженная елка. Накануне Серж на всех обиделся: ему одному пришлось наряжать бедное дерево метра в три высотой, а мы сидели на диване и издевались, давая ценные советы.

Вечером продолжим, я как раз купила кучу игрушек, пока Герман слонялся по магазину в поисках нового регистратора.

— Есть кто живой? — кричу. — Почему беременная женщина должна сама таскать сумки и контролировать строителей? Крис? Я думала, ты заедешь в кофейню.

— Я заехала. Они положили плитку и не состыковали узоры, — кричит сестра из кухни. — Сказала перекладывать, теперь только в январе.

— О, у меня будет спокойный отпуск. Круто.

Захожу в кухню и удивленно осматриваю стол. На нем кучи пачек печенья, банки сгущенки, какие-то карамельки. В том, что Кристина купила

домой сладкого, нет ничего необычного, но обычно она берет булочки из «Синабона» или пряники ручной работы. А здесь самые дешевые галеты, белорусская сгущенка, сухарики с изюмом. Что-то здесь нечисто.

— Ты была на экскурсии в «Пятерочке» и накупила сувениров? — спрашиваю я.

— Очень смешно. Давно ты стала шутить над простыми смертными?

— Не обольщайся. Я шучу над тобой.

Тянусь к пачке с печеньем, раньше я часто его брала и, пожалуй, не прочь вспомнить вкус прошлого. Но Крис ладошкой бьет меня по руке.

— Не трогай! — говорит она. — Это не тебе.

— Может, пояснишь?

Сестричка с нарочитой заботливостью укладывает сладости и банки сгущенки в большую коробку.

— Игорь сказал собрать для Алекса посылку на Новый год, положить ему что-нибудь сладенькое. Вот я и собираю…

От усердия она даже язык высовывает, а я смеюсь. Крис остается Крис даже сейчас.

— И ты надеешься, что его это смертельно обидит?

— А что?

— Ну… вообще-то это вкусно. Я любила такое печенье. А сгущенка вообще самая лучшая. Вот состав, ничего лишнего.

Крис смотрит с сомнением:

— Думаешь?

— Думаю ли я, что парень, который встречает Новый год в армии, в части за полярным кругом, обрадуется сгущенке? Да я уверена. Он все души поскупает за это богатство.

— Ну ладно. Не возвращать же все это обратно. И не есть же…

Я все-таки хватаю одну пачку печенья и с удовольствием съедаю под чай с чабрецом и лимоном. За окном не метель, за окном настоящая природная катастрофа: за стеной снега не видно ничего. Понятия не имею, как Крис собирается ехать на почту. И немного волнуюсь: как вернутся Серж с Игорем?

— Мне кажется, кто-то сегодня никуда не улетит, — язвительно фыркает Крис.

Я показываю ей язык. Вредина. Сама виновата, если бы не завалила сессию, полетела бы к океану, песочку и фруктам. А теперь будет сидеть в заваленном снегом доме и зубрить билеты. Игорь предлагал ей перейти на другой факультет с потерей года, Крис сама решила домучить это

управление. Осталось две сессии до диплома, пропускать нельзя.

— Ух ты, — в кухню входит Серж, — я пропустил, как Игореха разорился и мы вынуждены питаться сухариками? Могли бы позвонить, я бы вас спас.

— Я смотрю, у нас сегодня не дом, а филиал «Стендапа», — бурчит Крис. — Это новогодний подарок Алексу.

— Добрая ты у меня девочка, — смеется Серега. — Отзывчивая. А почему подарок не праздничный?

На этот вопрос Крис показывает крошечную открытку с забавной оленьей мордой.

— Вопросов не имею. А мне ты что подаришь?

— Макароны! Акция была: две пачки по цене трех.

— Теперь понятно, почему ты не добилась успехов на факультете экономики.

— Зато мне для тебя ничего не жалко.

Я смеюсь так, что не могу прожевать кусок крекера. Перепалки Крис и Сержа — мое самое любимое из того, что происходит в этом доме. Они будто привыкают быть парой и не скрываться. За тем, как эти двое изо всех сил стараются держаться непринужденно, очень интересно на-

блюдать. И трогательно, потому что прямо у нас на глазах разворачивается целая история любви. Нетривиальная, сложная, оттого и красивая.

Хорошо, что на Новый год они будут вдвоем. Марина уедет к родственникам на все праздники, мы с Игорем улетим на долгожданные Мальдивы, ради которых я досрочно сдала сессию. А эти двое будут наслаждаться свободой и друг другом.

И билетами по экономике.

Пока я переодеваюсь и просматриваю ежедневник, Крис с Сержем устраивают новый спор у елки. Оказывается, наряжать ее в большой семье — занятие не из легких. Дома родители всегда делегировали эту обязанность мне. А тут столько советчиков…

Посреди комнаты лежит раскрытый чемодан, о который я постоянно запинаюсь. Пора уже закрывать его, но все никак не получается смириться с тем, что все мои любимые платья, в которых я летала в Грецию и не успела толком пощеголять летом, малы. Живот вырос ну очень быстро, хотя срок еще крайне мал. Что будет на последних месяцах, страшно представить.

Ну и ехать традиционно не в чем. А значит, первую пару дней я буду бегать в поисках магазинов с платьями, туниками, потому что из одежды

только панамка.

— Анна Артемовна, — Марина заглядывает в комнату, — я Игоря Олеговича не дождусь, поеду, чтобы ребят не задерживать.

— Да, хорошо.

Я беру коробку, заранее оставленную Игорем, и вручаю экономке:

— От нас всех, на Новый год откроете.

Мы обнимаемся на прощание.

— Я там вам наготовила кучу всего, сядьте, хоть католическое Рождество вместе отметьте. Вы уверены, что мне не стоит вернуться раньше? Кристина Олеговна и Сергей Олегович…

— Знают дорогу до ресторанов и телефоны служб доставки, не переживайте и отдыхайте.

— Хорошо, что вы с нами живете, — задумчиво говорит Марина. — Я давно не видела, чтобы они на Новый год все были дома.

А скоро, уже к лету, мы будем в другом доме. Я видела участок и осталась под большим впечатлением. Здоровый, можно стадион построить, весь усаженный соснами, елочками. С небольшим прудиком на территории. И проект дома видела, так что теперь считаю дни до волшебного момента переезда.

Когда Марина уходит, я пользуюсь моментом

и ложусь немного вздремнуть. Впереди ночь в самолете, и хоть мы снова летим частным рейсом, а в нем есть где вздремнуть, я предвкушаю несколько часов бессонного укачивания. Таблетки мне сейчас нельзя.

А когда просыпаюсь, уже стемнело. Потягиваясь и зевая, спускаюсь вниз и застаю умилительную картинку: Крис пытается приладить на уснувшего на диване Игоря гирлянду, а Серж осторожно надевает ему на голову плюшевые оленьи рога.

Жаль, что я не захватила телефон, сейчас бы это все снять и потом детям показывать.

— Серега, — вдруг, не открывая глаз, говорит Игорь, — я уже проснулся и сейчас тебе втащу.

— Да ладно, тебе идут.

— Я хочу есть. Где Аня?

— Аня здесь, — подаю я голос. — Марина оставила кучу еды и уехала, велела тебя поздравить. У нас сегодня праздничный ужин.

— Не знаю, что за повод, но слово «ужин» мне нравится.

Нам оставили кучу еды: запеченные лангустины с песто, мидии под сырной шапкой, мой любимый салат с грушей, рукколой и пармезаном, кабачки из аэрогриля, цветную капусту в кляре. Ко всему этому великолепию Игорь добыл

бутылку шампанского для пьющих, а Марина от родных давно привезла офигенный вишневый компот, специально для меня. Пока все заняты алкоголем, я украдкой подтаскиваю к себе сырную тарелку. Не могу перестать есть сыр, это самое вкусное, что может быть на свете.

Все думаю о словах Марины. Благом ли обернулся мой приезд для Крестовских? Хочется верить, что да. Для полной идиллии не хватает только Алекса, но и он вернется к осени, хочется верить, повзрослевший и поумневший. По крайней мере, несмотря на Кристинкину язвительность, шансы на это есть. Украдкой я доложила в коробку открытку, в которой напечатала поздравление от семьи, и надеюсь, что за него меня не убьют особо жестоким способом.

Тобик крутится в ногах, выпрашивает вкусняшку. Серж воспитывает его в строгости. И в сообразительности эта собака даст фору некоторым людям. А вот Крис украдкой сует пушистому комочку (хотя теперь это не комочек, а целый огромный ком) кусочки креветки. Собака у нас совсем не собака, по-моему… и мурлыкает, и креветки любит.

После ужина рассаживаемся на диване перед камином и включаем какой-то фильм. Я чув-

ствую, как снова проваливаюсь в сон. С одной стороны Игорь задумчиво и уже привычно почесывает мой живот, с другой стороны грызет огромный леденец Крис. От сестры пахнет клубникой и духами, от елки — хвоей. В ногах сидит Тобик, пригрелся рядом с хозяевами.

За окном все еще валит снег. Не так сильно, как днем, а очень красиво. Уже завтра вместо заваленного снегом леса у меня за окном будут белый песочек, пальмы и бирюзовое море. И вроде бы новогоднее настроение на этом должно закончиться, но мне совсем не грустно, что мы уезжаем.

Праздников будет много. Надо каждый сделать особенным.